

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2017

№ 48

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекебай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

К 85-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
А.Н. ЖЕРАВИНОЙ

Зиновьев В.П. Анисе Нурлгаяновне Жеравиной – 85 лет	5
Бойко В.П. Русское купечество в пьесах А.Н. Островского и в статьях его критиков	6
Ворошилова А.С. Межконфессиональное взаимодействие и «борьба за паству» в переселенческой деревне Сибири на рубеже XIX–XX в.	14
Воскресенская М.А. Феномен Серебряного века: проблемное поле культурно-исторического осмысления	20
Данилевский И.Н. Семантика опричного двorca и смысл опричнины: к вопросу о системе доказательств в исторической реконструкции	29
Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Колосова Г.И., Сербина Г.Н. Оцифровка как «ящик Пандоры»: исследовательские перспективы online презентации старообрядческих книжных коллекций	38
Жеравина О.А. Историк Саламанки Педро Чакон и его гравированный портрет из фондов Строгановской библиотеки	44
Керов В.В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности», и зачем она нужна?	50
Китанина Т.М. Конец крупнейшей волжско-сибирской торговой фирмы: национализация предприятий торгового дома «И.Г. Стахеева наследники» 1917–1918 гг.	60
Козлова Н.В. «Принимать рекрут годных, здоровых и взрачных, в указные лета и меру...» (рекрутская система в России XVIII в. в антропологическом аспекте)	67
Комиссаренко А.И. Социальная структура поселений региона Нижней Вычегды во второй половине XVII в.	72
Косых Е.Н. О социально-экономических волнениях среди населения Томской губернии накануне и в революционном 1917 г.	76
Мауль В.Я. Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории якутской политической ссылки)	80
Скубневский В.А. «Бывшие». Купечество Барнаула после 1917 г.	88
Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е. Проблема мирских оброчных статей и создание первых механизмов ее разрешения в Алтайском горном округе в 1861–1869 гг.	94
Томилов Н.А. Томск в моей судьбе историка	100
Усков И.Ю. Земледельческое население Среднего Притомья в XVIII в.	104
Черкасова М.С. Община и церковь на севере России накануне Петровских реформ	109
Шевцов В.В. К.М. Голодников – критик, автор и редактор «Тобольских губернских ведомостей»	114

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Перетятко А.Ю. «Мы ненавидим всею силою нашего сердца рабский произвол, который царствовал во всех частях вашего управления»: о причинах непопулярности атамана М.И. Чертова на Дону	118
Дугаров В.Д., Казанцева Н.Г. Государственная таможенная политика и ее местная реализация в приграничных регионах в конце XIX – начале XX в.	128
Федосов Е.А. «Вперед к великой цели!»: образ СССР и Китая в агитационных плакатах 1940–1960-х гг.	136

CONTENTS

TO THE 85 ANNIVERSARY
OF PROFESSOR A.G. ZHERAVINA

Zinoviev V.P. Anisa Nurlgayanovna Zheravina – 85 years old	5
Boyko V.P. Russian merchants in plays by A.N. Ostrovsky and in the articles of his critics	6
Voroshilova A.S. The inter-confessional interaction and «struggle for congregation» in a migrant village of Siberia at the cusp between the 19th and 20th centuries	14
Voskresenskaya M.A. The Phenomenon of the Silver Age: the Problem Field of Historical-Cultural Comprehension	20
Danilevsky I.N. Semantics of the Oprichny Palace and the Sense of the Oprichnina: to the Question of the Evidence System in the Historical Reconstruction	29
Dutchak E.E., Vasiliev A.V., Kolosova G.I., Serbina G.N. Digitization as a Pandora's box: research perspectives of online Old Believers' book collections	38
Zheravina O.A. The historian of Salamanca Pedro Chacon and his engraved portrait from Stroganovs library collection	44
Kerov V.V. Ekaterinburg, Tomsk, Further Everywhere: What is the Russian "City Every Day Life" History and Why It is Necessary?	50
Kitanina T.M. The end of the major Volga-Siberian trading company: nationalization of enterprises of trading house «I.G. Stakheev's successors» 1917–1918	60
Kozlova N.V. «To accept the recruits suitable, healthy and prepossessing, in stated age of summer and the measure...» (recruiting system in Russia of the 18th century in anthropological aspect)	67
Komissarenko A.I. Social structure of villages of the lower Vychehda region in the second half of the 17th century	72
Kosyh E.N. Social and economic unrest among the population of Tomsk province on the eve and in revolutionary 1917	76
Maul V.Ya. How Ivan Ivanovich quarreled with Egor Gavrilovich (from the history of the Yakut political exile)	80
Skubnevsky V.A. «Former Members of the Old Regime». Barnaul Merchantry after 1917	88
Soboleva T.N., Kukharensko A.E. The peasant rental area problem and creation of the first elimination mechanisms in Altai mountain district in 1861–1869	94
Tomilov N.A. Tomsk in my fortune of historian	100
Uskov I.Yu. The agricultural population of the Middle Pritomye in the 18th century	104
Cherkasova M.S. The community and the church in the North of Russia on the eve of the Peter's reforms	109
Shevtsov V.V. K.M. Golodnikov – critic, author and editor of «Tobolsk provincial sheets»	114

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Peretyatko A.Y. «We hate with the all force of our hearts slave tyranny, which reigned in every part of your governance»: about the reasons for the unpopularity of the ataman M.I. Chertkov on the Don	118
Dugarov V.D., Kazantzeva N.G. The state customs policy and its local implementation in border regions at the end of 19 – the beginning of the 20 centuries	128
Fedosov E.A. «Forward to the great aim!»: the image of the USSR and China in propaganda posters of 1940–1960s.	136

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бойко В.П. Рецензия: Румянцев П.П. Служебный персонал золотопромышленных предприятий Сибири в XIX – начале XX в. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. 308 с.	145
Фоменко С.В. Рецензия: Е.В. Хахалкина. Между Европой и империей: политика Великобритании в отношении европейской интеграции и деколонизации. 1945–1964 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 334 с.	147
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	150

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Boyko V.P. Review: Rumyancev P.P. The staff of the gold-mining enterprises of Siberia in the 19 – early 20 century. Tomsk : TSU Publishing House, 2016. 308 p.	145
Fomenko S.V. Review: E.V. Khakhalkina. Between Europe and the Empire: British policy towards European integration and decolonization in 1945–1964. Tomsk : Tomsk State University Press, 2016. 334 p.	147
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	150

К 85-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.Н. ЖЕРАВИНОЙ

DOI: 10.17223/19988613/48/1

АНИСЕ НУРЛГАЯНОВНЕ ЖЕРАВИНОЙ – 85 ЛЕТ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Томского государственного университета. История» поздравляет с очередным юбилеем профессора кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета Анису Нурлгаяновну Жеравину.

Аниса Нурлгаяновна родилась 22 мая 1932 г. в многодетной крестьянской семье в Башкирской АССР. Во время голода, спасая оставшихся в живых детей, ее родители перебрались в Западно-Сибирский край, жили сначала в деревне, потом – в Новосибирске. Сохранившийся в таких жестких условиях росток не мог не быть жизнестойким. Способная, трудолюбивая, настойчивая Аниса успешно закончила среднюю школу и в 1950 г. поступила на историческое отделение историко-филологического факультета Томского университета. Учителями ее были выдающиеся историки А.И. Данилов, И.М. Разгон, И.Г. Коломиец, З.Я. Бояршинова.

В биографическом словаре «Профессора Томского университета» (Томск, 2003. Т.4. Ч. 1. С. 297–301) описан ее жизненный путь от студентки первого курса и пионервожатой школы № 5 до уважаемого профессора, Почетного работника высшего профессионального образования, автора 60 научных работ, руководителя десятка кандидатских диссертаций.

Спустя 10 лет юбилейная публикация 2012 г. (Дутчак Е.Е., Зиновьев В.П. А.Н. Жеравина: историк и время // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2. С. 5–10) констатировала, что А.Н. Жеравина является одним из наиболее авторитетных специалистов по аграрной истории России, знатком истории приписного крестьянства Алтая и Забайкалья, автором более 120 научных работ. Аниса Нурлгаяновна – Заслуженный работник высшей школы РФ (2011), Заслуженный профессор Томского университета (2012). Это десятилетие было наиболее плодотворным в биографии Анисы Нурлгаяновны: ее исследования поддерживались грантами РГНФ, вокруг нее сформировалась группа учеников и коллег, опубликовавшая обобщающую монографию по истории приписной деревни (Интеграция приписной деревни и горно-заводского производства на кабинетских землях в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 196, [2] с. Соавт.: В.А. Гайдашова, П.Ф. Никулин, С.И. Толстов, О.В. Усольцева). Она опубликовала две монографии, интегрировавшие ее исследования по истории кабинетского хозяйства в Сибири и по истории Томска (Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) / [под ред. В.П. Зиновьева] ; Том. гос. ун-т. [Томск] : Изд-во Том. ун-та, 2005. 322, [1] с.; Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 398, [2] с., [8] л. ил.).

Свой очередной юбилей Аниса Нурлгаяновна встречает по-прежнему в работе. Ее основные заботы – защита кандидатских диссертаций ее учениками, участие в деятельности диссертационных советов, публикация в высокорейтинговых научных журналах обобщающих статей по истории России.

Чтобы отметить юбилейную дату, коллеги и ученики Анисы Нурлгаяновны написали статьи по темам исторических исследований, близких к ее научным интересам. Редакционная коллегия предоставила для них страницы журнала, Ольга Александровна Жеравина и Петр Петрович Румянцев провели редакторскую подготовку публикаций. От имени юбиляра и редакционной коллегии журнала выражаю всем им сердечную признательность.

Главный редактор журнала
В.П. Зиновьев

УДК 94 (470) «18»
DOI: 10.17223/19988613/48/2

В.П. Бойко

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО И В СТАТЬЯХ ЕГО КРИТИКОВ

Рассматривается эволюция облика русского купечества в творчестве А.Н. Островского во второй половине XIX в. и отношения к его пьесам современников, прежде всего профессиональных критиков. Отмечены основные периоды в творчестве: сначала Островский следовал канонам натуральной школы, затем стал «почвенником», потом отдал дань революционно-демократическому направлению в русской литературе и только после реформы 1861 г. вступил на путь зрелого реализма. Эта эволюция не осталась без пристального внимания современников и отразилась в литературной критике, которая также рассматривается и анализируется в статье.

Ключевые слова: Россия; купечество; А.Н. Островский; деятельность; облик.

В современной России, вставшей на буржуазный путь развития, широко и активно изучаются прошлое русского капитализма, его позитивные и негативные черты, и достигнуты уже определенные успехи. Важными достижениями отечественных историков стали двухтомник «История предпринимательства в России», посвященный памяти Валерия Ивановича Бовыкина, «История русского купечества» В.Б. Перхавко, «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» в двух томах и многие другие достойные внимания и полезные для исследований капитальные работы [1]. Тем не менее активное изучение истории купечества продолжается, и одним из путей расширения и обновления корпуса ранее неизвестных фактов стала публикация новых источников по теме исследования [2], включение в оборот уже известных, но мало используемых источников, к числу которых мы относим прежде всего произведения художественной литературы.

Замкнутый мир сначала московского, а потом и провинциального, общероссийского купечества пристальнее других писателей рассматривал великий русский драматург Александр Николаевич Островский (1823–1886). Он родился в Замоскворечье – районе, где традиционно селилось мелкое и среднее московское купечество, вышедшее, как правило, из недавних крестьян или мещан, выбившихся «в люди», пройдя суровую жизненную школу. Отец будущего драматурга был духовного звания, но поступил на гражданскую службу и получил позднее дворянское достоинство. Помимо государственной службы он занимался частной практикой и преуспел в этом сложном и чреватом опасностями деле – стал после отставки преуспевающим присяжным стряпчим (адвокатом) Московского коммерческого суда. После окончания престижной Первой Московской гимназии и трех лет обучения на юридическом факультете в Московском университете А.Н. Островский поступил канцеляристом в Московский совестный суд, а через два года, в 1845 г., – в Московский коммерческий суд, откуда ушел в 1851 г., чтобы стать профессиональным литератором. Еще в гимназии Островский много читал, увлекался литературным творче-

ством, а в университетские годы стал страстным театралом, что было совершенно естественно, так как в это время «на московской сцене блистали великие русские актеры П.С. Мочалов и М.С. Щепкин, имевшие большое влияние на молодежь» [3. Т. 2. С. 105].

Творческий путь А.Н. Островского можно разделить на следующие периоды: первый, самый ранний период, когда наибольшее влияние на него имела «натуральная школа», связан с комедией «Свои люди – сочтемся!» (1849) и длился до 1851 г. Основным принципом этой школы было изображение всей правды жизни тех слоев населения, которые раньше не рассматривались писателями в качестве объекта исследования. Это было продолжением гоголевской традиции в отечественной литературе, когда объективное изображение действительности сопровождалось критикой и иронией над существовавшими порядками. Сборник очерков под прозаическим названием «Физиология Петербурга», составленный Н.А. Некрасовым и В.Г. Белинским из произведений известных писателей, принадлежавших к «натуральной школе» был определенным этапом становления отечественного реализма, когда пришлось преодолевать романтический период в русской литературе, отчасти навеянный писателями и поэтами из декабристских и сочувствующим им кругов. Сборник был составлен из статей русских литераторов 40-х гг. XIX в. и издан в 1845 г. в двух частях. Среди описаний многих слоев и групп населения тогдашней России отметим яркую характеристику московского купечества, данную Белинским в очерке «Петербург и Москва»: «Ядро коренного московского народонаселения составляет купечество. Девять десятых этого многочисленного сословия носит православную, от предков завещанную бороду, длиннополый сюртук синего сукна и ботфорты с кисточкою, скрывающие в себе оконечности плисовых или суконных брюк; одна десятая позволяет себе брить бороду и, по одежде, по образу жизни, вообще по внешности, походит на разночинцев и даже дворян средней руки. Сколько старинных вельможных домов перешло теперь в собственность купечества! <...> Для русского купца, особенно москвича, толстая статистая лошадь и

толстая статистая жена – первые блага жизни... В Москве повсюду встречаете вы купцов, и все показывает вам, что Москва по преимуществу город купеческого сословия» [4. С. 58, 59].

Первая комедия Островского хоть и была посвящена этому влиятельному слою населения Москвы, но, рисуя экзотический быт замкнутого купеческого мира, на самом деле отражала общерусские процессы и перемены [3. Т. 2. С. 107]. Сюжетная линия комедии разворачивается вокруг двух главных фигур – крупного торговца Самсона Силыча Большова и его приказчика Лазаря Подхалюзина. Купец желает уйти на покой, приумножив свой капитал за счет ложного банкротства, а право на свою собственность передать верному и льстивому приказчику Подхалюзину. Торговля, по их мнению, не приносит должного дохода, несмотря на ловкость приказчиков и обилие товаров, и в голову Большова приходит мысль переписать свое имущество на приказчика, а самому сесть на некоторое время в долговую тюрьму. Однако дело поворачивается так, что полным хозяином положения становится бывший приказчик, который женится на дочери купца и нисколько не заботится об участи своего бывшего патрона.

Главным достижением А.Н. Островского в этот период следует признать глубокое проникновение во внутренний мир купечества, овладение терминами и самим строем купеческого языка, что позволяет нарисовать яркие и выпуклые образы купца «старого закала», значительность и могущество которого заявлена уже в самом его имени, и купцов нового поколения, которые берут свое хитростью и смекалкой, мнимой образованностью и следованием за изменчивой модой как в одежде, так и в образе мыслей [5. Т. 1. С. 40–45]. Пьеса «Свои люди – сочтемся!» – это объективная картина общества перед буржуазными реформами, целый мир противоречий между отцами и детьми, между ролями мужчин и женщин, которые они разыгрывали в купеческой среде. Отметим также, что человеческое сочувствие остается по ходу драмы за бывшим самодуром и его преданной супругой, а не за победителями в лице Подхалюзина и его бездушной жены, которая мало интересуется судьбой своих родителей. Одноклассник Островского по гимназии, просвещенный чиновник Н.В. Берг с восторгом отметил выход в свет комедии «Банкрот» (так она первоначально называлась): «Вся интеллигенция Москвы заговорила об этой пьесе как о чем-то чрезвычайном, как бы небывалом. Наиболее всего поражал в ней язык московских купцов, впервые выступивший в нашей литературе с такою живостью, яркостью и силою. Но, кроме языка, и самый купеческий быт, способы мышления и жизненные приемы этого сословия нарисованы были могучею, широкою кистью <...> как бы опытного художника, о существовании которого никто не знал; никто не видал его постепенного развития, разных мелких, робких, отроческих статей» [6. С. 38]. Долгое время эту пьесу не только не могли поставить на сцене, но даже напе-

чатать. Только после настойчивых ходатайств влиятельных почитателей таланта Островского пьеса появилась в печати, а до этого автору приходилось десятки раз читать ее на литературных вечерах, где однажды даже присутствовал Н.В. Гоголь и вполне одобрил произведение «народного самородка». Истоки его таланта Н.В. Берг, знавший писателя с детства, видел в том, что «Островский заговорил купеческим языком, как никто из наших писателей, потому что жил и вращался среди купцов с малого возраста. Отец его был секретарь Московского коммерческого суда. В его доме с утра до ночи толкались купцы, решая свои разные вопросы. Мальчик Островский видел там не одного банкрута, а целые десятки; а разговоров о банкротстве наслушался и бог весть сколько; не мудрено, что язык купцов стал некоторым его языком. Он усвоил его себе до тонкости» [Там же. С. 40–41].

Следующим этапом творчества А.Н. Островского (1852–1854) стало сближение с редакцией журнала «Москвитянин», вернее, с группой молодых критиков и литераторов в этой редакции, которые по своим воззрениям были близки к славянофилам. Позднее это культурно-философское течение назовут «почвенничеством» за пристрастие к русским традициям и некоторую идеализацию патриархальных, народных по своей сути отношений. Лучшая пьеса этого периода – «Бедность не порок» – посвящена истории взаимоотношений двух поколений в купеческой семье Торцовых. Как и в ранней комедии «Свои люди – сочтемся!», вновь старшее поколение конфликтует с младшим, но, в отличие от первой пьесы, младшие здесь проигрывают, уступают дорогу сильным и уходят в тень. Власть старших над младшими имеет материальный (денежный) характер, и в пьесе тесно сплетаются драматические и комедийные начала, которые затем становятся характерными для творчества Островского. В патриархальную жизнь семьи Торцовых проникает чуждый для нее элемент в лице фабриканта Коршунова, который смог сбить с толку главу семейства Гордея Торцова, играя на его самолюбии и самодурстве, но тот находит в себе силы вернуться к патриархальным началам своей жизни и тем самым спасти всю семью от позора. Вывод, который делает Островский в этой пьесе, вполне соответствует идеям славянофилов о том, что верность дедовским традициям – источник общественного и личного благополучия, в то время как новшества несут в себе тяжелейшие испытания и беды.

Единственным героем и одновременно жертвой таких обстоятельств становится в этой пьесе купеческий сын Любим Торцов, который должен был стать в какой-то степени «идеальным» купцом, так как не был обделен талантами, образованием и совестью, но, как водится на Руси, потеряв веру в людей, мгновенно разорился и от горя спился. И.Ф. Горбунов, Известный в России актер середины XIX в., ставший бытописателем купеческой среды, в своих воспоминаниях отмечал: «В дни оны подобные люди представляли тип. Они

обыкновенно выходили из разоренного купеческого гнезда. Разорился, например, купец, и побрели розно все родственники, составлявшие купеческий дом: “купеческие братья”, “купеческие племянники”, тетки и т.п. <...> Молодежь, вкусившая на дядин капитал всех прелестей прежней Нижегородской ярмарки с ее историческим селом Кунавиным, с трактирами Никиты Егорова, Барбатенки и т.п., путались по Москве без всякого дела. Иные пристраивались к какому-нибудь певческому хору, другие продавались в солдаты, а некоторые поступали в актеры» [7. С. 57]. В то же время Любим Торцов, потеряв свое купеческое звание и состояние, обрета горький жизненный опыт, смог взглянуть на события в своей семье со стороны, «трезво оценить их и направить их течение к общему благополучию» [3. Т. 2. С. 108]. Крупнейшим достижением Островского в этот период стало создание образа Любима Торцова, когда в вечно пьяненьком и обтерханном человеке проявляются одновременно поэтические и типично жизненные черты разорившегося купца. Потеряв все, он не теряет ума и человеческого достоинства.

Один богатый московский купец держал свой дом открытым не только для коллег по бизнесу, но и для людей искусства, певцов, музыкантов, артистов, писателей. И.Ф. Горбунов вспоминал, что из артистов у него бывали знаменитости – Садовский и Живокини. Однажды после посещения театра хозяин говорил несравненному исполнителю роли Любима Торцова П.М. Садовскому: «Верите, Пров Михайлович, я плакал. Ей богу плакал! Как подумал о том, что со всяким купцом это может случиться <...> страсть! Много у нас по городу их таких ходят, – ну подать ему, а чтобы это жалеть. <...> А вас я пожалел, именно говорю. Думаю, господа, сам я этому подвержен был, ну, вдруг! Верьте богу, страшно стало... Спасибо голубчик, многие, которые из наших, может, почувствуются. Я теперь, брат, ничего не пью, будет! Все выпил, что мне положено!» [7. С. 63]. Картина распада личности купеческого сына была нарисована актером Садовским настолько верно и выпукло, что стала образцом для подражания многим современным ему исполнителям этой роли, да и последующие поколения актеров немало от него брали для себя полезного.

Третий этап творчества А.Н. Островского связан со сближением с революционно-демократическими кругами накануне отмены крепостного права (1855–1860). Общественно-политическая обстановка в стране была накалена, и пьесы Островского по-своему ее отражали. Прозвучала в них и купеческая тема. В пьесе «В чужом пиру похмелье» был создан яркий образ купца-самодура Тит Титыча Брускова, ставшего именем нарицательным. Однако зрители не сразу заметили иронические и юмористические нотки в образе этого дельца, который больше шумит и грозит, чем обижает и наказывает. На богатого московского купца «старого закала» образ Тит Титыча так подействовал, что он при встрече с исполнителем этой роли П.М. Садовским не

мог скрыть своего восторга: «Ну, Пров Михайлович, такое ты мне, московскому первой гильдии купцу Ивану Васильеву Н-ву, уважение сделал, что в ноги тебе я должен кланяться. Как вышел ты, я так и ахнул! Да и говорю жене – увидишь, спроси ее – смотри, я говорю, словно бы это я! <...> Борода только у тебя покороче была. Ну, все как есть, вот когда я пьяный. Это, говорю, на меня критика. Даже стыдно стало. Ну, само собой, пьяный и ударишь, кто под руку подвернется, и покричишь... Вот намерен в московском трактире пологового Гаврилу оттаскал, – две красненьких отдал (20 руб. – В.Б.). Да ты что! Сажу в ложе-то, да кругом и озираюсь: не смотрят ли, думаю, на меня. Ей-богу!.. А уж заговорил ты про тарантас, я так и покатился! У меня тоже у Макарья случай с тарантасом был... И он рассказывал, как он, с Нижегородской ярмарки возвращаясь в Москву, три дня не вылезал из тарантаса» [7. С. 63].

В год написания этой комедии, в 1856 г., Островский совершил путешествие по Волге для исследования по поручению великого князя Константина Николаевича «быта жителей, занимавшихся морским делом и рыболовством» [8. Т. 1. С. 7]. Связано это было с тем, что для набора во флот новобранцев, знакомых с морским делом, адмиралтейство выделяло средства для научных экспедиций в приморские районы на севере и юге страны, в края, где люди жили около больших рек и занимались промыслами, связанными с водой. По свидетельству известного путешественника и бытописателя С.В. Максимова, результатом этого путешествия Островского стало «поражающее количество собранных на верхней Волге разнообразных материалов, которые только отчасти напечатаны в Морском сборнике» [9. С. 101]. Собранные материалы и полученные впечатления послужили основой для нескольких исторических пьес, посвященных трагическим и героическим моментам русской истории: «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино» и других, но главным результатом поездки на Волгу стала драма «Гроза» (1859). Благодаря этой пьесе Островского мы видим жизнь российской провинции как бы на изломе, на переходе от патриархальных начал «темного царства» к новым в виде протеста и перехода к личной и общественной свободе, которые так необходимы, по мнению писателей и критиков из революционного лагеря, русскому обществу для всеобщего счастья.

Обратимся теперь к наследию юного кумира той эпохи, критика популярного тогда журнала «Современник» Н.А. Добролюбова (1836–1861), чтобы оценить создавшуюся накануне Великих реформ ситуацию. Он родился в семье священника в Нижнем Новгороде и до 11 лет воспитывался дома, а затем учился в нижегородской семинарии. В 1853 г. уехал в Петербург для поступления в духовную академию, но вместо нее поступил на историко-филологический факультет Главного педагогического института на «казенный кошт», т.е., как нынче говорят, стал «бюджетником».

Очень рано в юноше проявился талант критика, и в 1854 г. он составил острую рецензию на сборник Ф.И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки», где обвинял автора в натяжках при объяснении мифологических истоков пословиц и поговорок, причислении к ним книжных сентенций. В том же году Добролюбов постигает тяжелый удар – смерть отца и матери, в результате чего он резко порывает с православием, становится убежденным атеистом и критиком режима сначала в педагогическом институте, где учился, а затем и в стране, начинает активно сотрудничать с «Колоколом», издаваемым в вольной русской типографии в Лондоне [3. Т. 1. С. 254].

Семейная жизнь Н.А. Добролюбова не сложилась – его сватовство к сестре жены Н.Г. Чернышевского закончилось неудачей. Чернышевский решительно воспротивился этому, что привело к отъезду Добролюбова в 1860 г. за границу, где он лечился от туберкулеза на курортах Швейцарии, а также Франции и Италии. Через год он вернулся на родину и продолжил работу в «Современнике», но лечение за границей не было успешным, и в ноябре 1861 г. он умер. Жизненный опыт у критика был небольшим, поэтому судил он об обществе преимущественно по литературным источникам, приписывая, например, купечеству, качества, которые стали потом хрестоматийными для современников и последующих поколений читателей. Вот как он описывает жизненные обстоятельства купечества о которых рецензируемый им драматург, т.е. сам Островский, и не подозревал: «Это – мир затаенной, тихо вздыхающей скорби, мир тупой, ноющей боли, мир тюремного, гробового безмолвия, лишь изредка оживляемый глухим, бессильным ропотом, робко замирающим при самом зарождении. Нет ни света, ни тепла, ни простора. Гнилью и сыростью веет темная и низкая тюрьма. Ни один звук с вольного воздуха, ни один луч света не проникнет в нее» [10. С. 68].

Появление пьесы «Гроза» вызвало новую статью Добролюбова о творчестве Островского, которая уже не так сильно проникнута пессимизмом и озаглавлена «Луч света в темном царстве». Автор видит в поступке Катерины протест против «негодной среды, мешающей хорошей деятельности» [11. С. 211]. Русские радикалы, сторонники решительных преобразований общества всеми доступными им средствами, включая террор и революцию, готовы были пожертвовать ради этих идей не только чужими человеческими жизнями, но и своими. Вполне естественно, что они принимали и приветствовали самоубийство, один из самых страшных грехов в православии, как протест против существующих порядков. Поэтому Добролюбов видит в драме «Гроза» что-то «освежающее и ободряющее», считает, что эта пьеса – «самое решительное произведение Островского, взаимные отношения самодурства и безгласности ... доведены в ней до самых трагических последствий... Фон пьесы указывает на шаткость и близкий конец самодурства. Затем самый характер Катерины, рисующийся на этом

фоне, тоже веет на нас новой жизнью, которая открывается нам в самой ее гибели» [Там же. С. 231].

Добролюбов во многих социальных и эстетических вопросах находился под сильным влиянием своего старшего соратника Н.Г. Чернышевского (1828–1889), с которым имел много общего как в биографии, так и в образе мыслей. Оба они находились под влиянием немецких философов, в частности Л. Фейербаха, поэтому мировоззрение Добролюбова быстро превратилось в материалистическое, и он стал врагом идеализма, весьма напоминавшим тургеневского Базарова, хотя многие литературоведы говорят о прототипе в лице Писарева. Вслед за Чернышевским Добролюбов придерживался концепции «разумного эгоизма», согласно которой каждый человек в первую очередь стремится к удовлетворению собственных потребностей, если они содействуют общему благу. Во всех вопросах, которые касались экономических и социальных проблем, он повторяет и пересказывает, только своими словами, мысли Чернышевского [Там же. С. 27]. Сюда относятся революционность, симпатии к социализму, ненависть к либерализму и славянофильству.

В этой связи интересен конфликт между Добролюбовым и критиком из журнала «Москвитянин», затем сотрудничавшим со многими изданиями, Аполлоном Григорьевым, который также написал несколько статей, посвященных творчеству Островского, в одной из которых восторженно воскликнул: «Нет бога кроме Островского и пророка его выше Садовского» [8. Т. 1. С. 6]. Надо сказать, что творчество Островского порождало полемику между славянофилами, к которым тогда принадлежал А. Григорьев, и революционными демократами в лице Чернышевского, Добролюбова и др. Коснулось это и проблемы освещения облика русского купечества в пьесах Островского. Добролюбов с сарказмом отмечает: «Нужно заметить, что г. А. Григорьев – один из восторженных почитателей таланта Островского; но – должно быть, от избытка восторга – ему никогда не удастся высказаться с некоторой ясностью, за что же именно он ценит Островского. Мы читали его статьи и никак не могли добиться толку. Между тем, разбирая “Грозу”, г. Григорьев посвящает нам несколько страничек и обвиняет нас в том, что мы прицепили ярлычки к лицам комедий Островского, разделили все их на два разряда: самодуров и забытых личностей, и в развитии отношений между ними, обычных в купеческом быту, заключили все дело нашего комика. Высказав это обвинение, г. Григорьев восклицает, что нет, не в этом состоит особенность и заслуга Островского, а в народности» [11. С. 211–212].

Аполлон Александрович Григорьев, уроженец Замоскворечья, с детства видевший бытовые и коммерческие подробности жизни московского купечества, не мог согласиться с резко обличительной характеристикой Добролюбова. У него живы в памяти были улицы Замоскворечья, где дома дворян «стояли какими-то хмурыми гуляками, запущенными или запустившими

себя с горя, в ряду других, крепко сколоченных и хозяйственно глядевших купеческих домов с высокими воротами и заборами... С воспоминаниями о серых лошадях хозяина, седого купца Игнатия Иваныча, который валял меня часто смотреть в чистую и светлую конюшню; об извозчике-лихаче Дементье, который часто катал меня от Тверских ворот до нынешних Триумфальных, вероятно из симпатии к русым волосам и румяным щекам моей младшей няньки; о широкой площади с воротами Страстного монастыря перед глазами и с изображением на них "страстей господних"...» [12. С. 21]. Поэтому Ап. Григорьев не соглашался видеть в Островском только сатирика: «Самодурство – это только накипь, пена, комический осадок, оно, разумеется, изображается по-этом комически, да как же иначе его и изображать? – но не оно – ключ к его созданиям! <...> имя для этого писателя, для такого большого, несмотря на его недостатки, писателя – не сатирик, а народный поэт. Слово для разгадки его деятельности не "самодурство", а "народность"» [13. Т. 1. С. 464].

С таким определением творчества А.Н. Островского, с такой характеристикой купечества в его пьесах был полностью согласен один из потомков купеческой династии, с 1920 г. оказавшийся в эмиграции, – Павел Афанасьевич Бурый. В воспоминаниях он писал, что «известный критик Аполлон Григорьев в своих статьях "После "Грозы" указал на всю фальшь приемов либеральной критики, сказавшуюся в том, что она усмотрела юмор сатирика там, где в действительности была только одна наивная правда народного поэта... Особенно это применимо к комедии "Не в свои сани не садись", относительно которой не может быть сомнения, что сочувствие автора находится на стороне представителей "темного царства" Рукакова и Вани Бородинкина, тогда как "господа", Вихорев и Баранчевский, обрисованы такими красками, что никоим образом не могли пользоваться симпатией не только автора, но даже самого непредубежденного зрителя» [14. С. 54]. На наш взгляд, оценка Ап. Григорьева справедлива, пьесы Островского показывают читателям и театральным зрителям, а после экранизации его драм и комедий – и широким кругам кинозрителей, прежде всего бытописателя, беспристрастно отражающего в своих творениях действительность, как он ее видит и понимает.

В пореформенный период, когда рушилась замкнутость сословных и культурно-бытовых групп общества, Островский переключается с «купеческой темы» как основной в своем творчестве на другие, не менее животрепещущие. Социальная и хронологическая пестрота характеризует его произведение в этот период: от исторических событий и частной жизни XVII в. до «злобы дня», включения в круг персонажей бедных мещан российских окраин, провинциальных актеров и актрис, обитателей разоренных дворянских усадеб, вполне цивилизованных и европеизированных предпринимателей-воротил. Этот период – с 1861 г. до самой смерти великого драматурга в июне 1886 г. – был необычайно

плодотворен и проходил в рамках критического реализма великой русской литературы, свойственного большинству классиков этой эпохи.

Через десять лет после выхода «Грозы» появляется еще одна пьеса Островского, посвященная провинциальному купечеству, – «Горячее сердце» (1869). Действие происходит все в том же поволжском городе Калинове, персонажи комедии также переключаются: место Дикого занимает купец Курослепов, Катерины – Параша, Бориса – Вася. Однако заметны и большие перемены: вместо драмы, переходящей в трагедию в «Грозе», в «Горячем сердце» наблюдается комедия – бодрая и задорная, а в основу сюжета положен, по сути дела, детектив, когда загадочная пропажа денег оборачивается разоблачением скандального романа хозяйки дома со своим приказчиком, которому она их тайно передает. К этому времени расшатаны основные моральные устои прежней жизни: дочь Курослепова Параша самовольно уходит из дома, его жена вступает в греховную связь с приказчиком, а сам глава семейства находится в каком-то расслабленном состоянии, не в силах приспособиться к новым условиям жизни и предпринимательства. Героем наступившей эпохи становится купец новой формации Хлынов, образ которого переключается с колоритной личностью купца Хлудова, который более циничен и практичен в своих действиях, чем купцы старой формации. Единственная его слабость – желание тратить деньги «с фантазией», чтобы об этом все говорили и удивлялись, для чего он возит с собой богатого на выдумку «бывшего интеллигентного человека» Аристарха, берет в шуты купчика Васю, водит дружбу с градоначальником и чиновниками, которым готов платить огромные штрафы, маскируя этим фактические взятки. Подобно лесковскому «Чертогону» Хлынов готов пускаться в самые нелепые затеи: устраивать грандиозные кутежи, поливать садовые дорожки шампанским, стрелять в честь гостя из пушки и совершать другие поступки, подсказанные нетрезвым рассудком. Такие бессмысленные на первый взгляд действия, по-моему, связаны с большим напряжением предпринимательской деятельности, когда постоянная угроза разорения или даже уголовного преследования, скука повседневной жизни находят выход в виде безумных трат денег, сил и выдумки для обретения, хотя бы и временно, душевного равновесия (подробнее см.: [15]).

Еще через десять лет появляется пьеса «Бесприданница» (1879), действующие лица которой уже мало напоминают купцов, с которыми А.Н. Островский познакомил нас раньше. В них нет и следа тех патриархальности и неотесанности, какие отличали Дикого и Курослепова. Это владельцы торговых фирм, а не лавок и лабазов, они носят вместо купеческих поддевок европейские одежды, читают парижские газеты и ведут себя гордо, почти недоступны для общения, как миллионер Кнуrows, который, по его словам, разговаривать ездит в Петербург да за границу. Его собрат по бизнесу Вожеватов пока более живой и доступный, хотя тоже

следует установленным правилам: вместо традиционного купеческого чая он с утра пьет шампанское, разлитое в чайники, «чтобы люди чего дурного не сказали». Однако по-прежнему в купеческой жизни царят, по мнению Островского, холодная расчетливость и цинизм, уверенность в неотразимости банкнот и чековой книжки. Разменной монетой в такой жизни становится любовь. Два уже упомянутых купца и барин-делец Паратов соперничают за благосклонность Ларисы Огудаловой, но любви в пьесе очень мало. Вожеватов заранее уступает Ларису Кнурову, считая, что всякому товару есть цена и Лариса ему пока не по карману. Кнуров охотно сторонится перед Паратовым, чтобы потом легче было взять реванш и увезти сломленную Ларису в Париж на выставку... А заканчивается все тем, что купцы испытывают еще раз судьбу и разыгрывают Ларису в «орлянку», но она не достается никому и умирает от рук своего жениха, скромного, но амбициозного Карандышева. По мнению известного критика В. Лакшина, по особой сложности и напряженности скрытых душевных переживаний «Бесприданница» представляет собою новое слово в творчестве Островского и в этом своем качестве предвосхищает чеховскую психологическую драму» [16. С. 33].

Таким образом, на протяжении более чем 30 лет А.Н. Островский наблюдал и отображал многообразную жизнь купечества. Сначала это была какая-то экзотическая страна, которая находилась рядом, но не была известна литературе. Писатель как бы приглашает заглянуть в окна купеческих особняков и не только увидеть чинно обсуждающих за самоваром свои дела купцов, плутующих и угодливых приказчиков, купеческих жен и дочерей, но и услышать их оригинальный и образный язык, увидеть воочию их образ жизни, узнать их мысли и чаяния. В сознании читателей и театральных зрителей Островский закрепился как бытописатель купечества, который и сам, как на портрете Перова, похож на купца в просторном халате с меховой опушкой, спокойный, уравновешенный, благодушный.

Однако не все так просто в творчестве великого драматурга: на протяжении своей сознательной жизни его взгляды и жизненная позиция менялись. Сначала следование традициям сценической школы Н.В. Гоголя, затем несколько лет сотрудничества в славянофильском «Москвитянине» и даже увлечение взглядами революционных демократов. Но долгие годы работы в передовых журналах «Современник» и «Отечественные записки» изменили мысли и стиль пьес Островского, и он в своем творчестве предвосхищает новаторскую драматургию Чехова. Самый известный критик Островского – Добролюбов – в уже рассмотренных здесь статьях дал развернутую, хотя и претенциозную, критику первых его пьес, но в дальнейшем многие критические положения переносились на более поздние произведения драматурга. Об этом была написана и в 1968 г. защищена в Томском университете диссертация Э.М. Жиликовой, в которой был продолжен разбор творчества

А.Н. Островского в последние годы его жизни [17]. Отрадно, что и в наши дни этот автор продолжает изучение наследия великого драматурга, но уже как плодотворного переводчика [18].

Творчество А.Н. Островского, небывалый успех его пьес, которые составили основной репертуар русского театра, вызвали целый поток подражателей, пытавшихся использовать «купеческую тему» в своих интересах. По мнению П.А. Бурышкина, представителя последнего поколения дореволюционного купечества, оказавшегося затем в эмиграции, «рядом с Островским нужно поставить И.Ф. Горбунова, который изображал быт купечества примерно в тех же красках. Он был актер Александринского театра в Петербурге, но славился главным образом как неподражаемый рассказчик... Он написал пьесу «Самодур», где превзошел Островского в «обличении» купеческой бесчестности и преступности, но, как и другие произведения Горбунова, они особого успеха не имели» [14. С. 56]. Известный литературный критик Л. Лотман разбирает творчество целого ряда драматургов, последователей А.Н. Островского, принадлежавших к «купеческой школе» драматургии, но большинство из них не получили известность, так как не имели оригинальности и таланта своего литературного вождя и попросту перелицовывали его пьесы [19. С. 145–159]. Без таланта и мудрости Островского это направление быстро иссякло, оставив только слабый след в литературной и театральной истории страны.

В заключение отметим, что творчество А.Н. Островского на протяжении более чем трех десятков лет претерпело серьезную эволюцию и прошло ряд этапов. В целом наблюдался переход от критического направления его пьес в отношении купечества к бытописательству, а затем и к художественному проникновению в суть изображаемых явлений и процессов. Если Островский видел и обличал общественные пороки и недостатки, то практически всех групп населения, а не только русской купеческой среды. Само понятие «темное царство» было навязано революционной критикой в своих пропагандистских целях, но не было правдой жизни, которая присутствовала в пьесах Островского и была основана на глубоком знании и понимании образа жизни и деятельности купечества. Тем не менее «добролюбовское» толкование Островского было господствующим на протяжении почти полутора веков и находит своих сторонников и поныне. На мой взгляд, гораздо более приемлема и интересна для исследования истории купечества концепция, предложенная другим критиком, Аполлоном Григорьевым, суть которой сводится к тому, что купечество является неотделимой частью народа, несет в себе много положительных качеств, которые в современном ему обществе недооценены. Это касается как сословия в целом, так и отдельных его представителей. А.П. Григорьев неоднократно вступался за «купчишку», как его называли иногда оппоненты, Н.А. Полевого, автора капиталь-

ного труда «История русского народа» и издателя журнала «Московский телеграф». Этот журнал был закрыт по указу императора Николая I за отрицательную рецензию редактора на псевдопатриотическую пьесу Н.В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Обремененный семьей и долгами Полевой, бывший когда-то иркутским купеческим сыном, вынужден был сам теперь писать официальные патриотические драмы из русской истории [12. С. 47–48]. Положительная оценка роли купечества в русской истории отражена и в некоторых современных работах. Например, составитель «Энциклопедии купеческих родов» О. Платонов считает, что «православному русскому человеку была чужда идея стяжательства, богатства ради богатства – представления прогресса

как постоянного наращивания обладания все большим числом вещей и предметов. Идею прогресса как стяжательства русская духовная культура противопоставляет идею преобразования жизни через преодоление греховной основы человека путем самоотверженного подвижнического труда» [20. С. 26]. Именно через труд, причем сложный квалифицированный труд владельца предприятия и его служащих, возможен правильный (праведный) путь к богатству, и об этом говорили многие русские писатели и ученые. Такой путь привел бы Россию к середине XX в. к мировому лидерству в экономике, численности населения, уровне его жизни и многих других показателях. Однако этого, к великому сожалению, не случилось, и сегодня многое придется создавать заново.

ЛИТЕРАТУРА

1. История предпринимательства в России. М. : РОССПЭН, 2000. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в.
2. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX веков / сост.: А.В. Семенова, А.И. Аксенов, Н.В. Середа. М., 2007.
3. Русские писатели : биобиблиографический словарь : в 2 т. / под ред. П.А. Николаева. М. : Просвещение, 1990.
4. Белинский В.Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга. М. : Сов. Россия, 1984. С. 42–72.
5. Островский А.Н. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1959.
6. Берг Н.В. Молодой Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1966. С. 36–46.
7. Горбунов И.Ф. Отрывки из воспоминаний // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1966. С. 47–64.
8. Островский А.Н. Собрание сочинений : в 6 т. М. : ТЕРРА, 1999.
9. Максимов С.В. Литературные путешествия. М. : Современник, 1986.
10. Добролюбов Н.А. Темное царство (Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859) // Статьи об Островском. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956. С. 3–152.
11. Добролюбов Н.А., Писарев Д.И. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010.
12. Григорьев Ап. Воспоминания. Л. : Наука, 1980.
13. Григорьев Ап.А. Сочинения. СПб. : Изд. Н.Н. Страхова. СПб., 1876.
14. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая : мемуары. М. : Высшая школа, 1991.
15. Бойко В.П. Русское купечество в изображении Н.С. Лескова // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 45–50.
16. Лакшин В. Островский – драматург // Островский А.Н. Избранные пьесы. М. : Худож. лит-ра, 1982. С. 3–44.
17. Жиликова Э.М. Особенности реализма драматургии А.Н. Островского 70–80-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968. 276 с.
18. Жиликова Э.М., Буданова И.Б. «Мандрагора» Н. Макиавелли в переводческом наследии А.Н. Островского // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 5–11.
19. Лотман Л. А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961.
20. 1000 лет русского предпринимательства : из истории купеческих родов / сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. М. : Современник, 1995.

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru

RUSSIAN MERCHANTS IN PLAYS BY A.N. OSTROVSKY AND IN THE ARTICLES OF HIS CRITICS.

Key words: Russia; merchants; A.N. Ostrovsky; activity; appearance.

The article is devoted to the history of the Russian merchants' entrepreneurship, reflected in the works of A.N. Ostrovsky, and is about contemporaries' attitude to his plays, especially professional critics'. Here are highlighted the key periods in creativity of the great playwright. The period when he followed the canons of a natural school, then became a Slavophile was the first one. Then A.N. Ostrovsky paid tribute to the revolutionary-democratic trend in Russian literature and it was only after the reform of 1861 that he embarked on the path of mature realism. This evolution did not remain without the close attention of contemporaries and was reflected in literary criticism, which is also examined and analyzed in the article. Ostrovsky's works of art, materials of his expedition to the Upper Volga and correspondence, memories of his contemporaries, critical articles about him in the periodical press were used as the main sources here. In addition, the author of the article got acquainted with many works of literary critics that show the features of the great playwright's creativity and the evolution of his views throughout almost four decades of the XIX century. The most close to the author's convictions is the concept proposed by the well-known critic Apollon Grigoriev who believed that the merchant class was an inseparable part of the people and had many positive qualities that in his contemporary society had been undervalued. This applies to both the whole class and its individual representatives of the merchants. The concept of "the dark kingdom" was imposed on revolutionary criticism for propaganda purposes and was not the truth of life, which was present in the plays of Ostrovsky. The very notion of a "dark kingdom" was imposed by revolutionary criticism for propaganda purposes and was not the truth of life that was presented in Ostrovsky's plays. His work was based on a deep knowledge, understanding of the way of life and activity of the merchant class, it has become known through many historical studies only recently. Nevertheless, Dobrolyubov's interpretation of Ostrovsky was dominant for almost a century and a half and finds his supporters to this day. The Great Russian playwright A.N. Ostrovsky showed the sprouts of new relations in the Russian reality of the second half of the nineteenth century, which also gave positive results. Although the article notes that Russian entrepreneurship and commerce in the pre-reform time were covered by Ostrovsky as a rudimentary and primitive, in 30 years certain changes in this characteristic had already been noted. Here are some of the results of this development: most merchants received a good education, were interested in politics and culture, and often went abroad, had become the leading force in the economy and a notable figure in the social and cultural life of the country.

REFERENCES

1. Bovykin, V.I., Gavlin, M.L., Epifanova L.M. et al. (2000) *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of Entrepreneurship in Russia]. Book 1. Moscow: ROSSPEN.
2. Semenova, A.V., Aksenov, A.I. & Sereda, N.V. (2007) *Kupecheskie dnevniki i memuary kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Merchants' Diaries and Memoirs of the late 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
3. Nikolaev, P.A. (ed.) (1990) *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar': v 2 t.* [Russian writers. A Biobibliographical Dictionary: In 2 vols]. Moscow: Prosveshchenie.
4. Belinskiy, V.G. (1984) Peterburg i Moskva [Petersburg and Moscow]. In: Belinskiy, V.G. & Nekrasov, N.A. (eds) *Fiziologiya Peterburga* [Physiology of Petersburg]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 42–72.
5. Ostrovskiy, A.N. (1959) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works. In 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Berg, N.V. (1966) Molodoy Ostrovskiy [Young Ostrovsky]. In: Grigorenko, V.V., Makashin, S.A., Mashinskiy, S.I. & Ryurikov, B.S. (eds) *A.N. Ostrovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [A.N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 36–46.
7. Gorbunov, I.F. (1966) Otryvki iz vospominaniy [Excerpts from memoirs]. In: Grigorenko, V.V., Makashin, S.A., Mashinskiy, S.I. & Ryurikov, B.S. (eds) *A.N. Ostrovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [A.N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 47–64.
8. Ostrovskiy, A.N. (1999) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Moscow: TERRA.
9. Maksimov, S.V. (1986) *Literaturnye puteshestviya* [Literary trips]. Moscow: Sovremennik.
10. Dobrolyubov, N.A. (1956) *Stat'i ob Ostrovskom* [Articles about Ostrovsky]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh lit-ry. pp. 3–152.
11. Dobrolyubov, N.A. & Pisarev, D.I. (2010) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN.
12. Grigoryev, Ap. A. (1980) *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad: Nauka.
13. Grigoryev, Ap.A. (1876) *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: N.N. Strakhov.
14. Buryshkin, P.A. (1991) *Moskva kupecheskaya. Memuary* [Moscow of Merchants. Memoirs]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Boyko, V.P. (2016) N.S. Leskov about Russian merchants. *Vestnik Tomskogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 45–50. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/7
16. Lakshin, V. (1982) Ostrovskiy – dramaturg [Ostrovsky as a playwright]. In: Ostrovskiy, A.N. *Izbrannye p'esy* [Selected Plays]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 3–44.
17. Zhilyakova, E.M. (1968) *Osobennosti realizma dramaturgii A.N. Ostrovskogo 70 – 80-kh godov* [Realism of A.N. Ostrovsky's dramatics of the 1870 – 1880s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
18. Zhilyakova, E.M. & Budanova, I.B. (2016) The Mandrake by Niccolo Machiavelli in the translation heritage of A.N. Ostrovsky. *Vestnik Tomskogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/1
19. Lotman, L. (1961) *A.N. Ostrovskiy i russkaya dramaturgiya ego vremeni* [Ostrovsky and Russian dramaturgy of his time]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Platonov, O. (1995) *1000 let russkogo predprinimatel'stva: iz istorii kupecheskikh rodov* [1000 years of Russian entrepreneurship: From the history of merchant families]. Moscow: Sovremennik.

УДК 94(47+57):316.3/4(571.1)''19/20''

DOI: 10.17223/19988613/48/3

А.С. Ворошилова

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И «БОРЬБА ЗА ПАСТВУ» В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНЕ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX в.

Рассматриваются межрелигиозные взаимоотношения мигрантов томско-чулымского региона в период конца XIX – начала XX в. Предпринимается попытка оценить эффективность действий конфессиональных групп по увеличению паствы и «наращиванию» своего влияния с позиций повышенного или пониженного «социального доверия». Анализируются документально зафиксированные случаи столкновения интересов различных религиозных сообществ переселенческих деревень Сибири, влияние религиозной политики власти и пути выхода из конфликта.

Ключевые слова: «социальное доверие»; межрелигиозные взаимоотношения; таежная Сибирь; переселение.

История Сибирского региона периода массовых миграций населения рубежа XIX–XX вв. активно изучается уже на протяжении нескольких десятков лет. Проблематика публикуемых исследований разнообразна, и помимо традиционных тем, связанных с появлением новых переселенческих деревень и поселков, организацией крестьянского хозяйства, сосуществованием разных этнических групп мигрантов, авторы начинают интересоваться эвристические возможности новых теорий и методик междисциплинарного характера при изучении различных аспектов переселенческих процессов (этно- и социокультурная и психологическая адаптация, адаптивные стратегии, выстраивание религиозного ландшафта переселенческих территорий) [1–6]. В отдельную группу можно выделить работы, посвященные духовной сфере переселенческих и старожилов сообществ, в рамках которых исследователи обращаются к таким вопросам, как церковное строительство, особенности устройства православных приходов, этноконфессиональная принадлежность старожилов и мигрантов и др. [7–10].

В этом отношении интерес представляет рассмотрение взаимоотношений групп мигрантов, различавшихся по религиозной принадлежности. На примере одной из сибирских территорий – томско-чулымского региона – мы имеем возможность проследить, каким образом консолидировались различные конфессиональные сообщества, охарактеризовать их взаимоотношения и методы «борьбы за паству» в условиях массового наплыва переселенцев.

Выбор данной территории в качестве «площадки» для рассмотрения межрелигиозных взаимоотношений мигрантов обусловлен несколькими причинами. На рубеже XIX–XX столетий реальное управление этой территорией – географически удаленной от губернского центра – оказалось фактически распределено между православным духовенством и различными старообрядческими деноминациями – часовенными, поморскими, странниками, «белокриницкими» [11]. Крестьянские переселения начала XX в. не только усложнили «конфессиональную карту» территории за счет

приехавших сюда сектантов (баптистов, штундистов, молокан), но и приводили к столкновению интересов. Корпус официальных синодальных и консисторских материалов позволяет выявить основания и последствия «борьбы за паству».

Представляется, что реконструкция этих процессов возможна через призму концепции «социального доверия», предлагающей оценивать их результативность с помощью соотношений «социально обобщенных ожиданий» и «исполнения обещаний» [12. С. 12–13]. Такой подход объясняется тем, что «доверие осуществляет функцию связи человека с миром в единую систему» и «создает эффекты целостности бытия человека, личности, взаимодействия человека с миром; устанавливает меру соответствия поведения человека, принятого решения, целей, поставленных задач как миру, так и самому себе» [13. С. 235]. Принимая во внимание рассуждения Э. Кассиера о символичности социального мира [14. С. 470] и Дж. Хоскинга о способности религии создавать дополнительные ресурсы для обеспечения доверия и складывания на этом базисе коллективных форм идентичности [15], полагаем, что религиозный фактор следует учитывать при анализе способов воздействия «старых» и «новых» конфессий томско-чулымского региона на потенциальных неофитов.

Особую остроту ситуации придавало падение на рубеже XIX–XX столетий в таежной части Сибири авторитета русской православной церкви, отраженного, помимо прочего, ростом жалоб на священнослужителей [16]. «Неканоническое поведение» священников объективно вело к утрате доверия к ней крестьян-переселенцев и переориентации их на идентификационные программы других конфессий, вероучение и поведенческие стратегии которых могли представляться им более адекватными условиям жизни и хозяйствования в таежной зоне.

Поэтому, вопреки стремлениям Синода сохранить «систему доверия» между местным духовенством и православным крестьянством, отсутствие необходимых ресурсов превращало все проекты по повышению влияния на переселенческую деревню в мероприятия,

имеющие сомнительную эффективность. Строительство церквей и причтовых домов из-за отсутствия у новопоселенцев необходимых денежных средств тянулось годами; назначение священников, неспособных работать в тяжелых условиях переселенческих (бедных, конфессионально разношерстных) сел, провоцировало перманентный кадровый дефицит, что нередко сводило на нет все попытки епархиального начальства противостоять влиянию «раскольников» и сектантов.

Неэффективность создаваемой системы во многом была обусловлена тем, что русская православная церковь функционировала как институт с жесткой иерархией, в котором ключевую роль играл центр, и любые действия приходских священников, в том числе имеющие ограниченное, локальное значение, должны были согласовываться с вышестоящими инстанциями. С одной стороны, в условиях труднодоступности и удаленности переселенческих поселков от губернского центра даже оперативное информирование епархиального начальства о ситуации на местах оказывалось невозможным; с другой – сама епархиальная система, тесно связанная с государственной властью, была зачастую несамостоятельна в своих решениях.

Напротив, старообрядческие сообщества региона с более простой управленческой структурой обладали свободой действий и имели больше как идейных, так и материальных возможностей для увеличения своей паствы. Как ни парадоксально, но этому, по мнению губернских чиновников, способствовал указ от 17 апреля 1905 г., провозгласивший «укрепление начал веротерпимости», за которым последовали активное распространение «новых сект, толков и учений», появление «толкователей, учителей, проповедников, реформаторов», чья деятельность была направлена именно на «духовно-религиозную сторону жизни». [17. Л. 6] Дарованные права и льготы позволили староверам открыто искать пути для увеличения своих общин среди населения переселенческих приходов, а новые правила регистрации и открытия старообрядческих общин¹ – объединяться в более крупные единицы и добиваться признания юридических прав и самостоятельности [19. Л. 41].

Следует отметить региональные особенности в процессах легализации томско-чулымского староверия. Например, для староверов-странников, принявших догмат о воцарении антихриста и необходимости ухода «от мира» в таежные скиты, запись в «реестре старообрядческих общин» означала отход от базовых положений вероучения и потому сознательно игнорировалась, но для представителей других старообрядческих согласий – «белокриницких», часовенных, поморцев – дарованные свободы означали, прежде всего, возможность открытого исповедания веры.

«Укрепление начал веротерпимости», инициированное Николаем II, отчасти отразилось на взаимоотношениях между различными конфессиями рассматриваемого региона и привело к столкновению интересов на разных уровнях – православных священников и

миссионеров, староверов и сектантов, с одной стороны, и внутри отдельно взятых религиозных сообществ (например, старообрядческих деноминаций) – с другой.

Эффективность действий той или иной конфессиональной группы по увеличению паствы и «наращиванию» своего влияния зависела от присутствия сильного авторитетного лидера, наличия помещения для богослужений и священных артефактов – старопечатных книг, древних рукописей и икон. Например, томско-чулымские странники располагали не только рукописным Прологом конца XV в., изданиями конца XVI – первой половины XVII в., но и грамотными толкователями христианских текстов [20]. Естественно, схожий набор авторитетных книг и сопоставимый уровень подготовки наставников-полемистов мог усиливать остроту противоречий между религиозными сообществами региона.

Сложное пересечение этих процессов и устремлений открывает комплекс материалов Томской духовной консистории о строительстве часовни в пос. Ново-Николаевском Ново-Кусковской волости, входившем сначала в Ново-Кусковский, а позднее в Митрофановский приход.

Решение о возведении часовни документально зафиксировано в предписании Томской духовной консистории благочинному В. Ильинскому от 1904 г. и, видимо, связано с активизировавшимися переселениями по программе освоения края П.А. Столыпина и появлением в поселке новых крестьянских семей. Несмотря на то, что в приговоре сельского схода от 25 февраля 1904 г. крестьяне, желающие построить часовню собственными силами, называют себя православными, есть все основания полагать, что на этапе ходатайствования прибывшие объединились со староверами. На фоне бедных приезжих новопоселенцев, которым было бы проще и дешевле возвести практически ничем не отличающийся от часовни молитвенный дом, состоятельные представители старожильческого населения в лице староверов-часовенных как инициаторы строительства «на собственные средства» выглядят более убедительно. (Оба типа культовых сооружений не имели постоянного алтаря, и богослужения в них проводились эпизодически, но получение разрешения на строительство часовни предполагало более сложный и дорогостоящий путь из-за оплаты и согласования технического плана.)

Появление часовни было нужно обоим сторонам: православным – для организации своей религиозной жизни, староверам, использовавшим отсутствие постоянного священника, – для привлечения крестьян-«никониан». Причем важно отметить согласованность на этом этапе действий просителей: в рапорте приходского священника М. Овсянникова в качестве суммы денежных средств, которую новониколаевцы предполагали истратить на часовню, был указан *совокупный мирской капитал* (курсив мой. – А.В.) православных и старообрядцев. Но попытка староверов использовать

свое влияние и авторитет провалилась – жителям пос. Ново-Николаевского было предложено возвести все-таки молитвенный дом. Документы не отразили их реакцию на решение властей, лишь зафиксировали коллективное согласие с ним.

После издания указа 1905 г. ситуация меняется и сформировавшееся ранее сотрудничество старожилов-часовенных и новопереселенцев-«никониан» перерастает в противостояние. Подтверждением служит тот факт, что после получения разрешения строительство не начиналось на протяжении нескольких лет, а с 1909 г. в документации по церковному строительству в пос. Ново-Николаевском начинает фигурировать не молитвенный дом, а церковь-школа. Вероятно, это было связано с тем, что на тот момент собранный капитал был потрачен не по назначению, а получить от властей денежные средства на строительство молитвенного дома не представлялось возможным.

Обращают на себя внимание обстоятельства, при которых исчез строительный капитал. Материалы свидетельствуют как минимум о двух версиях происшедшего. Благочинный считал, что «пока это дело [получение разрешения на строительство] ходило взад и вперед, беспоповцы помогли православным [пропить?] собранные деньги на постройку молитвенного дома» [21. Л. 41], а заведующий водворением переселенцев Зачулымского подрайона указывал на желание ново-николаевского сельского сообщества потратить имеющийся мирской капитал на открытие кредитного товарищества. В любом случае «такое положение вещей приводило к радости местных старообрядцев» [22. Л. 17–18].

«Замирающая» постройка молитвенного дома вызвала к жизни еще один проект церковных властей – построить на казенные средства церковную школу. Переориентация не была случайной – церковные школы считались одним из основных средств борьбы со староверием [23. С. 313], поэтому положительное решение по вопросу не заставило себя долго ждать «в виду исключительных условий – по старообрядчеству и отсутствию средств» [22. Л. 11 об.].

Тем не менее строительство снова затянулось на несколько лет, несмотря на неуклонный рост численности крестьян-переселенцев «господствующего вероисповедания» (в 1912 г. они уже преобладали над староверами). Данный факт можно расценивать как невыполнение церковными властями своих обещаний, что вылилось в итоге в некий «протест» прихожан и отклонение от утвержденного плана строительства церковной школы.

В 1912 г. митрофановский священник в рапорте благочинному жаловался, что новониколаевцы вместо обещанных своих 1 500 руб. собрали всего 300 руб. и приступили к строительству «не церкви-школы, а церкви самовольно по измененному плану» [Там же. Л. 51]. В последующих документах дела «церковь-школа» уже не фигурирует, но встречаются слова «часовня-церковь», «церковь», «храм». Видимо, «никони-

ане» поселка, уже доминирующие в составе жителей, проигнорировали решение епархиального начальства, не обеспечившего открытие столь необходимой в «центре беспоповцев» церковно-приходской школы, и вопреки всем бюрократическим трудностям возвели именно то церковное здание, которое им было нужно. Необходимо отметить, что здесь, вероятнее всего, речь идет именно о представителях «господствующего вероисповедания» как инициаторах самовольного отклонения от разрешенного плана, поскольку в рапортах по делу строительства, датированных 1912 г., указано наличие у часовенных и австрийцев собственных молитвенных домов.

Эпизод с новониколаевским строительством наглядно демонстрирует, как наличие конкурентоспособной конфессиональной альтернативы тормозило «исполнение обещаний» епархиальными властями по отношению к своей пастве и в итоге вынуждено привело к ситуации «сниженного доверия». Показательна в этом отношении активная деятельность Михаило-Архангельского скита староверов белокрыницкого согласия (Александровская волость) во главе с иноком Феофилактом, стремившегося к распространению «поповского» вероучения в Сибири и увеличению числа его последователей. Это привело к тому, что таежный монастырь не только действовал как епископская резиденция и «кузница кадров» [24], но стал еще и местом совершения публичных служб и треб для мирян, а сами скитники, в сущности, – приходскими священниками [25. С. 26].

На снижение уровня социального доверия к русской православной церкви в некоторых частях томско-зачулымского таежного региона влияла не только близость староверческих общин, но и деятельность начитанных представителей кардинально иных по своей «идейно-конфессиональной» составляющей конфессий. Если вероучение староверов не содержало в себе принципиально отличных от официально признанных догматов и не разрушало «православную идентичность» переселенцев, то зарождающиеся на фоне миграций очаги сектантства были опасны обоим сторонам.

Например, появившаяся в 1904 г. секта баптистов стремительно набирала популярность не только среди поляков-католиков, но и среди православных «униатов». В результате, по сообщению священника А. Кикина, «со времени перехода Шнитки (лидер и инициатор распространения баптистского учения. – А.В.), Важенкова и других католиков в сектантство» были «совращены 8 домов католиков, 7 православных» и прекращено начатое год назад строительство костела [26. Л. 15]. Отметим, что, по данным клировой ведомости за 1899 г. [27. Л. 100], речь шла приблизительно о половине населения деревни.

Епархиальные власти были ограничены в средствах борьбы с сектой. В момент ее активного распространения отсутствовали денежные средства на командировку наиболее осведомленного преподавателя по истории и обличению иноверия И.П. Новикова, а действия при-

бывшего миссионера А. Кикина не достигли нужного эффекта: «Все новые сектанты оказались твердыми в своих убеждениях, а к моим увещаниям и чтениям отнеслись очень индифферентно и с насмешкой, хотя те и другие (увещания и чтения) нисколько не вызывали смеха» [26. Л. 15–16]. Вероятно, усилению влияния секты способствовали действия направленного сюда ранее томского католического священника-ксьендза, который демонстративно сжег Евангелие перед несогласными с ним сектантами-католиками. Это обстоятельство еще более их ожесточило, и лидеры секты Шнитко и Важенков «с особенною яростию стали нападать как на католиков, так и на православных» [Там же. Л. 16 об.]. В документах указывается, что секту удалось ликвидировать, но вряд ли ее члены с легкостью вернулись в «лоно православной церкви».

Все же противодействие сектантам оказалось более успешным, чем староверию, что связано не только с имеющимися инструментами воздействия, государственными по характеру. Не менее существенным являлось еще одно обстоятельство – сектанты не были в этих местах старожилами. В связи с этим требует уточнения в целом справедливое, на наш взгляд, утверждение М.К. Чуркина о высоком адаптивном потенциале «старообрядческого и сектантского сегмента *старожильческого* населения Сибири» [4. С. 25] (курсив мой. – А.В.). История томско-чулымского региона показывает, что в ситуации высокой конкуренции между конфессиями, вероучение которых в равной мере было нацелено на постоянное обновление поведенческих стратегий, именно длительность проживания, значит, степень укорененности и приспособленности к условиям хозяйствования в таежной зоне имела существенное значение. Этим можно объяснить, что оказавшиеся в старообрядческом окружении новопереселенцы – и баптисты, и православные – испытывали сопоставимые трудности при организации собственной религиозной жизни.

Специфика томско-чулымского таежного региона в силу различных обстоятельств позволила сформиро-

ваться полотно разнообразных конфессиональных сообществ, имеющих возможность консолидироваться и увеличивать число последователей практически без препятствий, одним из которых мог быть высокий уровень социального доверия к тому или иному сообществу. Сохранившийся документальный материал раскрывает, во-первых, факторы формирования «системы доверия» в исследуемом регионе (принадлежность к старожильской части населения, исторически сложившееся сильное старообрядческое ядро, наличие более конкурентоспособной конфессиональной альтернативы, отсутствие необходимых ресурсов в борьбе за паству); во-вторых, уровни функционирования этой системы – внутренний и внешний. В первом случае «борьба за паству» разворачивалась в пределах одной конфессии и, например, для старообрядческих согласий означала, прежде всего, численное сохранение имеющейся группы последователей; во втором – между разными конфессиями (причем господствующая и представляющая государственную власть русская православная церковь в силу местной специфики в этом противостоянии оказывалась лишенной преимуществ).

Стоит заметить, что наиболее успешно в томско-чулымском регионе формировали и сохраняли доверие к себе на обоих уровнях общины староверов-беспоповцев. Это подтверждается их устойчивостью в период советской власти. Установлено, что во время активной организации в таежных деревнях политикопросветительских, образовательных пунктов и комсомольских ячеек в местах проживания старообрядческого населения эти мероприятия шли с огромным трудом [28. С. 45].

Имеющиеся данные позволяют предположить, что для комплексного изучения адаптивных практик населения переселенческих приходов в дальнейшем необходимо принимать во внимание не только этноконфессиональные характеристики прибывших в Сибирь крестьян, но и региональные условия складывания и формы проявления системы «социального доверия».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Правила о порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин, а также правах и обязанностях сих лиц» были изданы на основании ст. 87 Основных законов Российской империи. Это означало, что они будут действовать до одобрения (или отклонения) Государственной думой и Государственным советом соответствующего указу законопроекта. Законопроект был внесен правительством П.А. Столыпина в Государственную думу 20 февраля 1907 г. [18]. URL: http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/27_rolly.html

ЛИТЕРАТУРА

1. Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 223 с.
2. Леончик С.В. Польские ссыльные и польские добровольные переселенцы в Сибири в конце XIX – начале XX века: причины появления, взаимоотношения на новой родине // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии Российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири : сб. науч. трудов. Омск, 2015. С. 263–274.
3. Дроздов Н.И., Андюсов Б.Е. Историческая и психологическая адаптация переселенцев как ключевой фактор формирования социозэкосистемы «Русской Сибири» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 1. С. 331–337.
4. Чуркин М.К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 18–30.
5. Чуркин М.К. Адаптивные стратегии поведения однодворцев в Сибири в 40-е гг. XIX–XX вв. // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. Омск, 2014. Вып. 10. С. 77–91.

6. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
7. Батурич С.П., Батурина Т.В. Роль благотворительного фонда имени императора Александра III в церковном строительстве в Сибири в период массовых крестьянских переселений в конце XIX – начале XX века // Социогуманитарный вестник. 2012. № 2 (9). С. 59–67.
8. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е. Духовенство приходских церквей города Барнаула во второй половине XIX – начале XX // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 52–58.
9. Иванов К.Ю. Старообрядческие миграции и Томский край // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX вв. Кемерово, 1997. С. 57–64.
10. Батурич С.П., Батурина Т.В. Конфессиональный фактор крестьянских переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX // Социогуманитарный вестник. 2014. № 1 (13). URL: http://vuzirossii.ru/publ/istorija_filosofija/konfessionalnyj_faktor_krestjanskikh_pereselenij_v_sibir_v_konce_xix_nachale_khkh_veka/42-1-0-3433.
11. Дутчак Е.Е., Ким Е.А., Буркун А.О. Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения // Православная культура вчера и сегодня: коллект. монография / под ред. Е. Потехиной и А. Кравецкого. Olzdyn, 2015. С. 235–251.
12. Панченко А.А., Богданов К.А. «Теории заговора», история культуры и русская литература // Русская литература. 2015. № 4. С. 8–13.
13. Скрипкина Т.П. Психология доверия (теоретико-эмпирический анализ). Ростов н/Д, 1997. 244 с.
14. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 779 с. URL: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000038640/000038640.djvu>.
15. Хоскинг Дж. Почему нам нужна история доверия // Вестник Европы. 2002. № 7–8. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/hosking.html>.
16. Ворошилова А.С. «Неканоническое поведение» священников переселенческих приходов: причины и специфика // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 28–33.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 90.
18. Селезнёв Ф.А. Роль буржуазии в организации всероссийских старообрядческих съездов в Нижнем Новгороде. URL: http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/27_roly.html.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2305 Л. 41
20. Dutchak E., Vasilyev A. Breathing life into rare book collections: the Digitisation of the Taiga Skit Old Believers' Library // Libri. International Journal of Libraries and Information Services. 2016. Vol. 65, is. 4 (December). P. 313–326.
21. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 170. Оп. 2. Д. 3386.
22. ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 115.
23. Иванов К.Ю. Роль церковной школы в борьбе со старообрядчеством в Томской епархии в конце XIX – начале XX века // Мир старообрядчества: материалы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 1998. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. С. 310–314.
24. Приль Л.Н. История томского старообрядчества: епископы и обители. URL: <http://cdnito.tomsk.ru>.
25. Дутчак Е.Е. «Спасайте паству заблаговременно!...»: скитское сообщество в условиях модернизации (1870–1930-е гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2012. Вып. 14. С. 4–27.
26. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3226.
27. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2763.
28. Шигапов С.Р. Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920–1930-е гг. (на материалах Томского уезда) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 44–50.

Voroshilova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Annet1010552@mail.ru

THE INTER-CONFESSIONAL INTERACTION AND «STRUGGLE FOR CONGREGATION» IN A MIGRANT VILLAGE OF SIBERIA AT THE CUSP BETWEEN THE 19TH AND 20TH CENTURIES.

Key words: «social trust»; interfaith relations; Taiga Siberia; resettlement.

The research area of published academic research papers regarding history of Siberian region in the period of mass migration of people at the turn of the XIX and XX centuries is wide. And besides traditional topics, which are related to the emergence of new migrant villages and establishment of peasant households, author of the article are interested in the spiritual sphere of migrant and long-term residents communities. In this regard, the consideration of interactions of different migrant groups, varying in their religious affiliation by the example of one of the Siberian territories – Tomsk-Chulim region, became the aim of this article. In order to achieve that aim the following tasks were defined: to trace the way different confessional communities were consolidating; to characterize their interactions and methods of «struggle for congregation» in the circumstances of mass migration. The corpus of official synodic and consistorial materials became the base of research sources. While comparing its content with basic principles of the «social trust» concept, which propose to estimate the effectiveness of «struggle for congregation» methods with the help of correlation of «socially generalized expectations» and «fulfillment of promises», we have made the following conclusions. Firstly, the effectiveness of actions of one or another confessional group for the expansion in number of congregation and the increase of self-empowerment depended on several circumstances: the presence of a strong and authoritative leader, a placement for workshops, holy artifacts; the availability of financial and human resources; the division of people into «long-term residents» and «new settlers», because in the situation of high competition among confessions, whose faith was aimed to constant renovation of behavioral strategies, the duration of living had the significant effect. Secondly, the remaining documentary material discover factors of formation (the accessory to the long term residents part of population, which historically formed the strong core of old-believers, the presence of the more competitive confessional alternative, the absence of necessary resources in the struggle for congregation) and levels of the «social trust» system functioning in the investigated region: inner and outer. In the first case the «struggle for congregation» was unfolding within one confession and, for example, for old-believe agreements it meant, before everything else, the numerical maintenance of the existing group of followers; in the second case it was happening among different confessions (at that the dominant and representing the state power of Russian Orthodox Church, because of the local specificity, had no advantages in this confrontation).

REFERENCES

1. Korovushkin, D.G. (2004) *Etnokul'turnaya adaptatsiya pozdnykh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri (konets XIX – pervaya chetvert' XX vv.)* [Ethnocultural adaptation of late settlers in Western Siberia (the late 19th – first quarter of the 20th centuries)]. History Dr. Diss. Novosibirsk.
2. Leonchik, S.V. (2015) *Pol'skie ssyl'nye i pol'skie dobrovol'nye pereselentsy v Sibiri v kontse XIX - nachale XX veka: Prichiny poiyavleniya, vzaimootnosheniya na novoy rodine* [Polish exile and Polish voluntary immigrants in Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Reasons for appearance,

- relationships in a new homeland]. In: Mulin, S.A. et al. (eds) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii Rossiyskoy administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th centuries in the perception of the Russian administration, immigrants and Siberian indigenous peoples]. Omsk: KAN. pp. 263–274.
3. Drozdov, N.I. & Anduyev, B.E. (2012) Istoricheskaya i psikhologicheskaya adaptatsiya pereselentsev kak klyuchevoy faktor formirovaniya sotsioekosistemy “Russkoy Sibiri” [Historical and psychological adaptation of immigrants as a key factor in the formation of the socioecosystem of “Russian Siberia”]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafeva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 1. pp. 331–337.
 4. Churkin, M.K. (2013) Adaptive Situation, Barriers and Behavioral Strategies of Immigrants of Central Chernozem Region of European Russia (the second half of the XIX - the beginning of the XX century). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 18–30. (In Russian).
 5. Churkin, M.K. (2014) Adaptivnye strategii povedeniya odnodvortsev v Sibiri v 40-e gg. XIX–XX vv. [Adaptive strategies for the behavior of fellow-residents in Siberia in the 40s of the 19th – 20th centuries]. In: Khudiyakov, V.N. (ed.) *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of the history of Siberia]. Issue 10. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 77–91.
 6. Dutchak, E. E., Vasilev, A.V., Kim, E. A. & Polezhaeva, T.V. (2013) Pravoslavnyy landshaft taezhnoy Sibiri: kontseptsiya issledovaniya [The Orthodox landscape of Siberia: The concept of research]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 79–90.
 7. Baturin, S.P. & Baturina, T.V. (2012) Rol' blagotvoritel'nogo fonda imeni imperatora Aleksandra III v tserkovnom stroitel'stve v Sibiri v period massovykh krest'yanskikh pereseleniy v kontse XIX – nachale XX veka [The role of the charity fund named after Emperor Alexander III in the church construction in Siberia during the period of mass peasant resettlements in the late 19th – early 20th centuries]. *Sotsiologicheskyy vestnik*. 2(9). pp. 59–67.
 8. Vladimirov, V.N. & Sarafanov, D.E. (2014) Dukhovenstvo prikhodskikh tserkvey goroda Barnaula vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Clergy of parish churches in Barnaul in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Journal*. 4-1(84). pp. 52–58.
 9. Ivanov, K.Yu. (1997) Staroobryadcheskie migratsii i Tomskiy kray [Old Believer migrations and the Tomsk Territory]. In: Volchek, V.A. (ed.) *Iz istorii osvoeniya yuga Zapadnoy Sibiri russkim naseleniem v XVII – nachale XX vv.* [From the History of the Development of the South of Western Siberia by the Russian Population in the 17th – early 20th centuries]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 57–64.
 10. Baturin, S.P. & Baturina, T.V. (2014) Konfessional'nyy faktor krest'yanskikh pereseleniy v Sibir' v kontse XIX – nachale XX vv. [Confessional factor of peasant resettlements in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Sotsiologicheskyy vestnik*. 1(13). [Online] Available from: http://vuzirossii.ru/publ/istoriya_filosofiya/konfessionalnyy_faktor_krest'yanskikh_pereseleniy_v_sibir_v_konce_xix_nachale_khkh_veka/42-1-0-3433.
 11. Dutchak, E.E., Kim, E.A. & Burkun, A.O. (2015) Krest'yanskaya obshchina i staroobryadcheskiy skit: formula prityazheniya [The peasant community and the Old Believer skit: The formula of attraction]. In: Potekhina, E. & Kravetskiy, A. (eds) *Pravoslavnaya kul'tura vchera i segodnya* [Orthodox Culture Yesterday and Today]. Olztyun: Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. pp. 235–251.
 12. Panchenko, A.A. & Bogdanov, K.A. (2015) “Teorii zagovora”, istoriya kul'tury i russkaya literatura [“Conspiracy theories”, the history of culture and Russian literature]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 8–13.
 13. Skripkina, T.P. (1997) *Psikhologiya doveriya (teoretiko-empiricheskiy analiz)* [Psychology of trust (theoretical and empirical analysis)]. Rostov on Don: Rostov State Pedagogical University.
 14. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works. Experience about a Person]. Moscow: Gardarika. [Online] Available from: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000038640/000038640.djvu>.
 15. Hosking, J. (2002) Pochemu nam nuzhna istoriya doveriya [Why do we need a history of trust]. *Vestnik Evropy*. 7–8. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/hosking.html>.
 16. Voroshilova, A.S. (2016) Noncanonical conduct" of clergy of migrants' parishes: causes and specifics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 28–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/5
 17. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 90.
 18. Seleznev, F.A. (n.d.) Rol' burzhuzii v organizatsii vserossiyskikh staroobryadcheskikh s'ezdov v Nizhnem Novgorode [The role of the bourgeoisie in organizing all-Russian Old Believer congresses in Nizhny Novgorod]. [Online] Available from: http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/27_roly.html.
 19. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 796. List 442. File 2305.
 20. Dutchak, E. & Vasilyev, A. (2016) Breathing life into rare book collections: the Digitisation of the Taiga Skit Old Believers' Library. *Libri. International Journal of Libraries and Information Services*. 65(4). pp. 313–326. DOI: 10.1515/libri-2016-0010
 21. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 2. File. 3386.
 22. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 7. File 115.
 23. Ivanov, K.Yu. (1998) [The role of the church school in the struggle against the Old Believers in the Tomsk diocese in the late 19th – early 20th centuries]. *Mir staroobryadchestva. Vyp. 4. Zhivye traditsii: Rezul'taty i perspektivy kompleksnykh issledovaniy russkogo staroobryadchestva* [World of Old Believers. Issue. 4. Living traditions: Results and prospects of complex studies of the Russian Old Believers]. Proc. of the International Conference. Moscow: ROSSPEN. pp. 310–314. (In Russian).
 24. Pril, L.N. (n.d.) *Istoriya tomskogo staroobryadchestva: episkopy i obiteli* [The history of the Tomsk Old Believers: Bishops and monasteries]. [Online] Available from: <http://cdnito.tomsk.ru>.
 25. Dutchak, E.E. (2012) [“Save the flock in advance!”: The skete community under modernisation (1870 – 1930s)]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Old Believers: History, culture, modernity]. Proc. of the Conference. Issue 14. Moscow. pp. 4–27.
 26. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 2. File 3226.
 27. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 1. File 2763.
 28. Shigapov, S.R. (2016) The Soviet Authority and Old Believers: The development of relations in 1920-1930s (a case study of Tomsk county). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 44–50. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/6

УДК 947.083+930.85
DOI: 10.17223/19988613/48/4

М.А. Воскресенская

ФЕНОМЕН СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Ставится под сомнение стереотипное представление о Серебряном веке как явлении сугубо эстетического порядка. Обосновывается его понимание как целостного и многомерного социокультурного феномена в рамках русской культуры рубежа XIX–XX вв. Раскрывается значение термина «Серебряный век» в его семантической эволюции и в сопоставлении со смежными понятиями («русский ренессанс», «декаданс», «fin de siècle», «эпоха модерна»). На основе анализа таких системообразующих элементов Серебряного века, как культурная природа, социальная база, язык культуры, хронотоп, выводится его определение с позиций культурно-исторического подхода.

Ключевые слова: Серебряный век; культурно-исторический подход; история России конца XIX – начала XX в.

От автора. Встреча с Анисой Нурлгаяновной (или, как привыкли ее называть ученики и коллеги, Анной Георгиевной) Жеравиной стала знаковым событием в моей жизни и профессиональной судьбе.

Тридцать лет назад мне, тогда первокурснице истфака Томского университета, предстояло определиться с темой своей первой курсовой работы и найти научного руководителя. Меня влекло к постижению культуры – к проблематике, по тем порам, почти маргинальной для историков. Поначалу мои намерения наталкивались на откровенное недоумение и скепсис, но все чаще сквозь настоятельные рекомендации доброхотов подыскать тему «поближе к истории» пробивались советы обратиться к некоей Анне Георгиевне. В то время я еще мало знала преподавателей факультета, упомянутое имя мне было неизвестно, но неоднократно услышав от разных людей произносившееся почти с придыханием «Анна Георгиевна», была заинтригована и поспешила на поиски его загадочной обладательницы. Почему-то в мыслях представлялась строгая дама аристократической наружности с холодно-требовательным взором, заставляющим собеседника внутренне трепетать. Волнуясь, отправилась на кафедру, робко заглянула в дверь.

Анна Георгиевна оказалась приветливой женщиной со спокойным внимательным взглядом и мягкой улыбкой. Расспросила о планах. Выдохнув с облегчением, я выдала заготовленную «программу-максимум»: «Хочу за пять лет учебы освоить всю историю мировой культуры: на первом курсе заняться культурой Древнего мира, на втором – Средневековья, дальше – Нового и Новейшего времени». Анна Георгиевна покачала головой: «Так не пойдет. Заниматься всем – значит ничем. Что именно в истории культуры Вас особенно интересует?». Приоткрыла заветное: «Очень люблю русский Серебряный век».

Надо сказать, в те годы – вторую половину восьмидесятых – само это выражение еще не было на слуху и звучало очень редко. Мода на Серебряный век придет позже. А пока, несмотря на начавшуюся перестройку, многие его имена по-прежнему оставались под запре-

том или замалчивались, многие книги все еще находились в «спецхранах». Анну Георгиевну эти обстоятельства не смущали. Она поддержала мой искренний интерес: «Давайте на Серебряном веке и сосредоточим Вашу исследовательскую работу. А остальное можно изучать в свободном порядке – для расширения культурного кругозора».

Выбор был сделан – и темы, и научного руководителя. Оказалось, это выбор на всю жизнь.

Предлагаемая вниманию читателей статья – приношение профессору Анне Георгиевне Жеравиной, мудрой наставнице, благословившей меня на долгий путь по просторам истории Серебряного века.

Вводные замечания. В сложные переходные периоды становится особенно заметным влияние на ход общественного развития мировоззренческих импульсов, что наглядно продемонстрировала эпоха перемен на излете российского самодержавия. Кризисные процессы рубежной поры, когда страна оказалась на историческом распутье, проявились в том числе и на ментальном уровне. Дальнейшее самоопределение общества в немалой степени зависело от состояния умов и миропредставлений различных социальных слоев. Важную роль в русле данного дискурса следует признать за характером самосознания и образом мыслей культурной элиты как наиболее духовной, мыслящей и образованной среды. Исследование мировоззренческого комплекса российской культурной элиты предреволюционного периода предполагает в качестве существенного аспекта изучение вопросов, связанных с социокультурным обликом Серебряного века, – таких как пространственно-временные ракурсы и смыслообразующие основания этой культуры, формы социальной коммуникации и специфика мировидения ее творцов.

Анализ социокультурных характеристик Серебряного века требует методологической опоры на антропологически ориентированные принципы культурной истории, под которой понимается совокупность направлений и подходов, изучающих прошлое человечества с точки зрения культурных механизмов развития общества. Культурная история представляет собой

не автономную область познания, а особый ракурс рассмотрения исторической действительности: в качестве определяющего фактора общественной динамики выдвигается комплекс доминирующих в социуме идей, миропредставлений, способов мышления и т.п. Культура в таком контексте трактуется «как система отношений, устанавливаемых между человеком и миром. Эта система, с одной стороны, регламентирует поведение человека, с другой – определяет то, как он моделирует мир» [1. С. 277]. При подобных подходах предмет исторического познания становится человек в истории, а не абстрактные надличностные процессы.

Переосмысление в культурно-историческом ключе сложившихся представлений о содержании и смысловых векторах общественных процессов рубежа XIX–XX столетий ставит под сомнение сложившийся стереотип восприятия Серебряного века как явления исключительно художественного порядка. За неизменно артистическими внешними формами его творческого самовыражения скрываются глубинные социокультурные основания породившей этот феномен исторической эпохи. Долгое время Серебряный век рассматривался только как эстетическое явление, совокупность модернистских течений в литературе и искусстве, его изучение велось по отраслям гуманитарного знания, преимущественно искусствоведами и литературоведами. Позже его неотъемлемой составляющей была признана религиозная философия, постепенно расширился круг исследований интеллектуально-творческого наследия русского духовного ренессанса. Но и эта грань культурной эпохи изучается как самодостаточная сфера, в узкопрофессиональном исследовательском поле, вне широкого исторического контекста. Нередко декларируемая мысль о том, что Серебряный век являл собой некую духовную общность, не подкреплена в историографии развернутыми обоснованиями. Для того чтобы они появились, предметом специального исследования должен стать социокультурный модус Серебряного века, т.е. условия его формирования и формы существования как целостного и многомерного социокультурного феномена.

Следует отметить, что при всех солидных наработках, накопленных отечественной и зарубежной гуманитаристикой в ходе изучения культурных процессов того времени, исследователям пока не удастся определиться с критериями единства Серебряного века, установить фундаментальные начала его социокультурной целостности, приблизиться к концептуальному постижению его внутренней сущности. Вероятно, решение этой задачи осуществимо, прежде всего, в предметном поле исторического познания, по сути своей междисциплинарного и интегрирующего. «Без исторического видения культурологическое осмысление феномена Серебряного века оказывается невозможным. Но именно этого видения и не хватает», – заметил много лет назад один из историографов [2. С. 60]. За прошедшее время эта давняя мысль не утратила актуальности.

Имеет смысл попытаться с культурно-исторических позиций уточнить понятие Серебряного века.

Вопросы терминологии. Раскрыть понятие Серебряного века вряд ли возможно, не обратившись к семантической эволюции самого этого выражения. Метафора «Серебряный век», известная в мировой культуре еще с античных времен, в контексте истории русской культуры рубежа XIX–XX столетий приобрела специфический смысл – как обозначение неких духовных тенденций, заявивших о себе в ту эпоху. Кто первым использовал метафору в новом, фактически терминологическом значении, неизвестно. Нередко в данной связи исследователи упоминают имя Н.А. Бердяева, но в его сочинениях это словосочетание не встречается. Ошибочное мнение утвердилось в культурном сознании, видимо, с легкой руки С.К. Маковского: тот уверял, что именно Н.А. Бердяев назвал рубежный период Серебряным веком, «противопоставляя его пушкинскому – “золотому”» [3. С. 258].

Н.А. Оцуп оспаривал эту версию, заметив в письме к Ю.П. Иваску от 19 ноября 1958 г.: «Кстати, не подскажете ли Вы, когда и где Бердяев назвал “серебряным веком” – наш: я, мне кажется, вправе претендовать на авторство сих слов» [4. С. 609]. По всей вероятности, он имел в виду название своей статьи «Серебряный век», опубликованной в 1933 г. Заметим, что в ней это понятие не привязано к конкретной культуре или историческому периоду. Автор высказал мысль, что в любую эпоху «есть золотой и серебряный век искусства» [5. С. 175]. К золотому он относил творцов, гениально выразивших дух своего времени, а к серебряному – тех, кто не сумел стать подлинным голосом эпохи. Впоследствии эта статья будет переиздана в значительно переработанном виде под заглавием «Серебряный век русской поэзии». Новый вариант текста предваряется уточнением: «Пишущий эти строки предложил это название для характеристики модернистической русской литературы» [6. С. 127]. Тем не менее основной смысл статьи принципиальных изменений не претерпел: по-прежнему ведущие художественные феномены эпохи, например творчество А. Блока, неотделимое от модернизма, автор относил к золотому веку, а эстетические явления более низкого, на его взгляд, уровня – к серебряному. Однако в таком понимании данное выражение использовалось в литературной критике и до Н.А. Оцупа, например в сочинениях В.А. Пяста, Р.В. Иванова-Разумника и других авторов. Этот вопрос достаточно подробно исследовал О. Ронен [7].

Совсем иначе трактовал это понятие С.К. Маковский. В его мемуарах, впервые опубликованных в 1962 г., Серебряный век предстает как некая культурная целостность, сформировавшаяся в определенных исторических условиях и отличавшаяся глубоким духовным своеобразием. Описывая социокультурную среду Серебряного века, автор включил в нее «поэтов, писателей, художников, музыкантов, выразивших своим творчеством русский культурный подъем в предре-

волюционную эпоху» [3. С. 257], дополнив этот ряд также именами философов-идеалистов.

Со временем выражение «Серебряный век» из общекультурного обихода или художественно-публицистического дискурса проникло и в научно-исследовательскую сферу. Оно применяется для обозначения специфического круга явлений в русской культуре конца XIX – начала XX столетий, типологически близкого к западноевропейскому *fin de siècle*. Изначально в научный оборот понятие «Серебряный век» было введено зарубежными литературоведами и искусствоведами [8–10]. В период перестройки оно внедряется в отечественную гуманитаристику и с тех пор активно используется, уже не ограничиваясь лишь областью искусствознания. Понятие обросло широким спектром интерпретаций: от обозначения совокупности поэтических течений модернизма до характеристики общего культурного подъема в предреволюционной России. При этом сохраняется проблема «непроработанности термина» [11. С. 5], продолжают теоретические дискуссии в поисках его истинного и точного значения. Все еще не изжито поверхностное и неоправданно широкое толкование Серебряного века, когда под ним подразумевается сам период конца XIX – начала XX столетий в истории русской культуры. Между тем рубежная эпоха включала в себя множество разнообразных культурных составляющих, в том числе такие тенденции и явления, которые не имели отношения к Серебряному веку или даже прямо ему противостояли.

Более обоснованным представляется стремление конкретизировать рассматриваемое понятие. Распространенный сегодня взгляд на область его применения выразил Н.А. Богомолов: «Как кажется, подавляющее большинство исследователей сойдется на том, что Серебряный век – это век нового искусства, нового по отношению к тому, что провозглашал XIX век во всем своеобразии своих устремлений. Из этого очевидно, что мы должны прежде всего рассматривать модернизм в широком смысле этого слова...» [12. С. 8]. Вряд ли можно оспорить это утверждение, но в данном случае мы сталкиваемся с другой крайностью – чрезмерно узким подходом к интерпретации Серебряного века, содержание которого не ограничивается сферой литературно-художественного творчества. Оригинальная религиозно-философская мысль является столь же неотъемлемым его компонентом, что и модернистская эстетика. Более того, необходимо учитывать не только самобытный язык художественного и философского высказывания, отвечавший особенностям нового культурного сознания, но и социальную среду носителей этого сознания с присущими ей стилем мышления и образом существования. При таком подходе Серебряный век мыслится как целостное и многомерное социокультурное образование, сложившееся на основе специфического мировидения в рамках русской культуры рубежа XIX и XX столетий, но не заполнявшее собою всего ее пространства.

Внутренних смыслов и внешних контуров этой уникальной культурно-исторической целостности приведенное рассуждение еще не раскрывает, и все же здесь выражение «Серебряный век» выступает как термин, условное наименование конкретного феномена без каких-либо оценок и сравнений с неким «золотым» эталоном. Однако часть исследователей вслед за О. Роненом, призвавшим исключить его из научного употребления [7. С. 124], отвергает этот термин, по-прежнему усматривая у него негативную коннотацию. Нередко ему предпочитают иные термины: «русский ренессанс», «декаданс», «*fin de siècle*», «эпоха модерна». Сложившаяся ситуация побуждает рассмотреть их подробнее, чтобы выяснить, являются ли они синонимами выражения «Серебряный век» или представляют собой смежные ему понятия.

Подобно термину «Серебряный век», выражение «русский ренессанс» не имеет какого-то определенного автора, хотя его авторство и приписывается все тому же Н.А. Бердяеву. А.А. Ермичев справедливо отмечает, что ренессансные мотивы в духовной атмосфере рубежной эпохи улавливали и отражали публицистически многие ее современники [13]. Вероятно, во многом это было связано с пробуждением российского общества, очнувшегося от апатии «глухих годов» реакции по окончании периода контрреформ. Однако общее эмоциональное возбуждение и оживившиеся социальные брожения сами по себе еще не составляли сути ренессансных процессов в России конца XIX – начала XX в. Н.А. Бердяев, в отличие от других свидетелей эпохи, не ограничивался поэтическими декларациями на этот счет, а попытался раскрыть смысл того, что же, собственно, надлежало возрождать. В статье «Культура и политика (к философии новой русской истории)», написанной в 1905 г., в самый разгар первой русской революции, он провозгласил: «Осуществление нашей столетней политической мечты должно быть связано с великим культурным и религиозным ренессансом России. Только тогда мы будем знать, во имя чего действовать и творить. Мы ставим своей целью не только элементарное освобождение, но и ренессанс культурный, создание культуры на почве обновленного религиозного сознания» [14. С. 326]. Речь шла о возвращении к тем духовным ценностям, которые были отброшены революционно-демократической интеллигенцией с ее крайне политизированным и секулярным сознанием. Впоследствии многие мемуаристы, характеризую русскую жизнь той поры, выделяли как одну из примечательных ее особенностей возрождение религиозной потребности у части интеллектуально-творческой общественности, остро ощутившей узость и плоскость позитивистски-рационалистического мышления.

В советской историографии эти духовные искания обычно обозначались термином «богоискательство» и расценивались как реакционное явление буржуазной культуры, в то время как мыслителям русского зарубежья по-прежнему ближе было выражение «русский

ренессанс». Одним из первых в эмигрантской литературе его упомянул П.П. Сувчинский, назвавший так культурный подъем рубежа веков, среди ярких представителей которого он выделил ряд религиозных философов и модернистов [15. С. 136–137]. Однако глубокого развития эта тема в его трудах не получила. Закреплению термина «русский ренессанс» в культурном обиходе и исследовательской традиции способствовал опять-таки Н.А. Бердяев, активно использовавший его во многих философских и публицистических сочинениях [16–18]. При этом, в отличие от своей ранней статьи, в эмиграции мыслитель не столько теоретизировал о предполагающемся в неопределенном будущем культурном возрождении России на религиозной основе, сколько описывал предреволюционную духовную обстановку и анализировал характерные для того времени культурные тенденции. К ведущим явлениям русского ренессанса он относил «новое религиозное сознание» и эстетику модернизма. Н.А. Бердяев не вывел четкой дефиниции этого понятия и применял к нему многовариантные формулировки: культурный ренессанс, духовный, религиозно-философский, художественно-эстетический и пр. Под ренессансом он подразумевал не этап культурной истории, а специфический ментальный процесс, захвативший узкий круг культурной элиты, чьи идейно-творческие искания стали, по сути, мировоззренческой основой культуры Серебряного века. Иными словами, русский ренессанс – это комплекс умонастроений, свойственных творцам Серебряного века. Термин скорее отражает общую направленность их мыслей и переживаний, чем обозначает некое целостное социокультурное образование.

В культуре рубежа веков, вмещавшей в себя очень многое, парадоксальным образом сочетались русский ренессанс и декаданс, т.е. мотивы возрождения и упадка. Широкая публика ассоциировала декаданс с «порочной» модернистской средой и новыми художественными веяниями, звучавшими резким диссонансом привычному голосу реалистического искусства. Между тем декаданс, и в самом деле по-своему направлявший идейно-художественные искания того времени (заметьте: не только модернистские), представлял собой не эстетический феномен, а явление социально-психологического порядка. Произведения искусства и литературы, проникнутые декадентскими настроениями, не укладывались в рамки какого-то определенного художественного течения. Эмоциональный и моральный упадок отражал глубокую разочарованность одинокой тонко чувствующей души в мире, где утвердились утилитарные ценности и бездушный прагматизм буржуазной эпохи. Это специфическое духовное состояние (и отчасти модная поза) было характерно для всей европейской культуры *fin de siècle*, к которой, безусловно, принадлежал и русский Серебряный век. Понятие «*fin de siècle*», или «конец века» в переводе с французского, в культурно-историческом контексте подразумевает не буквальный календарный смысл, а завершение боль-

шого исторического цикла, переходное состояние общества, охваченного тревожными «предчувствиями и предвестиями» грядущих грандиозных перемен. Как и в случае с Серебряным веком, это выражение, несмотря на кажущийся темпоральный подтекст, не является строгим хронологическим обозначением. Оба термина могут рассматриваться как метафорическое наименование совокупности специфических тенденций в культуре рубежа XIX и XX столетий: *fin de siècle* звучит привычнее по отношению к европейской культуре в целом, Серебряный век – конкретно к русской. И в том и в другом случае социокультурная ситуация порубежья складывалась в атмосфере декадентства. Как подчеркивает О. Ронен, «исторический декаданс не был упадком творчества. Он был упадком жизни и упадком общества» [19. С. 224]. Небывалый расцвет художественной, философской и научной мысли *fin de siècle* никак не свидетельствовал о вырождении искусства и интеллектуальной сферы, напротив: «Упадок века был великолепен» [Там же. С. 225]. Прозвучавшие в литературе и философии декадентские мотивы не служили проповедью моральной деградации, не превращались в эстетское смакование уродливых сторон жизни. Художники и мыслители использовали их для развенчания духовных недугов современной цивилизации. На это указывал еще Ф. Ницше: «Современный пессимизм есть выражение бесполезности современного мира, а не мира и бытия вообще» [20. С. 63].

Разумеется, многоликая культурная жизнь бурной переходной эпохи не исчерпывалась болезненными явлениями. Не менее яркой ее характеристикой, чем декаданс, было тяготение к красоте, эстетизация всех сторон существования, включая быт. Не случайно исторический период на стыке XIX и XX вв. нередко называют эпохой модерна – с отсылкой к ведущему художественному стилю того времени. Примечательно, что этот последний в истории мирового искусства «большой» стиль именовался модерном именно в России. В других странах он получил другие названия: сецессион, югендстиль, либерти, ар нуво. Выражение «эпоха модерна» воспринимается скорее как поэтическое определение, довольно расплывчатое по содержанию, чем строго научное понятие, отражающее конкретно-историческую реальность.

Сопоставление смежных понятий позволяет многое уточнить в понимании изучаемого явления. Однако на этой основе вряд ли можно вывести его полноценную дефиницию – для этого требуется всесторонне рассмотреть сам стоящий за термином феномен. Постигание социокультурной специфики Серебряного века предполагает определение его внешних очертаний и выявление внутреннего смыслового содержания. На этих вопросах следует остановиться подробнее.

Серебряный век в фокусе культурно-исторического анализа. Серебряный век воплотился в единой системе творчества, миропонимания и образа жизни, развернувшись в комплексную социокультурную це-

лостность. Его культурные границы – содержательно-смысловые и пространственно-хронологические – достаточно условны, подвижны и проницаемы, но вместе с тем вполне установимы, поскольку абрис этой своеобразной «культуры в культуре» задается ее глубинной сущностью. Социокультурные основания и контуры Серебряного века как системной целостности раскрываются через описание и анализ его системообразующих элементов, в качестве которых выделяются культурная природа, социальная база, язык культуры, хронология.

Единство Серебряного века определялось его принадлежностью к неоромантизму как типу культуры. Под неоромантизмом следует понимать не литературное направление или художественный стиль, а характер мировосприятия, самосознания и самовыражения культуры. Романтическая природа проявилась во всех доминионах культуры Серебряного века – в искусстве, словесности, философии, повседневном бытовании, общественной практике. Она дала о себе знать такими существенными для Серебряного века чертами, как повышенный интерес к внутреннему миру человека и метафизическим проблемам бытия, религиозность, толкуемая не догматически, а как живой интерес к духовно-идеальному наполнению действительности, высокая знаковая насыщенность культуры, эстетизм, сознательное мифотворчество и, как вариант, жизнетворческие устремления художников, их склонность к артистическому универсализму, общее тяготение эпохи к мировоззренческим синтезам, театрализация жизни, игра как принцип жизнестроения.

Расцвет неоромантической культурной традиции в России в эпоху *fin de siècle* был обусловлен определенными историческими обстоятельствами. На протяжении почти всего XIX в. российской духовной ситуации больше отвечали просветительские тенденции, остро актуальные для страны с неизжитым крепостничеством и огромными массами неграмотного населения. В пореформенную эпоху, не вытесняя их, а дополняя в сложном, противоречивом взаимодействии, усиливаются романтические настроения. Их распространение наблюдалось прежде всего в столичных интеллектуально-художественных кругах и было непосредственно связано с неприятием творческой натурой буржуазно-мещанского и утилитарно-позитивистского духа современной действительности. Это был протест исключительно культурного свойства, он не носил социально-политического характера ни в охранительно-консервативном, ни в революционно-демократическом смысле.

Неоромантизм был примечательным, но не всеобъемлющим явлением русской культуры эпохи *fin de siècle*. Романтическое мироощущение в основном захватило локальную социальную группу – культурную элиту российского общества рубежа XIX–XX столетий, составившую социальную базу Серебряного века. В нее входила часть высокообразованной интеллиген-

ции, отдававшей приоритет культуре в системе ценностей, предпочитавшей творческую деятельность политической активности и считавшей необходимым условием общественного переустройства духовно-нравственное совершенствование мира. Эта социальная страта образовалась в результате расслоения интеллигенции. Ее становлению способствовали российские социокультурные реалии той поры: развитие системы высшего образования, набравшей силу благодаря просветительской государственной политике, расширение слоя читающей, глубоко мыслящей и равнодушной к искусству публики, чрезвычайно возросший к концу XIX в. социальный статус художника, либерализация цензуры и облегчение выезда за границу. Представители нового типа интеллигенции, заметно выделявшиеся на фоне разночинства высокими жизненными запросами, духовными ценностными ориентирами, широтой интеллектуального и художественного кругозора, не приняли народнических идеологических доктрин, особенно в части экстремистских способов их практической реализации, и не разделяли общих принципов миропонимания шестидесятников. Культурный конфликт был вызван не просто сменой поколений. Внутри прежде единой социальной группы произошел раскол между культурной элитой и революционно-демократическим крылом интеллигенции. Непримиримое столкновение их общественных взглядов генерировалось не столько идейно-политическими разногласиями, сколько несходством общемировоззренческих позиций. Культурной элите были чужды установки вульгарного материализма и воинствующего атеизма, классовая нетерпимость и склонность к политиканству их идейных оппонентов.

Среда творцов Серебряного века предстает в аналитической ретроспективе как своеобразное духовное единство, сложившееся на основе схожести умонастроений. Социальное бытие в этом специфическом сообществе выстраивалось в формах интеллектуального и творческого общения, нередко с элементами театрализации жизни и эстетизации действительности. Артистический принцип жизнестроения мыслился методом будущего переустройства социума. Обособленность элитарной интеллектуально-артистической среды, недоступной для свободного внешнего проникновения, придавала ей необычайную притягательность в восприятии сторонней публики. Стиль жизни и образ мыслей творцов Серебряного века, казавшиеся обывателю декадентскими, породили волну подражаний, но она не смогла стереть печати исключительности, эксклюзивности с лика этой культуры.

В литературно-художественном творчестве, концепциях религиозной философии, умонастроениях, способах социальной коммуникации, элементах повседневности Серебряного века находило свое выражение уникальное, неповторимое мировидение культурной элиты. Его формирование было предопределено настоятельной потребностью упорядочить пришедший в

хаотическое движение мир, ставший вдруг непредсказуемым в условиях грандиозных общественных сдвигов и кризисного состояния науки, оказавшейся не в силах объяснить природы явлений, обнаруженных в ходе новейших исследований и открытий.

Эпоха *fin de siècle* опровергла мнимое методологическое превосходство позитивизма, серьезно оспорив его претензии на роль универсального средства миропостижения. По-новому увиденная реальность и разочарование в научно-детерминистских дескрипциях побудили вернуться к опыту мифопоэтических моделей мира и актуализировать символизм в качестве языка культуры, отвечающего антипозитивистскому мировосприятию. Это означало не реставрацию архаики, но возрождение мифа как принципа мироосмысления. Миф оказался в иных случаях предпочтительнее сциентистских схем, поскольку он не объясняет реальность, не всегда поддающуюся аналитическим процедурам, а фиксирует в символических формах ее важнейшие для социума стороны и состояния. В сознании творческой личности Серебряного века мир предстал метафизической проблемой. За пределами видимой, чувственно осязаемой действительности проступали символические очертания иной, высшей реальности, неподвластной рациональному познанию, но направляющей все течение человеческой жизни. Миропредставления культурной элиты не всегда соответствовали ортодоксальным религиозным устоям, но неизменно носили «духоверческий» характер. Они предполагали скорее философское осмысление вневременных и непреходящих вопросов бытия, чем строгое следование церковной догматике.

В своих духовных исканиях творцы Серебряного века были движимы стремлением понять, каким образом в абсолютные законы мироздания вписаны исторические пути человечества, и распознать его дальнейшие судьбы. Отвечая на вызов времени, культурная элита по-своему разрабатывала ведущую тематику рубежной эпохи – проблему кардинального переустройства мира. Избрав в качестве ее концептуального решения мифотворчески-романтический замысел Революции Духа в противовес планам политического переворота, Серебряный век выдвинул самобытную идею жизнотворчества. Типичный для романтического мироощущения мотив неприятия далекой от идеала действительности в культуре русского ренессанса обыгрывался принципиально иначе, чем в западноевропейской традиции: искусство рассматривалось не убежищем от уродливых сторон жизни, а инструментом ее преобразования по законам красоты.

Формы культурного самовыражения социума всегда соответствуют конкретной эпохе и разворачиваются в конкретном пространстве – не только социальном или духовном, но и физическом. Пространственно-временные координаты любой культуры с трудом поддаются окончательному обозначению, их можно установить лишь с относительной точностью. Вместе с тем

более или менее четкое определение хронотопа культуры является необходимым условием проникновения в ее содержательно-смысловую суть.

Начало Серебряному веку положили процессы, казалось бы, отстраненные от насущных проблем времени: обсуждение творческой интеллигенцией форм и языка современного искусства и формирование новых направлений его развития. Однако за вспыхнувшими эстетическими дискуссиями и творческими поисками вставали мировоззренческие контексты эпохи. Согласно сложившейся исследовательской традиции отсчет истории Серебряного века принято вести от публичной лекции Д.С. Мережковского «О причинах упадка русской литературы», с которой он выступил в Петербурге в конце 1892 г., опубликовав ее переработанный текст в 1893 г. отдельной брошюрой под заглавием «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Констатируя настоятельную потребность русской литературы в обновлении и определяя характер назревших перемен, мыслитель выделил «три главных момента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» [21. С. 217–218]. Выдвинутые Д.С. Мережковским требования, кардинально расходившиеся с прежними эстетическими идеалами, нашли живой отклик в умах современников. Эта работа стала программным манифестом нового искусства и – шире – новой культурной эпохи. Его положения отражали специфику творческого метода и характер мировидения, уже воплощавшиеся к тому времени на практике в первых опытах русского символизма (пусть и пока еще весьма несовершенных) и предвосхищавшие близившийся философский расцвет «нового религиозного сознания». Разговор с читателем о языках искусства стал отправной точкой для глубоких размышлений о состоянии умов современного общества.

Стоит подчеркнуть, что появление этого манифеста выделяется исследователями в качестве некой начальной вехи весьма условно. Д.С. Мережковский, при всем новаторстве его идей, отнюдь не был «отцом-основателем» Серебряного века. Культурную эпоху невозможно «учредить» одномоментным актом индивидуальной творческой воли. Новое культурное мышление вызревало исподволь, постепенно, проявляясь поначалу какими-то предвестиями, отдельными «репликами» и тенденциями, в которых намечалось явное расхождение с разночинскими идеалами и представлениями о мире. Знамения грядущего культурного переворота угадывались еще в 1880-е гг.: в философии В.С. Соловьева, теоретических построениях Н.М. Минского, начальных эскизах модернистской живописи М.А. Врубеля, памятниках декоративно-прикладного искусства и архитектуры модерна мастеров «Абрамцевского кружка»... Широкий резонанс, вызванный выступлением Д.С. Мережковского, свидетельствовал о серьезных подвижках в общественном сознании, которое, наконец, оказалось готовым к восприятию све-

жих культурных веяний. Серебряный век стал реальностью не в момент зарождения нового мироощущения и нового языка культуры, а после того как достаточно заметные очертания приобрели слои их носителей – выразителей, с одной стороны, и реципиентов, с другой. По-настоящему новая культура сложилась, когда сформировалось сообщество, постоянно ее воспроизводящее.

Крушение Серебряного века, в свою очередь, было связано с распадом после Октября той социокультурной среды, в которой он творился. Присущие этой среде умонастроения, миропредставления, особенности общения и быта все меньше отвечали стремительным цивилизационным трансформациям. После «философского парохода», ознаменовавшего собой очередную смену культурных элит в российском обществе, Серебряный век окончательно угас. Стиль мышления и творческие методы, свойственные этой культурной эпохе, не исчерпали себя и вне ее пределов, по-прежнему отмечая философскую мысль и художественную деятельность переживших Серебряный век его творцов – и в изменявшихся российских условиях, и особенно за рубежом. Творцы Серебряного века даже после катастрофического для них исторического перелома оставались носителями некогда созданной ими культуры, но теперь это было лишь фактом их личной биографии. Они хранили дух Серебряного века, однако самого Серебряного века в его социокультурной целостности больше не существовало. В революционных катаклизмах рождалась иная культура, потенциал которой оказался более востребованным и жизнеспособным в новой конкретно-исторической ситуации.

При анализе культуры Серебряного века важно определить и ее географические пределы, так как широта пространственного распространения тех или иных культурных тенденций и веяний может служить своеобразным показателем того, насколько они отвечают состоянию массового сознания своей эпохи, его духовным запросам. В этой связи нельзя не отметить, что если хронологические рамки Серебряного века уже долгое время продолжают оставаться предметом споров, то вопрос об «ареале» этой культуры является проблемой не только не решенной, но, по большому счету, еще не решавшейся. Нередко с Серебряным веком отождествляют общий культурный подъем рубежа столетий, всплеск интереса к интеллектуальной и творческой деятельности, рост числа учебных заведений, культурных учреждений, научных и художественных обществ, наблюдавшиеся в то время по всей стране. Однако внутреннее содержание Серебряного века, его глубинная смысловая сущность заключалась все же не в просветительстве. Для того чтобы выяснить, распространялся ли Серебряный век за столичные пределы, необходимо понять характер самосознания провинци-

альной интеллигенции, определить, насколько ей были близки духовные установки и умонастроения культурной элиты, составившей социальную базу Серебряного века. Важно установить, существовали ли в периферийной интеллектуально-творческой среде «люди ренессанса» (по выражению Н. А. Бердяева), которые полагали высшим смыслом своей деятельности переустройство мира на духовных началах. Необходимо также оценить, в какой мере язык художественного высказывания провинциальных художников, литераторов, музыкантов соответствовал новым веяниям, проявившимся в произведениях ведущих творцов Серебряного века, присущи ли ему высокая знаковая насыщенность, мифологизм, философская углубленность – ведущие черты искусства той культурной эпохи.

Прояснение всех этих вопросов требует множества специальных исследований с привлечением локального источникового материала, которые пока еще никем не предпринимались. В настоящее время рано говорить о широком выявлении имен, философских трудов, произведений искусства, теоретических или публицистических опусов провинциальных деятелей культуры, в полной мере принадлежавших к Серебряному веку, а не просто оказавшихся его современниками. Приходится признать, что Серебряный век был явлением элитарным не только с точки зрения узости его социальной базы – этот социокультурный феномен имел и весьма ограниченные пространственные рамки. Безусловно, новые культурные веяния в определенной степени были восприняты в провинции. Там они творчески или подражательно усваивались в каких-то своих элементах. Но дух Серебряного века творился все же в столицах, где сложилась особая социокультурная среда, собственно и генерировавшая всевозможные формы его объективации. Культура Серебряного века сложилась и полноценно выразила себя в рубежной конкретно-исторической ситуации, вызвавшей к жизни специфическое миропонимание благодаря уникальному сочетанию условий времени и места: переходной исторической эпохи и замкнутой среды культурной элиты, сосредоточенной в локальных пределах столичных центров.

Подводя итог изложенным выше рассуждениям, в качестве резюме попытаемся вывести рабочее определение Серебряного века, трактующее это понятие в культурно-историческом ключе. Серебряный век как социокультурный феномен воплощался в совокупности процессов и явлений неоромантического характера, протекавших в русской культуре рубежа XIX–XX столетий и выражавших мировидение интеллектуально-творческих слоев интеллигенции, объединенных разрывом с позитивистско-народнической культурной традицией в поисках средств духовно-нравственного совершенствования мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский Б.А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 265–278.

2. Дорохин О.Н. Как пишется история серебряного века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. Вып. 24. С. 50–68.
3. Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века» // Маковский С.К. Портреты современников. М. : Аграф, 2000. С. 257–580.
4. Оцуп Н. Океан времени. СПб. : Logos, 1994. 616 с.
5. Оцуп Н. Серебряный век // Числа. 1933. № 7–8. С. 174–178.
6. Оцуп Н. А. Современники. Paris : Cooperative étoile, 1961. 230 с.
7. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М. : ОГИ, 2000. 152 с.
8. Proffer C., Proffer E. (eds.). The Silver Age of Russian culture: An anthology. Ann Arbor, Michigan : Ardis, 1975. 500 p.
9. Bowl J.E. The Silver Age: Russian Art of early twentieth century and «World of Art» group. Newtonville, Massachusetts : Oriental Research Partners, 1979. 355 p.
10. Etkind E., Nivat G., Serman I., Strada V. Histoire de la littérature russe. Paris : Fayard, 1987. Т. 4 : Le XXe siècle. L'Âge d'argent. 782 p.
11. Березовая Л.Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 4–16.
12. Богомолов Н.А. Серебряный век: опыт рационализации понятия // Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века». М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 7–16.
13. Ермичев А.А. Чем является русский духовный ренессанс? // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб. : Наука, 1914. С. 495–510.
14. Бердяев Н.А. Культура и политика (к философии новой русской истории) // Бердяев Н. Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные. М. : Канон+; Реабилитация, 2002. С. 310–326.
15. Сувчинский П. П. Два ренессанса (90–920-е годы) // Версты. 1926. № 1. С. 136–142.
16. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Н. Бердяев о русской философии. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 2. С. 217–235.
17. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 43–271.
18. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 446 с.
19. Ронен О. Декаданс // Звезда. 2007. № 5. С. 222–229.
20. Ницше Ф. Воля к власти. М. : REFL-book, 1994. 352 с.
21. Мережковский Д.С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений : в 24 т. М. : И.Д. Сытин, 1914. Т. 18. С. 175–275.

Voskresenskaya Marina A. St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: m.voskresenskaya@spbu.ru, marina3010@ngs.ru

THE PHENOMENON OF THE SILVER AGE: THE PROBLEM FIELD OF HISTORICAL-CULTURAL COMPREHENSION.

Key words: the Silver Age; the cultural-historical approach; history of Russia in the late XIX – early XX centuries.

The article is written in honor of the Professor of Tomsk state University Anisa N. Zheravina, who was the author's scientific supervisor when she began to study the history of the Russian Silver Age thirty years ago. The article aims to clarify the concept of the Silver Age based on a critical analysis of the available scientific literature interpretations. The author questions on its stereotypical perception as a purely aesthetic phenomenon. In this paper the author attempts to interpret the Silver Age as a multidimensional and holistic socio-cultural phenomenon. In the section "Terminology Issues" the expression "The Silver age" is examined in journalistic and scientific discourses. The author studies the evolution of its meaning from metaphor with evaluative connotations to the term with the unique socio-cultural background, which developed on the basis of a specific worldview in the framework of Russian culture of the late XIX – early XX centuries. Further the related concepts, that are close but not identical in meaning, are compared: the Silver age, the Russian Renaissance, decadence, fin de siècle, the era of modernity. The section "Silver Age in Focus of Cultural-Historical Analysis" deals with the attempt to define an outer border and to reveal the internal semantic content of the studied phenomenon as system integrity. The author proves that the Silver Age was embodied in the holistic system of creativity, attitude and lifestyle. So it was not a combination of modernist artistic movements, but fully-fledged culture. At the same time one should not understand it as a certain stage of Russian cultural history. The Silver Age became one of the components of a more general phenomenon of the Russian culture of the late XIX – early XX centuries. The section provides analysis of the system-forming elements of the Silver Age, such as cultural nature, social base, language culture, the chronotope of the phenomenon under study. It is shown that the unity of the Silver Age was determined by its belonging to the neo-romanticism as a type of culture. The author gives the characteristic features to confirm its romantic cultural nature. The work identifies the specific historical conditions of formation of the cultural elite of the Russian society of the late XIX – early XX centuries, which formed the social base of the Silver Age. The author displays the peculiarities of mythopoetic perception of the world characteristic of the Silver Age creators' environment and its contribution to the actualization of symbolism as the leading language of culture. Spatial and temporal limits of culture of the Silver Age are also investigated in the article. In conclusion the author gave a working definition of the Silver Age, formulated from the standpoint of cultural-historical approach: the Silver Age as a sociocultural phenomenon was embodied in the combination of the processes and phenomena of neo-romantic in nature which occurred in the Russian culture of XIX–XX centuries and expressed the world-view of creative intellectuals. The break with the positivist-populist cultural tradition united them in search of a spiritual-moral perfection of the world.

REFERENCES

1. Uspenskiy, B.A. (1994) K probleme genezisa tartusko-moskovskoy semioticheskoy shkoly [On the genesis of the Tartu-Moscow semiotics school]. In: Lotman, Yu.M. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotics School]. Moscow: Gnozis. pp. 265–278.
2. Dorokhin, O.N. (1999) Kak pishetsya istoriya serebryanogo veka [How is the history of the Silver Age written?]. In: Mogilnitsky, B.G. et al. (eds) *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and historiographical questions of historical science]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 50–68.
3. Makovskiy, S.K. (2000) *Portrety sovremennikov* [Portraits of Contemporaries]. Moscow: Agraf. pp. 257–580.
4. Otsup, N. (1994) *Okean vremeni* [The Ocean of Time]. St. Petersburg: Logos.

5. Otsup, N. (1933) *Serebryanny vek* [The Silver Age]. *Chisla*. 7–8. pp. 174–178.
6. Otsup, N.A. (1961) *Sovremenniki* [Contemporaries]. Paris: Cooperative étoile.
7. Ronen, O. (2000) *Serebryanny vek kak umysel i vymysel* [The Silver Age as Intent and Fiction]. Moscow: OGI.
8. Proffer C. & Proffer, E. (eds). *The Silver Age of Russian culture: An anthology*. Ann Arbor, Michigan: Ardis.
9. Bowl, J.E. (1979) *The Silver Age: Russian Art of early twentieth century and "World of Art" group*. Newtonville, Massachusetts: Oriental Research Partners.
10. Etkind, E., Nivat, G., Serman, I. & Strada, V. (1987) *Histoire de la littérature russe* [The History of Russian Literature]. Vol. 4. Paris: Fayard.
11. Berezovaya, L.G. (2001) *Serebryanny vek v Rossii: ot mifologii k nauchnosti (k voprosu o sodержanii ponyatiya)* [The Silver Age in Russia: From mythology to science (on the content of the concept)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 3(5). pp. 4–16.
12. Bogomolov, N.A. (2010) *Vokrug "serebryanogo veka"* [Around the "Silver Age"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 7–16.
13. Ermichev, A.A. (1914) *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [Names and Plots of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Nauka. pp. 495–510.
14. Berdyaev, N.A. (2002) *Sub specie aeternitatis: Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis: Philosophical, Social and Literary Experiences]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. pp. 310–326.
15. Suvchinskiy, P.P. (1926) *Dva renessansa (90–920-e gody)* [Two Renaissance (the 1890-1920s)]. *Versty*. 1. pp. 136–142.
16. Berdyaev, N.A. (1991) *N. Berdyaev o russkoy filosofii* [N. Berdyaev on Russian Philosophy]. Part 2. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 217–235.
17. Berdyaev, N.A. (1990) *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea. The main problems of Russian thought of the 19th – early 20th centuries]. In: Maslin, M.A. (ed.) *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture: Filosofyy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [On Russia and Russian philosophical culture: Post-October Russian Philosophers abroad]. Moscow: Nauka. pp. 43–271.
18. Berdyaev, N.A. (1991) *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Kniga.
19. Ronen, O. (2007) *Dekadans* [Decadence]. *Zvezda*. 5. pp. 222–229.
20. Nietzsche, F. (1994) *Volya k vlasti* [Will to power]. Translated from German by E. Gertsyk. Moscow: REFL-book.
21. Merezhkovskiy, D.S. (1914) *Polnoe sobranie sochineniy: v 24 t.* [Complete Works. In 24 vols]. Vol. 18. Moscow: I.D. Sytin. pp. 175–275.

УДК 930.23

DOI: 10.17223/19988613/48/5

И.Н. Данилевский

СЕМАНТИКА ОПРИЧНОГО ДВОРЦА И СМЫСЛ ОПРИЧНИНЫ: К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 17-01-00237 «Общественная мысль России: с древнейших времен до первой трети XX века»).

На материале, связанном с организацией и проведением опричнины Иваном Грозным, рассматриваются принципы корректного анализа ретроспективной информации, сохранившейся в письменных и материальных источниках. Поиск верных библейских «ключей» к перекодировке этой информации (в частности, целого ряда деталей описания Опричного дворца Генрихом Штаденом, а также некоторых строений, окружавших Дворец) позволяет с высокой степенью вероятности реконструировать не только замысел опричнины, но и в целом государственную идеологию Московского царства второй четверти XVI в.

Ключевые слова: исторические источники; ретроспективная информация; историческая реконструкция; государственная идеология.

Приступая к изучению исторического источника, исследователь должен ясно осознавать, что его «картина мира» и представления, которые зафиксированы в исследуемых текстах, не совпадают. Это – первый и необходимый шаг к преодолению культурно-исторической дистанции, которая всегда разделяет автора источника и современного исследователя. Верно понять семантику образов, дошедших из прошлого, возможно лишь в том случае, если удастся найти тексты, которые в явном виде раскрывают смыслы, скрытые в источниках. От точности найденных связей непосредственно зависят результаты сопоставлений и, соответственно, степень научности реконструкций идей, которые были заложены в основу тех или иных носителей ретроспективной информации их создателями. Интуитивные озарения, конечно, могут помочь – и порой помогают, но могут и вводить в заблуждение. Чтобы догадка превратилась в научную гипотезу, необходимы доказательства, приведенные в некую систему. Некорректность в обосновании догадки, невнимание к «мелочам», «деталям» в лучшем случае заставляют сомневаться в исходной идее, в худшем – дискредитируют ее в глазах специалистов (как это, скажем, произошло с мыслью о присутствии «библейско-агадического элемента» в произведениях древнерусской литературы, высказанной Г.М. Барацем [1–3 и др.] и, в силу небрежности ее обоснования, на много десятилетий «закрывшей» изучение библеизмов в источниках древней Руси).

Ярким примером подобного рода недоразумений являются попытки исследователей понять политику Ивана IV, известную под названием *опричнина*. Главные вопросы, которые их волнуют: причины ее введения в 1565 г. и отказа от нее в 1572 г. (вплоть до запрета упоминания самого слова *опричнина*), смысл проводившихся в эти годы мероприятий. По словам великого русского историка В.О. Ключевского, «учреждение это всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от

него, так и тем, кто его исследовал» [4. С. 331]. Заметим, однако, что это утверждение не распространяется на того, кто его инициировал и проводил. Иван Грозный, скорее всего, вовсе не считал опричнину странной. Напротив, для него в ней, несомненно, просматривалась своя достаточно жесткая логика.

О смысле опричной «политики» споры ведутся уже не одно столетие. Одни историки считали, что царь с ее помощью боролся против «реакционного» боярства, опираясь на «прогрессивное» дворянство, другие полагали, что речь шла о борьбе с удельными порядками, третьи – что царь стремился избавиться от своих политических соперников (прежде всего, удельных князей и наиболее влиятельных бояр), четвертые – что тем самым Иван старался укрепить свою абсолютную власть... Однако ни одна из этих точек зрения не охватывала всё, что известно нам об опричнине. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что в опричное войско входили не только дворяне, но и бояре (в том числе наиболее родовитые), а репрессиям подвергались не только бояре (вместе с семьями, включая малолетних детей), но и их слуги, среди которых было немало дворян; к тому же многие опричники, среди которых были и те, кто играл в войске царя едва ли не ведущие роли, также были казнены; после смерти Ивана уделов оказалось больше, чем во время его прихода к власти; личная власть царя не была ничем ограничена и без опричных казней... (подробнее см.: [5. С. 116–117; 6; 7. С. 153; 8. С. 192; 9 и др.]).

Серьезный шаг к пониманию того, что стояло за одним из самых кровавых процессов в истории древней Руси, сделал в свое время А.Л. Юрганов¹. Он обратил внимание на описание Опричного дворца, оставленное одним из очевидцев событий того времени, немцем-опричником Генрихом Штаденом. Приведем его полностью:

«Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на

самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх – из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроко-нечно, без крыши и бойниц.; [протянулись они] приблизительно на 130 сажень в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие – на юг, третьи – на север. Северные ворота находились против кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом... На этом дворе были выстроены три мощных постройки и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине. От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла. Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на полсажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хорами был погреб, полный больших кругов воску. Такова была особая площадь великого князя. В виду сырости она была засыпана белым песком... Ворота были обиты жестью. На них было два резных разрисованных льва – вместо глаз у них были пристроены зеркала; и еще – резной из дерева черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один [лев] стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же смотрел во двор. Между этими двумя львами стоял двуглавый черный орел с распростертыми крыльями и грудью в сторону земщины. Южные ворота [– калитка] были малы: только один и мог в них въехать или выехать. Здесь были выстроены все приказы и ставились на праведж должники, которых били батогами или плетями... Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо и в силу указа в земщине тому не перечили. ... Снаружи слуги князей и бояр держали их лошадей: когда великий князь отправлялся в земщину, то [верхом] они могли следовать за ним только вне двора. Через восточные ворота князя и бояре не могли следовать за великим князем – ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней. Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, изнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было; [там была] большая площадь, ничем не застроенная. На севере были большие ворота, обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребами... были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листьев... Здесь была калитка, чтобы с поварен, погребов и хлебен можно было доставлять еду и питье на правый [великокняжеский] двор. Хлеб, который он [великий князь] ест сам, – несоленый. Здесь были две лестницы [крыльца]; по ним можно было

подняться к большой палате. Одна из них была против восточных ворот. Перед ними находился маленький помост, подобный четырехугольному столу: на него всходит великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоились крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до самых стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке. Церковь эта была выстроена крестообразно и фундамент ее шел вглубь на 8 дубовых сваях; три года она стояла непокрытой... Другая лестница [– крыльцо] была по правую руку от восточных ворот. Под этими двумя лестницами и переходами держали караул 500 стрелков; [они же несли] и все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел. На южной стороне ночью держали караулы князя и бояре» [13. С. 108–110].

Юрганов обратил внимание на то, что ряд деталей этого описания (квадратная форма дворца; трое ворот, выходивших на север, юг и восток, отсутствие западных ворот; то, что через восточные мог въезжать только великий князь и т.п.) соответствует описанию Града Божьего [12. С. 90] в видении пророка Иезекииля (Иез 40–42). Однако как это было связано с последующими событиями, историк не объяснил, отметив лишь, что «царь строил Опричный дворец с религиозной целью: это был дворец, воплотивший в себе эсхатологические представления Ивана Грозного и его эпохи» [Там же. С. 97]. При этом из поля зрения выпал целый ряд чрезвычайно важных «мелких» моментов, а некоторые из них получили весьма произвольную интерпретацию.

Рассмотрим некоторые из таких сюжетов.

Прежде всего, Град Божий, явленный Иезекиилю, считался и считается прообразом Третьего Храма Иерусалимского, который, по преданию, будет построен на Храмовой горе (напомню, по Штадену, Опричный дворец был возведен «на самом высоком месте») либо самим царем-помазанником (что станет свидетельством, что он – Мессия), либо непосредственно перед приходом Мессии. Об этом, в частности, писал Маймонид, некоторые сочинения которого были переведены на Руси еще в XV в. (единственный известный западнорусский список Логики Моисея Маймонида, или Моисея Египтянина, как его называет создатель рукописи, относится к первой половине XVI в.) [14. С. 381]. Правда, согласно христианской традиции, в Третьем Храме должен был воцариться лже-мессия, антихрист. Тем не менее это должно было служить одним из важнейших признаков скорого (через 3,5 года) Второго Пришествия Спасителя.

В связи с этим строительство Опричного дворца царем-помазанником (венчание на царство Ивана Грозного произошло 16 января 1547 г.²) вполне могло рассматриваться в свете подобных представлений.

Кстати, фундамент Храма Господня, который был построен по распоряжению Соломона, должен был

быть из тесаного камня (3 Цар 5 17)³, что еще больше сближает описание Опричного дворца с образом Храма Иерусалимского.

Следовало бы тщательнее проанализировать и размеры Опричного дворца, указанные Штаденом. Как мы помним, он упомянул, что стены дворца протянулись «приблизительно на 130 сажень в длину и на столько же в ширину». Судя по всему, Юрганов так и не смог согласовать очевидное, казалось бы, расхождение этих размеров с упоминанием протяженности стен Храма, который описывает Иезекииль (Иез 42 16–20): по 500 локтей в длину и в ширину. В Острожской Библии (1581) этот текст выглядит так: «И размѣри сказаніе храму окрестъ съ заповѣдію. И ста на югъ вратъ, зрящихъ на востокъ, и размѣри пять сот тростію мѣрною. И обратися на сѣверъ, и размѣри на лице сѣвера, лакоть пять сотъ тростію мѣрною. И обратися къ морю, и размѣри на лице моря, пять сотъ тростію мѣрною. И обратися на югъ, и размѣри противу югу, 5 сот тростію мѣрною: на четыре страны тоужь тростію. И заповѣда ѿ ограду окрестъ ему: пятію сотъ лактъ долготу, пяти сот же лактъ широту» [19. Л. 126]. Практически те же размеры приводятся и в Елизаветинской Библии 1751 г., которую цитирует Юрганов⁴: «Четыри страны тоужде тростию: и расположи его, и орграду окрестъ ему, пять сотъ лактей [долготу] на востокъ, и пять сотъ лактей широту» [20. С. 1087].

Выход из видевшегося ему противоречия историк предложил довольно своеобразный: «Г. Штаден обратил внимание на то, что царя во дворце охраняли 500 стрелков: они несли “все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел”. В послании Таубе и Крузе сообщается: “Он, великий князь, образовал из них (опричников. – А.Ю.) над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей... Все братья... должны носить длинные черные монастырские посохи с острыми наконечниками”. В двух независимых источниках, таким образом, называется одна и та же цифра... В опричном монастыре и в Опричном дворце было не только 500 братьев, но и 500 посохов-тростей. Едва ли такая деталь случайна, хотя обнаруженная связь, по всей видимости, сугубо символическая» [12. С. 96]. Таким образом, исследователь «превратил» монастырские посохи опричников в мерные трости, которыми некий муж проводил измерения для Иезекииля, и тем самым, как ему кажется, разрешил расхождение в размерах Опричного дворца, упомянутых Штаденом, и Дома Господня из видения Иезекииля. При этом Юрганов предпочел не уточнять, что дает основание считать «стрелков»-охранников, упомянутых Штаденом (и которых он, кстати, отделяет от князей и бояр, державших караулы ночью на южной стороне Дворца), опричниками, о которых писали Таубе и Крузе, и носили ли они те самые посохи: его вполне устроило совпадение числа 500, упомянутого в разных источниках...

Ошибка, очевидно, кроется в незаметной, на первый взгляд, «детали». Действительно, в синодальном переводе Библии размеры Храма Господня даются в мерных тростях: «Когда кончил он измерения внутреннего храма, то вывел меня воротами, обращенными лицом к востоку, и стал измерять его кругом. Он измерил восточную сторону тростью измерения и намерил тростью измерения всего пятьсот тростей; в северной стороне той же тростью измерения намерил всего пятьсот тростей; в южной стороне намерил тростью измерения также пятьсот тростей. Поворотив к западной стороне, намерил тростью измерения пятьсот тростей. Со всех четырех сторон он измерил его; кругом него была стена длиною в пятьсот тростей и в пятьсот тростей шириною, чтобы отделить святое место от несвятого» (Иез 42 15–20). Однако в тексте, бытовавшем во времена Ивана Грозного [19. Л. 144 об.], как мы видели, размеры Храма приводятся в локтях, хотя упоминается и мерная трость, размеры которой в 6 раз больше: «И в руцѣ мужу мѣра тростяна шести лактъ и пяди» (Иез 40 5)⁵. Штаден же дает размеры стен Опричного дворца в саженьях. На эту-то «деталь» и не обратил внимания Юрганов.

Между тем, локти (точнее, локоть с пядью), в которых давались размеры Храма, для древнерусского читателя могли, скажем, равняться приблизительно 57 см: 38 см (локоть) + 19 см (пядь). Следовательно, 500 локтей в его представлении составляли бы около 285 м (57 × 500). Сажень же, которой измеряет («приблизительно»!) стены Опричного дворца Штаден, могла равняться 216 см (так называемая новая сажень, использовавшаяся в XVI в.). Соответственно, 130 таких сажень должны были составлять чуть больше 280 м. Впрочем, какие бы древнерусские сажени ни имелись в виду, любая из них содержала по 4 локтя, т.е. 500 локтей приблизительно соответствует для древнерусского человека 130 сажням (500 : 4 = 125). Так что размеры Дворца, построенного по приказанию Ивана Грозного, практически точно соответствуют представлениям читателя XVI в. о размерах Храма, описываемого Иезекиилем.

Произвольно были истолкованы Юргановым также изображения льва и двуглавого орла, украшавшие Опричный дворец. С одной стороны, исследователь вполне справедливо отмечает: «Чтобы объяснить значения льва и двуглавого орла в системе уже показанных нами символов Опричного дворца, следует обратиться к религиозной основе этих образов» [12. С. 93]. С другой – тексты, которые рассматриваются им в качестве такой основы, вызывают по меньшей мере сомнения.

«В Откровении Иоанна Богослова читаем: “И посреде престола и окрест престола (Божия. – А.Ю.) четыре животна исполнена очесъ спреди и созади” (Откр 4 6). Этими животными были лев, телец, человек (“третье животное имущее лице яко человек”) и орел. Зеркала в глазницах льва, смотрящих вовнутрь дворца и в сторону земщины, как бы подчеркивали, что первое апокалиптическое животное “исполнено очесъ”. Первую печать “книги жизни” снял именно лев. Снятие второй

печати тельцом символизировало, согласно толкованию Андрея Кесарийского, “священные жертвы святых мучеников”; третьим животным, снявшим печать, был человек... Любопытнее всего, как определяется в Откровении четвертое животное, снимающее печать: “И четвертое животное подобно орлу летящу” (Откр 4 7)... В лицевых апокалипсисах XVI в. орел изображался с распростертыми крыльями. Именно вслед за открытием четвертой печати появляется новая фигура, что само по себе симптоматично, если иметь в виду царский замысел: “И видех, и се, конь блед, и сидящий на нем, имя ему смерть: и ад идяше в след его; и дана бысть ему область на четвертой части земли” (Откр 6 8). Итак, двуглавый черный орел с “распростертыми крыльями” (т.е. летящий), обращенный в сторону земщины, имеет помимо геральдической символику апокалиптическую: это образ адского наказания, которое настигнет неизбежно в последние времена» [12. С. 93–94].

И далее: «В “Беседе трех святителей”... Соломон спросил: “Что суть 4 рози (образа. – А.Ю.) на земли? – Иоанн рече: “Четыре евангелисты, на востоце Матфей, человеческим; на западе Марко, телчим; на севере Иоанн, орлим; на юзе Лука, лвовым образми, вси бо крылата”. Подобные представления были традиционными, а потому можно предполагать их осуществление в Опричном дворце Ивана Грозного. Восточная сторона – “человеческая”; западная олицетворяла собой тельца и Второе пришествие Христово; северная – связана с образом орла. Южная сторона не случайно представлена образом льва. Кроме того, орлы на всех трех башнях дворца были также связаны с символическим значением имени Иоанна Богослова» [Там же. С. 94].

Юрганова не смущает целый ряд принципиальных несоответствий текстов, которые он использует для объяснения символических фигур, с описанием Штадена. Прежде всего, Штаден упоминает не четыре, а лишь два изображения животных. Кроме того, все животные (в том числе изображение, *напоминающее* льва), согласно тексту Апокалипсиса, на который опирается Юрганов, должны были бы иметь по шесть крыльев «вокруг», а «внутри» «исполнены очей *спереди и сзади*» (Откр 4 6–8). Но ни один из этих признаков Штаден не упоминает. Наконец, четвертое животное, о котором идет речь в Апокалипсисе, мало похоже на *двуглавого* орла; это даже не вполне орел (оно лишь «*подобно* орлу»). Единственное, что роднит его с орлами Опричного дворца, – распростертые крылья. Хотя этот – существенный, по мнению Юрганова, – признак вовсе не свидетельствует о том, что Штаден пишет о *летящих* двуглавых созданиях. О двух же головах орлов, украшающих Опричный дворец, Юрганов предпочитает не вспоминать, видимо считая эту «мелочь» – по сравнению с распростертыми крыльями – несущественной.

Гораздо более плодотворными представляются в данном случае поиски библейского текста, в котором бы упоминались только два животных: лев и двуглавый орел.

Он достаточно хорошо известен. Речь идет о библейской 3-й книге Ездры. В ее 11–12 главах повествуется о видении *трехглавого* орла, который был побежден львом. Смысл видения Ездры объясняется так: «орел, которого ты видел восходящим от моря, есть царство, показанное в видении Даниила, брату твоему⁶... А что ты видел три головы покоящиеся, это означает, что в последние дни царства Всевышний воздвигнет три царства и покорит им многие другие, и они будут владычествовать над землею и обитателями ее с большим утеснением, нежели все прежде бывшие; поэтому они и названы головами орла, ибо они-то довершат беззакония его и положат конец ему... Лев, которого ты видел поднявшимся из леса и рыкающим, говорящим к орлу и обличающим его в неправдах его всеми словами его, которые ты слышал, это – Помазанник, сохраненный Всевышним к концу против них и нечестий их, который обличит их и представит пред ними притеснения их. Он поставит их на суд живых и, обличив их, накажет их» (3 Езд 12 10–33).

Образ трехглавого орла тесно связан с «теорией» последнего, третьего царства и вполне отчетливо ориентирован на эсхатологические ожидания, приобретшие особую остроту во второй половине XV–XVI в. Этот символ прослужил основой для многочисленных толкований (подчас прямо противоположных) в русской богословской среде конца XV–XVII в. (см.: [21. С. 143–149]). Тем не менее текст 3 книги Ездры не принято использовать для интерпретации образа двуглавого орла. Причиной этого, видимо, стали три фактора.

Во-первых, считается, что ни греческий [22. С. 42], ни славянский [23. С. 28] тексты 3 книги Ездры не были известны на Руси до 1499 г. Только при подготовке Геннадиевской Библии она была переведена с латинской Вульгаты. Это, в частности, подтверждается тем, что в Изборнике 1073 г. в индексах рекомендованных и запрещенных для чтения религиозных книг [24. Л. 203–204, 252–253, 253–254] упоминание 3-й книги Ездры отсутствует.

Во-вторых, смущает различие числа голов у «опричного» орла и орла Ездры. Так, говоря об отождествлении некоторыми новгородцами и псковичами – членами геннадиевского кружка – двуглавого орла, ставшего гербом Московского царства, и Антихриста (с опорой на 3-ю книгу Ездры), Т.А. Опарина замечает: «Не ясно, видели ли авторы подобных концепций несогласование между двуглавым орлом герба и трехглавым III книги Ездры. Возможно, им было важно лишь то, что орел на гербе был многоглавым» [21. С. 145].

Наконец, в-третьих, по мнению Д. Стремоухова, которое разделяют многие исследователи, первоначально восприятие двуглавого орла (как, кстати, и отождествление Москвы с Третьим Римом) носило антимосковскую окраску [см.: 25. С. 89–96].

Несмотря на всю резонность этих соображений, представляется, что определенные основания для связи изображения двуглавого орла именно с текстом 3-й книги Ездры все-таки имеются.

Прежде всего, следует учитывать, что многоглавые орлы встречаются и в относительно ранних письменных источниках, появившихся на территориях, поддерживавших контакты с католической Европой, где знакомство с 3-й книгой Ездры могло состояться значительно раньше. Так, при описании строительства, которое велось в Холме Даниилом Галицким в самом конце 50-х гг. XIII в., летописец рассказывает, что на расстоянии поприща от города был поставлен «столп... камен, а на нем орел камен изваян... с головами» [26. Стб. 845]. При анализе этого сообщения Ю.А. Артамонов обратил внимание на любопытную деталь: летописец, говоря о головах орла, употребил множественное число («головами») [27. С. 22]. Упоминание нескольких голов у холмского орла вполне может быть связано с семантикой образа двуглавого орла в контексте указанного ветхозаветного текста.

Дело в том, что третья – средняя и самая большая – голова орла, о котором идет речь в 3-й книге Ездры, «внезапно исчезла», и «оставались две головы, которые... царствовали на земле и над ее обитателями» (3 Езд 11 33–34). Таким образом, орел Ездры мог изображаться с невидимой третьей головой: как двуглавый. Косвенно об этом свидетельствуют государственная печать самого Ивана IV, на которой присутствует одна большая корона между головами орла [28. С. 211], изображения восьмиконечного креста на голгофе, помещенного между двумя орлиными головами, на печатях Федора Ивановича (1585), Бориса Годунова (1602), Лжедмитрия I (1606), Василия Шуйского (1606) и Михаила Федоровича (1636) и, наконец, появление на этом месте на печатях Алексея Михайловича (1654 и 1672 гг.) большой третьей короны, которая сохраняется и в более позднее время, иногда полностью замещая короны, или венцы, над двумя головами орла [29. С. 37–39, 41, 43–44, 46–51].

Наконец, очевидно, что сам ветхозаветный образ трехглавого орла мог восприниматься неоднозначно (как и связанная с ним «теория» третьего царства). Мало того, даже в одной и той же социальной среде его интерпретация могла серьезно изменяться⁷. «Промосковский» или, напротив, «антимосковский» характер этого символа не мог быть задан изначально (ср.: [21]). Его семантическое наполнение должно исследоваться специально в каждом отдельно взятом случае.

Обращение к тексту 3-й книги Ездры представляется более продуктивным и логичным для истолкования изображений льва и двуглавого орла, украшавших Опричный дворец. Более того, этот текст позволяет вплотную заняться вопросом о том, почему, скажем, все двуглавы орлы Опричного дворца были обращены грудью в сторону земщины, а лев – вовне и внутрь дворца...

Теперь обратимся к дате введения опричнины. Как отмечает Юрганов, «мы никогда до конца не узнаем, в какой момент и почему царь решил ввести опричнину». Однако момент был выбран вполне определенный и, скорее всего, не случайно. По широко распространен-

ным в первой половине XVI в. представлениям, очередной – и, как считали, последней – потенциальной датой конца света должен был стать 7077 (1569) год [12. С. 80]. Однако ей, согласно христианской доктрине, должно было предшествовать «малое время», на которое устанавливается владычество дьявола: 3,5 года. Исходя из этого дата введения опричнины представляется вполне логичной и понятной: она учреждается за три с половиной года до ожидающегося конца человеческой истории. Однако введение опричнины Юрганов связал не с этой датой, а почему-то с уже прошедшим 1562 г.: «Прошел 7070 (1562) год. Зло и беззаконие нарастают; каков же выход? Вся русская история, создавшая особый тип сакрализованной монархии, подвела его к мысли начать собственную борьбу со злом, как он его понимал. Промежуток между 1562 г. и известным нам по источникам началом опричнины составляет около трех лет... Иван Грозный не стал ждать истечения срока...» [12. С. 87].

Не менее любопытным представляется и то, что незадолго до начала опричных мероприятий, в 1549 или 1550 г., в Москве появляется еще одно довольно странное сооружение: на Пожаре (Красной площади) возводится Лобное место⁸. Назначение его неясно. Широко распространено мнение, что это было место казней, где рубили (или «складывали») «лбы» (головы), отчего оно и называлось Лобным. Обращается также внимание на то, что во многих актах Лобное место называется «Царским». Это принято связывать с тем, что там устанавливали некое «царское место», с которого государь объявлял свою волю.

Однако в предлагаемом нами контексте это сооружение приобретает несколько иной смысл, который подтверждается источниками: «Есть же Голгофа мѣсто, идѣже распяты Господь, камень кругомъ высокъ, иже нарицается Голгофа, исподи же, подъ распятиемъ, идѣже есть глава Адамля, то нарицается Краниево мѣсто, иже есть Лобное...» [34. С. 238]. Соответственно, это место – место распятия Христа – могло называться «Лобным», поскольку под ним был захоронен, согласно преданию, Адам, а также «Царским», поскольку оно связано с Царем Славы⁹. Получает объяснение и форма московского Лобного места («камень кругомъ высокъ»).

Не исключено, что и расположение Лобного места, как и Опричного дворца, было неслучайным: оба они находились практически в устье р. Неглинной (Лобное место – на берегу рва, заполненного ее водами), которая вполне могла ассоциироваться с «потоком», рекой жизни Тысячелетнего царства, упоминаемой Иезекиилем (Иез 47 1-2): «...и се вода исхождаше ниже непокровеннаго храма на востокъ, яко лице храму зрѣше на востокъ, и исхождаше вода ѿ оугла деснаго ѿ юга къ требнику» [19. Л. 148 об.]. Такая ассоциация могла усиливаться тем, что Неглинная действительно, омывала Опричный дворец с юга, по правую руку если стоять лицом на восток, «ниже» того самого «непокровен-

ного храма», который упоминается у Штадена («церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке... три года... стояла непокрытой»). К тому же у Захарии сказано, что вода, вытекающая из Иерусалима, «разделится»: «живые воды потекут из Иерусалима, половина их к морю восточному и половина их к морю западному» (Зах 14 8). А как раз у Опричного дворца воды Неглинной делились на две части: одна из них поступала в ров, отделявший Кремль от Пожара (Красной площади), в то время как основное русло впадало в Москву-реку у Боровицкой башни Кремля.

Примерно в это же время на подъезде к Москве появляется и еще один «иерусалимский» топоним: Поклонная гора, которая впервые упоминается в так называемой Хронике Быховца, написанной в XVI в. Связь этого топонима с иерусалимской Поклонной горой не вызывает сомнения.

Судя по всему, в преддверии грядущего конца света Москва отстраивалась как столица последнего царства, во главе которого стоял царь-помазанник.

В пророчестве Иезекииля оговаривалось также имущественное обеспечение князя, который возглавит будущее теократическое общество: его земельный надел (западные земли) охватывал священный надел Господень и отделялся от земли неосвященной (восточные земли). В этом, видимо, и состоял смысл деления Московского царства и самой Москвы на опричные и земские территории. Причем надел князя мог делиться только между его сыновьями, в то время как участки земли, подаренные кому-либо из «рабов», могли находиться в их пользовании не более 7 лет (Иез 46 16-18), что давало сакральную основу удельно-вотчинной системе, сформировавшейся к тому времени на Руси [11. С. 117–215].

Обращение к Иезекиилю объясняет и оправдывает также присутствие иностранцев в опричном войске: «Разложите ю [землю] жребием вамъ и приходомъ, обитавшимъ средѣ вас, иже суть родили сыны средѣ вас. И будутъ вамъ яко то земельцы сыномъ Израилевомъ: с вами да ядагъ въ причастіи средѣ племень Израилев. И будутъ въ племени приходостѣ въ приходѣхъ с ними, ту дасте причастіе, глаголетъ Господь Богъ» [19. Л. 149]¹⁰.

О том, что государь принимал на себя функцию спасителя своих подданных, свидетельствует и косвенная характеристика Ивана IV в летописном рассказе о поводе для развода Василия III и Соломонии Сабуровой, который появился во второй редакции 1547 г. Псковской I летописи (Погодинский список): «Того же лѣта [7031/1523] поеха князь великий, царь всея Роусии, в объездъ; бысть же шествовати емоу на колесницы позлащенней оруженницы с ним, яко же подобает царем; и возрѣвше на небо и видѣв гнѣздо птиче на древе, и сотвори плач и рыдание велико, в себѣ глаголюще: “Люте мнѣ, кому оуподоблюся аз; не оуподоблюся ни ко птицамъ небеснымъ, яко птицы небесныя плодовиити суть, ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земныи плодовиити суть, не оуподобихся азъ никому же, ни водамъ, яко же воды сиа плодовиити суть, волны бо ихъ утѣшаю-

ща и рыбы ихъ глумящеся; и посмотри на землю и глаголя: Господи, не уподобихся азъ ни земли сеи, яко и земля приноситъ плоды своя на всяко время, и ты благословлять, Господи”. И приѣхъ князь великий тоя осени изъ объезда къ Москвѣ и начаша думати со своими бояры о своей великой княгинѣ Соломонѣи» [35. С. 102–103].

Часто этот рассказ транслируется историками буквально (см., напр.: [35]). Между тем, это не что иное, как перифраз апокрифического Протоевангелия Иакова: «И огорчилась очень Анна, но сняла свои одежды, украсила свою голову, надела одежды брачные и пошла в сад, гуляя около девятого часа, и увидела лавр, и села под ним и начала молиться Господу, говоря: “Бог моих отцов, благослови меня и внемли молитве моей, как благословил ты Сарру и дал ей сына Исаака”. И, подняв глаза к небу, увидела на дереве гнездо воробья и стала плакать, говоря: “Горе мне, кто породил меня? Какое лоно произвело меня на свет? Ибо я стала проклятием у сынов Израиля, и с осмеянием меня отторгли от храма. Горе мне, кому я подобна? Не подобна я птицамъ небеснымъ, ибо и птицы небесныя имеютъ потомство у тебя, Господи. Не подобна я и тварямъ бессловеснымъ, ибо и твари бессловесныя имеютъ потомство у тебя, Господи. Не подобна я и водамъ этимъ, ибо и воды приносятъ плоды у тебя, Господи. Горе мне, кому подобна я? Не подобна я и земле, ибо земля приноситъ по поре плоды и благословляетъ тебя, Господи”» [37. С. 149].

Ключом к пониманию смысла такого воспроизведения апокрифического текста в летописном рассказе служит ответ, который согласно Протоевангелию Иакова получила Анна: «И тогда предстал пред ней ангел Господней и сказал: “Анна, Анна, Господь внял молитве твоей, ты зачнешь и родишь, и о потомстве твоём будут говорить во всем мире”» [Там же]. Речь идет о том, что Анна станет матерью Богородицы, а потомством ее будет Спаситель. Такое понимание рассказа Псковской I летописи подтверждает наши выводы, следующие из сопоставления ретроспективной информации, сохранившейся как в письменных, так и в материальных источниках XVI в., об идеологии, которая легла в основу опричных мероприятий Ивана IV.

Другими словами, летописец вполне определенно охарактеризовал сына Василия III как полномочного представителя Спасителя (если не как самого Спасителя), который устроит для своих подданных «своеобразное русское чистилище перед Страшным судом» [12. С. 108]: «омывая кровью» их грехи, Иван IV, судя по всему, желал избавить их от вечных мук и тем самым приобщить к Царству Небесному (мысль, широко распространенная в древнерусских источниках). Когда же Иван убедился в том, что Господь не принял его претензию на роль Спасителя (что, в частности, нашло выражение в сожжении Опричного дворца отрядами Девлет-Гирея сразу по прошествии «последней» потенциальной даты конца света), опричина была отменена, а царь, осознавший, что впал в грех гордыни, начал каяться в содеянном...

Итак, детали Опричного дворца, описанные Штаде-ном и незамеченные либо неверно истолкованные Юргановым, получают вполне надежное объяснение при обращении к текстам Книги пророка Иезекииля и 3-й Книге Ездры, а догадка, высказанная исследователем, приобретает характер хорошо обоснованной гипотезы. В ее кон-

тексте все составляющие опричнины – от момента ее введения до конкретных деталей и отмены – приобретают логику и последовательность. В то же время проведенные наблюдения еще раз подтверждают, что только точное установление связей между текстами источников может стать залогом верификации подобных выводов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья об опричнине и Страшном суде неоднократно публиковалась автором – как самостоятельно, так и в качестве раздела книги [10–12]. При этом текст ее изменялся лишь стилистически, в то время как аргументация по существу не пересматривалась. В дальнейшем, чтобы не перегружать текст повторяющимися цитатами, будем ссылаться только на последнюю публикацию этой статьи.

² Чин помазания на царство был составлен, скорее всего, в середине 1550-х гг., однако венчание на царство самого Ивана IV помазанием, судя по всему, не сопровождалось (см.: [15. С. 109–113]). Тем не менее современники считали его царем-помазанником. Так, в Степенной книге Иван IV титулуется «святопомазанным царем» [16. С. 345], а А.М. Курбский называет Ивана «помазанцем Божиим» и упоминает «сан помазания царского» [17. С. 239, 261].

³ Впрочем, этого стиха (а следовательно, и прямого упоминания, что в основании Храма должны быть «камни обделанные»), в Острожской Библии нет. Зато в Хронографе редакции 1512 г. читаем: «И повелѣ Соломанъ приносити каменіе честное на основаніе храма» [18. С. 126 (первая пагинация)]. Слово «честный» в исторических словарях русского языка отсутствует. Но, судя по тексту Острожской Библии, словосочетания «тесаные камни» и «камни дорогие», а также «камни многоценные» и «камни великие» рассматривались как синонимичные: «И се вса баху каменемъ многоцѣннымъ украшена... Основаніе же бысть каменіемъ драгимъ и великимъ каменіемъ... И съверху такожде честного каменіа, по числу четвероуголно...» [19. Л. 168 об.]; ср. в синодальном переводе: «Все это сделано было из дорогих камней, обтесанных по размеру, обрезанных пилою... И в основание положены были камни дорогие, камни большие... И сверху дорогие камни, обтесанные по размеру...» (3 Цар 7 9–11).

⁴ Отказ от использования текста Острожской Библии, изданной практически в одно время с изучаемым им процессом, А.Л. Юрганов оправдывает довольно странным для серьезного исследователя аргументом: «Ввиду того, что в Острожской Библии 1581 г. нет разбивки текста на стихи, цитаты даются по Елизаветинской Библии. Разночтения в этих двух изданиях несущественны в рамках нашей темы» [12. С. 109, прим. 22].

⁵ Ср. в синодальном переводе: «И в руке того мужа трость измерения в шесть локтей, считая каждый локоть в локоть с ладонью» (Иез 40 5).

⁶ Ср.: «Бог небесный воздвигнет царство, которое веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу» (Дан 2 45).

⁷ Ср.: рассуждения по поводу трансформации содержания теории «Москва – третий Рим» [30. С. 457–459].

⁸ Впервые упоминается в Книге Степенной царского родословия, процитированной «от слова до слова» Н.М. Карамзиным [31. Прим. 182]: «Повелѣ [Иван IV] собрати свое Государство изъ городовъ всякого чину. І въ день недѣльный изыде со кресты на Лобное место» [32. С. 45]. Впрочем, это сообщение было оспорено С.Ф. Платоновым: «Рассказ об обращении царя к народу на Лобном месте находится всего в одной лишь рукописи, в так называемой Степенной книге Андрея Хрущова, и составляет в ней позднейшую вставку, сочиненную в конце XVII века или начале XVIII-го, на основании некоторых литературных пособий. Это – вымысел, которому нельзя верить, потому что он произволен и даже не всегда искусен» [33. С. 10].

⁹ Ср.: «Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал» (Ин 19 19–22).

¹⁰ В синодальном переводе: «И разделите ее по жребію в наследіе себе и иноземцамъ, живущимъ у вас, которые родили у васъ детей; и они среди сыновъ Израилевыхъ должны считаться наравне с природными жителями, и они с вами войдутъ в долю среди коленъ Израилевыхъ. В которомъ колѣне живетъ иноземецъ, в томъ и дайте ему наследіе его, говоритъ Господь Богъ» (Иез 47 22–23).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барац Г.М. О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях начальной русской летописи. Киев, 1907 (Отд. отт. из журн. «Украина»).
2. Барац Г.М. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святom. Киев, 1908.
3. Барац Г.М. Собрание трудов о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Париж, 1926. Т. 1, кн. 1; Париж, 1927. Т. 1, кн. 2; Берлин, 1924. Т. 2.
4. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. 3-е изд., пересм. М., 1902.
5. Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2.
6. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
7. Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжества на Руси // Исторические записки. 1965. Т. 76.
8. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969.
9. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России: (XV–XVI вв.). М., 1985.
10. Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3.
11. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
12. Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд // Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности. М., 2003.
13. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.
14. Лихачев Д.С. Движение «жидовствующих» 70–90-х годов XV в. // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1945. Т. 2, ч. 1 : Литература 1220-х – 1580-х гг.
15. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.
16. Книга Степенная царского родословия по древнейшим спискам : тексты и комментарий : в 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф ; изд. подг. под рук. Н.Н. Покровского // Полное собрание русских летописей. М., 2008. Т. 21, т. II: Степени XI–XVII. Приложения. Указатели.

17. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31 : Сочинения князя Курбского. Т. 1 : Сочинения оригинальные.
18. Русский хронограф. Часть первая // Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т. 22 : Русский хронограф.
19. Острожская Библия. Острог, 1581.
20. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 1993 [воспр.: 2-е изд. СПб., 1900].
21. Опарина Т.А. К вопросу об использовании III книги Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990.
22. Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudith, Sapientia und Makkabaer. Frankfurt am Main, 1972.
23. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
24. Изборник Святослава 1073 года. Факс. изд. М., 1983.
25. Streumoukhoff D. Mouskou the Third Rome: Sources of the doctrine // Speculum. 1953. XXVIII, Jan. 1.
26. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2.
27. Артамонов Ю.А. Княжеская символика в архитектуре древнего Холма // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.) : тезисы докладов научной конференции (Москва, 3–5 декабря 1996 г.). М., 1996.
28. Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.
29. Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993.
30. Лурье Я.С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV – первой половины XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1960. Т. 16.
31. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 8. Гл. 3.
32. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2.
33. Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов. СПб., 1905.
34. Хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т. 22 : Русский хронограф, ч. 1.
35. Псковская I летопись: продолжение Погосинского списка // Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5, вып. 1 : Псковские летописи.
36. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1855. Т. 5. Гл. 3.
37. История Иакова о рождении Марии // Свенцицкий И.С. Апокрифические евангелия: исследования, тексты, комментарии. М., 1996.

Danilevsky Igor N. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: viddanin@mail.ru

SEMANTICS OF THE OPRICHNY PALACE AND THE SENSE OF THE OPRICHNINA: TO THE QUESTION OF THE EVIDENCE SYSTEM IN THE HISTORICAL RECONSTRUCTION.

Key words: historical sources; retrospective information; historical reconstruction; state ideology.

The aim of the presented article is to consider the conditions in which intuitive conjectures in historical constructions transform into a scientific hypothesis. In order to prove it, the author takes into account the procedure of identifying verbal texts which underlie the descriptions found in the historical source, and which explicitly reveal the meaning of the retrospective information. The methodological basis of the study is the hermeneutic approach. One of the unique sources was taken as an example: the only preserved description of the Oprichny Palace, left by the German *oprchnik* Heinrich Staden. A. L. Yurganov connected a number of details of this description (the square form of the palace, the three gates facing north, south and east, the absence of the western gate, the fact that only the Grand Duke could enter through the eastern gate, etc.) with the City of God described by the prophet Ezekiel. However, Yurganov tried to comprehend the details of the Staden's description through the Revelation of John the Theologian in order to emphasize the connection of the Palace with the eschatological expectations of the 16th century. Yurganov simply did not notice a number of other details (the coincidence of dimensions, the topography of the Palace, the dates of the creation of the Palace and the designation of the *oprchnina*, the connection of the Palace with other buildings that appeared in Moscow at the same time, etc.). All of this raised serious doubts about the accuracy of the proposed interpretation of Staden's description of the Oprichny Palace, if not discredited Yurganov's idea. These details receive correct interpretation when we turn to the Book of the Prophet Ezekiel and to the Third Book of Enoch. They are also the additional sources on which the article is based. A systematic analysis of the details of the Oprichny Palace makes it possible to assume with full justification that the *oprchnina* was a preparation for the End of the World, which was expected in 7077 (1569). Ivan the Terrible assumed the functions of the Savior, believing that he was the Messiah himself. The burning of the Oprichny Palace by the Crimean Khan Devlet Giray in 1572 was a sign for Ivan IV that God did not accept this claim. *Oprchnina* was abolished and the very word *oprchnina* was prohibited. Thus, a systematic appeal to the correct sources makes it possible to transform a clever assumption into a scientific hypothesis.

REFERENCES

1. Barats, G.M. (1907) *O bibleysko-agadicheskom elemente v povestiyakh i skazaniyakh nachal'noy russkoy letopisi* [About the biblical-aggadic element in the stories and legends of the initial Russian chronicle]. Kiev: [s.n.].
2. Barats, G.M. (1908) *Bibleysko-agadicheskie paralleli k letopisnym skazaniyam o Vladimire Svyatom* [The Bible-Aggadah parallels to the chronicles of St. Vladimir]. Kiev: [s.n.].
3. Barats, G.M. (1927) *Sobranie trudov o evreyskom elemente v pamyatnikakh drevnerusskoy pis'mennosti* [Collection of works on the Jewish element in the monuments of Old Russian writing]. Vol. 1(1). (Paris: [s.n.].
4. Klyuchevskiy, V.O. (1902) *Boyarskaya дума Древней Руси* [The Boyar Duma of Ancient Russia]. 3rd ed. Moscow: Sinodal'naya tipografiya.
5. Kashtanov, S.M. (1963) K izucheniyu oprichniny Ivana Groznogo [On the Oprichnina of Ivan the Terrible]. *Istoriya SSSR*. 2.
6. Zimin, A.A. (1964) *Oprichnina Ivana Groznogo* [Oprichnina of Ivan the Terrible]. Moscow: Mysl'.
7. Skrynnikov, R.G. (1965) Oprichnina i poslednie udel'nye knyazhestva na Rusi [Oprichnina and the last appanage princedoms in Russia]. *Istoricheskije zapiski*. 76.
8. Skrynnikov, R.G. (1969) *Oprichnyy terror* [The Terror of Oprichnina]. Leningrad: Leningrad State University.
9. Kobrin, V.B. (1985) *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii: (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia: (the 15th – 16th centuries)]. Moscow: Mysl'.
10. Yurganov, A.L. (1997) Oprichnina i strashnyy sud [Oprichnina and the Last Judgment]. *Otechestvennaya istoriya*. 3.
11. Yurganov, A.L. (1998) *Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: MIROS.

12. Yurganov, A.L. (2003) Oprichnina i Strashnyy sud [Oprichnina and the Last Judgment]. In: Karavashkin, A.V. & Yurganov, A.L. *Opyt istoricheskoy fenomenologii: Trudnyy put' k ochevidnosti* [The Experience of Historical Phenomenology: A Difficult Way to Obviousness]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
13. Staden, G. (1925) *O Moskve Ivana Groznogo* [About Moscow of Ivan the Terrible]. Translated from German by I/I/ Polosin. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.
14. Likhachev, D.S. (1945) Dvizhenie "zhidovstvuyushchikh" 70–90-kh godov XV v. [Movement of the "Judaizers" of the 1470-1490s]. In: Lebedev-Polyansky, P.I. et al. (eds) *Istoriya russkoy literatury : v 10 t.* [History of Russian Literature: In 10 vols]. Vol. 2(1). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
15. Uspenskiy, B.A. (1998) *Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii. Vizantiyskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie* [Tsar and Patriarch: Charisma of Power in Russia. The Byzantine Model and its Russian Rethinking]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
16. Pokrovskiy, N.N. & Lenkhoff, G.D. (eds) (2008) *Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya po drevneyshim spiskam: Teksty i kommentariy : v 3 t.* [The Degree Book of Royal Genealogy on the Oldest Lists: Texts and commentary: in 3 vols]. In: Vasenko, P.G. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 21(2). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
17. Kurbskiy, A.M. (1914) *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom* [History of the Grand Duke of Moscow]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 31. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.
18. Anon. (2005) *Russkiy khronograf: Chast' pervaya* [Russian Chronograph: Part One]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 22. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
19. Anon. (1581) *Ostrozhskaya Bibliya* [The Ostroh Bible]. Ostrog: [s.n.].
20. Anon. (1993) *Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta na tserkovnoslavyanskom yazyke s parallel'nymi mestami* [The Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in the Church Slavonic Language with Parallel Texts]. Moscow: Nikeya.
21. Oparina, T.A. (1990) K voprosu ob ispol'zovanii III knigi Ezdry v russkoy publitsistike XVI–XVII vv. [On the use of the third book of Ezra in Russian journalism of the 16th – 17th centuries]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma* [Public Consciousness, Bookishness, Literature of the Period of Feudalism]. Novosibirsk: Nauka.
22. Freidhof, G. (1972) *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudit, Sapientia und Makkabaer* [Comparative linguistic studies on the Gennadius Bible (1499) and the Ostroger Bible (1580/1581). The books Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudit, Sapientia and Makkabaer]. Frankfurt am Main: [s.n.].
23. Alekseev, A.A. (1999) *Tekstologiya slavyanskoy Biblii* [The text studies of the Slavonic Bible]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
24. Anon. (1983) *Izbornik Svyatoslava 1073 goda* [The Collection of Svyatoslav of 1073]. Moscow: Kniga.
25. Stremoukhoff, D. (1953) Mouskou the Third Rome: Sources of the doctrine. *Speculum*. 28.
26. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1998) *Ipat'evskaya letopis'* [The Hypatian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
27. Artamonov, Yu.A. (1996) [Princely symbolism in the architecture of Ancient Kholm]. *Stolichnye i periferiynye goroda Rusi i Rossii v srednie veka i rannee novoe vremya (XI–XVIII vv.)* [Capital and peripheral cities of Russia and Russia in the Middle Ages and early modern times (the 11th – 18th centuries)]. Proc. of the Conference. Moscow. December 3–5, 1996. Moscow. (In Russian).
28. Soboleva, N.A. (1991) *Russkie pechaty* [The Russian Press]. Moscow: Nauka.
29. Khoroshkevich, A.L. (1993) *Simvolyy russkoy gosudarstvennosti* [Symbols of Russian Statehood]. Moscow: Moscow State University.
30. Lurie, Ya.S. (1960) *Zametki k istorii publitsisticheskoy literatury kontsa XV – pervoy poloviny XVI v.* [Notes on the history of publicistic literature of the late 15th – first half of the 16th centuries]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 16. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
31. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Vol. 8. St. Petersburg: E. Prats.
32. Anon. (1819) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikh v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Certificates and Treaties from the State Collegium of Foreign Affairs]. Moscow: [s.n.].
33. Platonov, S.F. (1905) *K istorii moskovskikh zemskikh soborov* [To the history of the Moscow Zemsky Sobor]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
34. Rozannov, S.P. (ed.) *Khronograf redaktsii 1512 g.* [Chronograph of the 1512 Edition]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 22. Moscow.
35. Anon. (2003) *Pskovskaya I letopis': prodolzhenie Pogodinskogo spiska* [The Pskov Chronicle I: Continuation of the Pogodin list]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5(1). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
36. Soloviev, S.M. (1855) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since Ancient Times]. Vol. 5. Moscow: [s.n.].
37. Svetsitskaya, I.S. (ed.) (1996) *Apokrificheskie evangeliya: Issledovaniya, teksty, kommentarii* [Apocryphal Gospels: Studies, Texts, Comments]. Moscow: Pristsel's.

УДК 930.2

DOI: 10.17223/19988613/48/6

Е.Е. Дутчак, А.В. Васильев, Г.И. Колосова, Г.Н. Сербина

ОЦИФРОВКА КАК «ЯЩИК ПАНДОРЫ»: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ONLINE ПРЕЗЕНТАЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ КНИЖНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Статья подготовлена в рамках проекта «Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit» (The Endangered Archives Programme, № EAP834).

Представлены итоги работы по оцифровке «Скитской библиотеки» – собрания кириллических рукописей конца XV–XX в., принадлежавшего таежному старообрядческому монастырю. Согласование отечественных стандартов археографического описания с требованиями международной программы «Архивы в опасности» позволило выделить три предметных поля – датировка, систематизация и историко-культурный контекст бытования христианской рукописной книги, в рамках которых может быть решен вопрос о научных результатах online презентации и перспективах изучения текстуального наследия сибирских староверов.

Ключевые слова: староверие; кириллическая рукописная книга; изучение и online презентация старообрядческих книжных собраний.

В XIX в. книгоиздание практически повсеместно вытеснило христианскую рукописную книгу из повседневного обихода русского читателя. Староверие осталось, пожалуй, единственным сообществом, сохранившим вплоть до сегодняшнего дня культуру конфессионального письма. Догматическое обоснование права на толкование священного текста «простецами» позволило ему консолидировать в своих руках памятники средневековой кириллической традиции и сформировать не только элитарный, но и низовой слой ее «продолжателей».

Опыты народной экзегезы не всегда завершались крупными литературно-публицистическими произведениями, тем не менее их значение трудно переоценить. Особенно востребованными они оказывались в регионах с неразвитой транспортной сетью, очаговым размещением населения и потребительским типом экономики. Так, появление в таежной зоне Сибири конфессиональных мигрантов, владеющих грамотностью «по-старому» и умеющих совершить для сельской округи необходимые ей православные таинства, создавало условия для компенсации общей отсталости территориальной инфраструктуры альтернативными формами приходской жизни и соответствующими ей религиозно-хозяйственными связями [1. С. 235–251].

Именно процессы бытования христианского текста в различных социальных средах сегодня могут быть отражены с помощью online презентации региональных старообрядческих книжных собраний. Оцифровка составляющих их рукописей и печатных изданий дает возможность как передать текстовую информацию, так и визуализировать внешний вид книги с материальными следами ее прочтения, хранения и реставрации. Настоящая статья посвящена определению научных перспектив internet-ресурса, призванного, с одной стороны, показать характерные черты письменной культу-

ры староверия XIX–XX вв.; с другой – обозначить предметные поля и перспективы изучения одного из ее региональных вариантов.

Сочетание презентационных и исследовательских задач предполагает определение путей решения проблемы. Мы исходим из принципиальной разницы данных, которые несут в себе единичный литургический, уставной или четий *текст* и *мега-текст* – собрание книг, складывающееся в течение долгого времени и в ходе большей частью целенаправленных усилий. Это дает основание для применения подходов современной текстологии к истории создания древнерусских компилятивных сочинений, когда фрагменты текстов рассматриваются не как автономные и сбалансированные структуры, а в их неоднородности и процессе взаимодействия [2]. Иными словами, визуализация корпуса текстов, принадлежащих старообрядческой общине, способна выявить не только вектор трансформации христианской книжной культуры в период «высокой современности», но и рефлексии их владельцев относительно того, что именно им следует переписать, приобresti или отреставрировать.

Материалом для исследования выступило собрание книг кириллической традиции, переданное томско-чулымской общиной староверов-странников Томскому государственному университету. Рукописная часть коллекции, названной нами «Скитская библиотека», включает в себя 144 манускрипта (конец XV–XX в.), которые в течение 2017 г. будут размещены на сайтах Британской библиотеки [3] и Научной библиотеки ТГУ [4].

Работа с уникальным собранием таежного монастыря с почти двухсотлетней историей и подготовка в рамках международной программы «Архивы в опасности» («The Endangered Archives Programme») русско- и англоязычных комментариев к цифровым копиям осветили проблему адекватности этой цели методик ар-

географического описания, разрабатываемых на протяжении XIX–XX вв. для печатных каталогов. В настоящее время их простой перенос в Internet привел к тому, что в сети появилось внушительное число файлов с однотипным названием «Сборник старообрядческий», неатрибутированными сочинениями и без каких-либо сведений о прошлой истории книги. Поэтому открытие доступа к старообрядческим коллекциям не привело к ожидаемым результатам: пользователями цифровых копий остался узкий круг специалистов, которым эти собрания были известны и ранее, а привлечение к изучению «своих» коллекций ученых других стран и регионов для проведения компаративистских исследований не реализовано [5].

Мы выделили несколько аспектов (предметных полей), которые позволяют позиционировать цифровые копии как единый информационный комплекс и тем самым продуктивно решать заявленные задачи: датировка, систематизация и историко-культурный контекст бытования рукописей.

Датировка рукописей «Скитской библиотеки». Определение времени создания недатированных рукописных текстов является одной из самых сложных для исследователей древнерусской и старообрядческой письменной культуры не только в силу объективной неполноты справочной литературы, посвященной типам маркировки европейской и русской бумаги. Существенной преградой становятся догматические особенности изолированных скитских общин.

Так, в отношении «поздних» рукописей «Скитской библиотеки» можно сделать следующие наблюдения. Во-первых, бумага рукописей второй половины XIX – начала XX в., как правило, низкого качества с зачастую стертыми, не поддающимися идентификации штемпелями. Видимо, провинциальными скитскими общинами через посредников закупалась бракованная, некондиционная продукция, поскольку она была дешевле и не содержала видимых признаков «печати Антихриста» – стержневого для староверов-странников эсхатологического символа. Такими характеристиками обладает 2/3 манускриптов этого периода (66 из 99), причем в четырех рукописях штемпели вырезаны или зачеркнуты, а листы отреставрированы еще в ходе написания текста. Вместе с тем сопоставление их содержания с событиями в жизни таежного монастыря дает основание для предположений о времени возникновения некоторых из них. В частности, для томско-чулымских странников переписка сочинений, раскрывающих догматические положения их вероучения и смысл главного обряда – крещения (В-26102, В-27401)¹, совпадает с численным увеличением общины, ее расколом на «денежных» и «безденежных» и полемикой со староверами-титовцами – событиями, приходящимися на 1870–1930-е гг.

Во-вторых, бережное отношение к дорогой и не всегда доступной фабричной продукции привело к широкому использованию подручных материалов (конторских книг и школьных тетрадей, хозяйственной и

почтовой бумаги) и дописыванию пустых листов «старых» рукописей новыми текстами. Эти обстоятельства также делают необходимым для обоснования предлагаемых датировок привлечение косвенных сведений. Например, появление в окружающих скит селах почтовых отделений, сберегательных касс и школ позволяет нам считать 1910–1930-е гг. временем создания «Сборника назидательного характера с Повестью о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (В-26160) и «разместить» 20 текстов богослужебного и четьего характера, написанных на листах ученических тетрадей, в диапазоне дат 1930–1990-е гг. (В-25878, В-26104, В-26144, В-26152, В-26348, В-26398, В-27073, В-27074, В-27075, В-27076, В-27398, В-27399, В-27400, В-27403, В-27607, В-27608, В-27609, В-27610, В-27611).

Самостоятельной проблемой для представления англоязычного варианта описаний к цифровым копиям манускриптов оказывается разница в системах датировки, принятых в отечественной и зарубежной научных традициях. Прежде всего, это касается рукописей, написанных на рубеже веков. Например, для российского исследователя указание на «конец XIX – начало XX в.» означает, что речь идет о периоде в 20–25 лет и тексте, созданном в 1885/1890–1910-е гг. В рекомендациях программы «Архивы в опасности» аналогичная формулировка маркирует диапазон дат в пределах почти столетия – 1860–1940-е гг.

Двойная датировка – «для нас» и «для них» – или указание на 1890 г. как нижнюю границу рукописи создает путаницу и чревато ошибочными выводами. Полагаем, что при отсутствии общепринятых решений единственным выходом пока остается отказ от использования двусмысленных определений и расширение хронологических рамок для манускриптов, бумага которых не имеет маркировки, таким образом – 1870–1910-е гг.

Систематизация рукописей «Скитской библиотеки». По требованиям программы «Архивы в опасности» оцифрованные документы должны быть распределены по сериям, и выбор оснований для их выделения отдается «на откуп» исследователям. Однако разумное решение в отношении старообрядческих книжных собраний (по своей природе смешанных, включающих в себя рукописи и печатные издания) уже привело к появлению в internet-пространстве информационных комплексов, сформированных по разным принципам – хронологии, видам воспроизведения текста и т.д.

Полагаем, что для книжных собраний действующих общин оптимальным остается деление по функциональному назначению текстов и анализ их как исторически сложившейся и иерархически организованной совокупности. Подход способен преодолеть главную трудность при изучении старообрядческих библиотек – их «пластичный», «размытый» характер [6], когда книги находятся в постоянном движении – обмениваются, отдаются единоверцам «на душевное спасение», копируются или, напротив, уничтожаются (такая участь постигала, по воспоминаниям скитников, поле-

мические послания конфессий-оппонентов – «там было плохо о нашей вере написано, и их сожгли» [7]).

В этом случае для корректной презентации книжной культуры старообрядческих деноминаций современная археография предлагает путь синхронного описания экземпляров книг, переданных в государственные хранилища и остающихся в среде бытования. Поскольку в отношении скитских собраний его реализовать непросто в силу замкнутого уклада жизни общины-изолята, то функционально-тематическая дифференциация будет обладать валидностью при выполнении двух условий: доступная для изучения часть должна содержать все группы текстов, находящихся в обиходе, а количественное соотношение между ними – не противоречить истории общины и отвечать представлениям их владельцев о внутренней градации книг.

Руководствуясь этими соображениями, мы разделили рукописи «Скитской библиотеки» на 6 серий: 1) Богослужение и священнодействие: молитвословия, церковные календари, религиозные таинства, обряды и праздники (Liturgy and Religious Rites: Prayerful Texts, Church Calendars and Descriptions of Rituals and Festivals) – 74 ед. хр., *вторая половина XVII в. – 1990-е гг.*; 2) Богословское и церковно-учительное чтение (Writings on Christian /Old Believers' Ethics and Moral) – 56 ед. хр., *конец XV в. – 1980-е гг.*; 3) Poleмические тексты (Religious Controversy) – 5 ед. хр., *1870–1940-е гг.*; 4) Церковное право и монашеские уставы (Canon law and Monastic Rules) – 4 ед. хр., *1870–1940-е гг.*; 5) Духовные стихи (Religious Poetry) – 3 ед. хр., *1900–1960-е гг.*; 6) История общины (Community History) – 2 ед. хр., *1910–1990-е гг.*

Приведенные данные о составе и хронологических рамках серий опровергают устоявшееся мнение о том, что староверы-странники в силу догматического радикализма (для принявшего крещение-постриг «уход из мира Антихриста» считается обязательным, неважно – будет ли он физическим в скит или символическим в тайные комнаты домов единоверцев) не имели и не хранили древнюю книгу. В томско-чулымских скитах нам довелось видеть рукописный Паренесис Ефрема Сирина (1560-е гг.), а богослужение по сей день совершается по Минеям, изданным Московским Печатным двором во второй четверти XVII в.

Правомернее говорить о том, что это собрание строится в логике беспоповской традиции, когда минимальное количество типов литургической книги компенсируется максимальным распространением текстов для индивидуальной (келейной) молитвы. Этим объясняются, во-первых, доминирование рукописей небольшого формата с псалмами и канонами праздничных и ежедневных богослужений или предназначенных для поминовения единоверцев и ритуального очищения (47 ед. хр.); во-вторых, явный интерес к гимнографии исихазма. Например, «Служба Иисусу Христу», приписываемая византийскому автору XIV в. Феоктисту Студиту, в составе нашей коллекции пред-

ставлена 6 экземплярами разной степени полноты (В-27669, В-26408, В-26398, В-27104, В-26906, В-27666), и показательным разбросом дат – рукописи создавались на протяжении 1870–1950-х гг. и, вероятно, восходят к Каноннику второй половины XVII в. (В-24930).

На фоне внушительного массива молитвенных и регламентирующих ритуал текстов обращает на себя внимание малое для старообрядческого таежного монастыря число сочинений церковно-правового и уставного характера и записей духовных стихов. Вместе с тем диспропорция закономерна – преимущественно крестьянский состав насельников привнес в повседневность томско-чулымского скита обычное право и устные формы музыкальной культуры (пение по «напевке») [8], не предполагающие в обоих случаях письменной фиксации.

В равной мере регулярные контакты скита с сельской округой сформировали специфическое отношение к истории своей общины, единственным письменным воплощением которой являются два Синодика (В-26103, В-27667). В отличие от известных старообрядческих аналогов [9. С. 242–243] их компоновка и содержание обнаруживают не столько мемориальные и нравоучительные цели, сколько сотериологические: внесение в поминальный список есть условие будущего спасения, и «ненаписанные в книгах животных ввержены будут в озеро огненное» (фраза на страницах толкового Апокалипсиса подчеркнута читателем-скитником) [10. Л. 210]. Показательно и то, что имена умерших единоверцев как бы рассыпаны по Псалтырям или Канонникам, в записях на форзацах или вложенных в рукописи листах (см., например, В-27169). В результате устное повествование о жизни монастыря в прошлом концентрируется на персональных историях скитников и крещенных перед смертью мирян-«благодетелей», которые помнят их дети, пришедшие вслед за родителями в скит, потому что «умирать нужно под иконами» [11].

Отношение к месту проживания как единственно возможной «территории спасения», помимо прочего, привело к тому, что, в отличие от других старообрядческих сообществ урало-сибирского региона [12, 13], томско-чулымские странники не создали новых толкований Откровения Иоанна Богослова и не пытались дополнить иконографию Страшного суда собственным изобразительным рядом, довольствуясь приобретенными личными Апокалипсисами (например, В-27120) и имеющимся кругом текстов старообрядческой традиции XVII–XIX вв., сочинением дьякона Федора «О познании антихристовой прелести», «Поморскими ответами», Цветником Василия Гаврилова (В-25879, В-17389).

В связи с этим важными для характеристики комплекса вероучительных и назидательных текстов «Скитской библиотеки» становятся рассуждения С.Е. Никитиной о религиозных барьерах и табуировании. По ее мнению, конфессиональные культуры, время которых эсхатологично, а пространство оценивается по степени близости / удаленности «иноверцев», опре-

деляют отношение к внешнему миру по градуальному принципу [14]. Вытекающие отсюда гибкость в заимствованиях и умение сочетать центростремительные и центробежные контакты (распространение «своего» и усвоение «чужого») возникают не спонтанно, они всегда результат работы над богословской и церковно-учительной литературой, круг которой старообрядческая община определяет самостоятельно.

Состав «Скитской библиотеки» дает основания для выделения актуальных «читательских запросов» томско-чулымских странников. Частотный анализ текстов, представленных в конволютах и выписках, показывает, что наиболее значимыми для них на протяжении XX столетия оставались темы «истинное крещение» (9 обращений – В-26098, В-26128, В-26129, В-26130, В-26132, В-26153, В-26154, В-27629, В-27694), «еретики и лжеучителя» (В-26141, В-26143, В-26151, В-27068, В-27070, В-27238, В-27402) и «последние времена и познание антихристовой прелести» (В-17389, В-25879, В-26127, В-26146, В-27120, В-27638, В-27695) (по 7 обращений). В этом контексте объяснимо присутствие в репертуаре скитского чтения примечательного ряда произведений древнерусской литературы – Путника Иерусалимского, Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г., Сказания о 12-ти снах царя Мамера, Слов о ризном украшении и хмельном питии (В-24931, В-26160, В-27238, В-27627, В-26131) – как текстов, с помощью которых формировались представления о собственной религиозной миссии и легитимировалось право таежного монастыря выступать духовным и своего рода информационным центром для сельской округи.

Рукописи «Скитской библиотеки» не только сложны по составу – они еще и разнообразны по внешнему виду, что ставит вопрос об адекватном отражении в их названии особенностей томско-чулымской письменной культуры. Поскольку в современной научной литературе проблемы наименования все чаще оказываются в поле зрения специалистов [15], полагаем, что при online презентации самостоятельных коллекций пояснения русско- и англоязычной терминологии обязательны. В ходе работы с коллекцией мы сочли возможным привлечение следующих терминов.

Так, название «сборник» (collected texts) получили рукописи, содержащие не менее трех завершенных текстов и сшитые в одну книгу; к «конволютам» (manuscript-sammelband) отнесены рукописи, составленные (и обязательно сшитые) из написанных в разное время текстов и / или имеющие внутреннюю пагинацию частей; термин «компилятивное сочинение» (essay-compilation) использован для сшитых и несшитых рукописей, в которых цитаты, фрагменты текстов и библиографические отсылки распределены по разделам и каждый из разделов имеет заголовок; название «выписки» (excerpts) – для сшитых и несшитых рукописей, состоящих из цитат, фрагментов текстов и библиографических отсылок и не имеющих внутренних разделов. И, наконец, термином «подборки выписок» (selection of

excerpts) были обозначены небольшие несшитые рукописи, написанные разными писцами на одну тему и собранные читателем-скитником под одну обложку.

Возможности визуализации используемых скитниками техник переплета создают условия для показа историко-культурного контекста бытования рукописей «Скитской библиотеки». Необходимость в их освоении диктовалась не только естественным ветшанием книг, но и воздействием факторов среды: нелегальная община, пережившая за свою историю не менее четырех масштабных «зорений», в моменты опасности прятала книги в земляные тайники.

Однако благодаря этому обстоятельству мы с уверенностью можем констатировать, что воссоздания первоначального вида – «старинного» переплета и застёжек – требовали рукописи богослужебного характера, содержащие порядок ежедневных келейных молитв, чинопоследование таинств для «лишившихся соборной службы» и наиболее востребованные каноны. Несложно заметить, что «переодевание» в кожаные переплеты XVIII в. (видимо, когда-то находящиеся на изданиях старообрядческих типографий) чаще происходило с рукописями второй половины XIX – начала XX в. (В-26115, В-26408, В-26412, В-27104). Вероятно, они, пришедшие вместе с неопитами или купленные общиной, воспринимались как более «правильные», чем переписанные здесь.

«Скитские переплеты» открывают еще одну сторону жизни таежного монастыря – увеличение женской части общины на протяжении XX в. Рукописи этого периода либо не имеют переплетов вообще, либо не оставляют сомнений – они украшены или отреставрированы женщиной. Например, верхняя крышка переплета толкований на Апокалипсис Андрея Кесарийского (1910-е гг.) получает вырезанный из конфетной коробки букет роз, Скитской синодик – застёжку-поясок с пуговицей, а школьная тетрадь со Скитским покаянием – тканевый, с «не мужским» рисунком корешок (В-26127, В-26103, В-27398). Только появление в общине в 1980-е гг. старца Федосея – краснодеревщика по профессии – возродило традиционную технику. Известные нам переплеты его книг, в том числе остающихся в общине, выполнены в одной манере: дощатые крышки обтянуты тканью сиреневого цвета, для корешка и ремешков медных застёжек использована кожа (В-26418).

Скитская реставрация, наверное, нагляднее всего показывает главное преимущество оцифровки: технически решаемая проверка авторских выводов читателем научной публикации становится отправной точкой как для дискуссий, так и для сотрудничества. Вместе с тем наш опыт участия в программе «Архивы в опасности» заставляет вновь обратиться к ситуации, уже остроумно названной «цифровой гонкой вооружений» [16].

Массовая оцифровка книжных фондов – объективная реальность, в которой сегодня существуют исследователи и библиотекари. И если для последних это, прежде всего, способ обеспечить долговременную сохранность и доступ к уникальным материалам, то пер-

вые ждут от нее повышения эффективности, качества и скорости собственной работы. Казалось бы, интересы должны совпадать, но, по крайней мере в области кириллической рукописной книги, оцифровка оказывается «ящиком Пандоры» – проекты зачастую не оправдывают себя с точки зрения вложенных средств и порождают трудности, связанные с поиском нужных источников, размещенных без необходимых атрибутивных данных в десятках российских и зарубежных электронных библиотек.

Выходом является понимание того, что оцифровка – не самоцель, она должна вписываться в существующие исследовательские траектории, опираться на внутреннюю логику коллекций, исторический контекст их существования. В нашем случае поиск оптимальных способов презентации был направлен на раскрытие социально-коммуникативных процессов, в ходе которых происходило усвоение литургических и канонических норм и практик православной культуры, формировались мировоззрение и читательские предпочтения та-

ежных насельников, изменялись их поведенческие стратегии. Конечно, рассмотренные выше аспекты представления рукописей «Скитской библиотеки» – датировка, систематизация и историко-культурный контекст бытования – не исчерпывают всех возможностей, которые дает исследователю online презентация старообрядческих книжных коллекций. Однако они показывают – как в мифе о ящике Пандоры – что за проблемами и ложными ожиданиями по-прежнему остается надежда на то, что современные технологии могут быть действенным научным инструментом по расширению информационного потенциала гуманитарных наук.

Благодарности. Мы выражаем искреннюю признательность коллегам, консультации которых помогли нам в работе – Наталье Кобяк и Александру Лившицу (Научная библиотека МГУ), Татьяне Казанцевой (ГПНТБ СО РАН), Christa Hofmann (Австрийская национальная библиотека, Австрия), Джин Коллонтай (ТГУ).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее даны инвентарные (витринные) номера рукописей, хранящихся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Православная культура вчера и сегодня. Olsztyn : Изд-во Варминско-Мазурского университета, 2015. 379 с.
2. Плоханова М.Б. «Многосложное послание / свиток» как лаборатория идей // Труды отдела древнерусской литературы. СПб. : Наука, 2014. Т. 62. С. 343–374.
3. EAP834 «Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit». The Endangered Archives Programme. URL: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834> (access date: 01.06.2017).
4. Скитская библиотека. Научная библиотека Томского государственного университета. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153> (дата обращения: 01.06.2017).
5. Dutchak E., Vasilyev A. Breathing life into rare book collections: the Digitization of the Taiga Skit Old Believers' Library // Libri. International Journal of Libraries and Information Services. 2016. Vol. 65, is. 4 (December). P. 313–326.
6. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Старообрядческие библиотеки Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск : Наука, 1992. С. 125–130.
7. Красный Яр // Архив археографической экспедиции Томского государственного университета. Тетр. 7.
8. Казанцева Т.Г. Неизвестная нотация в старообрядческой рукописи из «Скитской библиотеки» собрания Томского государственного университета // Вестник Свято-Тихоновского университета. Сер. V, Вопросы истории и теории христианского искусства. 2017. № 2. С. 134–154.
9. «Поминание жителей села Самодуровки...»: к истории старообрядчества Поволжья / вступ. ст., публ. и примеч. Е.А. Агеевой // Рукописи. Редкие издания. Архивы: из фондов библиотеки Московского университета. М. : Изд-во МГУ, 1997. С. 242–254.
10. Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. М. : Тип. Преображенского кладбища, 1910. (Книга находится в общине староверов-странников).
11. Красный Яр : аудиозапись // Архив археографической экспедиции Томского государственного университета. Кассета 3.
12. Počinskaja I.V. Eine altgläubige Interpretation der Johannesapokalypse aus jüngsten Zeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2015. B. 63, H. 3. S. 430–443.
13. Anufrieva N. Иконография Страшного суда по двум памятникам книжных собраний урало-сибирского региона // Przegląd wschodnioeuropejski. 2016. VII/1. S. 67–82.
14. Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах: (проблемы синхронного описания). М. : Российский науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2013. 305 с.
15. Крутова М.С. Книга глаголемая: семантика, структура и варьирование названий русских рукописных книг XI–XIX вв. М. : Пашков дом, 2010. 369 с.
16. Юмашева Ю.Ю. Архивы и «цифровая гонка вооружений» // Информационные технологии в архивах и музеях. М., 2013. Электрон. версия печат. публ. URL: http://kleio.asu.ru/2013/3/hcsj-32013_92-101.pdf (дата обращения: 01.06.2017).

Dutchak Elena E. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dee010@mail.ru; *Vasilyev Artyom V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: art@lib.tsu.ru; *Kolosova Galina I.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ork_2003@mail.ru; *Serbina Galina N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: serbina@lib.tsu.ru

DIGITIZATION AS A PANDORA'S BOX: RESEARCH PERSPECTIVES OF ONLINE OLD BELIEVERS' BOOK COLLECTIONS.

Key words: Old-Believers; manuscript book in Church Slavonic Cyrillic; study and on-line presentation of the Old-Believers' book collections.

The article examines the scientific perspectives of development of a digital resource designed to show the specific features of the written culture of the Old Believers in the conditions of the modernization processes of the 19th-20th centuries. The material for the research is the Skit Library - a collection of Cyrillic manuscripts of the late 15th - 20th centuries, given by a living community of the Old Believers to Tomsk State University. The collection includes 144 manuscripts, access to which will be provided in 2017 on the websites of the British Library and TSU Research Library.

Preparing bilingual comments to digital copies raised the questions about the harmonization of Russian Standards for the description of manuscripts with the international requirements of Endangered Archives Programme and the list of the supporting information that a researcher needs when working with a historical document on-line. The article highlights three aspects that allow to present the manuscripts of the Skit Library as a single information complex and thereby to solve different objectives productively: studying the transformations of the written culture of the Old Believers in the conditions of in the present-day conditions and presenting unique historical sources to the international academic community.

1. When dating Old Believer manuscripts written on paper without marking signs, it is necessary to take into account both the eschatological nature of the Old Believers' faith and the development of a regional infrastructure. For example, stamps on the paper erased by scribes on some manuscripts can be explained by the actualization of apocalyptic fears and increased attention to the visible signs of the "Antichrist's presence" on the Old Believers' confessional products, and the use of office books and postal paper as a writing material – by the history of postal offices and savings banks opened in villages surrounding the taiga skit.

2. Assignment of manuscripts according to their functional purpose and the analysis of copies made by the Skitniks allow us to make an assumption about the hierarchical structure of the Skit Library. The most important texts for the religious community were prayer and ritual texts, followed by works on "true baptism", "heretics and the false teacher", "the end time". These data create conditions for a correct description of the external and internal social and communication links of the community and the text corpus, where the community's liturgical practices and ideas about its own religious mission were forming.

3. Visualization of the binding and restoration techniques used by the Skitniks helps to detail the general statements about the Old Believers' desire to follow the Old Russian tradition of decorating the Christian text and clearly show the ways of preserving it.

Thus, the digitization of a particular Old Believer collection ceases to be an end in itself and becomes an instrument for studying the socio-cultural landscape of the Taiga Siberia.

REFERENCES

1. Potekhina, e. & Kravetskiy, A. (eds) (2015) *Pravoslavnyaya kul'tura vchera i segodnya* [Orthodox Culture Yesterday and Today]. Olsztyn: University of Warmia-Mazury.
2. Plyukhanova, M.B. (2014) "Mnogoslozhnoe poslanie/svitok" kak laboratoriya idey ["Multisyllabic message / scroll" as a laboratory of ideas]. In: Ponyrko, N.V. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 62. St. Petersburg: Nauka. pp. 343–374.
3. EAP834. (n.d.) *Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit. The Endangered Archives Programme*. [Online] Available from: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834>. (Accessed: 1st June 2017).
4. Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [The Hermitage Library]. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153>. (Accessed: 1st June 2017).
5. Dutchak, E. & Vasilyev, A. (2016) Breathing life into rare book collections: Digitisation of the Taiga Skit Old Believers' Library. *Libri. International Journal of Libraries and Information Services*. 65(4). pp. 313–326. DOI: 10.1515/libri-2016-0010
6. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (1992) Staroobryadcheskie biblioteki Sibiri (problemy rekonstruktsii) [Old Believers' Libraries of Siberia (problems of reconstruction)]. In: Pokrovsky, N.N. & Morris, R.A. (eds) *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believers' settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk: Nauka. pp. 125–130.
7. Anon. (n.d.) Krasnyy Yar [Krasny Yar]. In: *Arkhiv arkheograficheskoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archives of The Archeographic Expedition of Tomsk State University]. Book 7.
8. Kazantseva, T.G. (2017) Unknown notation in an Old Believers' manuscript from the Hermitage Library of Tomsk State University Collection. *Vestnik Syvato-Tikhonovskogo universiteta. Seriya V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva – St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art*. 2. pp. 134–154. (In Russian). DOI: 10.15382/sturV201726.131-151
9. Ageeva, E.A. (ed.) (1997) "Pominanie zhitel'ey sela Samodurovki...": k istorii staroobryadchestva Povolzh'ya ["Remembrance of the inhabitants of the village Samodurovka . . .": To the history of the Old Believers in the Volga Region]. In: *Rukopisi. Redkie izdaniya. Arkhivy: Iz fondov biblioteki Moskovskogo universiteta* [Manuscripts. Rare editions. Archives: From the Collections of the Moscow University Library]. Moscow: Moscow State University. pp. 242–254.
10. Andrew, Archbishop of Caesarea of Cappadocia. (1910) *Tolkovanie na Apokalipsis* [Interpretation of the Apocalypse]. Moscow: Tip. Preobrazhenskogo kladbishcha.
11. Anon. (n.d.) Krasnyy Yar: audiozapis' [Krasny Yar: Audio recording]. In: *Arkhiv arkheograficheskoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archives of The Archeographic Expedition of Tomsk State University]. Recording 3.
12. Počinskaja, I.V. (2015) Eine altgläubige Interpretation der Johannesapokalypse aus jüngsten Zeit [An Old Believers' interpretation of the recent Johannes Apocalypse]. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 63(3). pp. 430–443.
13. Anufrieva, N. (2016) Ikonografiya Strashnogo suda po dvum pamyatnikam knizhnykh sobraniy uralo-sibirskogo regiona [Iconography of the Last Judgment on two monuments of book collections of the Ural-Siberian region]. *Przeglad wschodnioeuropejski*. VII/1. pp. 67–82.
14. Nikitina, S.E. (2013) *Konfessional'nye kul'tury v ikh territorial'nykh variantakh: (problemy sinkhronnogo opisaniya)* [Confessional cultures in their territorial variants: (problems of synchronous description)]. Moscow: Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev.
15. Krutova, M.S. (2010) *Kniga glagolemaya: semantika, struktura i var'irovanie nazvaniy russkikh rukopisnykh knig XI–XIX vv.* [The book is said: Semantics, structure and variation of names in Russian manuscripts of the 11th – 19th centuries]. Moscow: Pashkov dom.
16. Yumasheva, Yu.Yu. (2013) *Arkhivy i "tsifrovaya gonka vooruzheniy"* [Archives and "a race to digitize"]. [Online] Available from: http://kleio.asu.ru/2013/3/hesj-32013_92-101.pdf. (Accessed: 1st June 2017).

УДК 378.4(460)
DOI: 10.17223/19988613/48/7

О.А. Жеравина

ИСТОРИК САЛАМАНКИ ПЕДРО ЧАКОН И ЕГО ГРАВИРОВАННЫЙ ПОРТРЕТ ИЗ ФОНДОВ СТРОГАНОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Рассматривается фигура выдающегося испанского интеллектуала XVI в., выпускника Саламанкского университета, автора первого труда по его истории. Освещаются основные моменты жизненного и профессионального пути ученого; отмечаются разносторонность и плодотворность научных изысканий П. Чакона и при этом весьма редкая для его круга скромность в отношении публикации их результатов. Анализируется феномен посмертной славы воспитанника Саламанки, нашедший свое выражение в контексте серии портретов выдающихся испанцев.

Ключевые слова: П. Чако́н; Саламанкский университет; история Саламанкского университета; выдающиеся испанцы XVI в.; Научная библиотека Томского государственного университета.

В испанской коллекции Строгановского книжного собрания, сравнительно небольшой по объему и весьма ценной по содержанию и разнообразию типов документов, имеется серия портретов выдающихся испанцев, представляющая собой реализацию одного из самых ярких проектов Испании эпохи Просвещения [1]. Продолжая исследование этого замечательного памятника испанской книжной культуры, имеющегося в Научной библиотеке Томского государственного университета [2, 3], обратимся к образу Педро Чакона, запечатленного в этом издании наряду с целой плеядой испанских университетских деятелей.

Испания, являющаяся страной с богатой университетской историей, восходящей к эпохе создания первых университетов Европы, обратившись в конце XVIII в. к просветительской идее пропаганды лучших представителей нации, вполне закономерно в числе таковых отдала значительное место деятелям, связанным со сферой образования и науки. И среди них, что также не удивительно, большая часть была представлена выпускниками старейшего в Испании Саламанкского университета. Каждый из этих питомцев Саламанки, ставших выдающимися учеными, государственными или церковными деятелями, снискал себе славу своим талантом, творческими свершениями и своим неустанным созидательным трудом в стремлении «передать вечности некий знак о себе» [1].

Концепция проекта базировалась не только на открыто провозглашенной идее достойной презентации образов героев нации как апологии и сокрушительном аргументе против недооценки Испании и ее народа «некоторыми бесстыдными иностранцами», но и на осознанной необходимости обращения к самой нации, «ко всем образованным и заинтересованным соотечественникам, к тем, кто искренне любит свою родину». Восстановление справедливого уважения к достойным памяти соотечественникам, освобождение кого-то из плена незаслуженного забвения провозглашались задачами авторов проекта. «Кто из героев не застрахован от преувеличения молвой завистников его малейших не-

совершенств, которые преподносятся как огромные преступления, тогда как сами достоинства могут быть представлены как пороки... Пробудить в соотечественниках, взирающих на образы своих героев, высокое стремление подражать им и даже их превзойти – вот благородная цель предпринятого труда», – писал автор пролога к серии портретов выдающихся испанцев граф Кастаньеда [Ibid.].

Каждый портрет серии сопровождался кратким описанием жизни изображенного персонажа. Созданию же самих гравированных портретов придавалось особое значение, так как ценность самого издания, помимо его идеологического содержания, в огромной степени определялась их художественным уровнем. Портреты исполнялись командой мастеров искусства гравюры под руководством ведущего испанского гравера эпохи Мануэля Сальвадора Кармоны. Большая часть рисунков для гравюр была сделана художником Хосефом Маза, который трудился с двумя десятками своих коллег. Оригиналом художникам послужили портреты из королевской галереи Эскориала, где почти «все изображенные персоны, были достойны войти в число знаменитых испанцев», как писал руководитель работ Рехон де Сильва первому министру при дворе Карла III графу Флоридабланке, при покровительстве которого и выполнялся проект [4. С. 50]. Серию портретов отдельными тетрадами начинают печатать в 1791 г. в Королевской типографии Мадрида.

Портрет Педро Чакона был выполнен гравером Синомом Бриева в технике черно-белой резцовой гравюры по рисунку Х. Маза в 1792 г. Ученый изображен сидящим в кресле с полураскрытой книгой в руках. Поверх сутаны на нем надет темный плащ, оттеняющий белый скромный воротник и цвет волос. Справа в глубине изображен стол с книгами в качестве атрибута, указывающего на характер профессиональной деятельности портретируемого. Привлекают внимание лицо мыслителя, обрамленное слегка выющимися седоватыми волосами, и его обращенный на зрителя спокойный и открытый взгляд (рис. 1).

Рис. 1. Портрет Педро Чакона. 1792. Гравер Симон Бриева. Художник Хосеф Маза. Фото автора

Как и было предписано для каждого портрета серии, под изображением помещены краткие данные о портретируемом лице, которые должны служить для его идентификации, а также давать представление о степени отражения этой общей характеристики в представленном облике. Надпись под портретом гласит: «Педро Чакон – уроженец Толедо, превосходный филолог и выдающийся гуманист. Своими трудами снискал похвалу ученых и руководителей Папского двора в Риме, где скончался в 1581 г. в возрасте 56 лет» [1].

Портрет Чакона, на наш взгляд, вполне соответствует образу выдающегося гуманиста, как он воспринимается с дистанции в несколько столетий и под воздействием иконографической традиции Ренессанса и раннего Нового времени. Вместе с тем он побуждает узнать нечто большее о человеке, светлый облик которого фиксируется нашим восприятием. Отметим при этом, что отсутствие специального упоминания о написанной изображенным истории Саламанкского университета оставляет вопрос, который снимается, правда, логикой лаконизма приведенных данных. Любопытно, однако, что и в сопутствующем портрету кратком очерке жизни Педро Чакона факт написания им этой работы также не приводится [Ibid.]. Очевидно, что при любой оценке труда по истории старейшего и круп-

нейшего испанского университета эпохи сам факт появления такой истории в качестве первой по этому предмету уже делает его достойным как минимум упоминания. Ответ, видимо, нужно искать не только исходя из особенностей оптики конца XVIII в., своеобразно преломляющей видение явлений века XVI-го, но и в свойствах, присущих самому субъекту обозначенной проблемы. В упомянутом очерке обращает на себя внимание характеристика личных качеств испанского гуманиста, которая может служить ключом к пониманию оценки его деятельности по изучению истории Саламанкского университета.

С детства и отрочества, повествует автор очерка, П. Чакон прилежно осваивал гуманитарные знания, что по достижении соответствующего возраста продолжил делать и в Саламанке, совершенствуя свои таланты в постижении необходимых умений и наук. Он настолько продвинулся в изучении математики и греческого языка, что профессора университета по результатам проведенного конкурса выделили его как самого достойного из всех его соперников для роли преподавателя этих предметов. Однако от такой чести Чакон отказался, занявшись достойным завершением обучения другим наукам, по его убеждению, более серьезным и полезным. С огромным усердием он посвятил себя фи-

лософии и теологии, приняв в результате церковный сан. При этом он был чужд «схоластического честолюбия» и погружался в научные исследования не настолько глубоко, чтобы лишать себя некоторого развлечения духа в виде частных уроков, которые он давал иногда юношам из богатых дворянских семей.

Педро Чакон был близок к известному кругу ученых-гуманистов, где он обрел друзей в лице одного из самых ярких саламанкских профессоров, знатока классических языков Франсиско Санчеса де лас Бросаса, теоретика музыки Франсиско де Салинаса, поэта и доктора богословия Луиса де Леона, знатока восточных языков теолога Бенедикта Ариаса Монтано. Накопленный багаж знаний позволил ему последовать совету друзей и отправиться в Рим, где атмосфера царивших тогда «высочайшего уважения к эрудиции и любви к увлекательным исследованиям» оказалась чрезвычайно благоприятной для его добродетелей и научного мировоззрения. Благодаря своим обширным и глубоким познаниям, Чакон быстро завоевал уважение и известность при папском дворе. Григорий XIII включил его в состав группы ученых, занимавшихся проверкой и исправлением ряда трудов церковных авторов для подготовки их к печати. Тонкий ум и память Чакона вызвали восхищение его коллег; он успешно справлялся с самыми запутанными и сложными задачами, требующими особых знаний и изобретательности в разрешении встречающихся проблем. При этом он проявлял необыкновенное великодушие, щедро делясь своими знаниями и результатами своего труда с друзьями и всеми теми, кто нуждался в его помощи и желал пользоваться «плодами его прилежания». За эти достоинства он заслужил восхваления от представителей разных стран, которые обращались к нему как к смертному, который был «дальше всех от честолюбия и жажды славы; и в высшей степени презирал посмертные восхваления...». Он был свободен от каких бы то ни было тщеславных или амбиционных интересов. Современники – римляне, французы, фламандцы – наделяли его громкими титулами «Почтенного человека своей эпохи», «Совершенного сокровища всех способностей», «Неиссякаемой реки науки». Природа, по словам автора очерка о Чакоме, сформировала его для науки; его ежедневным хлебом было общение с книгами. Он презирал честолюбие и почести двора, где искусство и усердие могли принести их ему в изобилии, но его природная скромность соединялась в нем с небрежением к ним. В результате от написанных им трудов он не получил ничего, кроме церковного бенефиция в Севилье, которого никогда не добивался и, возможно, не осмеливался желать [Ibid.].

Таким образом, в программном издании конца XVIII в., представлявшем соотечественникам образ Педро Чакона в числе выдающихся испанцев, содержался вывод о том, что «его сочинения сделают его имя бессмертным в ряду ученых, которых произвела на свет испанская земля» [Ibid.]. В списке трудов Чакона

были перечислены его комментарии, заметки к работам ряда латинских и греческих авторов, трактаты, пояснения к трудам средневековых ученых. Не упомянут, как уже отмечалось, был труд Чакона по истории университета Саламанки. Исходя из приведенной выше характеристики личности испанского ученого, можно связать это с его скромностью в вопросах публикации своих работ. Именно к такому выводу приходят современные исследователи жизни и творчества П. Чакона. «Чакон был человеком, склонным к уединению и одиночеству, скромным, нечестолюбивым, стремившимся к анонимности и не желавшим издавать свои труды, в силу чего большая их часть была опубликована после его смерти», – констатирует саламанкская исследовательница А.М. Карабиас Торрес [5].

Историю с написанием Чаконом работы о его родном университете весьма скупое, но достоверно подтверждает сама Саламанка в протоколах заседаний своих ученых советов. Так, в протоколе от 1 февраля 1570 г. зафиксировано выступление ректора университета, в котором он информировал членов совета об истории университета, написанной лиценциатом Педро Чаконом. Ректором была отмечена большая работа, проделанная означенным лиценциатом по изучению документов, связанных с историей создания и развития Саламанкского университета. Поскольку труд этот, по словам ректора, был предпринят «ради пользы университета, он достоин быть изданным и сохраненным в его архивах». Совет согласился с доводами ректора, «и сказаны были еще слова относительно указанного предмета, – отмечалось в протоколе. – Затем совет, прослушав это и признав, что лиценциат Чакон провел работу по указанному предмету, поручил комиссии в составе ректора, сеньора Мойи и магистра Грахалия истребовать сей труд, просмотреть его и распорядиться его напечатать, если он того заслуживает». Для выполнения поручения было решено поместить в архив оригинал работы, с которым могли ознакомиться члены назначенной комиссии [6. С. 257]. Спустя полгода совет вернулся к рассмотрению этого вопроса, заслушав мнение комиссии. В протоколе заседания университетского совета от 4 августа 1570 г. было отмечено, что книга лиценциата Чакона была удостоена похвалы: «...члены комиссии взяли слово и начали говорить, что работа является очень хорошей, что написана она в изящном и полезном для чтения стиле. Однако для того, чтобы быть книгой, которая повествует об университете, ее объем является очень малым. И, по их убеждению, в настоящее время она не может быть напечатана; сейчас нужно лишь сделать одну или две копии, которые должны находиться в архиве университета». Было принято решение еще раз изучить книгу, и «если будет решено, что она должна быть напечатана, ее напечатают». Судя по содержанию протокола, мнения членов совета разделились, «одни говорили, что было бы хорошо опубликовать эту книгу, другие заявляли, что это неприемлемо». Было начато голосование, но, как отчетливо зафиксировано в протоколе, еще «до окончания голосования по этому вопросу университет принял решение в пользу того, чтобы не печатать эту книгу, однако

сделать при этом подлюжины ее копий, поместить их в университетский архив, чтобы при необходимости они могли быть предъявлены и выданы сеньорам докторам или магистрам по их желанию». Оговаривалось, что «одна или две копии этой книги должны постоянно оставаться в архиве, чтобы работа не была утеряна». Было заявлено также о необходимости «выразить благодарность и большое удовлетворение проделанной работой», которая, как отмечалось, «является настолько хорошей, что ее автор заслуживает премии» [6. С. 262]. Несмотря на столь противоречивые оценки, история Саламанки Чакона так и не была опубликована при жизни автора, что, с учетом особенностей его характера, вряд ли могло стать предметом его глубоких переживаний.

Вполне очевидно при этом, что вопрос о публикации труда Чакона, в котором впервые была представлена история Саламанкского университета, насчитывавшая к тому времени уже более трех столетий, решался университетским советом с учетом наличия каких-то более существенных факторов, нежели объем представленной автором работы. Как показывают современные исследования, пониманию проблемы с книгой Чакона помогает сам факт причин ее появления и предназначения. Довольно загадочной называет А.М. Карабиас Торрес саму ситуацию, связанную с выбором автора для выполнения заказа по написанию данной работы. Заказ действительно имел место и обусловлен был положением в университетской сфере Испании, сложившейся к концу последней четверти XVI в. Саламанкский университет, оставаясь самым влиятельным и престижным в Испании, не мог вместе с тем не реагировать на существовавшую конкуренцию со стороны других высших школ страны и в первую очередь значительно более молодого университета Алькала-де-Энарес. В условиях соперничества обращение к своей славной многовековой истории могло не только дать университету дополнительные преимущества в плане привлечения в свои стены большего числа студентов, но и послужить солидным аргументом в общении с папским престолом по всегда актуальному для университета вопросу о предоставлении финансовой помощи и привилегий. Чувствительным также оказывался и случавшийся время от времени переход отдельных профессоров в другие университеты, в первую очередь в университет Комплутума, как в древности назывался город Алькала-де-Энарес.

С учетом этих обстоятельств ученый совет Саламанки и предложил написать историю старейшего испанского университета лиценциату Педро Чакону. Выбор, как замечает А.М. Карабиас Торрес, мог показаться странным для университета, располагавшего обширным штатом именитых докторов и магистров. Вместе с тем прилежный лицензиат к этому времени имел большой опыт работы со старинными документами, был хорошо знаком с архивным фондом университета и обладал теми качествами, которые в будущем сделают его причастным к когорте выдающихся испанцев.

При написании истории университета Чакон использовал широкий круг источников, относящихся к XIII–XVI вв.; в его работе даются ссылки на корпус основных документов, связанных с юридическими, экономическими, финансовыми, институциональными и другими аспектами функционирования университета на протяжении столетий.

Именно финансовые и экономические вопросы находятся в фокусе авторского внимания. Чакон воссоздает картину неуклонного поступательного развития Саламанкской школы, пользующейся поддержкой и покровительством как королевской, так и папской власти. Однако растущий университет не выглядит под пером историка как исключительно получатель финансов, юридических и экономических привилегий. Сам университет был показан в книге Чакона как дарующий силу и разумные основания для укрепления светской и церковной властей, как кузница кадров высшей квалификации для государственного аппарата и для развития церковной организации. Задача показать эффективность использования средств, даруемых папством и королевской властью для поддержания и развития университетской жизни, приводит Чакона к необходимости представить в глазах того, кому в первую очередь предназначался его труд – а именно, Римской курии, – картину бесконфликтного, строго выполняющего университетский устав и все распоряжения короля и папы университетского сообщества, сплоченного идиллическим единством в понимании и исполнении своих обязанностей и долга перед королем и папским престолом. А. Виан Эрреро называет эту нарисованную идиллию не отвечающей реалиям жизни, и превращающейся при критическом рассмотрении в некое подобие моральной сатиры [7. С. 125–126]. По словам А.М. Карабиас Торрес, «История Саламанкского университета» Педро Чакона представляет собой работу, тщательно продуманную, хорошо структурированную в отношении документально подтверждаемых фактов и снабженную достойным похвалы критическим аппаратом. «Однако, – заключает исследовательница, – мы не должны скрывать тот факт, что она представляет собой искаженную версию действительности» [8. С. 30].

На деле даже сквозь строки такого вида источников, как упомянутые выше протоколы заседаний университетского совета, проступает совсем другая картина жизни реальных людей, полная драматической борьбы, столкновений идей и интересов, конфликтов, ненависти, смирения, высоких устремлений, бытовой повседневности.

Причины, заставляющие в иных случаях пренебрегать некоторыми сторонами реальности и избирать для повествования об истории и развитии университета преимущественно хвалебные тона, порождаются, как правило, определенным, в данном случае ректорским, заказом, ставящим задачу создания позитивного имиджа учреждения, в том числе и в просветительских целях, реализуемых в университетских аудиториях. Труд Чакона был предназначен для решения финансовых

проблем университета, образ которого в глазах членов Римской курии историку было предписано представить исключительно в выигрышном свете [9. С. 130].

Рукопись Педро Чакона в марте 1571 г. была представлена папскому двору магистром Гальо, который, подводя итог своих римских переговоров от имени Саламанкского университета, писал о «той радости, с которой кардиналы знакомились с нею» [8. С. 21].

Спустя год с наименьшей радостью представители Римской курии знакомились уже с самим ее автором, переехавшим в Рим, как оказалось, навсегда. Согласно утверждению Элисы Руис, предпринявшей интересное исследование последнего десятилетия жизни Чакона, обосновавшись в Риме, тот не совершил ни одного перемещения, сколько-нибудь важного в отношении времени или пространства. Он занимался научными изысканиями, много писал, встречался с близкими друзьями и временами проводил целые ночи в изысканных беседах с интересными ему людьми, собиравшимися на римский манер в просторных домах состоятельных друзей. Жизнь нашего неугомонного исследователя, как предполагает Э. Руис, была в эти годы безмятежной, плодотворной и спокойной, согретой теплом друзей и признанием коллег. Эту прекрасную реальность его заставила покинуть преждевременная смерть, причины которой остались неизвестными [10. С. 198–199]. Педро Чакон был погребен в церкви святого Сантьяго, по-

кровителя Испании. Все свои средства он завещал этой церкви, предоставлявшей помощь его нуждающимся соотечественникам. В библиотеке Чакона среди книг и манускриптов хранилась и рукопись его истории Саламанкского университета [Ibid. С. 201–214].

В 1787 г. «История Саламанкского университета» П. Чакона была опубликована А. Вальядаресом де Сотомайором в 18-м томе мадридского еженедельника «*Semanario erudito*» [11]. Современное научное издание рукописи под руководством А.М. Карабиас Торрес было осуществлено в Саламанке в 1990 г. [8].

Удивительно, но текст этого произведения, написанного на прекрасном кастильском языке более четырехсот лет назад, не производит сегодня впечатления архаического. Более того, отмеченный выше хвалебный тон сочинения может выглядеть вполне умеренным на фоне того пафосного стиля, которого в более поздние времена испанцы склонны были придерживаться в трактовке темы университета и его общественного предназначения.

Педро Чакон со своей рукописью навсегда останется первым историком старейшего испанского университета. И, как это было при жизни выдающегося ученого, он и сейчас продолжает пребывать в кругу своих испанских друзей-гуманистов: в числе выдающихся испанцев запечатлены на портретах и его друзья – Санчес де лас Бросас, Франсиско де Салинас, Ариас Монтана, Луис де Леон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Retratos de los españoles ilustres con un epitome de sus vidas. Madrid: En la Imprenta Real de Madrid, 1791. 108 retratos.
2. Жеравина О.А. Образы саламанкских ученых в серии портретов выдающихся испанцев (из книжного собрания Строгановых Научной библиотеки Томского государственного университета) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 2 (6). С. 57–64.
3. Жеравина О.А. Кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос как основатель университета в Алькала де Энарес (к изучению серии портретов выдающихся испанцев из книжного собрания Строгановых) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2 (10). С. 61–69.
4. Molina A. Retratos de españoles ilustres con un epitome de sus vidas: orígenes y gestación de una empresa ilustrada // Archivo español de arte. 2016. Vol. LXXXIX, № 353. P. 43–60.
5. Carabias Torres A.M. Pedro Chacón (1525–1581). URL: <https://alumni.usal.es/pedro-chacon-1525-1581> (дата обращения: 20.06.2017).
6. Beltrán de Heredia V. Cartulario de la universidad de Salamanca (1218–1600). Salamanca : Universidad de Salamanca, 2001. T. IV. 602 p.
7. Vian Herrero A. Images de l'Université et du professeur universitaire dans El Scholástico de Cristóbal de Villalón: actualité de sa critique // Les échanges entre les universités européennes à la Renaissance : colloque international organisé par la Société française d'étude du XVIe siècle et l'Association Renaissance-Humanisme-Réforme, Valence, 15–18 mai 2002 / red.: M. Bideaux, M.-M. Fragonard. Genève : Librairie Droz, 2003. P. 113–128.
8. Historia de la Universidad de Salamanca hecha por el Maestro Pedro Chacón / ed. y studio al cuidado de Ana María Carabias Torres. Salamanca : Ediciones de la Universidad de Salamanca, 1990. 110 p.
9. Historia de la Universidad de Salamanca / Luis Enrique Rodríguez San Pedro-Bézares, ed. Salamanca : Universidad de Salamanca, 2009. Vol. IV: vestigios y entramados. 860 p.
10. Ruiz E. Los años romanos de Pedro Chacón: vida y obras // Cuadernos de Filología Clásica. 1976. Vol. 10. P. 189–247.
11. Historia de la Universidad de Salamanca, hecha por el Maestro Pedro Chacon. Vol. 16–18 // *Semanario erudito* : que comprehende varias obras ineditas, criticas, morales, instructivas, políticas, historicas, satiricas, y jocosas de nuestros mejores autores antiguos, y modernos : by Valladares de Sotomayor, Antonio, edito. Madrid : por Don Blas Roman, 1787. P. 3–67.

Zheravina Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ozheravina@yandex.ru

THE HISTORIAN OF SALAMANCA PEDRO CHACON AND HIS ENGRAVED PORTRAIT FROM STROGANOV'S LIBRARY COLLECTION.

Key words: P. Chacon; Salamanca University; history of Salamanca University; outstanding Spaniards of the 16th century; Research library of Tomsk State University.

In the article the figure of the outstanding Spanish intellectual of the XVI century, the graduate of the Salamanca University, the author of the first work on its history is considered. The author sets the following tasks: 1) to give the main characteristic of a series of portraits of outstanding Spaniards and to describe Pedro Chacon's portrait; 2) to describe highlights of a vital and professional way of the Spanish humanist; 3) to analyze orientation of his scientific works. 3) to consider features and value of his manuscript History of the Salamanca university and also Chacon's relation to the edition of his research works. In the work the author used de visu method for studying and the description of a portrait of the scientist; a bibliographic method for studying of scientific literature on the subject; a comparative-

historical method for comparison and the analysis of historical data. As a result of the conducted research the following conclusions have been received. P. Chacon has been chosen as the portrayed person for a series of outstanding Spaniards on the basis of his high achievements in the field of the classic languages and numerous works written by him. The main vital and career stages of P. Chacon were connected at the beginning with a stage of his study at the Salamanca University and his work on the book on history of Salamanca. After departure to Rome the second vital and career stage of Chacon has been connected with hard scientific work, communication with friends and writing of scientific works. The subject of his scientific works covers such areas as classical philology, Latin, comments to works of the Roman, Greek and medieval authors and also the book on history of the Salamanca University. This work is characterized by the wide sources base presented by papal bulls and decrees, royal decrees and orders. The work has well-built structure, is written in the good literary language. Owing to the fact that this book had been intended for improvement of image and increase in prestige of the university it was not deprived of the aspiration to embellish reality and to use a positive message for with its help to achieve certain financial subsidies for the university. The Chacon manuscript on history of Salamanca University had been published only after the death of the scientist who was characterized by indifference to editing of his works and preparation them for the publication.

REFERENCES

1. Anon. (1791) *Retratos de los españoles ilustres con un epitome de sus vidas* [Portraits of outstanding Spaniards with an epitome of their lives]. Madrid: En la Imprenta Real de Madrid.
2. Zheravina, O.A. (2012) Images of Salamanca scholars in a series of portraits of outstanding Spaniards (from Stroganov's book collection of Tomsk State University Research Library). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2(6). pp. 57–64. (In Russian).
3. Zheravina, O.A. (2013) Cardinal Francisco Ximenez de Cisneros as the founder of the University in Alcala de Henares (on a series of portraits of outstanding Spaniards from Stroganov's book collection). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2(10). pp. 61–69. (In Russian).
4. Molina, A. (2016) Retratos de españoles ilustres con un epitome de sus vidas: orígenes y gestación de una empresa ilustrada [Portraits of illustrious Spaniards with an epitome of their lives: Origins and gestation of an illustrated company]. *Archivo español de arte*. V. LXXXIX(353). pp. 43–60.
5. Carabias Torres, A.M. (2016) *Pedro Chacón (1525–1581)* [Pedro Chacón (1525–1581)]. [Online] Available from: <https://alumni.usal.es/pedro-chacon-1525-1581/>. (Accessed: 20th June 2017).
6. Beltrán de Heredia, V. (2001) *Cartulario de la universidad de Salamanca (1218–1600)* [Cartulary of the University of Salamanca (1218–1600)]. Vol. IV. Salamanca: Universidad de Salamanca.
7. Vian Herrero, A. (2002) [Images of the University and the university professor in El Scholástico de Cristóbal de Villalón: current events of its review]. *Les échanges entre les universités européennes à la Renaissance* [The Exchange between European Universities in the Renaissance]. Proc. of the International Symposium organized by the French Society for the Study of 16th century and the Association Renaissance-Humanisme-Réforme. Valence, May 15–18, 2002. Geneva: Librairie Droz. pp. 113–128. (In French).
8. Carabias Torres, A.M. (ed.) (1990) *Historia de la Universidad de Salamanca hecha por el Maestro Pedro Chacón* [History of the University of Salamanca by Master Pedro Chacón]. Salamanca: University of Salamanca.
9. San Pedro-Bézares, L.E.R. (ed.) *Historia de la Universidad de Salamanca* [History of the University of Salamanca]. Vol. 4. Salamanca: Universidad de Luis Enrique Salamanca
10. Ruiz, E. (1976) Los años romanos de Pedro Chacón: vida y obras [The Roman years of Pedro Chacon: Life and works]. *Cuadernos de Filología Clásica*. 10. pp. 189–247.
11. Chacon, P. (1787) Historia de la Universidad de Salamanca [History of the University of Salamanca]. In: Valladares de Sotomayor, A. (ed.) *Semanario erudito: que comprehende varias obras ineditas, criticas, morales, instructivas, políticas, historicas, satiricas, y jocosas de nuestros mejores autores antiguos, y modernos* [Semanario erudito: which comprises several unpublished, critical, moral, instructive, political, historical, satirical, and playful works of our best ancient and modern authors]. Vol. 16–18. Madrid: por Don Blas Roman. pp. 3–67.

УДК 93/94-930.2
DOI: 10.17223/19988613/48/8

В.В. Керов

ЕКАТЕРИНБУРГ, ТОМСК, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ: КАКАЯ ОНА, РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ «ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ», И ЗАЧЕМ ОНА НУЖНА?

Исследуется формирование истории повседневности как специального направления современной исторической науки со своими теоретическими концепциями. Рассматриваются динамика и методы различных «историй повседневности» («l'histoire de la vie quotidienne», «Alltagsgeschichte», «Alltagskulturgeschichte» и др.). В центре внимания автора – отечественная история городской повседневности. Выявляется специфика этого сектора истории повседневности, его проблемное поле, цели, структура и объект исследования. С этой целью осуществляется сопоставительный анализ двух историографически значимых работ, изданных в Екатеринбурге и Томске.

Ключевые слова: история повседневности; городская повседневность; историография; методология.

История повседневности, без всякого сомнения, представляет собой одно из самых модных и популярных направлений исторической науки последних десятилетий. Считаясь одной из новейших исторических субдисциплин, история повседневности в то же время имеет историю длиной около двух с половиной веков. Как отмечал А. Бюргер, с появлением журнала «Анналы» в конце 20-х гг. XX в. история повседневности и антропологическая история «не родились, а возродились» [1. С. 30].

В действительности ее начало можно отнести к последней четверти XVIII в. Одним из первых ее авторов был историк-иезуит П.-Ж.-Б. Легран д'Осси, опубликовавший в 1783 г. первые три тома «Истории частной жизни французов с зарождения нации до наших дней» из многих планировавшихся [2].

Однако в Предварительных замечаниях он обозначил объект всего исследования. Это забытые историками того времени «горожанин в своем городе, крестьянин в своей хижине, дворянин в своем замке, т.е. француз среди его трудов, развлечений, в кругу семьи и детей», а также «рыбалка, охота, садоводство и цветоводство, кроме того, многие другие аспекты» жизни человека [Ibid. Т. 1. Р. 5, 13]. И позже, несмотря на увлеченность историков первой половины XIX в. – эпоху формирования многих европейских государств – политической историей, работы по истории повседневности в то время все же появлялись (см., напр.: [3, 4]).

В конце XIX в. тенденция не исчезла (см., напр.: [5]).

С конца 20-х гг. XX в. авторы журнала «Анналы экономической и социальной истории» (ныне – «Анналы. История, социальные науки») в ходе формирования «новой исторической науки», позже названной «исторической антропологией», активно использовали анализ повторяющихся социальных практик различных исторических социальных общностей. К 50–60-м гг. XX в. слияние истории ментальностей и истории повседневности реализовалось. Ярким проявлением этого были работы Ф. Броделя, видевшего «структуры повседневности» в условиях жизни и деятельности чело-

века в разных аспектах: от природных условий до быта и гендерных ситуаций [6], а позже кульминацией историографического процесса стала работа Э. Ле Руа Ладюри [7].

При этом история повседневности довольно быстро не только создала обширнейшую литературу, но и вышла из-под критики за фактографический нетеоретизированный характер. Помимо броделевской концепции возникали и другие. Еще раньше, в 1936 г., один из первых теоретиков истории повседневности немецкий социолог Н. Элиас опубликовал результаты блестящего исследования динамики бытовых поведенческих практик «высшего слоя мирян» Западного Средневековья, предварив его развитой «теорией цивилизации». Элиас исходил из того, что весь исторический процесс, все трансформации «состоят из действий отдельных людей, но в то же время в результате таких действий возникают институты... которые не планировались ни одним из этих действующих индивидов». Этот «социогенез» определяет «изменения поведения и психического *habitus*'а» и составляет «механизм исторических изменений» [8. Т. 1. С. 53, 54].

Теоретическая основа развития французской, преимущественно «анналистской», историографии истории повседневности заложена трудами не только Ф. Броделя, но и Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Эта *histoire de la vie quotidienne*, включающая историю частной жизни, используется как инструмент для выявления скрытой, аморфной и спонтанно проявляющейся ментальности конкретно-исторических социальных общностей [9].

В середине 1980-х гг. оформилась германская история повседневности, которая так и называлась – *Alltagsgeschichte* и имела своей особенностью очень серьезное концептуальное обоснование. Был четко сформулирован объект исследований – «будничные опыт и поведение», а точнее, повседневная «социальная практика людей», причем людей «маленьких», рядовых, тех, «кто остался безымянным в истории». Это в чистом виде «история снизу», причем методическим ядром является микроисторический анализ. В работах

отдельных авторов *Alltagsgeschichte* есть своя специфика, но для всех них важнейшая задача связана, кроме развития исторического знания и методов исторической науки, «с критикой теорий, концептов и методов». Подвергая анализу повседневность маленьких людей», А. Людке, Х. Медик, Ю. Шлюмбом, К. Хаузен, М. Кром и др. подвергают сомнению и верифицируют распространенные теории и концепции [10. С. 77, 83 и др.; 11. С. 53–58, 80–81 и др.].

Позже М. Дингес сформулировал концепцию *Alltagskulturgeschichte* – «новой культурной истории повседневности», основанной на теории «стилей жизни» как архетипов поведения в корреляции с условиями эпохи, социальной принадлежностью и пр. [12].

Широко разрабатывается различная проблематика истории повседневности с целью решения исследовательских задач, не связанных непосредственно с повседневностью. В таких работах она используется для того, чтобы взглянуть на некую проблему с иной, неординарной позиции, используя новые углы зрения. Так, примером может служить содержание конференции, посвященной истории питания (*Foodways*) в России и СССР. Авторы докладов проводили исследования с целью выявления социально-политического характера движения вегетарианцев в России в начале XX в. (Д. Голдштейн), внедрения советской властью социально-политического неравенства при помощи государственных столовых различных категорий (М. Борреро), остроты национального вопроса в позднем СССР (Г. и Р. Ротштейн) и т.п. (см.: [13]).

В нашей стране быт, нравы и обычаи, а также повседневные практики стали изучаться с 40-х гг. XIX в. (см.: [14–18 и др.]).

Хотя некоторые советские историки и называли период деятельности перечисленных и родственных им авторов как «бытописательский» (цит. по: [19. С. 23]), эти работы не были лишены теоретической основы. Этнограф и археолог В.В. Пасек утверждал, что «обычаи народа в обширном смысле есть сокровищница его прошлого, его знаний философии, медицины, всей его жизни, его особенности и самобытности. Без этой особенности народ был бы бесхарактерен, несчастен, ничтожен» [20. С. 562].

В советское время исследования по истории повседневности, прежде всего бытовых практик, продолжались, но были глубоко идеологизированы. Л.Д. Троцкий писал о серьезном значении быта как «обстановки и обихода жизни», прежде всего, рабочих. «Быт накапливается стихийным опытом людей, – отмечал Троцкий, – изменяется стихийно... и в итоге отражает гораздо больше прошлое человеческого общества, чем его настоящее». Троцкий настаивал и на необходимости изучения быта: «...чтобы подняться культурно на более высокую ступень, рабочему классу... нужно продумать свой быт. А для этого нужно познать его» [21. С. 21]. Троцкому вторили А.В. Луначарский [22], Ю. Ларин [23] и другие советские и партийные деяте-

ли. Параллельно развивались и конкретные исследования [24, 25 и др.].

После Великой Отечественной войны история быта оставалась совершенно марксистско-ленинской [26]. Даже краеведческие исследования, содержащие описание «быта и нравов» советского периода, содержали необходимые цитаты и были основаны на классовом подходе (см.: [27]). Однако уже с 1960-х гг. стали публиковаться научно-исторические работы нового, вполне европейского типа (см., напр.: [28]). Одновременно продолжалось исследование рабочего (см., напр.: [29, 30]), колхозного (в меньшей степени, историографию см.: [31, 32]) и семейного быта (историографию см.: [33; 34; 35. С. 74–80]). Однако это направление не осознавалось как отдельное, как самостоятельный научный проект.

После ликвидации идеологического контроля в постсоветской исторической науке история повседневности развивалась во взрывной форме. В последнюю четверть XX в. были опубликованы тысячи статей и монографий по различным аспектам повседневной истории как на общенациональном, региональном, этническом, так и микроисторическом материале. В первые годы развивалась в основном история быта. Были даже попытки превратить эту тему в особое научное направление. Организаторы всероссийской конференции по истории быта прямо заявили: они «убеждены, что изучение истории российского быта является одним из наиболее перспективных направлений в исторической науке» [36. С. 4].

Однако довольно быстро модной стала именно история повседневности, появились «гендерная повседневность», «революционная повседневность», «экономическая повседневность», «военная повседневность», «рабочая (и даже «производственная») повседневность» и пр. (историографию см.: [37–42]). Обширную литературу получила «политическая повседневность» [43–46].

Сразу началось складывание методологической базы этого направления и даже его институционализация. В 2002 г. был образован Научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее». Его председатель академик Ю.А. Поляков считал, что «история – это прежде всего повседневная жизнь, опрокинутая в прошлое... История повседневности – совокупность судеб миллиардов людей, живших в далеком и близком минувшем, имевших как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задачей истории повседневности являются отображение их образа жизни в историческом разрезе, выявление общего и особенного, неизменного, традиционного, сохраняющегося столетиями и нового, ежедневно рождаемого буднями» [47].

Поляков обозначил проблематику истории повседневности:

1) историко-демографические исследования (рождаемость, смертность, продолжительность жизни, здоровье, заболеваемость, состояние медицинского обслуживания и его доступность);

2) изучение семьи, брака, семейных и интимных отношений, в том числе добрачных и внебрачных, взаимоотношений поколений, воспитания детей в семье;

3) «жизненные условия» (жилье, питание, одежда, транспорт, коммуникации, состояние сферы услуг, обеспеченность бытовой техникой и проч.);

4) проблемы досуга, отдыха, занятий спортом, соблюдение праздничных обрядов [48. С. 8].

Ю.А. Поляков, однако, не увидел, как и советские историки, в истории повседневности нового направления в науке, а лишь отражение «возросшего интереса к старой, но непрерывно обновляющейся проблематике» [47. С. 127]. Обозначение объекта – это очень важно, поскольку, с иронией отметила немецкий антрополог К. Липп, в литературе по истории повседневности «существует столь же много “повседневностей”, сколько есть авторов, ее [повседневность] изучающих» (цит. по: [49. С. 17]). Однако создание совета и заявления его председателя не обеспечили создания глубокой теории истории повседневности. Значение совета было в ином, его появление и деятельность Ю.А. Полякова сыграли решающую роль в признании этого направления. Проблемы истории повседневности, несмотря на их популярность, и не только в ученой среде (в серии «Живая жизнь: повседневная жизнь человечества» вышло более 100 научно-популярных, чаще просто популярных книг), считались мелкотемьем, данью моде, коммерческим направлением и т.п. Автору этого материала пришлось в 2004 г. ссылаться на Научный совет РАН, чтобы убедить руководство диссовета и кафедры вполне тогда приличного московского вуза утвердить название кандидатской диссертации, включавшее слово «повседневность». Теперь же во многих вузах читается курс «История повседневности» (правда, не всегда наполненный адекватным содержанием). Было опубликовано даже несколько учебников по курсу «Российская повседневность» (см., напр.: [50, 51]).

Вал работ по «истории повседневности», «повседневной истории» или какой-нибудь «советской повседневности» увеличился еще больше, приобретая междисциплинарный аспект (см., напр.: [52, 53]) и массовый диссертационный формат в национальном и региональном масштабах (см., напр.: [54–57 и др.]). Анализ диссертаций показал, что их теоретический уровень, несмотря на историографические очерки с обильными сносками, невысок. Об этом можно судить, рассматривая цели таких исследований. Это в подавляющем большинстве случаев «реконструкция повседневного образа жизни...», «комплексное научное исследование основных черт повседневности...» или вообще «изучение повседневной жизни» каких либо социальных, региональных и тому подобных общностей той или иной эпохи. Фактически речь идет об отсутствии научных целей у таких работ, а точнее – о слабом теоретическом фундаменте отечественной истории повседневности.

Редко, но встречаются более или менее внятные формулировки целей диссертационных исследований:

«выявление основных тенденций и особенностей развития повседневной жизни...» и даже «выявление влияния исторических условий [например, революции 1917 г.] на повседневный быт и мораль... и влияния этих изменений на поведение...».

Часто теоретическое обоснование исследования по истории повседневности, вслед за Ю.А. Поляковым, ограничивалось перечислением функциональных типов повседневных социальных практик: «Жизнь людей – это труд и отдых, будни и праздники, забота о хлебе насущном, свадьбы и похороны, рождение детей, их воспитание и образование, гражданские и церковные обряды...» В данном случае – в результате, как следует из выводов, анализ этих практик имел своей целью выявление особенностей эпохи нэпа и корректировку соответствующих концепций [58. С. 287, 335].

И все же четверть века развития отечественной истории повседневности не прошли зря в смысле ее обеспечения теорией, а точнее, теориями. Прежде всего речь идет о многочисленных методологических работах известного гендеролога Н.Л. Пушкаревой [59].

В первую очередь Пушкарева, как обычно, определяет проблемное поле. Это «сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах», образ жизни и его изменения «у представителей разных социальных слоев», трансформация «их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события» [60. С. 3]. Несмотря на некоторые сомнения, Пушкарева таким определением объединяет «повседневную» и «частную» историю, не останавливаясь, впрочем, на этом. Во-первых, она признает, что история повседневности – «новая отрасль исторического знания» [Там же]. Во-вторых, структуры повседневности составляют «почву порядка, власти, познания» и «определяются специфически организованными дисциплинарными пространствами общества». В-третьих, «изучение истории повседневности заставляет разглядеть типологию там, где она хуже всего просматривается: в индивидуальных решениях, принимаемых в различных ситуациях. И тогда выясняется, что история повторяется потому, что так медленно меняемся мы сами – не отвлеченные, виртуальные социальные структуры, а именно мы, живые люди. “История повседневности” доказывает: люди не одинаково движутся по одной и той же колее, а потому индуктивный путь – путь к постижению общего (представлений о мире некоторой группы людей или всего общества) через отдельное (жизни, “повседневности” отдельных людей) – весьма продуктивный путь воссоздания жизни ушедших столетий» [Там же. С. 20–21].

С учетом упоминания Пушкаревой важности для истории повседневности микроисторического подхода не вызывает сомнений попытка синтеза теоретико-методической составляющей французской «анилистской» истории повседневности и немецкой *Alltagsgeschichte*.

Развиваются методологические усилия и других историков в других направлениях (см., напр.: [61]). Некоторые авторы приняли теоретическую модель немецкой [62. С. 704–711; 63] или французской истории повседневности (см., в частности, работы П.Ю. Уварова (ныне председателя упомянутого выше Научного совета РАН), напр.: [64]).

Развивается и проблематика исследований по истории повседневности, появляются ее новые направления, новые, по крайней мере, для российской науки. Одной из наиболее масштабных тематик стала «городская повседневность», или «повседневность горожан». В принципе, этой проблеме не менее 235 лет: еще Ж.-П.-Б. Легран д'Осси писал в 1782 г. о необходимости осветить жизнь «горожанина в его городе» [1. Р. 5]. Однако у нас акценты были иными. В дореволюционной литературе речь шла об обычаях, нравах и быте, прежде всего, русского крестьянства. Городской быт фигурировал лишь в работах, относящихся к Древней Руси, и речь шла в основном о Москве и Великом Новгороде. В советское время городской быт рассматривался нередко, но исследования имели четкую классовую ориентацию и посвящены были рабочему быту. В постсоветской историографии поначалу изучались (по советской инерции) городские сообщества – купечество и мещанство (историографию см.: [65. С. 27–30]), а также городское управление [66, 67; историографию см.: [65. С. 3–18].

Речь шла в основном об «истории и состоянии русского города». Классическим примером из новейшей историографии такой работы является книга Л.В. Кошман [65]. Здесь основная часть текста посвящена типологическим особенностям города, истории мещанства и профессионального образования, а «общественному и домашнему укладу жизни», а также «нравственным и культурным ценностям» – всего 15 страниц из 448, и еще 100 страниц – инфраструктуре, в том числе санитарно-медицинским учреждениям, почте, телеграфу и другим факторам, определяющим условия жизни горожанина, включая памятники. Другой пример – знаковое исследование А.И. Куприянова, имеющее историко-культурологический характер, но содержащее и элементы истории повседневности как одну из составляющих [68].

В то же время идея Легран д'Осси все же нашла своих последователей. Отдельные исследования появились в 1990-е гг. [69, 70], но именно 2000-е гг. дали множество работ, в том числе диссертационных, посвященных «городской повседневности» [71–74 и др.].

Как же такая повседневность самоидентифицируется? Это, прежде всего, социальная и культурная инфраструктура городского социума – условия существования горожан, а также демография, «городской быт» и нравы. В числе множества трудов по истории городской повседневности, что характерно для мировой науки, есть работы разного исследовательского уровня. И среди них можно выделить, на наш взгляд, несколько «вершин».

Как не парадоксально, это книги исследователей не из Москвы и Петербурга, даже не из Центральной России. Речь идет о представителях Урало-Сибирского региона. Именно здесь в последние годы активнейшим образом развивается история городской повседневности [75–79], причем часто на очень высоком уровне. Свидетельством тому работы ученых из Екатеринбурга [80] и Томска [81].

Эти исследования имеют много общего и много различий. Прежде всего, это действительно труды по истории городской повседневности. Обе работы в равной степени демонстрируют знакомство с методологическими наработками Н.Л. Пушкаревой и других методологов. При этом активно используется микроисторический анализ, но не в духе *Alltagsgeschichte*, а в специфической манере, ориентированной на обильное приведение цитат из многочисленных источников. Для авторов обоих исторических произведений характерно понимание города как центра модернизационных процессов, являющегося «генератором изменений во всех сферах жизни общества и средоточием взаимодействия и взаимовлияния различных этнических и социокультурных групп» [80. С. 12].

Город в этих книгах – действительно квинтэссенция «динамичной» культуры и быта эпохи в отличие от «медленного» крестьянского пространства. По словам И.М. Гревса, описания городов – «это прекрасное пособие для изучения замечательных очагов, где цветут высшие дары человечности» (цит. по: [Там же. С. 5]). Схож здесь и объект исследования – поведение, одежда и мода, досуг. Важна для авторов и хозяйственная повседневность. И дело здесь не в том, что В.П. Микитюк является специалистом в области истории предпринимательства. А.Н. Жеравина, специализируясь на иных темах, в то же время особо подчеркивает профессионализм усилий томичей в производственной деятельности различного характера и на разнообразных предприятиях – от кондитерской фабрики Тихонова до иконописной и ризочеканной мастерских.

В обеих книгах показана эволюция различных аспектов «городской повседневности» и прежде всего досуга. Именно досуг оказывается самым «демонстративным» и ярким проявлением цивилизационных трансформаций, проходивших на рубеже XIX–XX в. В уральском исследовании рассказ о развлечениях горожан даже разделен на две главы, в одной из которых анализируются именно «новации в сфере досуга», в том числе спорт и кинематограф.

Особенностью российской истории повседневности, прежде всего городской, является повышенный интерес к девиантному поведению, в том числе к преступлениям и преступникам. П.-Ж.-Б. Легран д'Осси и А. Франклен изучали «правильного» горожанина. Э. Ле Руа Ладюри нашел в истории Монтанью единственное убийство за целое поколение, а главным видом «преступления» (но, вероятно, не девиации) был адюльтер. Х. Медик также описал лишь «преступле-

ния» сельских пиетистов против традиций и обычаев. В российской же городской истории первые работы в этой области имели акцент на криминальную девиацию [69, 70]. Н.Б. Лебину, несмотря на пионерский характер ее труда, серьезно критиковали именно за то, что она попыталась «отразить жизнь города через концепцию девиантного поведения, свести все многообразие городской жизни к социально ущербным маргинальным или патологическим проявлениям» [82. С. 29]. В представленных работах такого акцента, конечно, нет. Однако в екатеринбургской работе описывается «деятельность» «хулиганов и пьяниц», «преступников и проституток». В книге А.Н. Жеравиной содержится целый раздел «Криминогенная ситуация в городе». Кроме того, приведены еще и «способы обмана покупателя» – обсчет, обвес, продажа некачественных товаров, вроде залежалой кильки, заплесневелых срезков с сыра, поддельных ювелирных украшений из «самоварного золота» и пр. Все авторы анализируют причины преступности (социальное неравенство, ухудшение материального положения, большое количество мигрантов, широко распространенная алкоголизация и пр.). Здесь авторы также видят проявление модернизационных процессов, в частности включение Екатеринбурга в железнодорожную сеть и рост мобильности населения.

Важно, что свой интерес к преступности историки объясняют тем, что криминальная обстановка очень беспокоила горожан. Это чрезвычайно существенный фактор для формирования структуры работ. Фактически авторы двух книг представили все, что, с их точки зрения, было значимым для екатеринбуржцев и томичей. И здесь оба труда равны в серьезном внимании к городу как «среде обитания», к его инфраструктуре, в том числе социальной. Благоустройству, связи, водоснабжению, медицине, транспорту, общепиту и даже освещению городских улиц, как и содержанию отхожих мест, посвящена значительная часть обоих текстов. Это то, что определяло качество жизни горожан и потому остро воспринималось ими. Принцип, связанный с ответом на вопрос «что делает нашу жизнь такой?», оказывается ключевым для формирования исследований в сфере истории городской повседневности.

Общность имеет и источниковая база двух работ. В екатеринбургском издании есть небольшое количество ссылок на архивные документы фондов предприятий и предпринимателей, а также на статистические

источники и мемуары, но подавляющее большинство источников – материалы печатных изданий: новости, сообщения, публицистические статьи и пр. В томской книге – совершенно та же картина. К сожалению, недостаточно использовались важные для такой проблематики делопроизводственные источники государственных учреждений, например фондов полиции, городского управления и пр. (см.: [83. С. 326]).

А вот дальше обнаруживаются различия, обусловленные не личными интересами авторов, но, скорее, спецификой городов. Уральские историки не могли обойти образовательную сферу, ей уделено достойное место. Но в работе А.Н. Жеравиной, живущей и работающей в Томске, где был создан первый за Уралом Сибирский императорский университет, а сейчас чуть ли не треть населения – студенты, истории образования и образовательных учреждений отведена половина объема. Зато у уральцев более 40% основного текста посвящена досугу, хотя это, вероятно, не особенность Екатеринбурга как столицы развлечений, а концептуальный акт, связанный избранием данной сферы общественной жизни для выявления модернизационных процессов.

И еще один момент. Кроме интереснейших и очень информативных иллюстраций, хорошего литературного языка, книги роднит любовь авторов к своим городам. Это не абстрактный город Лейпцига, мы видим отдельные, своеобразные и особенные для авторов города, а сами исторические произведения фактически превращаются в образцы применения микроисторического анализа к городской повседневности. Кроме того, история здесь тесно связана с современностью: недаром обе работы завершаются списком исторических и современных названий городских улиц.

И вообще эти работы, несмотря на их очевидный академизм, выглядят предназначенными не только, а может быть, и не столько для историков. А.Н. Жеравина прямо выражает надежду, что «кто-нибудь обнаружит здесь своих предков» [81. С. 7], автор предисловия к уральскому изданию предлагает читателям вдобавок узнать «многие екатеринбургские тайны», а В.П. Микитюк и О.Н. Яхно сами называют свою монографию «путешествием» [80. С. 11, 14].

Не эти ли цели в действительности вызвали к жизни существенную часть российской истории городской повседневности?

ЛИТЕРАТУРА

1. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. : Изд-во РГГУ, 1996. 255 с.
2. Legrand d'Aussy P.-J.-B. Histoire de la vie privée des Français depuis l'origine de la Nation jusqu'à nos jours. Paris : Imp. de Ph.-D. Pierres, 1782. Partie I, T. 1–3.
3. Gigault de La Bédollière É. Histoire des mœurs et de la vie privée des Français. Paris : Imp. de V. Lecou, 1847–1849. 3 vol.
4. Gigault de La Bédollière É. Histoire de la mode en France. Leipzig : Druck. A. Dürr, 1858. 188 p.
5. Franklin A. La vie privée d'autrefois. Arts et métiers, modes, moeurs, usages des Parisiens de XIIIe a XVIIIe siècles d'après des documents originaux ou inédits. Paris : Ed. Plon, Nourrit et Cie, 1892. 27 vol.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. 623 с.
7. Ле Руа Ладюри Э. Монтанью, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 544 с.

8. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М.; СПб. : Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с.; Т. 2. 382 с.
9. Арьес Ф. К истории частной жизни // История частной жизни / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби. М. : Новое литературное обозрение, 2016. Т. 1. С. 7–27.
10. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. 1998/99. М. : РОССПЭН, 1999. С. 77–100.
11. Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М. : РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
12. Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. М. : Наука, 2000. С. 96–124.
13. Food in Russian History and Culture / ed. by M. Glants, J. Toomre. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1997. 250 p.
14. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России. М. : Directmedia, 2013. 113 с.
15. Карнович Е.П. Очерки и рассказы из старинного быта Польши. СПб. : Тип. Ф.С. Сушинского, 1873. 352 с.
16. Карнович Е.П. Исторические рассказы и бытовые очерки. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1884. 4, 517, [4] с.
17. Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М. : Просвещение, 1996. 576 с.
18. Сахаров И.П. Сказания русского народа : в 2 ч. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1885. 564 с.
19. Пушкарева Н.Л. История повседневности и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Гласник Етнографского института САНУ. Београд, 2005. Т. LIII. С. 21–34.
20. Шмидт С.О. Послесловие // Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М. : Просвещение, 1996. С. 561–574.
21. Троцкий Л.[Д.] Чтобы перестроить быт, надо познать его // Троцкий Л.[Д.] Соч. М. ; Л. : Госиздат, 1927. Т. 21. С. 16–21.
22. Луначарский А.[В.] О быте. М. : Госиздат, 1927. 83 с.
23. Ларин Ю. Строительство социализма и коллективизация быта. М. : Прибой, 1930. 61 с.
24. Сабсович Л.М. Социалистические города. М. : «Московский рабочий», 1930. 124 с.
25. Хвойник И. О современной мебели // Советское искусство. 1926. № 7. С. 43–55.
26. Струмилин С.[Г.] Рабочий быт и коммунизм // Новый мир. 1960. № 7. С. 203–220.
27. Дмитриенко Н.М. Историческое краеведение. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2013. 221 с.
28. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М. ; Л. : Наука, 1966. 242 с.
29. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М. : Наука, 1979. 208 с.
30. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л. : Наука, 1981. 142 с.
31. Давыдов Д.В. Культура крестьянской повседневности 1920-х годов (по материалам ТаССР) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань : КНИТУ КАИ, 2012. 40 с.
32. Новожилов А.Г. Этнографическое изучение колхозного крестьянства в 1930–1950-х годах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2012. Вып. 2. С. 90–101.
33. Изменение положения женщины и семья. М. : Наука, 1977. 213 с.
34. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд-во: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 317 с.
35. Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история : ежегодник, 1997. М. : РОССПЭН, 1998. С. 69–91.
36. История российского быта : материалы XIV Всероссийской заочной научной конференции. СПб. : Нестор, 1999. 263 с.
37. Раздел «Революционная» повседневность // Социальная история : ежегодник, 2009. СПб. : Алетейя, 2010. С. 95–146.
38. Сенявская Е.С., Сенявский А.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы : в 6 т. М. : МГИМО-Университет, 2010. Т. 3. С. 197–211.
39. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. История. 2012. № 2. С. 93–110.
40. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 258 с.
41. Коробков Ю. Социальный облик горнозаводских рабочих Урала в пореформенный период: особенности формирования и определения // Проблемы российской истории: Journal of Russian History's Studies. 2010. Вып. 10. С. 5–16.
42. Доронина Т.В. Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск : Омский гос. пед. ун-т, 2006. 24 с.
43. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 годов / отв. ред. А.К. Соколов. М. : РОССПЭН, 1998. 328 с.
44. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М. : РОССПЭН, 1998. 352 с.
45. Тяжелникова В.С. Общественная работа в советской повседневности 1920-х гг. // Человек в российской повседневности : сб. науч. статей. М. : СТИ МГУ сервиса, 2001. С. 97–101.
46. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.
47. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Российская история. 2000. № 3. С. 125–132.
48. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б. Человек в повседневности: прошлое и настоящее. Научный совет РАН // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. История России. 2003. № 2. С. 7–9.
49. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения повседневности // Социальная история. 2007. М. : Алетейя, 2007. С. 9–21.
50. Российская повседневность: от истоков до середины XIX века : учеб. пособие / под ред. Л.И. Семенниковой. М. : Университет, 2006. 240 с.
51. Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века : учеб. пособие / под ред. Л.И. Семенниковой. М. : Университет, 2009. 244 с.
52. Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М. : Изд-во УРАО, 2001. 188 с.
53. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб. : СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
54. Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов : ИПЦ ТГТУ, 2010. 24 с.
55. Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : Изд-во МГУ, 2003.
56. Синанов Б.А. Повседневная жизнь «нового студенчества» Северной Осетии в 1920-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ : Изд-во Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова, 2010. 22 с.

57. Адамов М.А. Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской Православной Церкви в XVIII – начале XX веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск : Изд-во КГУ, 2011. 26 с.
58. Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история : ежегодник, 1997. М. : РОССПЭН, 1998. С. 287–335.
59. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история : ежегодник, 2004. М. : РОССПЭН, 2005. С. 93–112.
60. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
61. Лебина Н.Б. Советская повседневность: проблемы семиотической реконструкции // Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб. : Дмитрий Булавин, 2006. С. 11–28.
62. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М. : РОССПЭН, 2004. 744 с.
63. Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М. : РОССПЭН, 2010. С. 3–27.
64. Уваров, П.Ю. Под сводами Дворца правосудия. Семь юридических коллизий во Франции XVI века. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 248 с.
65. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М. : РОССПЭН, 1998. 448 с.
66. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863–1917. М. : Мосгорархив, 1998. 568 с.
67. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М. : Новый хронограф. 2010. 752 с.
68. Куприянов А.И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. : ИРИ РАН, 2007. 53 с.
69. Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города в 1920–1930-х годах // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30–42.
70. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб. : Журнал «Нева» и др., 1999. 334 с.
71. Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : Изд-во РУДН, 2004. 23 с.
72. Ольнева О.В. Повседневная жизнь провинциального города в 1917 году : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль : Изд-во ЯрГУ им. П. Демидова, 2005. 24 с.
73. Гончарова О.В. Повседневная жизнь провинциального российского города на рубеже XIX–XX вв.: на материалах Нижнего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань : АГУ, 2007. 23 с.
74. Черничкина В.А. Повседневная жизнь губернского города Владимира в последней трети XVIII – первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир : ВлГУ, 2007. 25 с.
75. Косякова Е.И. Повседневная жизнь Новониколаевска-Новосибирска 1919–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. 23 с.
76. Борин А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе : дис. ... канд. ист. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 2010. 27 с.
77. Елизов А.Г. Повседневная жизнь городского населения Красноярского края в середине 1940-х – середине 1960-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск : Краснояр. гос. аграрный ун-т, 2012. 24 с.
78. Мордвинцева А.В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень : ТГУ, 2010. 25 с.
79. Рафикова С.А. Повседневная жизнь сибирских горожан в 1960-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск : СО РАН, 2013. 24 с.
80. Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков. Очерки городского быта. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2014. 488 с.
81. Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 402 с.
82. Сенявский А.С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XXI века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М. : МОНФ, 2001. С. 25–34.
83. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVII века. М. : РГГУ, 2006. 403 с.

Kerov Valeriy V. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: vykerov@gmail.com

YEKATERINBURG, TOMSK, FURTHER EVERYWHERE: WHAT IS IT: THE RUSSIAN "CITY EVERY DAY LIFE" AND WHY IT IS NECESSARY?

Key words: every day history; city daily occurrence; historiography; methodology.

The article is devoted to the formation of everyday life history as a separate direction of modern historical science with its theoretical concepts. Its formation can be attributed to the last quarter of 18th century. The historian Jesuit P.-J.-B. Legerand d'Aussy was one of its first authors. The dynamics of development and methods of various “everyday histories” are considered in the paper. “L’histoire de la vie quotidienne” of Annales’ school is focused on identification of mentality by means of everyday life features analysis. German “Alltagsgeschichte” is actively using the microhistorical analysis. One of its major purposes is the verification and updating of the accepted historical concepts. “Alltagskulturgeschichte” is based on the theory of “lifestyles” as behavior archetypes in correlation with era conditions, social accessory and so forth.. In our country life and customs as every day repeating social practitioners began to be studied since the 40^{ies} of the 19th century. Soviet everyday life history continued study life conditions, was very ideological. This historiographical direction quickly grew in the post-soviet history, taking various elements of foreign theories of the every day life history. A number of news directions in everyday life history with its own subjects of research arose (“revolutionary daily occurrence”, “working daily occurrence”, “gender daily occurrence” etc.). Russian history of city everyday life is in the focus of the article. Specific features of this scientific sector, its problem areas, purposes, structure and an object of a research are explored. The comparative analysis of two historiographically significant works, published in Ekaterinburg (authors – Vladimir Mikityuk and Olga Yakhno) and Tomsk (Anisa Zhervina) is carried out for this purpose. The analysis demonstrated that the structure of city everyday life is due to citizens interests. These interests, in turn, were determined by those aspects of public life which provided their standards of living: city economics, infrastructure and as well as social one too (transport, post, education, medicine etc.), leisure and entertainment, criminality. The development of these aspects is also represented by historians as manifestation of the society modernization and its quintessence – the city. Research approaches of compared authors combine theoretical provisions of the Russian methodologists, first of all Natalia Pushkareva, and micro-

history elements in the spirit of German Alltagsgeschichte. The source basis of the history of city everyday life is composed from press materials – headline news, statistics, journalism and commercial advertisements.

REFERENCES

1. Mikhina, E.M. (ed.) (1996) *Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya. Zarubezhnye issledovaniya v obzorakh i referatakh* [History of Mentalities, Historical Anthropology. Foreign Studies in Reviews and Abstracts]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
2. Legrand d'Aussi, P.-J.-B. (1782) *Histoire de la vie privée des Français depuis l'origine de la Nation jusqu'à nos jours* [History of the Privacy of the French from the Origin of the Nation to the Present Day]. Vol. 1–3. Paris: Imp. de Ph.-D. Pierres.
3. Gigault de La Bédollière, É. (1847–1849) *Histoire des mœurs et de la vie privée des Français* [History of French Manners and Private Life]. Paris: Imp. de V. Lecou.
4. Gigault de La Bédollière, É. (1858) *Histoire de la mode en France* [History of Fashion in France]. Leipzig: Druck. A. Dürr.
5. Franklin, A. (1892) *La vie privée d'autrefois. Arts et métiers, modes, moers, usages des Parisiens de XIIIe à XVIIIe siècles d'après des documents originaux ou inédits* [The private life of old. Arts and crafts, fashion, manners, uses of Parisians from the 13th to the 18th centuries according to original or unpublished documents]. Paris: Ed. Plon, Nourrit et C-ie.
6. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv.: v 3 t.* [Material civilization, economics and capitalism, the 15th – 18th centuries: In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress.
7. Le Rua Ladyuri, E. (2001) *Montayyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324)* [Montaio, the Oxitan village (1294–1324)]. Translated from French by V.A. Babintsev. Ekaterinburg: Ural State University.
8. Elias, N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya : v 2 t.* [On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies: In 2 vols]. Translated from German. Vol. 1–2. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
9. Ariès, F. (2016) K istorii chastnoy zhizni [To the history of private life]. In: Ariès, F. & Duby, J. (eds) *Istoriya chastnoy zhizni* [The History of Private Life]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 7–27.
10. Lüdtkke, A. (1999) Chto takoe istoriya povsednevnosti? Ee dostizheniya i perspektivy v Germanii [What is the history of everyday life? Its achievements and prospects in Germany]. *Sotsial'naya istoriya*. 1998/99. pp. 77–100.
11. Lüdtkke, A. (2010) *Istoriya povsednevnosti v Germanii Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [The History of Everyday Life in Germany. New Approaches to the Study of Labour, War and Power]. Translated from English and German. Moscow: ROSSPEN; Germanskiy istoricheskiy institut v Moskve.
12. Dinges, M. (2000) *Istoricheskaya antropologiya i sotsial'naya istoriya: cherez teoriyu "stilya zhizni" k "kul'turnoy istorii povsednevnosti"* [Historical anthropology and social history: Through the theory of "style of life" to the "cultural history of everyday life"]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in history]. Moscow: Nauka. pp. 96–124.
13. Glants, M. & Toomre, J. (eds) (1997) *Food in Russian History and Culture*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
14. Kavelin, K.D. (2013) *Vzglyad na yuridicheskiy byt Drevney Rossii* [A Look at the Legal Life of Ancient Russia]. Moscow: Directmedia.
15. Karnovich, E.P. (1873) *Ocherki i rasskazy iz starinnogo byta Pol'shi* [Essays and Stories from the Old Life in Poland]. St. Petersburg: Tip. F.S. Sushchinskogo.
16. Karnovich, E.P. (1884) *Istoricheskie rasskazy i bytovye ocherki* [Stories on History and Everyday Essays]. St. Petersburg A.S. Suvorin.
17. Kostomarov, N.I. & Zabelin, I.E. (1996) *O zhizni, byte i nravakh russkogo naroda* [On Everyday Life and Customs of the Russian People]. Moscow: Prosveshchenie.
18. Sakharov, I.P. (1885) *Skazaniya russkogo naroda: v 2 ch.* [The Tales of the Russian People: in 2 Parts]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
19. Pushkareva, N.L. (2005) *Istoriya povsednevnosti i etnograficheskoe issledovanie byta: raskhozhdeniya i peresecheniya* [The history of everyday life and ethnographic research of everyday life: Divergence and intersection]. *Glasnik Etnografskogo instituta SANU*. Vol. LIII. pp. 21–34.
20. Schmidt, S.O. (1996) Posleslovie [Afterword]. In: Kostomarov, N.I. & Zabelin, I.E. *O zhizni, byte i nravakh russkogo naroda* [On Everyday Life and Customs of the Russian People]. Moscow: Prosveshchenie. pp. 561–574.
21. Trotsky, L.[D.] (1927) *Sochineniya* [Works]. Vol. 21. Moscow; Leningrad: Gosizdat. pp. 16–21.
22. Lunacharskiy, A.[V.] (1927) *O byte* [On Everyday Life]. Moscow: Gosizdat.
23. Larin, Yu. (1930) *Stroitel'stvo sotsializma i kollektivizatsiya byta* [Construction of socialism and collectivisation of everyday life]. Moscow: Priboy.
24. Sabsovich, L.M. (1930) *Sotsialisticheskie goroda* [Socialist Cities]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
25. Khvoynik, I. (1926) O sovremennoy mebeli [About modern furniture]. *Sovetskoe iskusstvo*. 7. pp. 43–55.
26. Strumilin, S.[G.] (1960) *Rabochiy byt i kommunizm* [Working Life and Communism]. *Novyy mir*. 7. pp. 203–220.
27. Dmitrienko, N.M. (2013) *Istoricheskoe kraevedenie* [Local History]. TomskTomsk State University.
28. Romanov, B.A. (1966) *Lyudi i nravy Drevney Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv.* [People and Customs of Ancient Russia. Historical and Everyday Essays of the 11th – 13th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka.
29. Kiryanov, Yu.I. (1979) *Zhiznennyy uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Living Standards of Russian Workers (the late 19th and early 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
30. Kruze, E.E. (1981) *Usloviya truda i byta rabochego klassa v Rossii v 1900–1914 gg.* [The Working and Living Conditions of the Working Class in Russia in 1900–1914]. Leningrad: Nauka.
31. Davydov, D.V. (2012) *Kul'tura krest'yanskoy povsednevnosti 1920-kh godov (po materialam TaSSR)* [Peasants' everyday life culture in the 1920s (a case study of the Tatar Soviet Socialist Republic)]. Abstract of History Dr. Diss. Kazan.
32. Novozhilov, A.G. (2012) The history and ethnographic study of collective farm peasantry in the late 1920's and 30's. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Saint-Petersburg University. History*. 2. pp. 90–101. (In Russian).
33. Kharchev, A.G. (1977) *Izmenenie polozheniya zhenshchiny i sem'ya* [Change in the Position of Women and Family]. Moscow: Nauka.
34. Orlov, I.B. (2010) *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday Life: The Historical and Sociological Aspects]. Moscow: HSE.
35. Pushkareva, N.L. (1998) *Istoriya zhenshchin i gendernyy podkhod k analizu proshlogo v kontekste problem sotsial'noy istorii* [History of women and the gender approach to the analysis of the past in the context of social history problems]. In: Anderson, K.M. & Borodkin, L.I. (eds) *Sotsial'naya istoriya* [Social History]. Moscow: ROSSPEN. pp. 69–91.
36. Poltorak, S.N. (ed.) (1999) *Istoriya Rossiyskogo byta* [The History of Russian Everyday Life]. St. Petersburg: Nestor.
37. Pushkareva, N.L. (ed.) (2010) *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2009* [Social History. Yearbook, 2009]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 95–146.
38. Senyavskaya, E.S. & Senyavskiy, A.S. (2010) *Voennaya povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya: teoretiko-metodologicheskie problemy* [Military everyday life as an object of historical research: Theoretical and methodological problems]. In: Naryshkin, S. & Torkunov, A. (eds) *65 let Velikoy Pobedy: v 6 t.* [65 years of the Great Victory: In 6 vols]. Vol. 3. Moscow: MGIMO-Universitet. pp. 197–211.

39. Kozlov, N.D. (2012) Everyday life of the people in the years of the Great Patriotic war. Some aspects of the modern Russian historiography. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Ser. Istoriya*. 2. pp. 93–110. (In Russian).
40. Zhuravlev, C.B. & Mukhin, M.Yu. (2004) “Krepost' sotsializma”: *Povsednevnost' i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg.* [The “Fortress of Socialism”: Daily life and motivation of work at a Soviet enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN.
41. Korobkov, Yu. (2010) Sotsial'nyy oblik gornozavodskikh rabochikh Urala v poreformennyi period: osobennosti formirovaniya i opredeleniya [Social image of Urals miners in the post-reform period: Formation and definition]. *Problemy rossiyskoy istorii – Journal of Russian History Studies*. 10. pp. 5–16.
42. Doronina, T.V. (2006) *Povsednevnost' rabocheho klassa Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [The daily life of the working class of Western Siberia in the late 19th and early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
43. Sokolov, A.K.(ed.) (1998a) *Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiyakh 1918–1932 godov* [The Voice of the People. Letters and responses of ordinary Soviet citizens about the events of 1918–1932]. Moscow: ROSSPEN.
44. Sokolov, A.K.(ed.) (1998b) *Obshchestvo i vlast': 1930-e gody. Povestvovanie v dokumentakh* [Society and Power: The 1930s. Narration in the Documents]. Moscow: ROSSPEN.
45. Tyazhelnikova, V.S. (2011) Obshchestvennaya rabota v sovetskoj povsednevnosti 1920-kh gg. [Public work in the Soviet everyday life of the 1920s]. In: *Chelovek v rossiyskoy povsednevnosti* [Man in Russian Everyday Life]. Moscow: STI MGU servisa. pp. 97–101.
46. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 gg.* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
47. Polyakov, Yu.A. (2000) Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty) [Man in everyday life (historical aspects)]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 125–132.
48. Polyakov, Yu.A. & Zhiromskaya, V.B. (2003) Chelovek v povsednevnosti: proshloe i nastoyashchee [Man in everyday life: past and present]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 7–9.
49. Pushkareva, N.L. (2007) Predmet i metody izucheniya povsednevnosti [The subject and methods of studying everyday life]. In: Pushkareva, N.L. (ed.) *Sotsial'naya istoriya* [Social History]. Moscow: Aleteyya. pp. 9–21.
50. Semennikova, L.I. (ed.) (2006) *Rossiyskaya povsednevnost': ot istokov do srediny XIX veka* [Russian Daily Life: From Origins to the Middle of the 19th Century]. Moscow: Universitet.
51. Semennikova, L.I. (ed.) (2009) *Rossiyskaya povsednevnost': vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka* [Russian Russian Daily Life: The Second Half of the 19th –Early 21st centuries]. Moscow: Universitet.
52. Brusilovskaya, L.B. (2011) *Kul'tura povsednevnosti v epokhu “ottepeli”: metamorfozy stilya* [Culture of Everyday Life during the “Thaw”: Metamorphoses of Style]. Moscow: URAO.
53. Leleko, V.D. (2002) *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kul'ture* [Space of Everyday Life in European Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts.
54. Nazarov, A.I. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' molodezhi v sovetskom tylu v gody velikoy otechestvennoy voyny 1941 – 1945 gg. (na materialakh tambovskoy oblasti)* [Everyday life of youth in the Soviet during the Great Patriotic War in 1941–1945 (A case study of Tambov region)]. Abstract of History Cand. Diss. Tambov.
55. Grigorieva, A.G. (2003) *Sovetskaya povsednevnost' i uroven' zhizni naseleniya SSSR v 1953–1964 gg.* [Soviet daily life and standard of living of the USSR population in 1953–1964]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
56. Sinanov, B.A. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' “novogo studenchestva” Severnoy Osetii v 1920-kh gg.* [The daily life of the “new students” of North Ossetia in the 1920s]. Abstract of History Cand. Diss. Vladikavkaz: North Ossetian State University.
57. Adamov, M.A. (2011) *Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya dukhovnykh seminariy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XVIII – nachale XX vekov* [The daily life of students of theological seminaries of the Russian Orthodox Church in the 18th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Kursk: Kursk State University.
58. Zhuravlev, S.V. & Sokolov, A.K. (1998) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh lyudey v 1920-e gody* [The daily life of soviet people in the 1920s]. In: Anderson, K.M. & Borodkin, L.I. (eds) *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 1997* [Social History. Yearbook, 1997]. Moscow: ROSSPEN. pp. 287–335.
59. Pushkareva, N.L. (2005) “Istoriya povsednevnosti” i “istoriya chastnoy zhizni”: sodержanie i sootnoshenie ponyatiy [“The history of everyday life” and “history of private life”: The content and the correlation of concepts]. In: Anderson, K.M. & Sokolov, A.K. (eds) *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2004* [Social History. Yearbook, 2004]. Moscow: ROSSPEN. pp. 93–112.
60. Pushkareva, N.L. (2004) The scope and methods of study of everyday life history. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 3–19. (In Russian).
61. Lebina, N.B. (2006) *Entsiklopediya banal'nostey: Sovetskaya povsednevnost': kontury, simvoly, znaki* [Encyclopedia of banalities: Soviet everyday life: Contours, symbols, signs]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 11–28.
62. Sokolov, A.K. (2004) *Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii: teoriya metodologiya i praktika* [Source study of Russian newest history: The theory of methodology and practice]. Moscow: ROSSPEN.
63. Zhuravlev, S.V. (2010) Istoriya povsednevnosti – novaya issledovatel'skaya programma dlya otechestvennoy istoricheskoy nauki [The history of everyday life – a new research program for the national historical science]. In: Lyudtke, A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [The History of Everyday Life in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and Power]. Moscow: ROSSPEN. pp. 3–27.
64. Uvarov, P.Yu. (2017) *Pod svodami Dvortsa pravosudiya. Sem' yuridicheskikh kolliziy vo Frantsii XVI veka* [Under the arches of the Palace of Justice. Seven legal conflicts in France of the 16th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
65. Koshman, L.V. (1998) *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [City and city life in Russia in the 19th century: Social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN.
66. Pisarkova, L.F. (1998) *Moskovskaya gorodskaya дума. 1863–1917* [The Moscow City Duma. 1863–1917]. Moscow: Mosgorarkhiv.
67. Pisarkova, L.F. (2010) *Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaya дума* [City reforms in Russia and the Moscow Duma]. Moscow: Novyy khronograf.
68. Kupriyanov, A.I. (2007) *Kul'tura gorozhan russkoy provintsii kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.: opyt mezhregional'nogo issledovaniya* [Culture of the citizens of the Russian province in the late 18th – early 19th centuries: the experience of interregional research]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
69. Lebina, N.B. (1994) *Tenevye storony zhizni sovetskogo goroda v 1920–1930-kh godakh* [Shadow aspects of the Soviet city life in the 1920–1930s]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 30–42.
70. Lebina, N.B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody* [Daily life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920–1930]. St. Petersburg: Neva, Letniy sad.

71. Kornoukhova, G.G. (2004) *Povsednevnost' i uroven' zhizni gorodskogo naseleniya SSSR v 1920–1930-e gg. (na materialakh Astrakhanskoy oblasti)* [The daily life and standard of living of the USSR urban population in the 1920–1930s (a case study of Astrakhan region)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
72. Olneva, O.V. (2005) *Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo goroda v 1917 godu* [The daily life of the provincial city in 1917]. Abstract of History Cand. Diss. Yaroslavl.
73. Goncharova, O.V. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo rossiyskogo goroda na rubezhe XIX–XX vv.: na materialakh Nizhnego Povolzh'ya* [The daily life of the provincial Russian city at the turn of the 20th centuries: a case study of the Lower Volga Region]. Abstract of History Cand. Diss. Astrakhan.
74. Chernichkina, V.A. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' gubernskogo goroda Vladimira v posledney treti XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [The daily life of the provincial city of Vladimir in the last third of the 18th – first half of the 19th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Vladimir.
75. Kosyakova, E.I. (2006) *Povsednevnyaya zhizn' Novonikolaevska-Novosibirska 1919 – 1941 gg.* [The daily life of Novonikolaevsk-Novosibirsk in 1919–1941]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
76. Borin, A. G. (2010) *Formirovanie gorodskogo obraza zhizni v industrial'nom gorode* [The formation of urban lifestyle in an industrial city]. History Cand. Diss. Tomsk.
77. Elizov, A.G. (2012) *Povsednevnyaya zhizn' gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya v seredine 1940-kh – seredine 1960-kh gg.* [The daily life of the urban population of the Krasnoyarsk Territory in the mid-1940s – mid-1960s]. Abstract of History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
78. Mordvintseva, A.V. (2010) *Poslevoennaya gorodskaya povsednevnost': Tyumen' i tyumentsy v 1945–1953 gg.* [Post-war urban everyday life: Tyumen and its people in 1945–1953]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.
79. Rafikova, S.A. (2013) *Povsednevnyaya zhizn' sibirskikh gorozhan v 1960-e gody* [The daily life of Siberian townspeople in the 1960s]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
80. Mikityuk, V.P. & Yakhno, O.N. (2014) *Povsednevnyaya zhizn' Ekaterinburga na rubezhe XIX – XX vekov. Ocherki gorodskogo byta* [The daily life of Yekaterinburg at the turn of the 20th centuries. Essays on urban life]. Ekaterinburg: AMB.
81. Zheravina, A.N. (2010) *Tomsk vtoroy poloviny XIX v. (po materialam dorevolutsionnoy pechati)* [Tomsk in the second half of the 19th century (in the pre-revolutionary press)]. Tomsk: Tomsk State University.
82. Senyavskiy, A.S. (2001) *Povsednevnost' kak metodologicheskaya problema mikro- i makro-istoricheskikh issledovaniy (na materialakh rossiyskoy istorii XXI veka)* [Everyday life as a methodological problem of micro- and macro-historical research (a case study of Russian history of the 21st century)]. In: Kerov, V.V. (ed.) *Istoriya v XXI veke: istoriko-antropologicheskiy podkhod v prepodavanii i izuchenii istorii chelovechestva* [History in the 21st century: The historical and anthropological approach in teaching and studying the history of mankind]. Moscow: MONF. pp. 25–34.
83. Kamenskiy, A.B. (2006) *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvateley. Istoricheskie anekdoty iz provintsial'noy zhizni XVII veka* [Everyday Russian urban inhabitants. Historical anecdotes from the provincial life of the 17th century]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

УДК 94(47).084.3
DOI: 10.17223/19988613/48/9

Т.М. Китанина

КОНЕЦ КРУПНЕЙШЕЙ ВОЛЖСКО-СИБИРСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ: НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОГО ДОМА «И.Г. СТАХЕЕВА НАСЛЕДНИКИ» 1917–1918 гг.

Исследуется финальный этап истории деятельности фирмы Стахеевых, крупных представителей национальной периферийной буржуазии России. Дается общая характеристика торгово-промышленного объединения и источников обогащения фирмы; анализируются результаты деятельности торгового дома Стахеевых. На основании ранее не использовавшихся исследователями архивных документов автор восстанавливает ход национализации предприятий елабужских купцов-миллионеров Стахеевых.

Ключевые слова: И.Г. Стахеев; И.И. Стахеев; А.И. Путилов; предпринимательская деятельность в Поволжье; хлебная торговля; национализация предприятий Стахеевых.

В июне 1918 г. Президиум Высшего Совета народного хозяйства постановил национализировать одно из наиболее могущественных торгово-промышленных объединений периода Первой мировой войны, действовавшее под фирмой торгового дома елабужских купцов-миллионеров Стахеевых. Принадлежавшая Стахеевым в России огромная движимая и недвижимая собственность – металлургические предприятия, угольные шахты, нефтяные промыслы, необозримые лесные массивы, хлопковые плантации, текстильные фабрики, маслосеменные и химические заводы, железнодорожные магистрали, хлеботорговые фирмы, имения, караваны судов и многое другое – была признана государственной.

Первые скудные сведения о Стахеевых относятся к последней трети XIX в. и свидетельствуют о том, что владельцы богатой фирмы, оперировавшие семейным капиталом и основавшие к тому времени отделения в Казани и Елабуге, вели хлебную торговлю в Поволжье. Имеются упоминания о том, что во главе семейного клана, происхождение которого прослеживается с конца XVIII в., стоял Иван Кириллович Стахеев, дело которого с успехом продолжали сыновья и ближайшие родственники. Стало быть, фирма имела давние и прочные коммерческие традиции.

Торговый дом «И.Г. Стахеева и-ки» официально открыл деятельность 1 января 1905 г. Его основной капитал составлял в то время 4 млн руб., разделенных на тысячу именных паев [1. Л. 2–4]. Владельцами паев являлись члены семьи елабужского купца-миллионера И.Г. Стахеева, в том числе шесть его сыновей. Ведущая роль в этом крупном предприятии принадлежала старшему сыну и наследнику Ивану Ивановичу Стахееву.

Формально торговый дом основывался для «продолжения и развития существующей в г. Елабуге и принадлежащей И.Г. Стахееву торговли хлебными и нефтяными продуктами, чаем, сахаром, мануфактурными, табачными и другими товарами». Универсализм торговых операций – одна из характерных особенностей деятельности восточноевропейских и сибирских

коммерческих фирм. Это свойство отличало их от российских и западноевропейских фирм, большинство которых перешло к специализированной торговле.

Основатель фирмы И.Г. Стахеев передал торговому дому в собственность находившееся в приволжских и сибирских городах движимое и недвижимое имущество (магазины, лавки, склады, промышленные и жилые строения, запасы товаров), общая стоимость которого составила более 8 млн руб. Главная контора торгового дома находилась в Елабуге, являвшейся в те годы одним из важнейших центров хлебной торговли Волжского бассейна. Расположенная в месте сближения трех судоходных рек – Камы, Вятки и Белой, Елабуга представляла собой естественный узел, к которому сходились торговые пути от богатых пристаней. В период наиболее интенсивного сбора урожая на крупных пристанях района Елабуги подвоз крестьянского хлеба исчислялся тысячами возов ежедневно [2. С. 349–352]. Край был богат частными зернохранилищами и складами, значительная часть которых принадлежала семейству Стахеевых.

Крупные землепользователи, перерабатывавшие хлеб на собственных мельницах, обычно владели винокуренными заводами, объемистыми амбарами и разного рода складочными помещениями для зерна и муки на местах, зернохранилищами на пристанях и транспортными средствами. Хлеб вывозился преимущественно в Рыбинск – своего рода огромный резервуар, куда каждую навигацию из Волжско-Камского края транспортировалось около 100 млн пудов хлебных грузов. Отсюда часть зерна перегружалась на мелкие суда, доставлявшие его в Петербург и далее в Финляндию; другая часть оставалась в Рыбинске для перемола.

Транспортная инфраструктура Поволжья свидетельствовала о его глубокой интеграции во всероссийский аграрный рынок. «Уже в конце XIX в. основные товаропотоки волжского хлеба, доля которых составляла более 12% всех хлебных перевозок страны, шли во внутренние губернии Российской империи – 38,8% и две столицы – 31%» [3. С. 98]. Торговый дом

«И.Г. Стахеева н-ки», владевший огромным движимым и недвижимым имуществом и обладавший сильным централизованным управленческим аппаратом, играл в этом богатом крае незаурядную роль. Обнаруженный нами в фонде Высшего Совета народного хозяйства список предприятий торгового дома свидетельствует о широте операций фирмы и о внушительных оборотах ее капитала. Этот список опубликован в книге «Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования» [4. С. 388–394].

Выше отмечалось, что основой деятельности торгового дома «И.Г. Стахеева н-ки» и главным источником его прибылей являлась хлебная торговля, которую фирма вела в 23 городах, в том числе в столице и городах Финляндии. Торговый дом располагал значительными земельными богатствами, находившимися в собственности как непосредственно фирмы, так и ее представителей – в общей сложности 11 сельскохозяйственными имениями в Уфимской, Вятской и Оренбургской губерниях. Только в Уфимской губернии (по сведениям башкирского исследователя М.И. Родного) в коллективном владении елабужского семейства находилось 14 поместий общей площадью 24 457 десятин. «Стахеевы представляли редкий для края пример создания многопрофильного бизнеса, включавшего весь производственный цикл от выращивания хлеба до его переработки на собственных мельницах и вывоза на своих же судах для продажи в столицах и за границей» [5].

Следовательно, мы вправе констатировать, что клан Стахеевых персонифицировал в своем лице корпоративных (в семейном плане) торговцев и крупных землевладельцев – явление, далеко не типичное для старорусского купечества не только Волжско-Камского края, но и России в целом.

Однако не столько собственные земли обеспечивали торговому дому внушительные обороты хлебной торговли, сколько скупка хлеба у мелких производителей. В России в хлеботорговый бизнес было втянуто огромное разнородное коммерческое сообщество. Торговый дом располагал 26 зернозакупочными станциями в пределах нескольких губерний, интенсивная работа которых позволила ему сосредоточить на своих складах громадные запасы зерна, выбрасываемого на рынок крупными партиями в момент благоприятных цен.

Буксирное пароходство фирмы имело весьма внушительные размеры – 8 мощных «тысячетонных» буксирных пароходов и «сухогрузный караван» в составе 44 барж общей емкостью 5 млн пудов [6. Л. 24 об.]. Помимо того фирма обладала значительным нефтеналивным флотом. Ее наливной караван состоял из 19 судов вместимостью в 3 239 тыс. пуд., предназначенных для перевозок нефти и мазута. Наряду с водными транспортными средствами фирма располагала значительным количеством железнодорожных вагонов специального назначения. Нефть являлась вторым по значению предметом торговли фирмы; открытая торговым домом сеть пунктов по продаже нефтяных грузов

была исключительно обширна. К 1913 г. фирмой были сооружены 28 нефтяных складов на громадной территории от Каспия до Урала, от Волги до Сибири и казахских степей. Две лесные дачи семейного предприятия, расположенные в Вологодской губернии, обеспечивали производство значительным количеством строевого леса.

Немалое значение в жизни торгового дома имела также торговля мануфактурными товарами. В Тобольской, Оренбургской, Уфимской, Вятской губерниях, Тургайской области были выстроены магазины, лавки и склады, где велась оживленная торговля различными видами текстильных изделий.

Этот обширный комплекс разнородных предприятий требовал самого тщательного управления и надзора. Торговый дом располагал довольно стройным управленческим аппаратом, подчинившим себе в торговом отношении самые отдаленные уголки края. Фирма имела 5 контор в наиболее важных центрах торговых операций – Петербурге, Москве, Рыбинске, Нижнем Новгороде и Астрахани – и 41 отделение в Вятской, Уфимской, Самарской, Казанской, Пермской, Тобольской, Оренбургской, Вологодской губерниях и Тургайской области.

К 1 января 1913 г. торговые операции фирмы И.Г. Стахеева достигли значительных объемов, годовая прибыль составила 1 млн руб. Собственные средства пайщиков семейного предприятия выражались в сумме 7,8 млн руб. Торговый дом пользовался вексельным кредитом в Русском торгово-промышленном банке в 100 тыс. руб. и в Русско-Азиатском банке в 250 тыс. руб. По постановлению Учетно-ссудной конторы Государственного банка в марте 1913 г. фирме был открыт вексельный кредит в сумме полумиллиона рублей [7. Л. 13]. В последующие, военные годы операции торгового дома заметно расширились, а влияние его в коммерческих кругах резко возросло.

По всей видимости, архаичная форма семейного торгового предприятия не могла удовлетворить старшего сына и наследника И.И. Стахеева, вступившего накануне войны на путь промышленного предпринимательства. Поэтому еще в мае 1912 г. между ним и таким же «модернизовавшимся» деятелем новой генерации П.П. Батолиным был заключен договор об учреждении торгово-промышленного товарищества «И. Стахеев и Ко» [8. Л. 18].

Следует заметить, что фамильные деловые узы в среде русского купечества были чрезвычайно прочными. «Отпочкование» одного из сыновей семейства И.Г. Стахеева, выход его из торгового дома и переход к занятиям промышленной деятельностью оказались качественно новым явлением, далеко не типичным для российской действительности. Вместе с тем традиционная сила семейных уз, сословный менталитет купечества сдерживали окончательный деловой разрыв и в конечном итоге привели к своего рода уникальному союзу старокупеческого периферийного торгового до-

ма «И.Г. Стахеева н-ки» с его семейным капиталом и универсальной торговлей и принципиально иной по природе и характеру деятельности столичной «держательской» компании – торгово-промышленного товарищества «И. Стахеев и Ко», контролировавшего с решающим участием банковского капитала десятки разнородных торговых и промышленных предприятий. Не сливаясь полностью и формально в единое коммерческое образование, обе фирмы фактически действовали в теснейшем контакте как одно целое. Таких форм семейных объединений, насколько известно, страны Западной Европы не знали.

Наметившееся еще до войны сближение И.И. Стахеева с правлением Русско-Азиатского банка подсказало возможность привлечения главы банка А.И. Путилова к участию в учреждаемом товариществе. Приход Путилова придал фирме совсем особое звучание. С одной стороны, он как бы юридически закрепил союз трех крупнейших предпринимателей, с другой – содействовал превращению товарищества в головное общество складывавшегося огромного концерна – «финансово-промышленной группы Путилова–Стахеева–Батолина» [4. С. 172–412].

Наступил 1917 год. Национализации торгового дома «И.Г. Стахеева н-ки» предшествовал довольно длительный процесс переговоров рабочих и служащих с владельцами многочисленных предприятий, принадлежавших елабужским миллионерам. Одновременно местными административными органами был принят ряд мер с целью ограничения коммерческой деятельности крупнейшей торговой фирмы и отданы соответствующие распоряжения структурными подразделениями Высшего Совета народного хозяйства. Эти документальные материалы, отложившиеся в фонде Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ), ранее не публиковались и не были использованы исследователями. Между тем они представляют несомненный интерес для изучения правительственной политики так называемого «переходного периода».

21 августа 1917 г., т.е. задолго до октябрьских событий, директора правления торгового дома «И.Г. Стахеева н-ки», а именно Г.И., Н.И. и С.И. Стахеевы присутствовали на «экстренном собрании» служащих предприятия. После обсуждения ряда организационных вопросов собрание постановило:

1. «Ввиду отсутствия товаров на местных рынках командировать в Сибирь В.М. Замятина для покупки пушнины, чая и прочих товаров». В помощь Замятину командировать Р.Н. Двоглазова и И.А. Дрягина, причем «за правильное и полное ведение возложенного на них дела» назначить солидное вознаграждение (20% с чистой прибыли).

2. В Елабуге продать два дома «с усадебным местом» [6. Л. 42].

Так было положено начало распродаже недвижимого имущества владельцев крупнейшей торговой фирмы.

Почти одновременно (дата документа отсутствует) директор торгового дома Г.И. Стахеев направил письмо в отделения фирмы (в Челябинск, Миасс, Кустанай, Тюмень, Ишим, Златоуст, Уфу, Сарапул, Мензелинск, Челны и Елабугу) следующего содержания: «Вследствие обстоятельств последнего времени покупка товаров сделалась совершенно невозможна, что при всем нежелании вынудило т/д «И.Г. Стахеев» временно прекратить торговлю с 1 января 1918 г., как мануфактурную, так и бакалейную. Вследствие чего т/д предлагает Вам: 1) торговых документов на 1918 г. не выправлять; 2) имеющиеся в остатке товары стараться к новому году распродать, а что не успеете распродать, то предложить в потребительские лавки за наличный счет; 3) произвести расчет со служащими...» [6. Л. 37, 37 об.].

В конце 1917 г., т.е. еще до официальных распоряжений советской власти, самочинно рабочими и служащими предприятий Стахеевых происходил захват ценных бумаг, наличных денежных средств и товаров. Об этом свидетельствовали телеграммы, адресованные правлению торгового дома в Елабуге. Из Челябинска сообщали: «Сегодня служащие наши насильем захватили под свой контроль деньги, товар, текущие счета банков» [Там же. Л. 38].

30 декабря 1917 г. состоялась конференция рабочих и служащих торгового дома с участием его владельцев. Резолюция конференции носила явно недвусмысленный характер, предупреждая предпринимателей о серьезности намерений коллектива сотрудников фирмы: «...все капиталы и имущество как торгового дома, так н-ков И.Г. Стахеева и лично членов т/д должны быть национализированы и, где это возможно, переданы муниципалитетам с тем, чтобы все служащие и рабочие сохранили свои места, если же какие служащие и рабочие окажутся лишними, то должны быть рассчитаны по постановлению 5-го Всероссийского съезда торгово-промышленных служащих, план же национализации поручить выработать особой комиссии. Результаты работ должны быть утверждены конференцией» [Там же. Л. 17].

Решения конференции вызвали решительный протест представителей торгового дома. Протокол заседания правления фирмы И.Г. Стахеева, датированный 1 января 1918 г., за подписью директоров отразил настроения владельцев: «Прочитав резолюцию служащих от 30 декабря 1917 г. постановили: резолюцию эту считать не соответствующей с планами правления т/д, так как т/д не имел в виду прекращать свои дела как мануфактурные, так и другие. Частичное же увольнение служащих, вызванное исключительно переживаемой разрухой, последствием которой является отсутствие товара, транспорта, денежных знаков и пр., ни в коем случае нельзя понимать как ликвидацию дела, а потому служащим, не разделяющим взгляда т/д, предложить расчет» [Там же. Л. 39].

8 января того же года состоялось заседание Исполнительного Комитета Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Елабужского уезда Вятской гу-

бернии под председательством Гассара. Удалив с заседания служащих торгового дома, Гассар заявил, что при обыске в главной конторе фирмы И.Г. Стахеева был найден «важный документ». Далее было оглашено письмо Замятина директору И.Г. Стахееву, «из которого видно, что (предпринята) крупная покупка мехов и вывоза их в Америку, дабы таким образом выкачать свой капитал из России» (подписал документ за председателя следственной комиссии Революционного трибунала г. Елабуги Бочкарев) [6. Л. 196].

Несколько дней спустя Совдеп г. Елабуги направил Совету Народных Комиссаров в Петроград телеграмму следующего содержания: «Помощью организованных служащих т/д И.Г. Стахеев обнаружено следующее: Стахеевы переводят все капиталы за границу путем вывоза пушнины, обходя разницу валюты темными путями. Найдены серьезные документы, указывающие виновность этого, также стремление продажи дела за границей, непременно условием уплаты Англии золотом, производим строгое расследование. Нашли запасы серебра, надеемся найти запасы золота, в течение 5 дней января переведено Стахеевыми Елабуги почти два миллиона. Нами посланы подробные телеграммы Совдепам Петроград, Москву, Благовещенск, где необходимы изъятия документов, необходимы аресты... Москва Назарова, Благовещенск Замятина, Двоглазова, окажите содействие, важно командировать к нам уполномоченного комиссара финансов или торговли, необходимо разобратся книгах... Совдеп» [Там же. Л. 19а об.].

В том же архивном деле содержатся упомянутые выше телеграммы, посланные елабужским Совдепом в Москву, Петроград, Благовещенск, Тюмень, т.е. в центры, где находились отделения торгового дома. Датировка телеграмм отсутствует, однако их содержание подсказывает, что разосланы они были в течение конца декабря 1917 – января 1918 г.

«Москва, Совдепу.

Распорядитесь произвести строгий обыск выемкой документов конторы Стахеева Яузский бульвар дом Болдыревых случае обнаружения компрометирующих документов переписки Назарова, Замятина арестуйте Назарова. Обнаружился перевод грандиозных сумм денег за границу, посредством отправки пушных товаров, продажи мануфактурного дела Англии золотом Елабуге, введено строгое расследование, наложите аресты капитал Стахеева. Совдеп».

«Петроград, Совдепу.

Распорядитесь произвести обыск конторе Стахеева Ново-Исаакиевской 22, обнаружился перевод всех дел, громадных денег за границу помощью продажи пушных товаров, наложите арест капитал Стахеева. Совдеп».

«Благовещенск, Совдепу.

Арестуйте немедленно Замятина, Двоглазова Театральной 19, кв. Хлебникова. Необходимо изъятие всей переписки Стахеева, закройте их отправку пушнины за границу этим путем. Т-д переводит капиталы за границу. Наложите арест капиталы Стахеева. Совдеп».

«Тюмень, Совдепу.

Помощью организации служащих произведите обыск изъятия переписки Замятиным т/д. Найдены важные документы, уличающие стремлении перевести капиталы за границу торговлей пушнины, наложите арест капиталы. Совдеп» [6. Л. 19а и об.].

27 января на адрес елабужского Совдепа была отправлена телеграмма Кредитной канцелярии за подписью директора Аксельрода: «Кредканц просит Елабужский Совдеп конфисковать имущество Стахеевых действовать решительно дальнейшем ходе расследования телеграфировать кредканц...» [Там же. Л. 18].

Дальнейшие события развивались с поразительной быстротой. Тогда же, в январе 1918 г., владельцам торгового предприятия была передана инструкция Комитета рабочего контроля служащих торгового дома И.Г. Стахеева, подписанная председателем комитета Гассаром. В инструкции содержались следующие положения:

1. Ответственность за каждое отдельное предприятие возлагается на администратора и в равной мере на служащих предприятия, т.е. «обоюдная порука».

2. Ответственность за выполнение работ лежит на административных лицах, «а равно и на тех рабочих, на коих возложено выполнение работ».

3. Выписка и распределение товаров производится служащими данной отрасли со своими администраторами и утверждается контрольной комиссией совместно с директорами или лицами, уполномоченными от дирекции.

4. Все денежные выдачи и банковские переводы могут быть сделаны торговым домом только с утверждения Комитета рабочего контроля.

5. Расценка товаров должна быть произведена администрацией совместно со служащими и утверждена Комитетом рабочего контроля.

6. «Все банковские операции не должны производиться как директорами, а также уполномоченными т/д администраторами без ведома ВКРК, который должен быть осведомлен о всех операциях».

7. Все счетоводство и дела конторы должны быть беспрекословно открыты для членов Комитета рабочего контроля.

8. Назначение жалования и прибавок как администраторам, так и служащим производится самими служащими с утверждением Комитетом рабочего контроля совместно с дирекцией. «Исполком все изложенное в означенной инструкции утверждает и считает обязательным для дирекции т/д «И.Г. Стахеев» выполнение всех означенных 8 пунктов» [Там же. Л. 40].

Реакцией на появление столь жесткого и обязывающего документа стало письмо директоров фирмы И.Г. Стахеева, направленное члену Совета по управлению предприятиями торгового дома Н.В. Виноградову от 31 января 1918 г.: «Сим уведомляем, что инструкция Комитета рабочего контроля служащих т/д «И.Г. Стахеев», утвержденная Елабужским исполнительным

комитетом для нашего предприятия в жизни не применима, а если ее и применить, то для предприятия эта инструкция может принести страшный вред. Я, как лицо ответственное перед членами т/д, 29 января послал письмо исполнительному комитету, в котором прошу И.К. пересмотреть инструкцию. Ответ до сих пор я не получил... Директор-распорядитель Н.И. Стахеев» [6. Л. 41].

8 июня 1918 г. в Высший Совет народного хозяйства была направлена докладная записка от Совета служащих и рабочих предприятий «бывшего торгового дома И.Г. Стахеева». Документ представляет исключительный интерес, поскольку в нем излагаются принятые местными административными органами меры в отношении нарушения руководством фирмы Стахеева распоряжений советской власти. В записке содержалось предложение о национализации торгового дома. Далее излагается содержание докладной записки с некоторыми купюрами: «В декабре месяце 1917 г. т/д И.Г. Стахеев анархическим путем без всякого плана и контроля приступил к ликвидации мануфактурной и бакалейной торговли, находящейся в разных городах, и таким образом служащих и рабочих поставил перед фактом полной безработицы... 7 декабря 1917 г. за подписью директора Г.И. Стахеева были разосланы циркуляры по всем отделениям городов... в которых доверенным предлагалось произвести расчет со всеми служащими и рабочими на изложенных в циркуляре условиях. Предложенное условие расчета служащие нашли для себя неприемлемым».

Служащие и рабочие сибирских отделений на съезде в Челябинске 20 декабря вынесли следующее решение: 1) установить контроль в отделениях фирмы над переводом и выдачей денежных сумм; 2) сепаратный расчет с фирмой не производить; 3) избрать делегатов для поездки в Елабугу в Главное правление торгового дома.

Переговоры делегатов с членами правления результатов не дали, директора «категорически отказались» от введения рабочего контроля. 8 января 1918 г. на общем собрании служащих «была вынесена резолюция обратиться за содействием в елабужский Исполнительный комитет Совдепа». Исполком постановил: немедленно подвергнуть домашнему аресту директоров и опечатать главную контору.

При обыске имущества Стахеевых в главной кассовой книге были обнаружены следующие записи:

«1. Перечисление денежных сумм со счета т/д директорами на свои личные счета находящегося в Елабуге казначейства и в национализированном Русском торгово-промышленном банке. Перечисление сумм происходило с 30 декабря 1917 г. по 3 января 1918 в сумме 1 650 000 р.

2. Директором Г.И. Стахеевым была взята кассовая главная книга за 1917 г. и из кассы денежными знаками в сумме 234 292 р., разных процентных бумаг Государственного займа на сумму 666 826 – 18, итого в сумме 901 118 р. 18 к.

3. Перевод денежных сумм периодически в Благовещенск на Амуре находящемуся там служащему Замятину, как посланный директорами в сумме 500 000 р., в делах главной конторы эти суммы нигде не значатся, а также обнаружены 2 перевода из Челябинска 90 000 р.

4. Обнаружены в кассе при главной конторе денежные звонкие серебряные монеты в сумме 2 840 р. 36 к.

5. Найдены документы, уличающие в спекуляции золотом на Дальнем Востоке и перевозке золота в плитках в г. Елабугу из Москвы, а также торговлю пушниной, запрещающую вывоз из предела России за границу.

6. Найдены телеграммы с условным знаком. Под словом золото условный знак значился кофе.

7. Найдено письмо Батолина с предложением продажи всей торговли мануфактурой ему, Батолину, с пометкой на письме директором И.Г. Стахеевым, согласие продажи дела мануфактурного с условием получения золотом из Англии.

8. В кабинете Г.И. Стахеева найдено письмо Замятина, в котором он описывает ход дела торговли золотом и пушниной на Дальнем Востоке.

9. А также много найдено переписки, уличающей в нерадении продолжать мануфактурную и бакалейную торговлю...».

15 января 1918 г. состоялось очередное общее собрание рабочих и служащих торгового дома, где и было вынесено решение об установлении рабочего контроля на всех его предприятиях. Это побудило директоров правления Г.И. и С.И. Стахеевых сложить с себя управленческие полномочия. Обязанности директора принял на себя Н.И. Стахеев, «который также не соглашался с инструкцией рабочего контроля и не делал никаких нужных распоряжений, касающихся предприятий». Саботаж продолжался, вскоре директор Н.И. Стахеев скрылся. 19 марта 1918 г. съезд делегатов постановил ходатайствовать перед ВСНХ о национализации предприятий торгового дома [Там жеб. Л. 15–16 об.].

Выписка из протокола заседания президиума ВСНХ от 19 июня 1918 г. (п. 6) знакомит нас с его решением. Президиум ВСНХ, заслушав вопрос о национализации т/д «И.Г. Стахеев» постановил: «Поручить Комитету Хозяйственной политики ВСНХ совместно с представителями Комиссариата продовольствия и Комиссариата торговли и промышленности в 3-дневный срок выяснить вопрос о возможности национализации и форме проведения национализации т/д “И.Г. Стахеев”. Заключение представить на утверждение президиума ВСНХ» [9. Л. 13].

27 июня вопрос о национализации предприятия вновь рассматривался на заседании президиума Высшего Совета народного хозяйства в присутствии членов президиума Рыкова, Чубаря, Милютин, Рудзутака, Вейнберга и представителя отдела (комитета) хозяйственной политики Ломова. В результате обсуждения последовала следующая резолюция: «Президиум ВСНХ, заслушав доклад по делу Стахеева, в составе представителей ВСНХ, Компрода, Комиссариата тор-

говли и промышленности и представителей Комитета служащих т/д И.Г. Стахеева наследники, постановил:

1. Считать немедленную национализацию всех предприятий т/д Стахеева И.Г. при настоящих условиях экономически нецелесообразным.

2. Для ведения всех дел предприятий фирмы создается временное правление в составе 6 лиц из представителей: одного от Комиссариата продовольствия, одного от Комиссариата торговли, одного от Выссовнархоза и трех от совета служащих.

3. Временное правление вырабатывает экономический план ведения в дальнейшем дел предприятия и в двухмесячный срок обязуется представить этот план ВСНХ на рассмотрение и утверждение совместно с представителями комиссариатов торговли и продовольствия.

4. На обязанности правления лежит выяснение вопроса о том, какие предприятия фирмы являются жизненно необходимыми и должны быть включены в систему советских экономических организаций.

5. Предприятие бывшего «т/д И.Г. Стахеев и наследник» впредь до решения вопроса о национализации должно существовать за свой счет, не претендуя на получение каких бы то ни было субсидий от Советской Республики. Всю полученную чистую прибыль правление предприятия обязано вносить в Государственное Казначейство на текущий счет ВСНХ.

Резолюция подписана А. Ломовым» [9. Л. 1 об., 4].

В августе 1918 г. председатель ВСНХ направил в Казанский совет народного хозяйства сообщение следующего содержания: «Настоящим Президиум ВСНХ

предлагает Вам делегировать Вашего представителя в правление т/д «И.Г. Стахеев и н-ки» от имени Высшего Совета народного хозяйства» [6. Л. 89]. В то же время (12 августа) Народный комиссариат торговли и промышленности в отношении, посланном в Президиум ВСНХ, изложил собственное мнение по этому же поводу: «Согласно отношения комитета хозяйственной политики от 3 августа 1918 г. за № 870, отдел внутренней торговли Народного Комиссариата торговли и промышленности сообщает, что вследствие осложнения политических событий назначение представителя т/д И.Г. Стахеева в г. Елабуга Вятской губернии является преждевременным» [Там же. Л. 87].

Вслед за тем в адрес Комитетов служащих и рабочих многочисленных предприятий фирмы И.Г. Стахеева была направлена специальная инструкция, в которой предлагалось «впредь до образования форм, в которые выльется организация народного хозяйства предприятия т/д И.Г. Стахеев» поставить во главе каждого производства совет служащих и рабочих, избранный на учредительной конференции рабочих и служащих в г. Елабуге. На местах отделений т/д ведение всех дел возлагается на местные комитеты служащих и рабочих предприятий в составе 3–5 человек [Там же. Л. 31 об.].

По отрывочным сведениям зарубежной печати и свидетельствам современников могущественный купеческий клан Стахеевых, несмотря на жесткие контролируемые меры центральной и местных властей, сумел сохранить часть многомиллионного состояния путем перевода за рубеж ценных бумаг, вывоза золота и товаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 23. Оп. 25. Д. 433.
2. Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России: описательно-статистическое исследование. СПб. : Мин. торг. и пром., 1912. 656 с.
3. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) М. : Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999. 308 с.
4. Китанина Т.М. Развитие концерна Путилова–Стахеева–Батолина и трансформация его финансово-промышленной стратегии в годы Первой мировой войны // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования / М.Н. Барышников, В.Ю. Гессен, А.Л. Дмитриев, Т.М. Китанина, А.А. Семенов ; под ред. А.Л. Дмитриева, А.А. Семенова. СПб. : Высшая школа менеджмента; Изд. дом СПбГУ, 2007. С. 172–412.
5. Роднов М.И. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века : очерки региональной торговли. Уфа, 2007.
6. Российский государственный архив экономики (далее – РГЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 939.
7. РГИА. Ф. 587. Оп. 53. Д. 129.
8. РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 2039.
9. РГЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 82.

Kitanina Taisiya M. St. Petersburg State University, Petrovsky academy of Sciences and arts (St. Petersburg, Russia). E-mail: lar1211@mail.ru

THE END OF THE MAJOR VOLGA-SIBERIAN TRADING COMPANY: NATIONALIZATION OF ENTERPRISES OF TRADING HOUSE «I.G. STAKHEEV'S SUCCESSORS» 1917–1918.

Key words: I.G. Stakheev; I.I. Stakheev; A.I. Putilov; business activity in the Volga region; grain trade; nationalization of Stakheev's enterprises.

In the article the final stage of history of activity of Stakheevs firm, prominent representatives of the national peripheral bourgeoisie of Russia, is investigated. The main research problems consist of the next: 1) to give a general characteristic of business bases and sources of enrichment of the firm; 2) to analyze results of Trading house «I.G. Stakheev's successors» activity by the beginning of revolutionary events of 1917; 3) on the basis of archival sources to recreate process of nationalization of one of the largest campaigns which was successfully engaged in versatile business. Materials of the central state archives, in the overwhelming part for the first time introduced for scientific use have formed documentary base of the article. In the work documents of funds of the Russian state archive of economy – the Highest Councils of the national economy of RSFSR and the USSR are widely used (F. 3429). The methodological basis of the research is constructed on the principle of an integrated approach in sources study and their critical analysis. The main methods used by

the author are historical and system, historical and comparative and also a method of a historical review. As a result of a research the author has come to the following conclusions. Stakheevs represented an example of creation of the versatile business including all production cycle from cultivation of wheat till its processing on own mills and export by own vessels for sale in the capitals and abroad. Basis of activity of trading house «I.G. Stakheev's successors» and the main source of its enrichment was trade of grain which the firm realized in many cities, including St. Petersburg, Rybinsk, Nizhny Novgorod, Chelyabinsk, Kostanay, Birk, Krasnovodsk and also the cities of Finland. The trading house had considerable land riches in the Ufa, Vyatka and Orenburg provinces. The firm owning huge personal and real estate and possessing the strong centralized administrative personnel, played an uncommon role in the Region of Volga. The list of the enterprises of trading house found in the fund of the Supreme Soviet of the National Economy confirms broad scope of operations of the firm and the impressive sizes of turnover of its capital. Owning on Volga steamships, tows and barges, the trading house was engaged in transportation of grain, and used available transport vehicles for transportation of oil freights from Astrakhan to Upper Volga. On the basis of documentary materials from the fund of the Supreme Soviet of the National Economy which have not been published earlier and have not been used by researchers the author restores the picture of nationalization the trading house of the Yelabuga millionaire merchants Stakheevs who have created one of the most powerful commerce and industry associations of the country.

REFERENCES

1. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 23. List 25. File 433.
2. Lyashchenko, P.I. (1912) *Khlebnaya trgovlya na vnutrennikh rynkakh Evropeyskoy Rossii: Opisatel'no-statisticheskoe issledovanie* [Bread trade in the domestic markets of European Russia: A descriptive-statistical study]. St. Petersburg: Min. torg. i prom.
3. Tagirova, N.F. (1999) *Rynok Povolzh'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Market of the Volga region (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Izd. tsentr nauch. i ucheb. programm.
4. Kitaniina, T.M. (2007) Razvitie kontserna Putilova-Stakheeva-Batolina i transformatsiya ego finansovo-promyshlennoy strategii v gody Pervoy mirovoy voyny [Development of the Putilov-Stakheev-Batolin concern and the transformation of its financial and industrial strategy during the First World War]. In: Dmitriev, A.L. & Semenov, A.A. (eds) *Ocherki istorii rossiyskikh firm: voprosy sobstvennosti, upravleniya, khozyaystvovaniya* [Essays on the History of Russian Firms: Issues of Property and Management]. St. Petersburg: Higher School of Management, St. Petersburg State University. pp. 172–412.
5. Rodnov, M.I. (2007) *Khlebnyy rynek Ufimskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka: ocherki regional'noy trgovli* [Bread market of Ufa Province in the late 19th – early 20th centuries: Essays of regional trade]. Ufa: Ufa State Academy of Economy and Service.
6. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 3429. List 1. File 939.
7. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 587. List 53. File 129.
8. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 23. List 12. File 2039.
9. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 3429. List 1. File 82.

УДК 94(47):355.211.1"17"

DOI: 10.17223/19988613/48/10

Н.В. Козлова

«ПРИНИМАТЬ РЕКРУТ ГОДНЫХ, ЗДОРОВЫХ И ВЗРАЧНЫХ, В УКАЗНЫЕ ЛЕТА И МЕРУ...» (РЕКРУТСКАЯ СИСТЕМА В РОССИИ XVIII в. В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)

На основе нескольких сот «сказок» воинов, получивших в 1762 г. по старости, болезням и увечьям отставку от службы, представлен коллективный портрет бывших рекрутов из крестьянской и посадской среды. Обращено внимание на возраст и рост рекрутов, продолжительность службы, участие в военных действиях, на полученные ранения и увечья. Показано физическое состояние отставных воинов, определяемых в богадельни и на пропитание в монастыри.

Ключевые слова: рекрут; рекрутская система; отставной; повинность; армия; богадельня.

Структура российской армии, ее комплектование и обеспечение, военные баталии, победы, поражения и другие аспекты военной истории имеют обширную историографию. На современном этапе изучения социальной истории активизировалось изучение истории войн в социокультурном и историко-антропологическом аспектах. В частности, исследуется воздействие войны на жизнь общества, различных его слоев, на условия повседневной жизни российских людей, правда, преимущественно XIX – начала XX в. [1–4]. В рамках этого направления в новейшей историографии осмысливаются и задачи изучения системы социального призрения отставных и увечных воинов [5]. Вместе с тем на фоне многочисленной литературы о российской армии XVIII в. и рекрутчины как основы ее комплектования, а также работ, посвященных рассмотрению форм и учреждений призрения, практике их функционирования, сами отставные воины редко привлекают к себе внимание исследователей¹. Для XVIII в. это во многом объясняется состоянием источниковой базы.

Начиная с петровского времени главным объектом социального призрения правительство сделало воинских чинов, не способных за старостью, болезнями и увечьями нести службу, солдатских вдов и детей. Они не только направлялись «для пропитания» в монастыри, но и заполняли издавна существовавшие и вновь отстраиваемые при приходских церквях богадельни. Этим процессом после ликвидации в 1721 г. патриаршества ведала Канцелярия синодального экономического правления.

Судя по сведениям, время от времени присылаемым в Канцелярию из духовных консисторий, через официальные каналы в среднем ежегодно обретали приют около 1,5 тысяч не имеющих собственных средств дряхлых, больных и увечных отставных воинов [7. Д. 24790. Л. 6]. В фонде Канцелярии РГАДА удалось выявить многочисленные «Дела об определении в богадельни и в монастыри на пропитание по доношениям разных лиц и учреждений и по промемориям центральных учреждений» за 1762 г. Включая все месяцы года, они содержат сказки 400 отставных воинов, что со-

ставляет более 25% от предполагаемого числа лиц, ежегодно присылаемых в Канцелярию и распределяемых ею по монастырям и богадельням. Распросные речи отставных содержат сведения о социальной принадлежности, возрасте и месте призыва, продолжительности службы, участии в военных действиях, ранениях и наградах, а также указание на семейное положение и наличие детей мужского пола. Соотнесение года призыва на службу и отставки позволяет узнать продолжительность службы, что с учетом возраста отставки делает возможным расчет возраста призыва. Последние данные важны для суждения о том, в каком возрастном диапазоне практиковался набор рекрутов.

В своей совокупности эти данные дают возможность представить некий коллективный портрет людей, когда-то вырванных рекрутчиной из родной среды, а спустя годы, потеряв на службе Отечеству здоровье и силы, за отсутствием собственного крова и пищи нуждавшихся в заботе. В сочетании с нормативными актами, определявшими требования власти к набору рекрута, это позволяет увидеть функционирование рекрутской системы сквозь призму человеческого измерения.

Одним из главных оснований рекрутской повинности с момента ее оформления в 1705 г. и до 1793 г. был пожизненный срок службы. В судьбе конкретного рекрута его продолжительность зависела от многих обстоятельств, в том числе условий службы, участия рекрута в военных действиях, состояния его здоровья, выносливости и, конечно, возраста, в котором он был призван в армию. На протяжении XVIII в. возраст призыва в армию не был постоянным. В 1705 г. рекрутский набор проводился в общегосударственном масштабе и коснулся лиц холостых в возрасте от 15 до 20 лет [8]. Однако уже в 1708 г. призывной возраст рекрута был повышен. Годными к военной службе признавались как холостые, так и женатые люди в возрасте от 20 до 30 лет [Там же. Т. IV. № 2214]. В дальнейшем, не отказываясь в отдельных случаях от набора только молодых рекрутов,² правительство всё больше ориентировалось на пополнение армии за счет лиц «не моложе 15 и не старше 30 лет» [8. Т. VIII. № 5622, 5914]. Эти воз-

растные рамки были несколько расширены в Генеральном учреждении о сборе рекрут 1766 г. В нем говорилось, что «принимать в рекруты из положенных в подушный оклад дворовых людей и крестьян и детей их здоровых, крепких и к военной службе годных, от 17 до 35 лет..., а старше 35 лет, напротив же того и моложе 17 лет отнюдь не принимать» [8. Т. XVII. № 12748]. В начале XIX в. законодательно определенный возраст рекрут в целом оставался прежним³.

На практике эти нормы соблюдались далеко не всегда. Об этом свидетельствует анализ возраста, в котором бывшие рекруты когда-то начали службу. Такие данные удалось рассчитать относительно 397 человек. Оказалось, что возраст только половины рекрут (225 чел., или 56,7%) соответствовал установленной законом норме – от 15 до 30 лет. Из них 199 чел. (88,4%) были в возрасте от 20 до 30 лет. Немало было таких, кто пришел в армию уже после 30 лет – 171 чел., или 43,1%. Среди этой группы рекрут почти половина (82 чел., 49,1%) превышала верхнюю границу уставного возраста на 1–5 лет, еще 55 чел. (32,2%) – на 6–10 лет. Возраст 34 рекрут выходил за верхние пределы уже на 11 и более лет. Причем 7 человек оказались в армии и вовсе в возрасте от 51 до 64 лет, т.е. тогда, когда, по словам самих отставных, уже наступала «старость и дряхлость». Это были своеобразные ветераны среди новобранцев⁴. Тем не менее и они, начав службу в царствование Елизаветы Петровны, успели прослужить от 4 до 16 лет, а иные побывали в сражениях, имели ранения и лишь потом в глубокой старости (75-летний Тимофей Расторгуев уточнил «в древности») получили возможность отправиться доживать свой век в разные монастыри и богадельни [7. Д. 25602. Л. 4; Д. 25612. Л. 16 об., 19, 23 об., 26; Д. 25847. Л. 45 об.; Д. 24717. Л. 4].

Хотя закон допускал набор рекрут в возрасте до 20 лет (но не моложе 15) и даже в отдельных случаях требовал поставку лиц только этого возраста, среди исследуемой группы отставных таковых оказалось немного, всего 26 чел., или 6,5%. Встретился и вовсе малолетний. Им был 10-летний крестьянин Гаврила Яковлев, взятый в рекруты в 1722 г. из помещичьей деревни. Лишь спустя 40 лет, с учетом болезней и ранений, он получил отставку и был отправлен на пропитание в приписной к Киево-Печерской лавре Чонский монастырь [Там же. Д. 25847. Л. 45 об.].

Сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что, во-первых, правительство довольно скоро отказалось от ориентации на комплектование армии за счет сугубо лиц холостых в возрасте не старше 20 лет, а во-вторых, бессрочный характер службы, навсегда вырывавший из местного общества людей «добрых, здоровых и взычных», заставлял эти общества приспосабливаться к таким требованиям. Стремление к выполнению рекрутской повинности с наименьшими потерями для хозяйственного благополучия отдельных семей и тягоспособности всей общины, крестьянской или посадской, приводило к тому, что в рекруты нередко попадали

люди, которые не только по возрасту и росту не соответствовали установленным требованиям, но и вовсе были не способны к несению службы. Власть, как могла, боролась с этим явлением, грозя штрафами, разорением и вечной ссылкой на галеры как наборщиков рекрут, так и воевод и губернаторов, закрепивших негодных рекрут в росписях [8. Т. VI. № 3587].

Тем не менее среди новобранцев оказывались люди, возраст которых намного превышал установленные нормы. Бросается в глаза и высокая доля лиц холостых. Среди учтенных отставных их было 44,5% (175 чел.). С учетом того, что какая-то часть отставных обзавелась семьей уже после призыва в армию, удельный вес холостых новобранцев был еще выше, т.е. в рекруты отдавали преимущественно лиц неженатых. Причем это отнюдь не были люди молодые, поскольку возраст только 18 чел., или 10,3%, не превышал 20 лет, возраст 99 чел., или 56,6%, находился в диапазоне от 21 до 30 лет, а треть всех холостых рекрут (58 чел., 33,1%) оказалась в армии уже после 30 лет.

По наблюдению специалистов, средний возраст вступления в брак крестьян в помещичьей деревне в середине XVIII в. составлял 17–18 лет [9. С. 112–113]. В нашей группе холостых отставных воинов, кто происходил только из помещичьих крестьян, те, чей призывной возраст превышал 20 лет, составляли 93,5% (72 чел.), а те, кто был старше 30 лет – 33,8% (26 чел.). Имелись среди них и лица, взятые в армию в возрасте 40 и более лет, а также и вовсе старый Филипп Харитонов, в 50 лет отданный в рекруты в 1742 г. из нижегородской вотчины и до выхода в отставку «по старости» прослуживший 20 лет [7. Д. 25075 Л. 9 об.]. Возможно, такая возрастная особенность холостых крестьян объясняет, почему именно на них падал выбор при рекрутском наборе. В крестьянской среде создание семьи являлось необходимым условием хозяйствования на земле. Семьянистость как важнейший элемент трудовых ресурсов обеспечивала достаток и тягоспособность крестьянского двора и всей общины. В связи с этим отдача в рекруты лиц, по каким-то причинам не соответствовавших обычному типу брачного поведения⁵, не имевших жены и детей, была менее чувствительна, чем потеря уже женатого крестьянина или холостого, но перспективного в своем юном возрасте человека.

Правительство, желая иметь в армии сильных и здоровых людей, обращало внимание не только на возраст рекрут, но и на их рост. В одном из указов прямо говорилось, что помещики сдают в рекруты таких людей, «кои по летам хотя и годны к службе, но неспособны к оной по малому росту или другим недостаткам» [8. Т. XXX. № 23271]. Если под «недостатками» понимались увечья и хронические болезни, выявлять которые следовало врачам и полковым лекарям, то рост («мера») рекрута каждый раз прописывалась в указе об очередном наборе. Правда, конкретное определение «меры» было дано не сразу, так что в петров-

скую армию попадали рекруты всякого роста. Лишь в 1726 г. Сенат велел Военной коллегии установить, ниже какой «меры» рекрут в службу не принимать. Решено было исходить из реалий армейской жизни, сняв «меру» «малорослых солдат, которые уже действительно в военной службе обретаются» [8. Т. VII. № 4845, 4859]. Видимо, посчитали, что если они как-то справляются со службой, то впредь смогут и другие. Таким образом, в 1730 г. был определен минимальный рост рекрута – 2 аршина с четвертью (162 см) [Там же. Т. VIII. № 5582].

Однако эта «мера» продержалась недолго. Уже в 1731 г. при наборе рекрут в возрасте от 15 до 20 лет их рост мог быть ниже указной величины на 1,5–2,5 вершка, т.е. едва достигать 151 см [Там же. Т. VIII. № 5768]. Столь малый рост допускался, видимо, с расчетом молодости и продолжавшегося роста новобранцев. Через два года, в 1733 г., все же была сделана поправка. Теперь для рекрут не старше 20 лет «мера» устанавливалась в 2 аршина 3 вершка (157,5 см.), а тот, кто был в возрасте от 20 до 30 лет, должен был быть как минимум на полвершка выше (159,75 см) [Там же. Т. IX. № 6495]. Позднее позволялось принимать рекрут ниже указной меры, но с определением их в гарнизонные полки [Там же. Т. X. № 7464].

Понижение ростовых цензов, свидетельствуя об увеличении потребности в новых солдатах, отражало усиление тяжести рекрутской повинности для населения. Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют, что средний рост новобранцев к концу XVIII в. понизился на 4,5 см по сравнению с началом столетия [10. С. 19]. Тем не менее он почти всегда оставался выше минимальной указной меры. Это свидетельствует о том, что рост большинства рекрутов превышал установленные нормы, но не исключает наличия малорослых рекрутов. Даже среди 32 инвалидов, распределенных в 1762 г. по московским богадельням, двое были ниже указной «меры» на 1 и 1,5 вершка. Первый, бомбардир Фрол Афанасьев, начал службу в 1731 г. в возрасте 36 лет. Его рост составлял 2 аршина 3 вершка, или 157,5 см, против 162 см (2 аршина с четвертью), принятых тогда за минимальный рост рекрута. Вторым, канонир Сергей Перфильев, оказался в армии в 1736 г. в возрасте 40 лет, имея рост 153 см, т.е. более чем на 5 см (1,5 вершка) не достигавший установленной в 1733 г. меры. Примечательно, что и возраст обоих происходивших из крестьян рекрутов существенно превышал верхнюю возрастную границу, а С. Перфильев к тому же не только был холостым при отдаче его в рекруты, но и в дальнейшем не обзавелся семьей. В свете ранее сделанных наблюдений все эти совпадения кажутся неслучайными. Они указывают на направления поиска крестьянским миром возможности смягчения для него тяжелого бремени рекрутской повинности.

На долю тех, кто вышел в отставку в 1762 г., выпало не меньше тягостей, чем на долю солдат петровского времени. Многие из них участвовали в войнах России с

Турцией (1735–1739 гг.), Швецией (1741–1743 гг.), Пруссией (1757–1762 гг.). Тяготы военной службы не могли не оставить своих следов. Они проявлялись в преждевременной дряхлости, немощи, всевозможных болезнях и различных увечьях, полученных как из-за ранений, так и в результате несчастных случаев. Среди отставленных по ранениям и сопутствующим им болезням были как совсем молодые люди, недавно рекрутами набранные в армию в возрасте от 17 до 26 лет и успевшие прослужить в ней лишь 3–7 лет, так и прослужившие не менее 25 лет. Понятно, что ветераны выходили в отставку в зрелом, а то и весьма преклонном возрасте. Имелись и совсем старые – 70- и даже 80-летние.

Характер ран и увечий позволяет почти зримо ощутить, в каком состоянии отставные воины попадали в монастыри и богадельни. Подпоручик Андрей Ананьин, 40 лет, за 22-летнюю службу в армии побывавший в разных сражениях, был «ранен в правой глас вскольсь пулею, в левую руку сквось ладони пулею ж, нос и лицо саблею перерублено поперех, в правую ногу сквось ступени пулею ж». У 34-летнего подпоручика Василия Сапожникова, кроме ранения «в правое бедро и левое навилет пулею, голова в шести местах саблею порублена». Оба они, получив ранения в 1758 г., остались «на плац параде» и были взяты «в полон». Проведя в плену несколько лет, в 1761 г. они по размену пленных вернулись на родину и одновременно с чином подпоручика получили отставку [7. Д. 24790. Л. 2, 2 об.]. 58-летний канонир Федор Осипов сын Кулченосов («2 аршина 5 вершков, лицом мало беловат, нос плоск, глаза серые, волосом рус»), в послужном списке которого значились такие знаменательные вехи, как Крым, Очаков, Бендеры, Хотин, Яссы, Швеция, был «ранен стрелою меж бровей и всем корпусом слаб» [Там же. Д. 25714. Л. 2 об.].

Болезни нередко сопутствовали ранениям. Но еще чаще их вызывали условия самой службы, требовавшей максимальных усилий и напряжения сил. Болезни, как и раны, настигали служилых в любом возрасте, хотя, конечно, со временем все больше накапливались так называемые возрастные заболевания. Наиболее распространенный «диагноз» – «глаза мало видят, в ногах лом и всем корпусом слаб» – мог дополняться другими недугами: «животом скорбен», «животом и ногами скорбен, и в шее станова жила повреждена», «имеет внутреннюю болезнь, живот выходит и в ногах лом», «ухом не слышит», «ушами глух», «уши опалены, коими мало слышит», «левая рука не поднимается», «правая рука в локте не разгибается, по кость высохла, левая повыше кисти высохла ж», «в руках и ногах лом», «грыжная болезнь», «у правой руки два перста не гнутца». У 42-летнего фузелера Ивана Иванова сына Козлова «на правой ноге на берце две кости выпали, грыжи и всем корпусом слаб». Встречались также чахотка и «цынготная болезнь». Цингою страдали 65-летние канониры Афанасий Дмитриев и Осип Федоров сын Зазвонов [Там же. Л. 2 об.–7]. Оба они за более чем

30-летнюю службу участвовали не в одной военной кампании. Цинга не была редкостью в армии, и хотя с ней энергично боролись, это заболевание было распространено – особенно во время военных походов [11. С. 70].

Тот, кому повезло, кто не был убит, ранен, изувечен или не приобрел до наступления старости хронические и неизлечимые болезни, выходил в отставку, лишь когда наступал естественный предел сил и ресурсов. По терминологии того времени это называлось «за старостью и дряхлостью», или «за старостью и слабостью», или «за старостью и древностью». Потеря для многих отставных

трудоспособности в сочетании с отсутствием каких бы то ни было средств к существованию оправдывало ориентированность государственной системы социального призрения в XVIII в. преимущественно на отставных воинов. Бессрочная воинская повинность тяглого населения, существовавшая до конца XVIII в., не только меняла жизнь и судьбу рекрута и его семьи, но при самом благоприятном раскладе забирала все его силы и здоровье. На этом фоне трудно переоценить ту привилегию, которая была обретена дворянством, уже в 1736 г. получившим сокращение срока службы до 25 лет, а в 1762 г. и полное освобождение от нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из новейших работ см.: [6. С. 140–181, 271–297].

² В именном указе 5 апреля 1720 г. Петр I велел московскому вице-губернатору набрать 2 000 человек в матросы из подмосковных крестьян, «чтоб старше 20 лет отнюдь не было, а моложе 15». В указе же 1731 г. предписывалось принимать молодых рекрут (от 15 до 20 лет) в службу, хотя бы они были и ниже указной меры «вершком полуторым, двумя и полутретьим меньше» [8. Т. VI. № 3561; Т. VIII. № 5768].

³ Указ 1811 г. определил его от 18 до 37 лет [8. Т. XXXI. № 2477].

⁴ Рядовые из крестьян Рада Дымов, Степан Промахин, Алексей Костылев, Дмитрий Колычев, Илья Секов, Тимофей Расторгуев и из посадских Тит Карасев.

⁵ Об этом свидетельствует не только их возраст, но и отсутствие у них семьи на протяжении всей дальнейшей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков : материалы рос. науч. конф. 19–20 апреля 2000 г. Н. Новгород : Нижегород. гуманитар. центр, 2000. 311 с.
2. Армия и общество : материалы междунар. науч. конф. 28 февраля 2000 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2002. 234 с.
3. Человек и война. Война как явление культуры : сб. статей / под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М., 2001. 480 с.
4. Гушин А.В. Русская армия в войне 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб. : Реноме, 2014. 256 с.
5. Щербинин П.П. Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII – начале XX в. // Армия и общество : материалы междунар. научной конф. Тамбов, 28 февраля 2000 г. Тамбов, 2002. С. 64–83.
6. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М. : РОССПЭН, 2010. 359 с.
7. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
9. Мохначева М.П., Прохоров М.Ф. Крестьянская семья в крепостной деревне Брянского края в середине XVIII века // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени : сборник. Брянск : Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1995. С. 108–118.
10. Миронов Б.Н. Когда в России жило хорошо? Эпизод первый. XVIII – первая половина XIX века // Родина. 2008. № 4. С. 15–21.
11. Ковригина В.А., Сысоева Е.К., Шанский Д.Н. Медицина и здравоохранение // Очерки истории русской культуры XVIII века : в 4 т. / гл. ред. Б.А. Рыбаков. М. : МГУ, 1988. Т. 3 / Н.Ф. Уткина, В.А. Ковригина, Е.К. Сысоева и др. С. 50–84.

Kozlova Natalia V. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: kozlova.n.v.i@gmail.com

«TO ACCEPT THE RECRUITS SUITABLE, HEALTHY AND PREPOSSESSING, IN STATED AGE OF SUMMER AND THE MEASURE ...» (RECRUITING SYSTEM IN RUSSIA OF THE 18TH CENTURY IN ANTHROPOLOGICAL ASPECT).

Key words: recruit; recruiting system; retired; duty; army; almshouse.

The regular army created by Peter I, the cornerstone of which completing was the recruiting system left behind not only laurels of victories, but also served their time veterans and crippled young soldiers. The government tried to take care of them, placing them in almshouses and on livelihood to monasteries. On the basis of 400 official testimonies of retired soldiers of 1762 revealed in funds of Office of Synod economic board of RGADA the author seeks to present a social and individual portrait of retired recruits. Sources contain data on origin, age and the place of levy, duration of military service, participation in military operations, wounds and awards, marital status and presence of male children. In combination with the regulations defining requirements of the power to set the recruit it allows to see functioning of recruiting system in the XVIII century through a prism of human measurement. In practice it has turned out that the age only of a half investigated recruits (225 persons, or 56,7%) met the standard from 15 to 30 years established by the law. There were such who has come to army after 30 years – 171 persons or 43,1%. And more than half of them (89 pers., 52%) had the age exceeded the top limits for 11 and more years. And quite peculiar veterans aged from 51 up to 64 years and also the juvenile at 10-year age have been found among recruits. The author sees an explanation for this phenomenon in yearning of peasant and trading quarter communities as much as possible to reduce negative consequences of the recruitment which was systematically withdrawing the most able-bodied persons from local society. As a result quite often among the recruits found themselves persons who not only by age and height did not conform to the established requirements, but also were not capable to service at all. As the same security measure served also sending to army of unmarried persons that is confirmed by their high share among recruits. The power by its decrees determined also minimum height (“measure”) of the recruit as indicator of his ability to service. Throughout century there was a decrease in the height qualification, as a result height of recruits remained above the minimum decree measure. On the basis of official testimonies of the retired the sketches of diseases, the nature of the wounds and mutilations sustained by them both during various military fights and as a result of

conditions of service are given. As a result becomes obvious that the recruitment, being in the 18th century a termless compulsory military service of the taxed population, took away all forces and health of the recruit. Release from service at the most favorable deal happened only "because of old age and decrepitude". For many retired the loss of working capacity in combination with absence of any livelihood, justified orientation of the state system of social charity at that time mainly on retired soldiers.

REFERENCES

1. Shaposhnikov, L.E. (ed.) (2000) *Homo belli – chelovek voyny v mikroistorii i istorii povsednevnosti: Rossiya i Evropa XVIII–XX vekov* [Homo belli – a man of war in microhistory and the history of everyday life: Russia and Europe of the 18th – 20th centuries]. Nizhny Novgorod: Nizhegor. gumanitar. Tsentr.
2. Shcherbinin, P.P. (ed.) (2002) *Armia i obshchestvo* [Army and Society]. Tambov: Tambov State University.
3. NarSKIY, I.V. & Nikonova, O.Yu. (eds) (2001) *Chelovek i vojna. Voyna kak yavlenie kul'tury* [Man and War. War as a Phenomenon of Culture]. Moscow: AIRO-XX.
4. Gushchin, A.V. (2014) *Russkaya armiya v voyne 1904–1905 gg.: istoriko-antropologicheskoe issledovanie vliyaniya vzaimootnosheniy voennosluzhashchikh na khod boevykh deystviy* [The Russian Army in the War of 1904–1905: A historical and anthropological study of the influence of military servicemen's relations on the course of military operations]. St. Petersburg: Renome.
5. Shcherbinin, P.P. (2002) Osobennosti prizreniya uvechnykh voynov v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Charity of war-maimed soldiers in Russia in the 18th – early 20th centuries]. In: Shcherbinin, P.P. (ed.) (2002) *Armia i obshchestvo* [Army and Society]. Tambov: Tambov State University. pp. 64–83.
6. Kozlova, N.V. (2010) *Lyudi dryakhlye, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka* [Decrepit, sick, miserable people in Moscow of the 18th century]. Moscow: ROSSPEN.
7. The Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). Fund 390. List 1. Part 3.
8. Russia. (1830) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
9. Mokhnacheva, M.P. & Prokhorov, M.F. (1995) Krest'yanskaya sem'ya v krepostnoy derevne Bryanskogo kraia v seredine XVIII veka [The peasant family in the serf village of the Bryansk Territory in the middle of the 18th century]. In: *Problemy sotsial'noy istorii Evropy: ot antichnosti do novogo vremeni* [Problems of the Social History of Europe: From Antiquity to Modern Times]. Bryansk: Bryansk State Pedagogical University. pp. 108–118.
10. Mironov, B.N. (2008) Kogda v Rossii zhilos' khorosho? Epizod pervyy. XVIII – pervaya polovina XIX veka [When did Russia live well? The first episode. The 18th – first half of the 19th centuries]. *Rodina*. 4. pp. 15–21.
11. Kovrigina, V.A., Sysoeva, E.K. & Shanskiy, D.N. (1988) Meditsina i zdavookhranenie [DN Medicine and public health]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Ocherki istorii russkoy kul'tury XVIII veka: v 4 t.* [Essays on the History of Russian Culture of the 18th Century: In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Moscow State University. pp. 50–84.

УДК 94(47):911.37"16"

DOI: 10.17223/19988613/48/11

А.И. Комиссаренко

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ РЕГИОНА НИЖНЕЙ ВЫЧЕГДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Исследуется социальная структура сельских поселений Нижней Вычегды во второй половине XVII в. в связи с развитием рыночных отношений. На архивном материале писцовых книг анализируется уровень социальной стратификации населения региона; выявляются условия, способствовавшие развитию имущественного и социального неравенства в черносошной деревне; характеризуются отдельные категории сельского населения. Социальная неоднородность рассматривается как исходная база отрыва части крестьян от земли и собственного хозяйства в изучаемый период.

Ключевые слова: социальная структура; сельские поселения; Нижняя Вычегда; рыночные отношения; XVII в.

В исторической литературе неоднократно исследовалась роль Сольвычегодского уезда в административно-политической и социально-экономической истории России XVII в. – эпохи, переходной от традиционного (средневекового) общества к новому времени, характерной чертой которого являлись формирование все-российского рынка и в связи с этим усиление имущественной и социальной дифференциации в городе и деревне. В работах Н.В. Устюгова [1, 2], П.А. Колесникова [3], А.А. Введенского [4], А.А. Преображенского [5], А.Ц. Мерзона и Ю.А. Тихонова [6], К.А. Заболотской [7] и других обстоятельно изучались проблемы развития сельскохозяйственного, промыслового и мануфактурного производства, состояния торговых связей на европейском Севере страны в условиях укрепления рыночных отношений, воздействия этих процессов на демографию и общественную структуру различных его регионов.

В настоящей статье нами сделана попытка на примере Сольвычегодского уезда выявить состав населения этой нижневыхегодской территории, примыкающей к бассейну рек Северной Двины, Вятки, Камы с их притоками, обеспечивавшими её контакты с Русским Поморьем, Поволжьем, Уралом и Сибирью. Источниковой базой послужили писцовые и переписные книги уезда, сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов. Научная ценность их была тщательно обоснована К.А. Заболотской [Там же. С. 51–80]. Составление писцовых книг по Соли-Вычегодской имело, полагает она, существенную особенность, отличавшую их от подобного описания в других районах Русского государства, в большинстве которых оно проводилось один раз в 20-е гг. XVII в. Лишь в части уездов писцовые переписи были проведены также в середине и даже в 70–80-е годы этого столетия. Например, как убедительнее показано К.А. Заболотской, Сольвычегодский уезд подвергся писцовому описанию в 1625, 1645 и 1678–1682 гг. [Там же. С. 9]. По ряду волостей, к примеру в Вилегодской, в переписные книги включались сведения как о тяглом, так и нетяглом населении [8]. Они дают возможность установить уровень соци-

альной стратификации населения региона. В них фиксировались дворовой состав деревень и других поселений, социальный статус дворовладельцев – их принадлежность к таким разрядам, как крестьяне, половники, бобыли, срочные работники, численность жителей мужского пола в каждом дворе, размер пахотной земли (в четвертях в одном поле) и «поскотины» (поля для выпаса скота в десятинах), сенных угодий, юридические основания владения двором («по старине», т.е. по наследству, «по купчей», «по кабале» т.п.), причины запустения дворов (смерть прежнего дворовладельца, уход «в Сибирь от хлебного недороду», «подряд в половники» и т.п.).

Территория Сольвычегодского уезда относилась по преимуществу к государственным тяглым землям и была населена главным образом черносошными крестьянами. Правда, здесь имелись в незначительном размере вотчинные земли Строгановых – Данилы Ивановича и Григория Дмитриевича, владения Вологодской архиепископии и ряда монастырей, а также посадских людей [4. С. 137–155, 224–230]. Черносошные крестьяне свободно распоряжались своими участками. Полагая, что их владения суть «государева земля, а моё посилье», они имели право на их передачу по наследству, мену, заклад [9. С. 41–56]. Всё это создавало условия для генезиса имущественного и социального неравенства в черносошной деревне [10; 11. С. 152–153]. По наблюдениям К.А. Заболотской, активным его стимулятором являлся в течение всего XVII столетия рост «наезжей» пашни. «Пахать наездом» означало обрабатывать земли, расположенные вне долевых участков по месту жительства дворохозяев. Писцовые книги свидетельствуют, что только в поселениях Вилегодской волости с 1625 по 1678–1682 гг. «наезжая» пашня увеличилась с 75 десятин до 91 десятины, в её обработке участвовали соответственно 28 и 33 крестьян, что составляло 3,6 и 2,8% от всего волостного населения. В этих цифрах нетрудно заметить определённую тенденцию к концентрации земли в руках небольшой группы сельских жителей. Другая сторона указанного явления – явное увеличение доли половников, т.е. кре-

стьян, потерявших свои земли. За отмеченный период она поднялась с 8 до 25,5%. Если к ним добавить крестьян, ставших к началу 1680-х гг. захребетниками, и «бродящих меж двор», то можно увидеть, что частичное и полное обезземеление охватило свыше 1/3 всего населения (35,3%).

В развитии земельных отношений в Сольвычегодском уезде особую роль играли состоятельные посадские люди, активно приобретавшие земельные угодья в течение всего XVII в. Так, если в 1625 г. таких посадских владельцев насчитывалось 6 человек, имевших из 3 340 десятин волостных сенных покосов 248 десятин, или 7%, то к концу 1670-х – началу 1680-х гг. их уже было 46 человек, владевших 831 десятиной из 3 636 десятин в волости, или 22,9%. Выявлены и случаи перехода целых деревень во владение посадских людей [12. Л. 104, 121, 246–248 об.]. На их землях сельскохозяйственными работами занимались половники из черносошных крестьян, потерявших свои долевые участки и порядившихся из доли урожая к другим дворохозяевам – состоятельным крестьянам, посадским людям, монастырским и церковным землевладельцам [13. С. 195–196].

Большинство половников проживали во дворе владельца земли, что объяснялось как утратой ими своих участков и, следовательно, статуса черносошного крестьянина, так и тем, что с переходом в 1670-е гг. от поземельного к подворному обложению включение половника в двор хозяина вызывалось стремлением снизить величину тягла. Меньшая часть половников оставалась жить в своих дворах, обрабатывая принадлежавшую им прежде пашню и покосы, которые они вынуждены были продать или заложить [14. Л. 712, 732; 7]. Как правило, крестьяне поступали в половники со своим рабочим скотом и инвентарём. Они получали подмогу от хозяина в виде денежной и хлебной ссуды. В обязанности половника входили обязанности обрабатывать хозяйскую пашню, ставить сено, заготавливать дрова. При молотбе «выжимать из первых овинов добрый хлеб, носить его в житницу, и никаких хором небрежением своим не сожечь». Сроки половья обычно не превышали трех лет, но на деле хозяин мог, обвинив половника в нарушении условий половья, значительно увеличить его. Необходимость выплаты неустойки в этих случаях приводила к возможности нового долга, а следовательно, и к удлинению срока такой зависимости. Некоторые половники могли использовать труд захребетников, как правило, полностью обезземеленной части сельских жителей. Численность их заметно увеличилась к концу XVII в., свидетельствуя об углублении социальной стратификации среди уездного населения. По данным писцовых книг в 1625 г. захребетники вообще не были зафиксированы писцами, но уже в 1645 г. к этой категории было отнесены только 2 человека, а в конце этого века по переписи 1678–1679 гг. их насчитывалось 93 из 1 174 человек мужского населения волости, или 7,9% [15. Л. 240–292]. Стоит отметить и факты записи в захребетники детей-сирот в возрасте до 14 лет.

Поскольку захребетники не имели своих дворов, они не «тянули государева тягла», при этом могли участвовать в несении тягла своих дворохозяев. Иногда захребетнику удавалось обрести статус половника или даже вернуться к самостоятельному хозяйствованию в лично ему принадлежащем дворе. Малую по численности социальную группу составляли подворники, к концу XVII в. их насчитывалось 11 из 1 174 человек [Там же. Л. 375–387]. В экономическом плане они не были связаны с владельцами дворов. Ими являлись, как правило, местные крестьяне, по ряду причин забросившие свои хозяйства или продавшие их. Подворники чаще всего выступали в роли «квартирантов» у дворохозяев. Например, в деревне Мартынова Гора в 1625 г. у крестьянина Фёдора Леонтьева «в жильцах» значился подворник Епифан Меньшиков, однако землю «наездом» пахал сам хозяин, а его подворник занимался главным образом работами по двору в качестве платы за проживание. Нужно при этом отметить, что к концу XVII века доля этой категории крестьян значительно снизилась [Там же. Л. 101–104, 193; 7. С. 53–54].

Среди сельского населения имелась незначительная по численности категория бобылей – обедневших крестьян, не бывших в состоянии по разным причинам в полной мере вести своё хозяйство. Доля их с 20-х до 80-х гг. XVII в. колебалась в пределах 3,7–2,9%. Не входя в состав тяглого населения, бобыли «сидели» на облегчённом оброке. Основные их занятия – обработка сельскохозяйственных продуктов и ремесло, чаще всего «сапожное дело». Нанимались они нередко в качестве слуг в церковных приходах, монастырях, а иногда и в дворах состоятельных крестьян. Так, писцовая книга 1625 г. зафиксировала в деревне Соколовской в дворе крестьянина Фролова «бобыля ево» Фёдора Яковлева [14. Л. 751].

Использовался в сельскохозяйственном производстве и наёмный труд. Писцовая книга 1678–1682 гг. зафиксировала в деревне Березницы Покровского прихода крестьянина Курбата Жировных, который обрабатывал пашню местного дьячка Никифора Журавлёва «из найма», также и у черносошного крестьянина Ивана Евстафьева сына Шевелёва, помимо 6 половников, имелся «работный человек... из найма» Тимофей Вологжанин [15. Л. 20; 7. С. 51–52]. Наймиты трудились и в хозяйствах других состоятельных крестьян. В деревне Волчица Ильинского прихода, например, у семьи Елезовых, которая особенно использовала их на «наезжей пашне» [15. Л. 251–253]. Наймиты, или срочные работники, вместе с другими категориями внутри черносошного крестьянства, свидетельствовали о социальной неоднородности сельского населения в нижневыхегодском регионе в изучаемый период.

Резюмируя всё вышесказанное, можно констатировать, что в черносошной деревне Сольвычегодского уезда в XVII в. в силу свободы земельной мобилизации и

расширения рыночных связей усиливалось имущественное неравенство, служившее исходной базой социальной стратификации и отрыва части крестьян от земли и собственного хозяйства. В регионе сложно переплетались

явления, свойственные усиливавшейся хозяйственной специализации территории Русского Севера в условиях развития товарно-денежных отношений в недрах ещё достаточно крепкой феодальной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 336 с.
2. Устюгов Н.В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. 1961. № 6. С. 60–79.
3. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда : Сев.-зап. кн. изд-во, 1976. 416 с.
4. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 308 с.
5. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 302 с.
6. Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М. : Изд-во АН СССР, 1960. 715 с.
7. Заболотская (Горбунова) К.А. Вилегодская волость Сольвычегодского уезда в XVII веке : дипломная работа / Моск. гос. историко-архивный ин-т. М., 1957.
8. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. Поместного приказа. № 1209. Писцовые и переписные книги. Оп. 1. Д. 448, 451, 452, 502, 503, 518.
9. Горская Н.А. Формы земельной собственности // Собственность в России. Средневековье и раннее Новое время. М., 2001.
10. Устюгов Н.В. Научное наследие. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. М. : Наука, 1974. 254 с.
11. Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. (XVI–XVII вв.). СПб. : Археогр. комис., 1898. 344 с.
12. РГАДА. Ф. Поместного приказа. № 1209. Писцовые и переписные книги. Оп. 1. Д. 502.
13. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М. : В.И. Касперов, 1884. Вып. 1 : Обычное право. 382 с.
14. РГАДА. Ф. Поместного приказа. № 1209. Писцовые и переписные книги. Оп. 1. Д. 446.
15. РГАДА. Ф. Поместного приказа. № 1209. Писцовые и переписные книги. Оп. 1. Д. 503.

Комиссаренко Аркадий И. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: arkadiy109@rambler.ru

SOCIAL STRUCTURE OF VILLEGODSKA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY.

Keywords: social structure; rural settlements; Lower Vychehga; market relations; 17th century.

The article is devoted to a current problem of studying of development of property and social differentiation in the city and the village during a transition era from medieval society to modern time in the conditions of formation of the All-Russian market. The author puts the task to reveal the structure of the population of the Lower Vychehga territory which belonged mainly to the government-controlled taxable lands and had been inhabited, mainly, by state peasants. In the article the social structure of rural settlements of the Lower Vychehga in the second half of the XVII century in connection with development of the market relations is investigated. The research is conducted on the basis of the sources which are stored in the Russian state archive of ancient acts. On the archival material of cadasters the level of social stratification of the region population is analyzed; the conditions contributing to the development of property and social inequality in the peasant village come to light; separate categories of country people are characterized. Social heterogeneity is considered as initial base for separation of a part of peasants from the land and own economy during the studied period. The author used such methods of scientific research as historical and comparative one; method of quantitative calculations and others. As a result of the conducted research the data allowing to speak in detail about heterogeneity of the country population and also to give the characteristic of various categories of the peasantry of the Russian North have been received. The author has elicited the fact of the partial and full dispossession of land which has captured over 1/3 of all population for the specified period and along with it the growth of number well-founded trade- people who were actively getting arable land is shown. The material characterizing existence of a number of categories of the peasants who had lost the lands and worked for owners is analyzed. In the article it is noted that in the peasant village of the Solvyehodsk County in the XVII century owing to freedom of land mobilization and expansion of market communications property inequality in the conditions of development of the commodity-money relations in the depths of still rather strong feudal system amplified.

REFERENCES

1. Ustyugov, N.V. (1957) *Solevarennaya promyshlennost' Soli Kamskoy v XVII veke. K voprosu o genezise kapitalisticheskikh otnosheniy v russkoy promyshlennosti* [The salt industry of Kama Salt in the 17th century. On the genesis of capitalist relations in Russian industry]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
2. Ustyugov, N.V. (1961) K voprosu o sotsial'nom rassloenii russkoy chernososhnoy derevni XVII v. [On the social stratification of the Russian chernososhnyy village of the 17th century]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 60–79.
3. Kolesnikov, P.A. (1976) *Severnaya derevnya v XV – pervoy polovine XIX v. K voprosu ob evolyutsii agrarnykh otnosheniy v Russkom gosudarstve* [Northern village in the 15th – first half of the 19th centuries. On the evolution of agrarian relations in Russia]. Vologda: Sev.-zap. kn. izd-vo.
4. Vvedenskiy, A.A. (1962) *Dom Stroganovykh v XVI–XVII vekakh* [The Stroganov House in the 16th – 17th centuries]. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.
5. Preobrazhenskiy, A.A. (1956) *Ocherki kolonizatsii Zapadnogo Urala v XVII – nachale XVIII v.* [Essays on the colonization of the Western Urals in the 17th – early 18th centuries]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
6. Merzon, A.Ts. & Tikhonov, Yu.A. (1960) *Rynok Ustyuga Velikogo v period skladyvaniya vserossiyskogo rynka (XVII v.)* [The market of Ustyug the Great in the period of the all-Russian market formation (the 17th century)]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
7. Zabolotskaya (Gorbunova), K.A. (1957) *Vilegodskaya volost' Sol'vyehodskogo uезда v XVII veke* [Vilegodsk Volost of Solvyehodsky district in the 17th century]. Graduate Thesis. Moscow: Moscow State Historical and Archival Institute.

8. The Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). Fund 1209. List 1. Files 448, 451, 452, 502, 503, 518.
9. Gorskaya, N.A. (2011) *Formy zemel'noy sobstvennosti* [Forms of land ownership]. In: Gorskaya, N.A., Danilova, L.V. et al. *Sobstvennost' v Rossii. Srednevekov'e i rannee Novoe vremya* [Property in Russia. The Middle Ages and Early New Age]. Moscow: Nauka.
10. Ustyugov, N.V. (1974) *Nauchnoe nasledie: Ekonomicheskoe razvitie, klassovaya bor'ba i kul'tura v Russkom gosudarstve v XVII v.* [Scientific legacy: Economic development, class struggle and culture in Russia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
11. Dyakonov, M.A. (1898) *Ocherki iz istorii sel'skogo naseleniya v Moskovskom gosudarstve. (XVI–XVII vv.)* [Essays of the rural population history in the Moscow state (the 16th – 17th centuries)]. St. Petersburg: Arkheogr. komis.
12. The Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). Fund 1209. List 1. File 502.
13. Efimenko, A.Ya. (1884) *Issledovaniya narodnoy zhizni* [Studies of National Life]. Moscow: V.I. Kasperov.
14. The Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). Fund 1209. Pistsovye i perepisnye knigi. List 1. File 446.
15. The Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). Fund 1209. Pistsovye i perepisnye knigi. List 1. File 503.

УДК 94(571.16)"1915/1917"
DOI: 10.17223/19988613/48/12

Е.Н. Косых

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЛНЕНИЯХ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И В РЕВОЛЮЦИОННОМ 1917 г.

Исследуются социально-экономические потери и перенапряжения в воюющей в Первой мировой войне с кайзеровской Германией и её союзниками России и её зауральской части – Томской губернии – в 1915–1917 гг. Анализируется государственное регулирование цен на продовольствие и предметы первой необходимости в эти годы в городах и сельской местности региона, говорится об усталости широких народных масс от многочисленных экономических «кризисов» и отсутствии у местной администрации продуманных комплексных мер их решения.

Ключевые слова: продовольствие; предметы первой необходимости; инфляция; фиксированные цены; социально-экономические волнения; карточная система; Первая мировая война; эмиссия бумажных рублей; политический кризис.

Позитивное освещение заявленной темы может дать дополнительный материал для рассмотрения проблем общественно-политической жизни, революционного движения в огромной по территории Томской губернии накануне и в знаменательном для нас до сих пор 1917 г., 100-летие которого отмечается в России в наши дни. Кроме того, эта тема недостаточно рассмотрена в работах сибирских историков. Известны лишь факты, приведённые в монографиях А.Н. Жеравиной [1. С. 53–56], Д.М. Зольникова [2. С. 3–208], Л.М. Горюшкина, Г.А. Ноздрина, А.Н. Сагайдачного [3. С. 3–316], В.П. Зиновьева, О.А. Харусь, Э.И. Черняка и В.А. Дробченко [4. С. 5–383].

Цель нашей статьи – создать максимально цельную, обобщённую картину ситуации, сложившейся в Томской губернии к 1917 г., исследовать социально-экономические потери, показать усталость широких народных масс губернии от разнообразных кризисов и отсутствие у местной администрации в 1915–1917 гг. продуманных комплексных мер их решения.

Источниковую базу исследования составил широкий круг разнообразных по содержанию и ёмкости архивных и опубликованных источников – делопроизводственные документы, справочные издания, периодическая печать, материалы личного происхождения. Методология и методика исследования включают в себя три основных уровня: общенаучный, общеисторический и конкретно-исторический. Исследование основывается на принципах историзма и объективности, в числе конкретно-исторических методов изучения использованы источниковедческий, историко-сравнительный, библиографический и историко-генетический.

Участие России в невиданной по своим масштабам Первой мировой войне вызвало сильнейшее напряжение сил, существенно отразилось на состоянии экономики страны. С августа 1915 г. устанавливаются государственные цены на сахар, осенью 1916 г. – на хлеб, на исходе этого же 1916 г. – хлебная развёрстка – квотированное распределение ещё не заготовленной муки между регионами, городами и воинскими частями.

В конце марта 1917 г. Временное правительство вводит государственную монополию на хлеб. К началу 1917 г. количество денег в России увеличилось в 6 раз, 1 рубль приравнивался к 27 довоенным копейкам. Производство промышленной и сельскохозяйственной продукции уменьшилось на 25% [5. С. 206, С. 26–36].

Аналогично развивались экономические процессы и в Томской губернии. В 1915–1916 гг. Томская городская дума, городское самоуправление в лице продовольственной комиссии начали квотирование (установление твёрдых цен) на многие продукты и товары первой необходимости, продаваемые через городские лавки и магазины. Но эта мера плохо помогала, цены стремительно росли [6. С. 26–27]. Заработная плата, или, как тогда называли, цена рук рабочих и служащих Томска, постоянно увеличивалась, но всё более и более отставала от цен на продукты и одежду. В январе–феврале 1917 г. она составляла уже менее 2/3 от довоенной, и это соотношение на протяжении всего 1917 г. постоянно ухудшалось.

Во второй половине 1916 г., как и в других крупных городах Сибири, для томичей были введены первые карточки на сахар, в январе 1917 г. – на муку.

В специальном «Воззвании к населению города Томска» от 13 января 1917 г. городской голова П.Ф. Ломовицкий объявил, что городская дума «в целях наилучшего обеспечения населения мукой в настоящее исключительное время» решила с 16 января ввести карточную систему. Мука должна была продаваться по «твёрдым» (фиксированным) ценам по 1 пуду в месяц на человека в лавках местных «мукомолов» – А.Е. Кухтерина, А.Д. Родюкова, Г.И. Фуксмана и А.В. Горохова [7. Л. 24–25]. Несмотря на то, что в «Воззвании» П.Ф. Ломовицкий объявил о том, что муки по талонам хватит всем, в городе, как всегда водится в таких случаях, началась паника, и у названных выше лавок выстроились огромные очереди по несколько сот человек [8. С. 2].

Одновременно, поскольку в Томске вводилась так называемая «ограничительная» карточная система, от-

личительной чертой которой являлась твёрдая постоянная норма, гарантия выдачи продукта, губернское продовольственное совещание 25 января установило «твёрдую» цену на пуд муки в 2,4 руб. (нефиксированная цена пуда муки колебалась перед этим в зависимости от сорта от 3,05 до 3,41 руб.) [9. Л. 32–36].

Цены эти считались довольно высокими, поскольку в январе 1917 г. слесарь получал от 3,5 до 4,0 руб. в день, столяр – от 1,5 до 2,0 руб., кузнец – от 2,5 до 4,0 руб., плотник – от 2,5 до 3,5 руб., каменщик – от 2,6 до 4,0 руб., землекоп – от 1,7 до 2,0 руб., чернорабочий – от 1,2 до 4,5 руб. и т.д. Мясо говяжье в то время стоило в Томске от 10 до 11 руб. пуд, крупа гречневая – от 6 до 8 руб. пуд, масло топленое – до 40 руб. пуд, масло сливочное – до 50 руб. пуд, четверть молока – до 1 руб., 100 яиц – до 6 руб., рыба свежая – до 16 руб. пуд, керосин – до 4 руб. пуд, воз сена – до 16 руб., погонная сажень дров – до 20 руб. и т.д. [10. Л. 109].

Цены на одежду, обувь и так называемую мануфактуру (ткани) установить в то время очень трудно, поскольку они почти полностью исчезли из продажи в местных лавках и магазинах не только в сельской местности, но и в таких уездных городах, как Бийск, Барнаул, Змеиногорск, Каинск, Кузнецк и Мариинск [11. С. 2].

Свершившаяся Февральская революция 1917 г. мало что изменила в хозяйственном, социально-экономическом положении рабочих, ремесленников и крестьян Томской губернии, нараставшие политические события не смогли изменить сложившиеся в 1915–1916 гг. тенденции в ценообразовании. Инфляция продолжала раскручиваться, цены по-прежнему росли, причём чем дальше, тем быстрее. Была введена такса (твёрдые цены) на мясо, а 9 марта 1917 г. Томский временный комитет общественного порядка и безопасности издал постановление, согласно которому из Томска запрещался оптовый вывоз товаров первой необходимости (мука, сахар, мясо, сало, колбасные изделия, рыба, дичь, масло, мануфактурные товары, готовое платье, кожа, обувь, гвозди, железные изделия и т.п.).

Все товары первой необходимости были таксированы, а новая продовольственная комиссия, большинство в которой составляли эсеры и меньшевики, постановила все товары, которые будут продаваться в магазинах сверх установленных цен, реквизировать и продавать во вновь организованной лавке по таксовой стоимости. При этом реквизированная обувь должна была продаваться на квартирах владельцев, махорка передавалась в местный совет солдатских депутатов для раздачи солдатам.

В мае 1917 г. губернским народным собранием была организована специальная комиссия по учёту хлебных запасов Томска, которой была поставлена задача взять под контроль хлебные запасы в городе посредством осмотра всех квартир жителей. Имевшиеся излишки муки реквизировались. Осмотр квартир производило 100 комиссий, каждая из которых состояла из офицера и солдата [12. С. 1].

Реквизировались и излишки тканей (мануфактуры). Так, в городские продовольственные лавки было передано около 80 тыс. аршин ситца, реквизированного в квартире бывшего служащего торгового дома «Михайлов и Малышев», из дома некоего Х.Н. Санкина – мануфактуры и обуви на 54 400 руб. К осени 1917 г. карточная система в Томске была распространена не только на сахар, но и на хлеб, мясо, ткани, обувь и сибирский дефицит – подошвы. Фиксированные цены на них плавно и периодически повышались [13. Л. 22–23]. Непомерными к концу года стали цены на ткани, одежду и обувь. К примеру, валенки и кожаные сапоги в Томске в декабре 1917 г. стоили 100–110 руб. за пару, что приближалось к месячной зарплате квалифицированного рабочего.

Приведённые цены – это фиксированные цены городских магазинов и лавок; базарные цены, конечно, были ещё выше и откровенно спекулятивны. Члены городской продовольственной комиссии, многие из которых работали в ней годами, констатировали в ноябре 1917 г. в «Воззвании к населению», что цены на продовольствие выросли в Томске с начала войны в 6–7 раз в магазинах и в 9–12 раз на базаре.

Рост цен диктовался дефицитом продуктов, одежды и обуви. К концу 1917 г. в Томске почти полностью исчезли баранина, свинина, чай, табак, хорошие сорта мыла, детская и женская одежда и обувь, галоши. Этот список при желании можно продолжить. Справедливости ради нужно сказать, что в большинстве уездных городов и сёл Томской губернии ситуация была ещё хуже. Об этом, в частности, говорилось на сельском собрании в Алексеевской волости Новониколаевского уезда в начале ноября этого же 1917 г. [14. С. 1]. Начавшиеся весной 1917 г. в Томске и других городах сахарные, мучные, мануфактурные, табачные, галошные и другие «хвосты»-очереди становились всё длиннее. После известных июльских событий в Петрограде в Томске появились «ночные хвосты». С наступлением холода ночные очереди у промтоварных, продовольственных магазинов и лавок создали ещё одну проблему – люди замерзали. С осени Томск, как и зимой 1916–1917 гг., испытывал острейший топливный кризис. Угля и дров в городе было совершенно недостаточно и они были дороги. К примеру, стоимость квадратной сажени дров выросла к этому времени с июня-июля 1914 г. с 4,4 руб. до 25–37 руб. [15. С. 1].

Раздражённые высокими ценами, долгосрочными, а то и ночными, стояниями в очередях за каждым фунтом хлеба, муки, сахара и другими «дефицитами», рабочие и ремесленники перешли к стихийным эксцессам. Терпение широких народных масс истощилось.

25 ноября 1917 г. у потребительской лавки кооперативного общества «Деятель» в Томске произошло волнение женщин-работниц. Часть женщин, отстоявших, по их словам, по 12 часов в очереди, увидели около лавки какие-то мешки. Произошла свалка, которую ликвидировала только прибывшая конная милиция.

16 декабря, около часа дня, собравшаяся около Думского моста толпа задержала 4 воза муки (в 200 пудов). На вопросы, откуда и куда везут муку, извозчики дали не удовлетворившие толпу ответы, а потому по требованию покупателей мука была сдана в ближайшую лавку А.В. Горохова и роздана по талонам участникам захвата. Как позднее выяснилось, мука принадлежала рабочим и служащим строившейся Кольчугинской железной дороги, была получена из Новониколаевска и перевозилась с вокзала на городской склад [16. С. 1].

Подобные эксцессы на почве подорожания и недостатка предметов первой необходимости и топлива наблюдались осенью и в начале зимы 1917 г. и в других населённых пунктах томской губернии и всей Сибири – Анжеро-Судженске, Новониколаевске [17. Л. 106], Барнауле [18. Л. 106], Иркутске [19. Л. 16–18], Чите [20. Л. 3].

Эти факты свидетельствуют не только об усталости широких народных масс, в первую очередь рабочих, ремесленников и крестьян, от различных продовольственных, промтоварных и топливных «кризисов», но и о невозможности административными мерами справиться с ними, развале местного хозяйства, неэффективности существовавшей в губернии карточной системы, призванной распределять среди населения продовольствие и другие товары и одновременно ограничивать их распределение.

Карточная система требовала продуманных комплексных мер, учёта множества факторов, в первую очередь численности и состава населения, объёма необходимых запасов, требовала и наличия подготовленного технического персонала, которого в полном смысле этого слова почти не оказалось. Революционное движение в губернии продолжало разрастаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск, 2010.
2. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982.
3. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907–1914 гг. : хроника и историография. Новосибирск, 1986.
4. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Томск, 2013. Т. I–II.
5. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985.
6. Томская губерния. Томск, 1917.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2983.
8. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 31 янв.
9. ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1210.
10. ГАТО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 3806.
11. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 20 марта.
12. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 19 окт.
13. ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 20.
14. Голос свободы (Известия Томской губернии) (Томск). 1917. 12 нояб.
15. Путь народа (Томск). 1917. 25 окт.
16. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 20 дек.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 75. Д. 792.
18. Государственный архив Алтайского края. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4.
19. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-94. Оп. 2. Д. 1.
20. Государственный архив Читинской области. Ф. 226. Оп. 1. Д. 50.

Kosyh Eugenie N. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: history@tsuab.ru

SOCIAL AND ECONOMIC UNREST AMONG THE POPULATION OF TOMSK PROVINCE ON THE EVE AND IN REVOLUTIONARY 1917.

Key words: food; essential; inflation; fixed prices; social and economic unrest; rationing arrangements; World War I; Issue of paper rubles; Political crisis.

The aim of the article is to create the most generalized research of social and economic loss and discontent of people from unstable development of economy, and also inability of local administrations to solve those problems that led eventually to surge in revolutionary movement in the region. Positive interpretation of the topic can give additional material for consideration of problems of social and political life, revolutionary movement in Tomsk province. Besides, this subject has been insufficiently considered by A.N Zheravina, D.M. Zolnikov, L.M. Goryushkin, G.A. Nozdrin. The source base of our research was made of a wide range of various sources: current records, reference works, periodical press, materials of a personal origin. The methodology and research technique include the principles of objectivity and historicism; historiographic, comparative historical, genetic historical and bibliographic methods have been used. While conducting the research, the author had come to the conclusions: in 1915–1916 municipal and rural government and the Food Commissions of Tomsk province began the perforce establishment of the stationary prices for the main products and essentials through local street-stands and shops, but that measure helped badly, the prices grew quickly. The salary, or as it was called “the price of working hands”, was constantly increasing, more and more lagging behind the prices for food and clothes. The second half of 1916 was marked with introduction of food stamps on sugar in provincial Tomsk and the district cities, and in January, 1917, food stamps on flour were added. The settlements panicked, the street-stands and shops were enclosed with numerous queues, including night-time. By the fall of 1917, Tomsk rationing arrangements had been extended to bread, meat, fabrics, footwear, and even to new soles for boots. The fixed prices for them had been increasing smoothly and periodically. In November, 1917, the members of Tomsk municipal food commission noted in “The appeal to population” that food prices in shops had increased by a factor of 6-7 since the second half of 1914, and food prices in the markets had increased by a factor of 9-12. For that reason, not incidental, but constant social and economic disorders and

excesses had begun not only in the cities, but also in the rural areas of Tomsk province since the fall of 1917. Revolutionary movement in the region continued to expand, spreading through the new cities, rural communities and villages.

REFERENCES

1. Zheravina, A.N. (2010) *Tomsk vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam dorevolutsionnoy pechati)* [Tomsk of the second half of the 19th – early 20th centuries (based on pre-revolutionary press)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zolnikov, D.M. (1982) *Rabochie Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny i Fevral'skoy revolyutsii* [Workers of Siberia during the First World War and the February Revolution]. Novosibirsk: Nauka.
3. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A. & Sagaydachnyy, A.N. (1986) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri. 1907–1914 gg.: khronika i istoriografiya* [The peasant movement in Siberia. 1907–1914: Chronicle and historiography]. Novosibirsk: Nauka.
4. Zinoviev, V.P. & Kharus, O.A. (eds) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [Social and Political Life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kitanina, T.M. (1985) *Voyna, khleb i revolyutsiya (prodovol'stvennyy vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.)* [War, Bread and Revolution (The Food Problem in Russia, 1914 – October 1917)]. Leningrad: Nauka.
6. Anon. (1917) *Tomskaya guberniya* [Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.].
7. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 127. List 1. File 2983.
8. *Sibirskaya zhizn* (Tomsk). (1917a) 31st January.
9. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List. 1. File 1210.
10. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 3. File. 3806.
11. *Sibirskaya zhizn* (Tomsk). (1917b) 20th March.
12. *Sibirskaya zhizn* (Tomsk). (1917c) 19th October.
13. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund R-1138. List 1. File 20.
14. *Golos svobody (Izvestiya Tomskoy gubernii)*. (1917) 12th November.
15. *Put' naroda (Tomsk)*. (1917) 25th October.
16. *Sibirskaya zhizn* (Tomsk). (1917d) 20th December.
17. The Russian State Historical Archive. Fund 37. List 75. File 792.
18. The State Archive of the Altai Territory. Fund 229. List 1. File. 4.
19. The State Archives of Irkutsk Region. Fund R-94. List 2. File 1.
20. The State Archives of Chita Region. Fund 226. List 1. File 50.

УДК 94(470)"1877/1883"

DOI: 10.17223/19988613/48/13

В.Я. Мауль

КАК ПОССОРИЛИСЬ ИВАН ИВАНОВИЧ С ЕГОРОМ ГАВРИЛОВИЧЕМ (ИЗ ИСТОРИИ ЯКУТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ)

На примере ссоры политссыльного малороссийского крестьянина Пискового и жулейского родовича якута Абрамова рассмотрены некоторые особенности якутской политической ссылки начала 1880-х гг. Показано влияние колонизационных идей царского правительства и усиления в стране полицейских репрессий на отношения между коренными жителями Якутской области и сосланными туда государственными преступниками. На основе неопубликованных источников из фондов четырех государственных архивов страны впервые выясняются неизвестные подробности биографии одного из крестьянских вожаков «Чигиринского заговора». Показано взаимовлияние судьбы малозаметного в историческом масштабе человека и больших политических процессов в виде движения революционного народничества.

Ключевые слова: Якутия; политическая ссылка; «Чигиринский заговор»; Киевская губерния; государственные крестьяне; революционное народничество; Жулейский наслег; Батурусский улус; ссора.

В основе статьи лежит, казалось бы, вполне банальный сюжет — ссора, произошедшая в августе 1882 г. между политическим ссыльным малороссом Иваном Ивановичем Писковым и родовичем Жулейского наслега Батурусского улуса якутом Егором Гавриловичем Абрамовым¹. Ее непростые коллизии какое-то время были предметом разбирательства в Якутском окружном полицейском управлении и окружном суде. Детонаторами происшествия, как нередко бывает, стали «квартирный вопрос», ревность и алкоголь. Находясь в нетрезвом состоянии, Абрамов заподозрил Пискового, ранее назначенного к нему на постой, в интимных отношениях со своей женой Марфой. 12 августа, сначала как следует отлупив для острастки жену, он решил разобраться с предполагаемым «Дон Жуаном», вздумавшим за нее заступаться. Со слов Пискового, пытаясь ворваться к нему в помещение, Абрамов «начал до того сильно стучать» палкой в дверь, «что от полена кусок отломился, и кричал, угрожая мне за то, что я будто бы скрываю его семейство». Как водится в таких случаях, дело закончилось мордобоем. Абрамов «схватил у дверей моей квартиры громадный кол и <...> ударил меня этим колом по голове так сильно, что я тут же упал без чувств. Сколько раз он ударил меня лежащего — я не помню, но когда я немного пришел в себя и захотел подняться, то почувствовал упадок сил и боль в голове, в правой лопатке и в ногах» [1. Оп. 1. Д. 5098а. Л. 6 об., 16, 16 об., 17].

При всей кажущейся обыденности эпизода, его, между тем, нельзя свести только к личной неприязни двух взрослых мужчин, не сумевших поделить одну женщину. На поверку, их конфликт имел глубокие социально-политические, экономические и иные корни, выявление и рассмотрение которых является целью нашего исследования.

Пятью годами ранее, в 1877 г., в Киевской губернии, вдалеке от суровых якутских окраин, 44-летний отставной фельдфебель Писковой был вовлечен в «Чи-

гиринский заговор» в среде государственных крестьян, инициированный группой революционеров во главе с Яковом Стефановичем. Провал «хождения в народ» заставил их осознать, что стихию крестьянского бунта можно разжечь лишь при опоре на традиционный монархизм социальных низов. Аксиоматично противопоставлявший «доброе» царя его «злым» слугам, он породил в пореформенной деревне лавину слухов о существовании «милостивого» царского указа, скрываемого чиновниками и господами. На этот ключевой психологический фактор Стефанович с товарищами решили сделать главную ставку [2, 3].

Прикинувшись царскими комиссарами, с помощью подложных грамот от имени венценосца они сумели убедить чигиринцев, что тот якобы повелел создать подпольное общество «Тайная дружина» и добиваться справедливого земельного передела. С этой целью предполагалось восстание «против дворян и других высших сословий для отобрания от них насильно земель, а также для уничтожения повинностей и налогов, установление которых приписывается дворянству». Будучи православными монархистами, более тысячи крестьян, «вошедших в состав преступного сообщества», не усомнились в том, что «комиссары» «действительно посланы к ним от самого Государя Императора, и были убеждены, что, входя в состав «Тайной дружины», они исполняют тем Высочайшую Волю». Выступление намечалось на праздник Покрова (1 октября). Однако еще на стадии его подготовки самозванческая интрига «южных бунтарей» была разоблачена. Основная масса «дружинников», «удостоверившись в том, что они были жертвою бессовестной эксплуатации со стороны пропагандистов, представили самые точные, полные и чистосердечные объяснения» [4. 1877 г. Д. 262. Ч. 2. Л. 5, 5 об., 7 об.; 5].

Лишь несколько крестьянских вожаков — Михаил Гудзь, Феодосий Заболотный, Филат Лещенко, Феодосий Чепурной, Степан Шутенко и др., словно профес-

сиональные заговорщики, попытались скрыться от преследования. В числе беглецов оказался и Писковой, ранее бывший «деятельным последователем целей сообщества» и не ждавший никакого снисхождения от сильных мира сего. В результате предпринятых полицией энергичных мер 6 июня 1877 г. он был задержан «старшиною и писарем Липовской волости Чигиринского уезда в г. Новогеоргиевске». При аресте раздосадованный Писковой, не сдержав эмоций, сгоряча сразу озвучил свою «программную» позицию – «он почитает Бога и Царя, но что никаких властей знать не желает и повиноваться им не будет» [6. Оп. 1. Д. 477. Л. 69 об., 95 об., 99 об.].

Исправлять впечатление, произведенное искренними, но неосторожно вырвавшимися словами, пришлось уже во время допросов. Оказавшись с глазу на глаз с блюстителями закона, он попытался прибегнуть к социальной мимикрии и сыграть роль простодушного сельского мужичка, не до конца разобравшегося в сложной ситуации. Писковой «признал себя виновным лишь в том, что, будучи введен в заблуждение крестьянами Степаном Шутенко и Лазарем Тенеником, он выполнил тайную присягу, им самим при означенных лицах прочитанную, и поступил в число дружинников, чтобы подать прошение Государю Императору о переделе земли». Не оценив его актерских способностей, вершителю правосудия не смогли или не захотели принять очевидную для Пискового и других крестьян логику, что при чтении подразумеваемых царских грамот он увидел «устав печатный и на нем изображено имя Государя», а потому никак «не мог заподозрить обмана или подлога, и поверил, что такова действительно воля Государя» [6. Оп. 1. Д. 477. Л. 75 об., 84 об.].

Вопреки его отчаянным усилиям следствие неопровержимо доказало намного более значительную роль Пискового в делах «Тайной дружины». Помимо прочего, ему обоснованно инкриминировалось, что он лично привел к присяге «на вступление в сообщество весьма многих крестьян» (до 200 человек), а также внушал им необходимость «иметь для каждого оружия и заготовить пики..., и что следует бороться с оружием в руках с чиновниками и дворянами». Признанный судом одним из «главных руководителей сообщества, при том более развитых, нежели прочие соучастники совершенных ими преступлений», Писковой, предварительное отсидевший по тюрьмам почти четыре года, в конечном счете был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири [Там же. Л. 99, 108–108 об., 124].

Неоправданная суровость судебных инстанций, судя по всему, зеркально отразила растерянность правящих кругов, понесших серьезные потери в боях с революционным подпольем. На фоне февральского царевубийства меркли даже такие яркие мишени народного террора 1878–1880 гг., как Н.В. Мезенцов, Д.Н. Кропоткин, Г.Э. Гейкинг, А.Р. Дрендель, Ф.Ф. Трепов, М.М. Котляревский и др. Озлобленные неудачами, полицейские органы без особого разбора

обрушили шквал репрессий на общество [7]. И хотя сидевшие под арестом чигиринцы были заведомо не причастны к терактам, а убийство помазанника Божия могло лишь ужасать их своим кощунством, пришлось платить по чужим счетам. Таким образом, житель украинского села Мордва Писковой официально зачислялся в разряд государственных преступников и должен был разделить нелегкую участь собратьев по несчастью. Первым делом его перевели из Киева в Мценскую пересыльную тюрьму, которая служила сборным пунктом для отправки каторжан и ссыльнопоселенцев к местам назначения. В тот момент в ней содержались видные революционеры Петр Алексеев, Порфирий Войнаральский, Александр Долгушин, Сергей Ковалик, Ипполит Мышкин и ряд других. Не каждый из них одобрял аморальные методы своих товарищей, использованные в «Чигиринском заговоре» [8]. Общение с такими принципиальными противниками самодержавия позволяло Писковому по-новому задуматься и в ином свете взглянуть на самозванческую авантюру Стефановича, свое участие в ней и на последствия всей этой, как изначально казалось, промонархической затеи.

Именно отсюда, из Мценска, 18 мая 1881 г. начался скорбный путь Пискового через всю страну длиной в несколько месяцев и тысячи километров. В составе партии политических узников, в ножных кандалах и с выбритой половиной головы, он препровождался по маршруту и расписанию, утвержденным главным инспектором пересылки арестантов генерал-майором Н.Н. Гавриловым: Москва–Нижегород–Пермь–Екатеринбург–Тюмень–Томск–Ачинск–Красноярск [9. Оп. 4. Д. 964. Л. 16–22 об.].

В общей группе политссыльных вместе с Писковым находились хорошо знакомые ему крестьянские активисты «Чигиринского заговора» Лазарь Тененик, Кузьма Прудкий и атаман «Тайной дружины» отставной унтер-офицер Ефим Олейник. Неожиданная развязка событий с их участием стала настоящей трагедией для чигиринцев, и им было о чем поговорить «на досуге». В частности, о природе своих бесхитростных заблуждений, поведении на воле и в неволе или же обсудить совместную челобитную, с которой они обращались к «милостивому» монарху еще из стен Киевского тюремного замка в безутешной надежде на высочайшее заступничество за «несчастных своих верноподданных» [10]. Впрочем, первые двое крестьян составляли «компанию» недолгие две недели – до Тюмени, куда добрались 1 июня. А затем по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Г.В. Мещерникова Тененик и Прудкий были распределены соответственно в города Березов и Туринск Тобольской губернии [11. Л. 508, 516; 12. Л. 2–2 об.]. Оставшаяся часть политических арестантов (кроме трех задержавшихся в Томске по болезни), согласно инструкции главного пересыльного начальства, по прибытии 13 июля в Красноярск поступила в непосредственное ведение генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина. По его

указанию их должны были отправлять «далее на Иркутск и в другие места тем порядком, какой, по местным условиям, признается им более соответствующим и удобным цели исправного доставления преступников по назначению» [9. Оп. 4. Д. 964. Л. 20–20 об.].

В то время как Писковой, оставив Красноярск позади, перемещался по этапу в Иркутск, там уже решилась его дальнейшая судьба. Управляющий Иркутской губернией И.К. Педашенко в рамках предоставленных ему прав в «предложении» от 19 августа 1881 г. определил Пискового и Олейника для поселения в местности Якутской области по усмотрению тамошнего губернатора Г.Ф. Черняева, с учреждением на месте их пребывания «надлежащего полицейского надзора на общем основании о ссыльных этой категории». Прибыв 2 ноября в город Якутск, Писковой получил распределение на жительство в Жулейский наслег Батурусского улуса, куда и был отправлен «за надлежащим конвоем» два дня спустя. Решением областных властей его разлучили с последним сколько-нибудь близким человеком – Олейником, причисленным ко 2-му Игидейскому наслегу Батурусского улуса. Поскольку обоим объявили о строжайшем запрете «самовольных отлучек из мест их причисления», между бывшими соратниками снежной стеной пролегли тридцать верст расстояния. Седьмого числа того же месяца, преодолев за полгода несколько тысяч километров трудных дорог, Писковой достиг назначенной цели, где и познакомился со своим домохозяином родо-вичем Абрамовым [13. Оп. 15. Д. 61. Л. 3–3 об., 5–5 об., 17–17 об., 23–23 об.; 14. Оп. 1. Д. 19. Л. 51].

Отбывать ссылку предстояло в экстремальных для уроженца Правобережной Украины климатических и бытовых условиях необжитого Севера, где плотность населения даже в самом благополучном Якутском округе была 1 человек на 5,17 квадратных версты, а в Колымском – на 105,6. Из отчета якутского губернатора за 1881 г. можно узнать состав населения области, сложившегося «из различных племен <...> частью пришлых, частью коренных обитателей, которые по своей разрозненности до сих пор не слились в одно целое, а, напротив, сохранили все особенности своего быта, что отразилось не только на внутренней их жизни, но и на внешней». В национальном отношении это были русские, чукчи, тунгусы, но в основном якуты, занимавшие «всю плоскую часть Якутской области». По оценке губернатора, «нет другого племени, которое было бы так мало расположено к общественной жизни, как якуты: они никогда не селятся селами, даже редко можно встретить две, три юрты, стоящие близко друг к другу, и редко до десятка в одной местности; юрты расположены большею частью по опушке леса и отстоят верст на 5 и более, даже за 100 верст одна от другой; причина этого обычая кроется в самом промысле – скотоводстве; каждый якут владеет покосным лугом и селится вблизи его; так как расстояния велики, то якут редко посещает своих соседей» [13. Оп. 1. Д. 2732. Л. 96, 97 об.].

Специфика якутской жизни должна была удручающе действовать на пожилого ссыльного крестьянина, привыкшего к иным хозяйственному укладу и социокультурной реальности. Все здесь было непохожим на общинную организацию родных украинских деревень, где при мягких климатических условиях² «многочисленное сельское население ведомства государственных имуществ» раскинулось «почти непрерывною цепью хуторов и поселков» и было связано между собой «круговым поручительством» при заглавной роли сельского схода и мирского приговора [4. 1875 г. Д. 144. Л. 20 об., 22 об.].

Кроме того, и прежде не знакомый с финансовым достатком и материальным изобилием Писковой и другие ссыльнопоселенцы оказались в Якутии на грани физического выживания. Ежемесячного казенного пособия в размере 6 рублей, по его собственному признанию, «едва-едва хватает на пропитание» [13. Оп. 15. Д. 61. Л. 28]. Но и это вспомоществование поступало нерегулярно и с задержкой. Батурусская инородная управа не раз была тревогу, что подведомственные ей государственные преступники, «не получая выдаваемых им казенных кормовых денег, терпят крайний недостаток в продовольствии себя», поэтому «некоторые из них, в видах таких критических обстоятельств, говорят: “что вынуждены будут уйти в город, чтобы не умереть с голоду и не нищенствовать”» [1. Оп. 20. Д. 28. Л. 69, 81–81 об.].

Имманентная народному сознанию горькая мудрость «до Бога высоко, до царя далеко» приобретала в якутской ссылке прямое семантическое наполнение. Не понимавший уже, кому можно пожаловаться и на что надеяться, Писковой в марте 1882 г. так характеризовал свое «бедственное положение»: «Лишенный, при своих преклонных годах, всякой поддержки и ухода, среди людей, не понимающих по-русски, в 300 верстах от г. Якутска, и не имею возможности, при местных условиях, <...> значительно ухудшивших мое и без того слабое здоровье, – заниматься единственно доступною мне работою, именно сельским хозяйством, каковое можно вести с большим или меньшим успехом только при пособии семейства. Между тем как семейство мое, вследствие громадного расстояния, трудностей дороги и по своей бедности, не в состоянии прибыть ко мне в Якутскую область, в Иркутскую же губернию семейство мое приехало бы, как оно мне это обещало». Писковому, наблюдавшему изо дня в день наводящие уныние якутские пейзажи, Иркутская губерния с ее чуть менее суровым климатом и преобладанием русскоязычного населения теперь казалась буквально землей обетованной. О скорейшем переводе туда он с надеждой ходатайствовал перед вышестоящим начальством. Тяготила и затянувшаяся на годы разлука с семьей, состоявшей из жены Капитолины, трех взрослых (Зиновий, Никита, Ефимия) и шести младших (Иуда, Никифор, Иов, Мария, Матрена, Любовь) детей, о судьбе которых он не мог не тревожиться [13. Оп. 15. Д. 61. Л. 15, 28].

Не самое радужное настроение ссыльнопоселенца едва ли улучшилось известием, что лишь по нелепой

случайности его с товарищем занесло в эти забытые людьми и Богом края. Выяснилось, что, вопреки своему первому волеизъявлению, Педашенко еще в октябре 1881 г. разрешил оставить Пискового и Олейника на поселение в Иркутской губернии. Но, увы, их успели отправить «в прежнее место назначения, Якутскую область, еще до воследования приведенного выше распоряжения». По разъяснению досадного недоразумения обоим было обещано, что если они «пожелают сказанного перевода в Иркутскую губернию и на совершение переезда до места водворения в оной, вместе с конвоем, имеют собственные средства, то к удовлетворению одного желания будет сделано соответствующее распоряжение». Однако от «заманчивой» перспективы пришлось отказаться. Писковой с печалью отметил, что «при всем моем желании перевестись в Иркутскую губернию, я не имею к тому решительно никаких средств» и только «покорнейше прошу, от кого это зависеть будет, перевести меня из Якутской области в Иркутскую губернию, если невозможно на казенный счет в сопровождении жандарма, то этапным порядком под сельским присмотром». Но подобный расклад не устроил уже якутского губернатора Черныева, постановившего, что прошения Пискового и Олейника «о переводе в сказанную губернию» должны быть оставлены в нынешнем «положении, впредь до изыскания ими средств на этот предмет» [13. Л. 21, 26–26 об., 28, 30 об.; Д. 60. Л. 23–23 об., 25–25 об.].

Многое указывает на то, что частые удары судьбы, воспринимавшиеся как нескончаемая череда безвинных испытаний, травматически влияли на нервную систему и психику свободолюбивого крестьянина, провоцируя депрессивное состояние, пессимистический взгляд на происходящее и потерю интереса к привычной деятельности. По сложившимся обстоятельствам их оборотной стороной могла оказываться внезапная раздражительность, способная при малейшей искре взорваться приступом безудержного гнева. Под такую горячую руку, не исключено, не раз попадал жулейский родович Егор Абрамов. По крайней мере, сам он по опыту общения с постояльцем был уверен, что его агрессивное поведение обусловлено «какою-то свирепостью и отчаянным настроением». В свою очередь, Писковой также ставил в вину Абрамову, что за девять с лишним месяцев, проведенных в Жулейском наслеге, «претерпел» от того «много неприятностей». Уверял, что «по возможности сторонился от него, чтобы не вступать с ним в пререкания, могущие и могшие кончиться не совсем мирным образом» [15; 1. Оп. 1. Д. 5098а. Л. 6 об., 16, 16 об.].

Противоречивые, но не взаимоисключающие версии свидетельствуют, что очертания грядущей ссоры постепенно становились все более конкретными и осязаемыми. Видимо, до поры до времени удавалось выплескивать эмоции в мелких придирках и словесных перебранках. Но наконец наступил злополучный день 12 августа, когда скопившаяся деструктивная энергия

вырвалась наружу. В изображении Пискового, жившего с недавних пор «в отдельном помещении», Абрамов «без всякого с моей стороны повода произвел буйство, жертвою которого стал, между прочим, и я». Надо заметить, что факт побоев был подтвержден разбирательством в Жулейском родовом управлении через три дня после драки. В качестве вещественного доказательства фигурировала «лиственничная палка» с обломанным концом, «длиною около 2 аршин и имеющую в обхвате более 3 вершков». Ею, по словам Пискового, «орудовал Абрамов, а последний показывает, что это именно Писковой бил его». Но «запирательство» якута опровергалось телесным осмотром скандалистов. Согласно акту обследования, у Пискового «на голове над левым виском рассечена черепная кожа, длиною около вершка, с значительною опухолью и большим количеством крови на волосах; и на правой лопатке синевица от ушиба». Кроме того, «на полотняной рубаше, на сером суконном пальто и на полотенце, которым обтирался, много пятен засохшей крови». В отличие от избитого Пискового, Егор Абрамов был «по-видимому, совершенно здоров; на коже правой руки незначительная опухоль, на среднем пальце оной поперечная узкая рана, очень незначительная же, больше никаких признаков ушиба нет». Да и одежда его «не представляет ничего особенного» [1. Оп. 1. Д. 5098а. Л. 16, 16 об., 18 об., 19, 19 об.].

Казалось бы, улики неоспоримо указали на Абрамова как главного и единственного бузотера. И тем не менее не будем спешить с возведением всех мыслимых и немыслимых грехов на пьяного и ревнивого драчуна. У него тоже были своя правда, свои субъективные и объективные причины для переживаний и недовольства сложившейся ситуацией. Дело в том, что к 80-м гг. XIX в. реализация колонизационных переселенческих идей царской администрации привела к невиданному ранее наплыву в Якутскую область каторжан и ссыльнопоселенцев, содержание которых тяжелым бременем легло на плечи коренного населения. Согласно официальной статистике, в течение 1880, 1881, 1882 гг. и трех месяцев 1883 г. сюда прибыло соответственно 221, 260, 254 и 267 пересыльных арестантов. Глава Батурусского улуса Павел Протодяконов в рапорте от 4 августа 1883 г. насчитывал на своей территории: «Ссыльных поселенцев с семьями Мужеска 559, Женска 61; Государственных преступников Мужеска 21, Женска 1; Семейства их Мужеска 1, Женска 5 душ» [13. Оп. 1. Д. 2755. Л. 12; Д. 2988. Л. 1].

К сожалению, не каждый из них отличался кротким нравом и таким же поведением. Более того, незнание «туземного языка якутов, усвоенные ими дурные привычки, <...> грубость и безнравственность, все эти дурные качества ссыльных несколько не сближают их с местным населением, а, напротив, отдалают их друг от друга». По сведениям Якутского окружного исправника И.В. Пиневица, все они, будучи «причисляемы в среду иноверцев, положительно не имеют при себе ни

одежды, ни рабочих инструментов и вообще никаких средств к своему личному пропитанию, равно не имеют никаких способностей и ни малейшего желания к какому-либо труду» [13. Д. 2732. Л. 89 об.; Д. 2755. Л. 61–61 об.]. Информация полицейского чиновника находит подтверждение в ежемесячных донесениях Батурусской инородной управы «об образе жизни государственных преступников», включая Пискового и Олейника. Например, в ноябре 1881 г. названные в донесении 13 человек «ведут себя хорошо», но только Загibalов и Гросс заняты производительным трудом, «а прочие ничем, а пропитываются получаемым из казны пособием». Через год (декабрь 1882 г.): из упомянутых 20 ссыльных «Загibalов и Тютчев занимаются хозяйством, а прочие ничем, а пропитываются получаемым из казны пособием». Неутешительная констатация содержится также в донесениях за январь, февраль 1883 г. и позднее [14. Оп. 1. Д. 10. Л. 105 об.; Д. 19. Л. 1 об., 17–18, 35–36].

При таком порядке вещей неудивительно, что не прекращавшаяся приписка доставляла большие неудобства якутам, «у которых затрагивается их имущественный интерес, и происходят громадные расходы всех вообще жителей поголовно». Однако «из опасения, чтобы подобные ссыльные, как ничего не имеющие и не способные ни на что, не решались на пагубства, разбои, грабежи, кражи и другие преступления», инородческие общества «постоянно снабжают их необходимой одеждой и кормят пищей, назначая на постой по очереди в юрты инородцев». По примерным подсчетам, «если бы такая натуральная повинность была переведена на деньги», то ее размер составил бы в месяц около 20 руб. на пропитание каждого из арестантов, зачастую требовавших «с угрозами хлеба, мяса, масла, молока, чаю и проч.», а еще порядка 10–15 руб. на необходимую им одежду. Немало горя местным обывателям доставляли такие безобразные выходки ссыльных, как «изнасилования и оскорбления женской чести», о которых якуты предпочитали умалчивать «по присущему чувству стыдливости и позора в случае оглашения со стороны пострадавшей» [13. Оп. 1. Д. 2755. Л. 61 об., 62, 63 об., 64].

Понятно, что большая часть криминальных эксцессов должна быть отнесена на долю уголовных элементов, которым, за исключением «дряхлых и увечных», вообще не полагалось никакого денежного пособия, но при этом тоже приходилось как-то выживать в якутской неволе. Да и немощным преступникам выдавалось «из экономического поселенческого капитала» всего по 36 руб. 50 коп., т.е. чуть более трех рублей в месяц. К тому же уголовники имели значительный численный перевес над политссыльными. По данным Якутского окружного полицейского управления, в 1882 г. в округ «поступило ссыльных государственных преступников 14 человек, сосланных за обыкновенные преступления 224 чел.». Соотношение по другим годам мало отличалось от вышеуказанного. Тем не менее незавидная

репутация уголовных поселенцев невольно бросала тень на политических арестантов. В любом случае они оказывались для якутов источником материального обременения и, следовательно, повышенной эмоциональной возбудимости. Возникавшие на этой почве трения не носили единичного характера. Среди всех преступлений, совершенных в Якутской области в 1881 г., выяснения отношений путем рукоприкладства занимали третье место, и в дальнейшем ситуация не улучшилась. Областной администрации пришлось разбираться с потоком «частных жалоб, проистекающих от столкновений отдельных лиц, между поселенцами и инородцами» [Там же. Д. 2732. Л. 88, 98; Д. 2755. Л. 64]. Одним из таких типовых случаев следует считать ссору «Ивана Ивановича с Егором Гавриловичем», для которой нашелся вполне основательный житейский предлог, ибо якуты «очень ревнивы, и если муж узнаёт о сожительстве своей жены с другим, то результат бывает очень плачевный для жены; он обыкновенно кончается драками и ссорами, а затем жалобами родовому управлению» [16. С. 16–17].

Задним числом жулейский родович в прошении на имя «всепресветлейшего, державнейшего, великого государя императора», возможно, не без оснований заявлял, что его антагонист, «причисленный в мой Жулейский наслег», «старается предпринять все меры к уничтожению меня» и выражает это стремление «публично, никого не стесняясь». Якобы в ноябре «во время общественного собрания Писковой довольно поздно вкравшись чрез хотон³ в дом родового управления, требовал настойчиво от выборного Батурусской инородной управы Ивана Слышова допустить его ко мне». При этом явно не с самыми добрыми намерениями он «что-то имел в руках, но скрывал». Ссылаясь на всеобщую осведомленность об их «неприятных отношениях», но умалчивая о мотиве мести за жестокое избиение, Абрамов «за достоверное» полагал, что «преступник Писковой решил во что бы то ни стало лишить меня жизни». В связи с чем в декабре 1882 г. всеподданнейше просил подвергнуть «законной ответственности, преследуя его уголовным порядком». 22 февраля 1883 г. в Якутском окружном суде было открыто дело «по прошению якута Батурусского улуса Жулейского наслега Егора Абрамова о намерении лишить его жизни и об обиде, ему нанесенной государственным преступником Иваном Писковым». Однако в силу бюрократической волокиты рассмотрение дела продвигалось неспешными темпами. Только 22 марта последовал указ окружного суда, на основании которого через неделю полицейское управление предписало земскому заседателю 2-го участка Якутского округа Антоновичу произвести формальное следствие. Еще через месяц, 24 апреля, входя в рассмотрение обстоятельств конфликта, Антонович неожиданно обнаружил, что тяжущиеся стороны уже пришли к консенсусу и дали «обоюдную подписку» в том, что дело это они «покончили миром», а впредь обязывались его не воз-

обновлять. Антоновичу не оставалось ничего иного, как, не приступая к производству следствия, все собранные по делу материалы «представить в Якутское окружное полицейское управление, исключив таковое из отчетности по 2-му участку» [1. Оп. 1. Д. 5098а. Л. 6–6 об., 7, 11–11 об., 12–12 об., 24–24 об.].

Найденные архивные документы не сообщают о дальнейших отношениях недоброжелателей. Но в любом случае время взаимных разборок подходило к концу. Вследствие ходатайства якутских властей генерал-губернатор Восточной Сибири «нашел возможным перевести на жительство в Иркутскую губернию <...> в числе прочих государственных преступников Ефима Олейника и Ивана Пискового». На этом основании в середине июля 1883 г. в сопровождении унтер-офицера Карзенникова и рядового Андреева Писковой был отправлен и 14 августа прибыл на поселение в г. Верхоленинск, где началась новая страница его непростой биографии [13. Оп. 15. Д. 61. Л. 48а–48а об.; 14. Оп. 1. Д. 19 Л. 145–145 об.].

Что касается наследного родовича Абрамова, то спустя несколько лет он стал фигурантом громкого уголовного процесса. В апреле 1892 г. Якутский окружной суд приговорил его к 11 годам каторжных работ за убийство другого политссыльного – известного революционера Петра Алексея [17].

Подводя итоги, замечу, что ссора ссыльного крестьянина Пискового с жулейским родовичем Абрамовым, насыщенная множеством красочных нюансов, сама по себе достойна научного интереса. Однако проведенное исследование показало, что при всей занимательности сюжета она лишь на первый взгляд выглядит случайным бытовым казусом, приключившимся внутри любовного треугольника. Иначе говоря, пресловутого «cherchez la femme» недостаточно для понимания сути разгоревшегося конфликта, в котором острые субъективные эмоции участников стали подспудным индикатором объективных социально-политических, экономических и иных противоречий общественной жизни.

Искреннее недоумение чигиринцев, выступивших от имени и в поддержку царя и за это же наказанных, переплеталось с усилением правительственных репрес-

сий против революционного движения. Ситуация усугублялась тяготами коренных жителей Якутской области, ставшей центром массового притока ссыльных, чье содержание обременяло местное население. Культурный диссонанс между теми и другими выступил в качестве еще одного катализатора социальной напряженности, выливавшейся в частные противоречия в виде словесных оскорблений, драк, побоев и увечий, превратившихся в достаточно заурядное явление в истории якутской ссылки.

Исправление ситуации, по существу, зависело от готовности или не готовности царской администрации пересмотреть некоторые принципы своей политики, допустим, намерения за счет ссыльных и каторжан (прежде всего, уголовников) увеличить плотность населения и экономическую отдачу региона, о чем тогда шли бурные дебаты на страницах сибирской прессы.

Еще одним умиротворяющим фактором могло бы стать снижение градуса полицейских преследований в противостоянии не на жизнь, а на смерть с революционным лагерем. В пылу изнуряющей борьбы у тех и других нередко утрачивалось чувство меры, и тогда на алтарь вожаемой победы порой приносились судьбы случайных и посторонних людей. Но власть, придерживающаяся, озлобленные болезненными ранами, полученными за несколько последних лет, были заражены преимущественно карательными настроениями [18, 19].

Наконец, неоправданно суровые приговоры чигиринским крестьянам (например, Писковому), заставляли тех, отбывая ссылку, размышлять над причинами случившегося и задаваться судьбоносным вопросом, «за что же мы так жестоко наказаны» [20. С. 150]. Выводы, к которым приходили вчерашние верноподданные селяне, опирались на органичную для них религиозно-монархическую «картину мира» и не всегда были в пользу правящего царя и его сановников. Как свидетельствует опыт вернувшихся домой чигиринцев, в долгосрочной перспективе получилось, что своими необдуманными мерами в борьбе с мифической угрозой в их лице власть сама оттолкнула от себя потенциально надежных союзников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1880-е гг. Якутская область в административном отношении состояла из пяти округов. Они делились на улусы (уезды), а те, в свою очередь, – на наслеги (волости). В Якутском округе было восемь улусов, в том числе Батурусский, в котором насчитывался 31 наслег [13. Оп. 1. Д. 2732. Л. 96]. Родович – «всякий якут, у которого отцы и деды жили на том месте, где и он живет. Не родович – пришлец, приписанный, принятый» [16. С. 23].

² «Климат Киевской губ. умеренный, благоприятный для здоровья человека и животных, удобный для произрастания всех естественных произведений губернии. Средняя температура года летом 16° по Реомюру; зимою 6°» [Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб.: В типогр. Департамента Ген. Штаба, 1848.. Т. X. Ч. 1: Киевская губерния. С. 73]. Температура соответствует 20 и 7,5 градусам по Цельсию.

³ Хотон (у якутов) – хлев, хозяйственная постройка, примыкающая к дому (юрте), под одной с ним крышей [13. Оп. 1. Д. 2732. Л. 97 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС (Я)). Ф. И-15.
2. Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150.

3. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 94–99.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. 3-я экспедиция.
5. Мауль В.Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 221–240.
6. ГА РФ. Ф. 112.
7. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М. : Мысль, 1978. С. 136–137, 170, 171 и др.
8. Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в оценках революционной печати 1878–1880-х гг. // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 4. С. 36–38.
9. Государственный архив Томской области. Ф. 3.
10. Мауль В.Я. Образ монарха в представлениях чигиринских крестьян 1870-х гг. (некоторые аспекты проблемы) // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства. Рязань : Концепция, 2015. С. 57–59.
11. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. И330. Оп. 1. Д. 84.
12. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 8. Д. 400.
13. НА РС (Я). Ф. И-12.
14. НА РС (Я). Ф. И-29.
15. Карачевский А.Б. Психотерапия депрессии: миф или реальность? // Вестник ассоциации психиатров Украины. 2013. № 3. С. 26.
16. Вруевич М.С. Юридические обычаи у якутов // Журнал гражданского и уголовного права. 1891. Т. III. С. 1–70.
17. Кротов М.А. Убийство Петра Алексеева (по архивным материалам) // Каторга и ссылка. 1928. № 10 (47). С. 44–61.
18. Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4. С. 114–126.
19. Милевский О.А. «Маленькая личность» на фоне больших чигиринских событий: судьба сельского учителя Ильи Фролова // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 5. С. 553–562.
20. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сб. документов / под. ред. П.А. Зайончковского. М. : Наука, 1968.

Maul Viktor Ya. Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk affiliate) (Nizhnevartovsk, Russia). E-mail: VYMaul@mail.ru

HOW IVAN IVANOVICH QUARRELED WITH EGOR GAVRILOVICH (FROM THE HISTORY OF THE YAKUT POLITICAL EXILE).

Key words: Yakutia; political exile; «Chigirin Plot»; Kiev province; state peasants; the revolutionary populism; Zhuleysky Nasleg; Baturussky Ulus, fight.

This article is written on the basis of a significant set of unpublished sources that are stored in archival funds of the four archives of our country (The State Archive of the Russian Federation (GARF), The State Archive of the Tomsk Region, The State Archive in Tobolsk and The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)). In terms of methodology, the article is written in the genre of microhistory, which means not to examine the “little things” but to study the past in details. The aim of the article is to analyze the socio-political, economic and other factors of the country’s life, that caused conflicts between the deportees and the indigenous inhabitants of Yakutia in the first half of the 1880s. It is shown how micro-historical approach can provide a better understanding of macro-historical events of the past centuries through the specific example of the quarrel between the state criminal Ivan Piskovoy and the indigene of Zhuleysky Nasleg (a rural settlement in the Tatta region of Yakutia) Egor Abramov. One episode (it was one of everyday life events at first sight) in the history of the Yakut political exile in the early 1880s is analyzed against the background of the political, social and economic processes in the country. The focus is on the relationship between the political convict Piskovoy and the local resident of Yakutia Abramov. Piskovoy was exiled to Yakutia for participation in the Chyhyryn conspiracy in 1877 among the monarchist state peasants of Kiev province. The plot was prepared on the initiative and with the direct participation of the well-known Russian populists group (Y.V. Stefanovich, L.G. Deitch, I.V. Bokhanovsky), which resorted to mystification on behalf of the Tsar. At the time this conspiracy made a great stir in the ruling circles and caused a lively debate among revolutionaries. They discussed mainly the advisability and the permissibility of using immoral means (forgery, fraud, imposture) by the revolutionaries for involving the peasantry in the struggle against the autocracy. After his arrival at the destination point of his exile, Piskovoy was assigned to live in Zhuleysky Nasleg in Baturussky Ulus within the Yakutsk district and he was billeted on the indigene Abramov’s yurt. Forced coexistence within a few months led eventually to a bitter quarrel between them. The reason was the houseowner’s jealousy, who accused the lodger of having an intimate relationship with his wife. The apogee of the conflict was a fierce scuffle followed by mutual complaints of the participants to a higher authority. On the basis of a careful study we draw a conclusion that the objective basis of the fierce conflict between them was the authorities’ unreadiness to change some of the most important aspects of State policy. Social contradictions resulted in particular conflicts between newly arrived and indigenous population of the Yakutsk region in the form of verbal abuse, scuffles, beatings and injuries that have become a fairly commonplace phenomenon in the history of the Yakut banishment. One of such typical conflicts was the quarrel between Piskovoy and Abramov.

REFERENCES

1. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund I-15.
2. Pelevin, Yu.A. (2014) Yuzhnye buntari i “Chigirinskiy zagovor” [Southern rebels and “Chigirin Plot”]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 130–150.
3. Terekhova, S.A. (2013) K voprosu ob istokakh “Chigirinskogo zagovora”: krest'yanskoe dvizhenie v Chigirinskom uезде Kievskoy gubernii v nachale 70-kh gg. XIX v. [On the sources of “Chigirin Plot”: Peasant movement in Chigirinsky Uezd of Kiev Province in the early 1870s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 4. pp. 94–99.
4. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 109.
5. Maul, V.Ya. (2017) “Chigirinskiy zagovor” i krest'yanskaya psikhologiya [“Chigirin Plot” and peasant psychology]. *Quaestio Rossica*. 1. pp. 221–240.
6. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 112.
7. Troitskiy, N.A. (1978) *Bezumsvo khrabrykh. Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma. 1866–1882 gg.* [Madness of the brave. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866–1882]. Moscow: Mysl'. pp. 136–137.

8. Terekhova, S.A. (2015) "Chigirinskiy zagovor" v otsenkakh revolyutsionnoy pechati 1878-1880-kh gg. ["Chigirin Plot" estimated by the revolutionary press of 1878–1880s]. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya*. 4. pp. 36–38.
9. The State Archives of the Tomsk Region. Fund 3.
10. Maul, V.Ya. (2015) Obraz monarkha v predstavleniyakh chigirinskikh krest'yan 1870-kh gg. (nekotorye aspekty problemy) [The image of the monarch as viewed by Chigirin peasants of the 1870s. (Some aspects of the problem)]. In: Losev, Yu. I. & Erlikhsen, I. M. (eds) *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva* [Man, image, word in the context of historical time and space]. Ryazan: Kontseptsiya. pp. 57–59.
11. The State Archives in Tobolsk (GBUTO "GA v g. Tobol'ske"). Fund I330. List 1. File 84.
12. The State Archives in Tobolsk (GBUTO "GA v g. Tobol'ske"). Fund I152. List 8. File 400.
13. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund I-12.
14. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund I-29.
15. Karachevskiy, A.B. (2013) Psikhoterapiya depressii: mif ili real'nost'? [Psychotherapy of depression: Myth or reality?]. *Vestnik assotsiatsii psikhiatrov Ukrainy – Journal of Ukrainian Psychiatrists Association*. 3. pp. 26.
16. Vrutsevich, M.S. (1891) Yuridicheskie obychai u yakutov [Legal customs of the Yakuts]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava*. 3. pp. 1–70.
17. Krotov, M.A. (1928) Ubiystvo Petra Alekseeva (po arkhivnym materialam) [The murder of Peter Alekseev (on archival materials)]. *Katonga i ssylka*. 10(47). pp. 44–61.
18. Maul, V.Ya. (2014) A false echo of the "Chigirin Plot" in the life of senior conductor Chaykovskiy. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 4. pp. 114–126. (In Russian).
19. Milevskiy, O.A. (2016) "Malen'kaya lichnost'" na fone bol'shikh chigirinskikh sobytiy: sud'ba sel'skogo uchitelya Il'i Frolova ["The little personality" against the background of the big Chigirin events: The destiny of the village teacher Ilya Frolov]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5. pp. 553–562. DOI: 10.7256/2222-1972.2016.5.19082
20. Zayonchkovskiy, P.A. (ed.) (1968) *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg.* [The Peasant Movement in Russia in the 1870–1880s.]. Moscow: Nauka.

УДК 94 (571.150).084

DOI: 10.17223/19988613/48/14

В.А. Скубневский

«БЫВШИЕ». КУПЕЧЕСТВО БАРНАУЛА ПОСЛЕ 1917 г.

Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006)».

Рассмотрен вопрос судеб дореволюционных предпринимателей и членов их семей после 1917 г. Были использованы архивные источники (дела «лишенцев», отложившиеся в фонде Барнаульского горсовета), воспоминания потомков предпринимателей, справочные издания и др. Сделан вывод, что в условиях революции и Гражданской войны многие из дореволюционных предпринимателей поддерживали «белых», а после установления советской власти значительная их часть, включая членов семей, была репрессирована. Многие из барнаульских предпринимателей эмигрировали в Китай, США, Европу, Австралию. Но части бывших предпринимателей и членам их семей удалось адаптироваться в новых условиях Советской России.

Ключевые слова: предприниматели; купечество; революция; Гражданская война; «бывшие»; репрессии; эмиграция; адаптация.

В постсоветский период история предпринимательства дореволюционной России, в том числе и Сибири, стала одной из приоритетных тем и к настоящему времени имеет обширную историографию. Отметим прежде всего справочные издания – о предпринимателях Алтая [1], купечестве Томска [2], Енисейской губернии [3], Сибири [4]. Если дореволюционный период жизни и деятельности предпринимателей в целом исследован довольно обстоятельно, то этого нельзя сказать о послереволюционном периоде. Вопрос о судьбах бывших предпринимателей и членов их семей после 1917 г. имеет право на отдельное рассмотрение.

Проблема «бывших» в Советской России уже была обозначена как на общероссийском материале [5], так и на сибирском, это работы С.А. Красильникова [6] и И.И. Кротта [7]. В частности, И.И. Кротт совершенно справедливо отмечает, что «актуальным является изучение процессов социального перемещения предпринимателей – “класса исторически проигравшего”» [Там же. С. 72]. Ранее мы уже обращались к данному вопросу, рассмотрев судьбы предпринимателей Сибири после 1917 г. и выделив три варианта: эмиграция, репрессии и адаптация [8]. В данной статье делается попытка рассмотреть судьбы купечества города Барнаула после 1917 г. с привлечением как уже введенных в научный оборот источников, так и новых. В ограничении территориальных рамок исследования одним городом применен локальный подход, который в данном случае позволяет более подробно осветить судьбы отдельных людей и членов их семей.

Выбор города определен тем, что дореволюционный Барнаул был значительным торговым центром Сибири с прослойкой деятельного купечества, и тем, что дореволюционный период жизни этого купечества исследован довольно обстоятельно [1]. В сферу внимания автора попали не только бывшие гильдейские купцы, но и представители иных сословий, которые зани-

мались предпринимательством, и не только жившие в самом городе, но и в сельской местности Барнаульского уезда, т.е. гильдейцы, выбиравшие свидетельства барнаульских купцов, но проживавшие в сельской местности.

Что касается новых источников, то это архивные дела так называемых «лишенцев», т.е. лиц, которые в 1920-х гг. были лишены избирательных прав, они отложились в фонде Барнаульского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [9], а также информация, полученная непосредственно от потомков бывших предпринимателей, которые проживают как в самом Барнауле (Безшапкины), так и за рубежом (Суховы, Андроновские). Один из потомков (правнук) предпринимателя С.Я. Яковлева собрал большой материал о своем предке и издал книгу [10]. Ряд интересных фактов о судьбах бывших предпринимателей опубликован в сборнике воспоминаний и документов о 3-м Барнаульском полке Белой армии, подготовленном историками А.А. Краснощекловым и В.А. Суманосовым [11]. Ценная информация по данной проблематике отложилась в фондах музеев – Алтайском государственном краеведческом (фонд Федуловых) и Каменском музее (фонд Винокуровых). Эти фонды сформированы благодаря поисковой работе сотрудников указанных музеев. Исследованию избранной темы способствуют и поиски потомками бывших предпринимателей своих корней. Разумеется, это относится не только к барнаульским купеческим семьям. Показательно, например, что на Всероссийскую научную конференцию, которая прошла в Томске в апреле 2014 г., приехали потомки крупнейших купеческих династий Западной Сибири – Кухтериных, Стахеевых, В.А. Горохова и др. [12].

Особенностью ситуации в Барнауле в переломном 1917 г. было то, что многие местные предприниматели оказались на грани разорения из-за огромного пожара 2 мая 1917 г., когда выгорело более 50 центральных

кварталов с лучшими постройками – магазинами (в их числе самый большой магазин города – пассаж И.Ф. Смирнова), жилыми домами, складами, некоторыми промышленными заведениями. В числе купцов, потерявших значительную часть имущества, оказались Суховы, Ворсины, И.Ф. Смирнов и др. Но еще накануне этого события в условиях военного времени пошатнулись коммерческие дела ряда предпринимателей. Некоторые сильно пострадали из-за введения «сухого закона» – Ворсины, Андроновские, Поскотинов и др. А.Г. Морозов продал свои магазины в 1916 г. Алтайскому союзу кооперативов, Е.И. Мельникова продала свое пароходство «Западно-Сибирскому товариществу пароходства и торговли», Е.В. Ельдештейн продал пароходство Риддерскому горнопромышленному обществу. Потерпело крах и товарищество «С.Я. Яковлев и А.И. Поляков», но главной причиной этому стала конкуренция Второвых [10. С. 12].

Некоторые из предпринимателей уже в годы войны меняли место жительства. Так, Е.И. Мельникова переехала в Томск, там она и умерла в 1925 г. [13. С. 520–521]. Один из Суховых – Иннокентий Васильевич – выехал в США, где стал музыкантом, участником ансамбля русской песни «Волга-бойс», популярном в среде русской эмиграции. Некоторые из крупных предпринимателей в эти годы ушли из жизни, будучи уже старыми. Так, в 1919 г. скончался А.Ф. Ворсин, а на следующий год – его брат Иван.

В годы революций и Гражданской войны предпринимательские слои Барнаула были противниками большевиков, что естественно для данного социального слоя. По воспоминаниям Александра Иннокентьевича Камбалова, командира 3-го Барнаульского полка Белой армии, промышленники и купцы Барнаула «с любовью и заботой» относились к полку [11. С. 124]. Михаил Морозов ежемесячно высылал по вагону белой муки в адрес полка, когда тот находился на Уральском фронте, а кроме того, дарил валенки, полушубки, белье. Пожертвования полку делали предприниматели братья Маляновы, Лалетины, С.И. Зудилов и др. Некоторые из сыновей барнаульских купцов служили в полку: Д.А. Сухов (убит в марте 1919 г.), И.А. Бухалов – офицер, к ноябрю 1919 г. – начальник хозяйственной части полка, П.Г. Грязнов – прапорщик, позже в 51-м Сибирском стрелковом полку – подпоручик [Там же. С. 254, 258, 275]. Младший сын владелицы пароходной компании Е.И. Мельниковой Николай в годы Первой мировой войны служил прапорщиком в инженерных войсках, а после начала Гражданской войны (при Колчаке) был призван на службу в инженерную роту. Но при отступлении Белой армии, 25 декабря 1919 г., добровольно (с его слов) сдался красным [9. Д. 1803. Л. 34, 34 об.].

После установления советской власти в отношении бывших предпринимателей было не менее двух волн репрессий. Первая – сразу после установления советской власти, вторая – в конце 1920-х – 1930-е гг. Некоторые были репрессированы только в 1937–1938 гг.

Волна репрессий конца 1920-х – начала 1930-х гг. касалась не только дореволюционных предпринимателей и членов их семей, а в большей мере нэпманов, и была связана с отказом от нэпа [14. С. 178]. Сразу после установления советской власти в ряде городов арестованных буржуа заключали в концентрационные лагеря (Екатеринодар, Томск), обычной стала практика конфискации домашнего имущества (в Барнауле купцов И.И. Федулова, П.Д. Сухова и др.), выселения из квартир.

Многие из бывших предпринимателей поспешили сменить место жительства, и это иногда их спасало, но зачастую только оттягивало время ареста. В этом отношении показательна судьба бывшего пароходчика Евгения Васильевича Ельдештейна. Как уже отмечалось, он в годы Первой мировой войны продал пароходство, но оставался крупным предпринимателем, купил в Бийском уезде лесопильный завод и мельницу, в Барнаульском уезде построил лесопильный завод. На его предприятиях в 1916 г. работали 400 рабочих, а обороты достигали 700 тыс. руб. После национализации предприятий он с 1920 по 1923 г. жил в Томске, с 1923 по 1931 г. – на Алтае: в Барнауле, Змеиногорске, Шипуново, работая в разных должностях. В 1931 г. был арестован и приговорен к 3 годам лишения свободы [15. С. 124–129].

В числе расстрелянных оказались один из сыновей купца 1-й гильдии А.И. Винокурова Александр, его же зять Всеволод Петкевич. Александр проживал в селе Тюменцево и оставался в крестьянском сословии, хотя и был, несомненно, зажиточным человеком. В. Петкевич, дворянин, в годы Гражданской войны был председателем Каменской городской думы, его арестовали 26 апреля 1920 г. Он был приговорен за контрреволюционную деятельность к расстрелу [16. С. 320]. По свидетельству правнучки барнаульского купца Симеона Сидоровича Безшапкина (1858–1926) Галины Николаевны Давыдовой-Макаровой (запись 21 марта 2016 г.), революционные события разъединили большую семью. У Симеона Сидоровича было 4 сына и 3 дочери. Галина Николаевна является внучкой Сергея Симеоновича, о судьбе трех братьев ее деда ничего не известно.

Как вариант репрессий следует рассматривать и лишение избирательных прав, которое практиковалось с 1918 по 1936 г. В категорию «лишенцев» попадали те лица, которые использовали наемный труд, жили на проценты с капитала, торговцы, бывшие белогвардейцы, священнослужители. С 1925 г. в эту категорию попали и члены семей «лишенцев» [17. С. 65]. В фонде Барнаульского горсовета Государственного архива Алтайского края отложилось более 3,3 тыс. дел «лишенцев». Нами просмотрено более 80 дел. Каждое из дел, как правило, содержит заявление в избирательную комиссию с просьбой вернуть избирательные права (при этом проситель обычно преуменьшал размеры предпринимательской деятельности и отрицал найм рабо-

чих), протоколы опроса свидетелей, справки с мест трудоустройства советского периода. Среди фигурантов преобладали крестьяне, но удалось обнаружить ряд личных дел, которые касались бывших предпринимателей и членов их семей. Это дела вдовы купца И.Ф. Ворсина, сына пароходчицы Е.И. Мельниковой, купца С.Д. Холкина, а также Голевых, Локотковых, Лалетинных и др.

В делах содержится весьма ценная информация биографического характера как о дореволюционном, так и о послереволюционном периодах, а также о предпринимательской деятельности. К примеру, из личного дела Николая Виссарионовича Мельникова, младшего сына владелицы пароходной компании Е.И. Мельниковой, стало известно, что пароходство в Барнауле в 1893 г. было основано не его матерью, а отцом Виссарионом Ивановичем Мельниковым, который умер в 1898 г., и только после этого пароходство возглавила Е.И. Мельникова [9. Д. 1803. Л. 34]. Между тем в литературе устоялась точка зрения, что основателем пароходной компании была Евдокия Ивановна. В деле также содержится ценная информация о Николае Мельникове, что он родился в 1876 г., окончил 6 классов гимназии, потом – в 1896 г. – Нижегородское реальное училище и до революции работал сначала практикантом на пароходе, а затем помощником командира.

По личному делу бывшего торговца Семена Дмитриевича Холкина можно проследить весь его жизненный путь [Там же. Д. 3113]. Он происходил из крестьянской семьи, в 11 лет, после смерти отца, начал самостоятельную трудовую деятельность. Работал «мальчиком» у торговцев. Сначала в селе Маслянино, потом в Барнауле в торговом доме Суховых, здесь же стал приказчиком, а позже и конторщиком. В 1895–1899 гг. работал в Томске у Карнакова счетоводом, затем вновь в Барнауле – в товариществе Второвых бухгалтером, в 1910–1913 гг. работал в городской управе. В 1913 г. было создано товарищество «Холкин и Митьковский», которое специализировалось на скупке зерна и прочей сельскохозяйственной продукции, а также имело мельницу в селе Чернопятково. После революции Холкин занимал разные должности. В своем заявлении он не упоминает об истинных размерах коммерческого предприятия. Между тем он выбирал свидетельство купца 2-й гильдии, а обороты двух торговых заведений товарищества в 1913 г. составляли 120 тыс. руб. [18. Д. 30. Л. 159]. В избирательных правах он не был восстановлен.

Были случаи, когда дети отказывались от родителей-«лишенцев». Так, Евгений Иванович Локотков – сын мещанина-предпринимателя, который до революции имел небольшое мыловаренное производство, служил в Красной армии и был лишен избирательных прав как сын «лишенца». Комиссар полка предложил ему написать в газету о «своем отношении к семье отца-лишенца», что он и сделал, т.е. отказался от своей семьи [9. Д. 1636. Л. 3, 4]. Избирательных прав лишали

и вдов предпринимателей. Известный барнаульский купец, совладелец пивоваренного и винокуренного заводов, сети торговых заведений И.Ф. Ворсин умер в 1920 г. Его супруга Клавдия Александровна после смерти мужа работала учительницей, делопроизводителем больницы водного транспорта, но была лишена избирательных прав через 10 лет после смерти мужа [Там же. Д. 445. Л. 1, 4 об.]. В аналогичной ситуации оказалась вдова бывшего кожевенного заводчика Н.В. Голева Таисия Александровна [Там же. Д. 733. Л. 8, 8 об.].

Многие барнаульские предприниматели оказались в эмиграции, в их числе представители семей Суховых (в США, Австралии), Винокуровых (в Китае, США, Франции), Андроновских (в Литве, Польше), П.И. Федулов (в Китае), В.М. Вершинин (во Франции), Зудиловы (в США), М.А. Морозов (в США). Видимо, этот перечень далеко не полный. Об эмиграции Винокуровых уже писалось ранее [19. С. 48–58]. Правнук Максимилиана Андроновского Адам Андроновский, ныне проживающий в Канаде, во время своего визита в Барнаул в 2017 г. сообщил, что Андроновские (владельцы пивоваренного завода и сети торговых заведений в дореволюционном Барнауле) после революции выехали сначала в Литву, где у них было имение в местечке Андрово, а затем в Польшу. Сын известного барнаульского купца 1-й гильдии Михаил Морозов сначала эмигрировал в Китай, а в 1923 г. выехал в США [11. С. 17]. По рассказам старожилов села Зудилово, где были мельница и дача у Ивана Платонова, он во время революционных событий выехал за границу, но вскоре вернулся и доживал последние годы на своей даче [20]. Сын купца, издатель газеты «Жизнь Алтая», общественный деятель, депутат от Томской губернии в IV Государственной думе Василий Михайлович Вершинин летом 1919 г. на английском корабле «Мальборо», на котором была также императрица Мария Федоровна (мать Николая II), покинул Крым и выехал в эмиграцию. В Париже он сотрудничал с газетой А. Керенского «Дни», умер в Праге в 1946 г. [21]. Таким образом, в эмиграции оказалась довольно большая группа барнаульских купцов.

Интересным и наименее изученным является вопрос об адаптации в условиях Советской России бывших предпринимателей и членов их семей. Многим из них опыт в коммерческих делах и определенный уровень образования позволял как-то устроиться, а в период нэпа даже попытаться вновь заняться предпринимательством. Другие были вынуждены выживать с большим трудом.

Благодаря тому, что две дочери купца Ивана Ивановича Федулова в период Гражданской войны вышли замуж за красных командиров А. Вольпе и Г. Иссерсона, они не только сами с мужьями выехали в Москву, но и забрали туда родителей. И.И. Федулов умер в 1922 г., а его супруга Фелицата Павловна прожила 82 года и умерла в 1963 г. Но оба упомянутых красных командира были репрессированы. А. Вольпе – начальник адми-

нистративно-мобилизационного управления РККА – был расстрелян, была арестована и его жена Галина Ивановна [22. С. 119–122].

Сын купца Александра Ворсина Николай, управлявший винокуренным и пивоваренным заводами отца и дяди, хотя и получил клеймо «лишенца», переехав в Новосибирск, занял там должность инженера треста винокуренной промышленности, дожил до 1942 г. и умер в возрасте 67 лет [23]. Известно, что потомки Ворсиных живут в Новосибирске и Томске. Бывший владелец кожевенного завода Н.В. Голев в 1917 г. продал завод, в 1920 г. был лишен избирательных прав, в советское время работал в коммунальном отделе (видимо, горисполкома), мастером на кожевенном заводе, 6 лет исполнял должность церковного старосты в Покровской церкви Барнаула. Три раза его мобилизовывали на лесозаготовки. Он умер в 1932 г. [9. Д. 733. Л. 8, 8 об.].

Сын пароходчиков Мельниковых Николай в советское время служил на речном флоте, с 1920 г. в Томском Рупводе, с 1924 по 1927 г. – заведующим Барнаульского агентства союзторгфлота, позже – членом правления Барнаульского общества взаимного кредита [Там же. Д. 1803. Л. 34 об.]. Бывший купец С.Д. Холкин в 1921–1923 гг. арендовал свою же бывшую мельницу, позже работал бухгалтером в различных учреждениях [Там же. Д. 3113. Л. 2 об.].

В период нэпа деятельность ряда бывших предпринимателей активизировалась. Выше уже был приведен пример Холкина. Купец А.М. Шелепаев торговал до революции, в 1917 г. два его дома сгорели, но в 1923 г.

он вновь начал торговать сельскохозяйственными продуктами [Там же. Д. 3349. Л. 2, 10, 10 об.]. В документах горсовета от назван «торговцем», между тем, до революции (1912 г.) он выбирал свидетельство купца 2-й гильдии [24. Д. 86. Л. 7–8]. Газета «Красный Алтай» сообщала, что после революции имущество Ивана Ивановича Федулова было национализировано и конфисковано, лошади розданы крестьянам. Но с началом нэпа Иван Иванович при помощи милиции сумел вернуть себе несколько лошадей [25].

Сын купца С. Безшапкина в советское время стал юристом. Одна из дочерей Ивана Платонова – Зинаида Ивановна – всю жизнь проработала учительницей в музыкальной школе № 1 Барнаула, при этом в ее квартире находилось пианино из бывшего отцовского дома (свидетельство одного из ее учеников – Бориса Ервелова). Из числа бывших дореволюционных предпринимателей и их потомков вышли многие работники промышленности, учителя, медики, служащие. По свидетельству потомков бывших купцов, в семьях о купеческом прошлом в 1920–1950-е гг. не упоминалось, эта тема была под запретом, часто старые фотографии уничтожались (семьи Безшапкиных, И.И. Федулова, С.Я. Яковлева и др.).

Считаю, что преждевременно подводить итоги в исследовании данного вопроса и производить арифметические подсчеты: сколько человек были репрессированы, сколько выехали из страны, сколько адаптировались. Необходим дальнейший сбор материалов и поиск новых источников для воссоздания более полной картины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 : энциклопедия. Барнаул : Демидовский фонд, 1996. 112 с.
2. Дмитриенко Н.М. Томские купцы. Биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с.
3. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
4. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2012. Т. 1. 450 с.; 2013. Т. 2. 464 с.
5. Смирнова Т.М. «Бывшие» люди Советской России: стратегия выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. 296 с.
6. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе. 1917 – конец 1930-х гг. : учеб. пособие. Новосибирск, 1998. 90 с.
7. Кротт И.И. Социальная мобильность сельских предпринимателей в период революции и Гражданской войны (1917–1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 71–75.
8. Скубневский В.А. Бывшее купечество Сибири после 1917 г. Репрессии, эмиграция, адаптация // Актуальные вопросы истории Сибири: десятилетия науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина : материалы науч. конф. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 10–13.
9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-312. Оп. 4.
10. Станченко В.И. Степан Яковлевич Яковлев (1866–1917), барнаульский предприниматель. История, рассказанная правнуком. М. : МЦНМО, 2015. 160 с.
11. Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии: воспоминания, документы и другие материалы / сост. А.А. Краснощеков, В.А. Суманосов. Барнаул : Изд. дом «Барнаул», 2009. 318 с.
12. Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы первой Всероссийской науч. конф., 11–13 апреля 2014 г. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2014. 386 с.
13. Мелихова Н.В. Мельникова Евдокия Ивановна // Новосибирск : энциклопедия. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 520–521.
14. Демчик Е.В. Частный капитал Сибири в 20-е годы XX века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 302 с.
15. Воробцова Л.Н. Барнаульский купец Евгений Васильевич Ельдештейн // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков : сборник биограф. очерков. Новосибирск : Сова, 2007. С. 124–129.
16. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул : Управление архивного дела Администрации Алтайского края, 1998. Т. 1. 1919–1930. 481 с.
17. Полякова Д.А. Семья «лишенцев» на Алтае: борьба за избирательные права // Актуальные вопросы истории Сибири : шестые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. Ч. 2. С. 65–68.

18. ГААК. Ф. 52. Оп. 1.
19. Скубневский В.А., Зенухина Т.Н. Винокуровы // Деловая элита старой Сибири : исторические очерки. Новосибирск : Сова, 2005. С. 48–58.
20. Свободный курс (Барнаул). 2013. 29 янв.
21. Муравлев А. Комиссар Временного правительства // Алтайская правда. 2008. 14 ноября.
22. Падалькина О.В. Два портрета (о фонде барнаульских купцов Федуловых в АГКМ) // Краеведческие записки. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2003. Вып. 5. С. 119–122.
23. Чиликин В. Вторая жизнь братьев Ворсиных // Алтайская правда. 2003. 13 окт.
24. ГААК. Ф. 219. Оп. 1.
25. Красный Алтай. 1922. № 111.

Skubnevsky Valery A. Altai State University (Barnaul, Russia) E-mail koi @hist.asu.ru

“FORMER MEMBERS OF THE OLD REGIME”. BARNAUL MERCHANTRY AFTER 1917.

Key words: businessmen; revolution; the Civil War; “former members of the old regime”; repressions; emigration; adaptation.

The article is devoted to destinies of pre-revolutionary Barnaul merchants and their families after 1917. The object under the investigation is the social group of merchants and their families, first of all guild merchants and representatives of other social layers who were engaged in business either in the town of Barnaul or in the district. The author aims to find out whether former merchants used to live in their previous places of residence or moved to other locations, who of them were repressed, who emigrated, how many of the old regime merchants succeeded in adaptation in new conditions of Soviet Russia. To reveal the topic the author presents reminiscences of the merchants' descendants (of the Andronovskys, the Vinokurovs, the Fedulovs, the Bezshapkins, the Sukhovs). The author had an opportunity to meet some of them and take down their evidences (Adam Andronovsky, G.N. Davydova-Makarova). Highly valuable for the topic under investigation are archive files of persons, deprived of suffrage in the 20s, which are preserved in the State archive of Altai region and brought in the scientific research for the first time. The author comes to the conclusion that in the years of the First world and Civil wars many merchants and members of their families changed their places of living and moved to other Russian towns and abroad. Among those who left for other towns of Russia were the former steamship owner Ye.I. Melnikova, the widow and daughter of A.I. Vinokurov, the millinair, the merchant I.I. Fedulov with all his family. During the Civil War many of Barnaul merchants served in the White army. On the whole Barnaul merchantry supported the White army with money and goods. Rather a large group of pre-revolutionary merchants appeared to be in emigration, in China, in the USA, Europe. The three Vinokurov brothers and their families, M.A. Morozov, P.I. Fedulov, V.M. Vershinin, the Andronovskys also emigrated, as well as members of the Sukhovs families and others. Some merchants were repressed in the 20s -30s. A.A. Vinokurov and V.S. Petkevich were executed by shooting, E.V. Eldeshtein and the daughter of the merchant I.I. Fedulov – Galina Ivanovna were repeatedly arrested. A big enough group of pre-revolutionary merchants and their family members remained in Russia. The loss of the most part of property led to the change of their social status, and some of them became people of fringe groups. A number of pre-revolutionary merchants tried to set to commerce again in the years of NEP and opened small works. But the period of NEP is known to be short, and people, engaged in business, were later deprived of the right to vote. Nevertheless, some of the former merchants and members of their families were able to adapt to new conditions of the soviet power and gain a deserved position in the society.

REFERENCES

1. Skubnevskiy, V.A., Startsev, A.V. & Goncharov, Yu.M. (1996) *Predprinimateli Altaya. 1861–1917* [Entrepreneurs of Altai. 1861–1917]. Barnaul: Demidovskiy fond.
2. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy. Biograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk Merchants. A Biographical Dictionary (the second half of the 18th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Bykonya, G.F., Komleva, E.V. & Pogrebnyak, A.I. (2012) *Eniseyskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.)* [The Yenisei merchants in persons (the 18th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.
4. Rezun, D.Ya. (ed.) (2012) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri : v 2 t.* [The Encyclopaedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce in Siberia: In 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Geo.
5. Smirnova, T.M. (2003) *“Byvshie” lyudi Sovetskoy Rossii: strategiya vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody* [“Former” people of Soviet Russia: Survival strategy and integration path. 1917–1936]. Moscow: AST, Astrel'.
6. Krasilnikov, S.A. (1998) *Na izlomakh sotsial'noy struktury: marginaly v poslerevolutsionnom rossiyskom obshchestve. 1917 – konets 1930-kh gg.* [On the fissures of the social structure: marginals in the post-revolutionary Russian society. 1917 – the end of the 1930s.]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
7. Krott, I.I. (2015) *Sotsial'naya mobil'nost' sel'skikh predprinimateley v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917 – 1920-e gg.)* [Social mobility of rural entrepreneurs during the revolution and the Civil War (1917–1920)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 22(4). pp. 71–75. DOI: 10.15372/HSS20150413
8. Skubnevskiy, V.A. (2015) [The former merchant class of Siberia after 1917. Repression, emigration, adaptation]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Desyatye nauch. chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina* [Topical Questions of Siberian History. The Tenth Readings in the memory of Prof. A.P. Borodavkin]. Proc. of the Conference. Barnaul: Altai State University. pp. 10–13. (In Russian).
9. The State Archive of the Altai Territory (ГААК). Fund R-312. List 4.
10. Stanchenko, V.I. (2015) *Stepan Yakovlevich Yakovlev (1866–1917), barnaul'skiy predprinimatel'. Istoriya, rasskazannaya pravnukom* [Stepan Yakovlevich Yakovlev (1866–1917), a Barnaul businessman. A story told by a great-grandson]. Moscow: MTsNMO.
11. Krasnoshchekov, A.A. & Sumanosov, V.A. (eds) (2009) *Zabytyy polk: stranitsy istorii 3-go Barnaul'skogo polka Beloy armii: vospominaniya, dokumenty i drugie materialy* [Forgotten regiment: Pages of the history of the 3rd Barnaul regiment of the White Army: memoirs, documents and other materials]. Barnaul: Barnaul.
12. Boyko, V.P. (ed.) (2014) *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie* [Siberian Merchant: Origins, Activities, Heritage]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
13. Melikhova, N.V. (2003) Melnikova Evdokiya Ivanovna [Melnikova Evdokia Ivanovna]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Novosibirsk : entsiklopediya* [Novosibirsk: Encyclopedia]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo. pp. 520–521.
14. Demchik, E.V. (2005) *Chastnyy kapital Sibiri v 20-e gody XX veka* [Siberian Private Capital in the 1920s]. Barnaul: Altai State University.

15. Vorobtsova, L.N. (2007) Barnaul'skiy kupets Evgeniy Vasil'evich El'deshteyn [Barnaul merchant Evgeny Vasilievich Yeldeshtein]. In: Kirillov, A.K. (ed.) *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII – XX vekov. Sbornik biograficheskikh ocherkov* [Personality in Siberian history of the 18th – 20th centuries. A Collection of Biographical Essays]. Novosibirsk: Sova. pp. 124–129.
16. Tarabaev, N.I., Razgon, N.I., Shcheglov, S.G. et al. (eds) *Zhertvy politicheskikh repressiy v Altayskom krae* [Victims of political repression in the Altai Territory]. Vol. 1. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela Administratsii Altayskogo kraya.
17. Polyakova, D.A. (2007) Sem'ya “lishentsev” na Altae: bor'ba za izbiratel'nye prava [The family of “non-voters” in the Altai: The struggle for electoral rights]. In: Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu. M. (eds) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical Questions of Siberian History]. Barnaul: Altai State University. pp. 65–68.
18. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund 52. List 1.
19. Skubnevskiy, V.A. & Zenukhina, T.N. (2005) Vinokurovy [The Vinokurov]. In: Startsev, A.V., Skubnevskiy, V.A. & Zinoviev, V.P. (eds) *Delovaya elita staroy Sibiri: istoricheskie ocherki* [Business Elite of Old Siberia: Historical Essays]. Novosibirsk: Sova. pp. 48–58.
20. *Svobodnyy kurs (Barnaul)*. (201) 29th January.
21. Muravlev, A. (2008) Komissar Vremennogo pravitel'stva [Commissar of the Provisional Government]. *Altayskaya pravda*. 14th November.
22. Padalkina, O.V. (2003) Dva portreta (o fonde barnaul'skikh kuptsov Fedulovykh v AGKM [Two portraits (about the fund of the Barnaul merchants Fedulov in the Altai State Museum of Local Lore)]. In: Shcheglova, T.K. & Demin, M.A. (eds) *Kraevedcheskie zapiski* [Notes on Local History]. Issue 5. Barnaul: Altayskiy poligraficheskiy kombinat. pp. 119–122.
23. Chilikin, V. (2003) Vtoraya zhizn' brat'ev Vorsinykh [The second life of the Vorsin brothers]. *Altayskaya pravda*. 13th October.
24. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund 219. List 1.
25. *Krasnyy Altay*. (1922) 111.

УДК 94(571.150)

DOI: 10.17223/19988613/48/15

Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко

ПРОБЛЕМА МИРСКИХ ОБРОЧНЫХ СТАТЕЙ И СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ В 1861–1869 гг.

Исследуется проблема мирских оброчных статей в Алтайском горном округе в первые годы после проведения реформы 1861 г. в контексте административно-хозяйственной политики Кабинета. В ней выделяются основные причины конфликтов и противоречий вокруг права крестьянских обществ сдавать землю в аренду сторонним лицам. Авторами анализируются формирование позиции Кабинета по этому вопросу, доводы учреждения и процесс построения нормативно-юридической базы для реализации административно-хозяйственной политики ведомства в отношении мирских оброчных статей.

Ключевые слова: Алтай; мирские оброчные статьи; Кабинет; ведомство; земельная аренда.

Развитие земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 1855–1917 гг. было сложным, противоречивым и неоднородным, а земельно-арендная политика ведомства сталкивалась с самыми разнообразными проблемами, вызванными процессами глубокой трансформации алтайского производственно-территориального комплекса во второй половине XIX – начале XX в. Но одним из наиболее сложных, запутанных и противоречивых вопросов стали «мирские оброчные статьи».

«Головной болью» кабинетской администрации и болевой точкой всего земельно-арендного хозяйства на Алтае во второй половине XIX в., по словам кабинетского служащего и исследователя С.П. Швецова, был временный характер крестьянского землевладения, так как по реформе 1861 г. земля передавалась населению в пользование на момент издания закона впредь до разграничения и землеустройства [1. С. 14–15]. Длительный период такого переходного состояния привел к появлению арендных («оброчных») статей в дачах сельских обществ, что стало логичным следствием как новой административно-хозяйственной реальности для фактически существовавших арендных отношений в сельских обществах, так и дальнейшего развития сельскохозяйственных и промышленных сил округа, торговли, активного переселения и т.д., так как чаще всего мирские оброчные статьи представляли собой именно торговые или промышленные заведения.

Однако неопределенность границ крестьянского землепользования после реформы 1861 г. и целая череда неясностей в формулировке временных правил на фактически занимаемые сельскими обществами земли очень быстро сделала мирские оброчные статьи объектом острого и длительного конфликта между крестьянскими учреждениями и Кабинетом о праве крестьян их устраивать [2. Л. 7]. Для ведомства мирские оброчные статьи были актуальны как возможность получения практически готовых и уже обложенных оптимальной стоимостью оброчных статей, а также как наиболее яркое проявление желания сохранить контроль над

землепользованием населения. Последнее было результатом сохранившегося феодального восприятия окружающей территории, которое заключалось в желании получать доходы, выходявшие за рамки прав собственника, и в режиме внеэкономического принуждения. Иначе трудно объяснить, почему на фоне прохладного отношения Кабинета к своему земельному имуществу и арендным доходам происходила такая яростная борьба за право аренды на крестьянских землях.

С точки зрения сельского населения, это были участки непосредственного хозяйственного и жизненного пространства, пересекающегося с традициями землепользования. Крестьяне часто открывали статьи не только для получения дохода, но и для приобретения места обработки продуктов своей хозяйственной деятельности или покупки нужных вещей, для получения льгот и т.д. [1. С. 15–16; 3. Л. 13 об.]. Проблема находилась на стыке разных тенденций и становилась арендой столкновения двух земельно-правовых пространств землепользования – сельских обществ и кабинетского ведомства, поэтому столкновение двух конкурирующих игроков именно в этой области было особенно острым и конфликтным, поскольку каждая сторона считала себя правой.

Вопрос об оброчных статьях в крестьянских дачах неоднократно рассматривался в историографии, так как являлся одной из ключевых проблем землепользования на Алтае во второй половине XIX в. Однако в основном он изучался с позиции государственных учреждений и крестьянства. Отношение к нему Кабинета интересовало узкий круг исследователей (А.П. Бородавкин, Т.П. Прудникова, Е.И. Соловьева, И.А. Якимова), причем на уровне констатации позиции кабинетских чиновников, остававшейся якобы неизменной во времени. Несколько иначе, но также без раскрытия эволюционной динамики политического курса Кабинета, данный вопрос анализировали С.П. Швецов и К.Н. Миротворцев, служившие на Алтае в конце XIX – начале XX в. и внесшие существенный вклад в изучение ведомственного земельно-арендного хозяйства.

Между тем с 1861 по 1899 г. взгляд ведомственных служащих внутри кабинетской системы был неоднозначным и противоречивым. Политика Кабинета в этом вопросе менялась, а сами мирские оброчные статьи носили странный ареол вынужденного бремени, когда все понимали сложность и неправильность ситуации, но должны были предпринимать определенные усилия к ее разрешению, исходя из действовавших юридических норм и в силу определенных психологических представлений, распространенных в бюрократической среде. Кроме того, когда в историографии описывается позиция ведомства, в ней обычно не раскрываются ни внутренние источники выработки того или иного решения, ни взаимодействие с реальными законодательными актами, ни борьба среди кабинетских служащих за тот или иной способ смягчения проблемы. С учетом важности перечисленных аспектов в раскрытии темы данная статья призвана восполнить имеющийся пробел в ее изучении, акцентировав внимание на периоде, охватывающем 1861–1869 гг. Для реализации поставленной цели потребовались более углубленный анализ законодательства, с помощью которого должен был регулироваться вопрос о мирских оброчных статьях, и введение в научный оборот делопроизводственных материалов преимущественно из 4-го и 163-го фондов Государственного архива Алтайского края.

Проблема мирских оброчных статей практически сразу же после принятия законов о проведении крестьянской реформы на кабинетских землях Сибири от 8 марта 1861 г. стала обсуждаться между Алтайским горным правлением, Кабинетом, Министерством императорского двора, генерал-губернатором Западной Сибири, Томским губернским советом и другими учреждениями, в результате чего сформировалось два основных взгляда на проблему. Первая точка зрения сводилась к праву сельских обществ «хозяйственного распоряжения» своими пользованиями. Ее основными инициаторами и защитниками выступили некоторые государственные учреждения, например мировые посредники и Томский губернский совет. Она подвергалась различным изменениям и корректировкам, которые могли фактически свести на нет главную суть позиции, но отразили ее гибкость [1. С. 22; 3. Л. 14; 4. С. 147].

Второй взгляд отстаивала кабинетская администрация. Он сводился к тому, что крестьяне не могли иметь никаких оброчных статей, так как таковые не были предусмотрены на землях их пользования до реформы 1861 г. Количество крестьянских угодий и «образ пользования» ими должны были оставаться теми же, как прописано в законодательстве. По мнению кабинетских чиновников, данная норма базировалась на трех основных тезисах: во-первых, устройство оброчных статей в округе было предоставлено Кабинету высочайшим указом от 29 августа 1855 г.; во-вторых, крестьянам предоставлены только те права на землю, которыми они располагали до 1861 г., а право сдачи в

аренду земли посторонним обществу лицам не содержалось в указе от 8 марта 1861 г. и не могло входить в него по смыслу указа от 29 августа 1855 г.; в-третьих, крестьянские общества могли пользоваться землями для своих личных потребностей, но не имели права передавать земли в пользование «по собственному произволу» лицам, в состав их обществ не входивших [1. С. 22–23; 2. Л. 7 об.–8; 3. Л. 3; 4. С. 148].

В указе 1855 г. не зафиксировано исключительное право Кабинета устраивать оброчные статьи, точно так же об этом ничего не сказано и в Горном уставе 1857 г. [5]. Логика Кабинета понятна, и она имеет под собой некоторые основания, но в целом выходит за рамки утвержденного верховной властью правового пространства, и ее стоит рассматривать лишь как трактовку законов. Указ 1855 г. был удобен для последующей интерпретации и создания нормы, запрещавшей крестьянам организовывать оброчные статьи, хотя даже его основной смысл, сводившийся к принципу «земля–оброк», противоречил закону от 8 марта 1861 г.

Второй довод Кабинета относительно указа от 8 марта 1861 г., на наш взгляд, представлял собой яркое и прямое искажение кабинетскими чиновниками как формы, так и сути закона. В трактовке ведомства «право» создавать оброчные статьи по закону от 8 марта 1861 г. не входило в перечень прав, предоставленных бывшим приписным крестьянам. Кроме термина «право» в делопроизводстве использовался еще один – «образ пользования», по которому землепользование якобы должно оставаться точно таким же, как до реформы. Эти термины достаточно расплывчаты и дают возможность весьма широкого толкования, фактически являясь продуктом собственного творчества кабинетских чиновников, так как в указе от 8 марта 1861 г. четко сформулировано, что бывшие приписные крестьяне могут пользоваться землями в тех «размерах», в которых они находились до реформы 1861 г., но ничего не сказано о правах на землю или «образе пользования» [6]. Указ расходился с кабинетской трактовкой, поскольку в дореформенном состоянии должны оставаться размеры пользования или участка, а не «образ пользования». Ведомственное понимание и по сути противоречило указу от 8 марта 1861 г., так как задача закона состояла в том, чтобы предоставить крестьянам новые права, полагавшиеся им по реформе, в то время как Кабинет фактически желал оставить их в прежнем, дореформенном состоянии. В данном случае даже невозможно сослаться на то, что в условиях дореволюционного законодательства чиновникам было сложно воспринимать норму через конкретную юридическую формулировку и приходилось трактовать смысл указа. В законе от 8 марта 1861 г. этот пункт довольно точно прописан, и в таком виде его понимали и трактовали, например, Томский губернский совет и мировые посредники.

Третий пункт позиции Кабинета как раз отражает то понимание, которое ведомственные чиновники стремились зафиксировать и сделать новой нормой: крестья-

яне могут пользоваться землями для своих личных потребностей, но не могут передавать земли посторонним лицам. Создание крестьянским обществом на своей земле предприятия, которое вышло бы за рамки «личных потребностей», также нарушало это понимание. На наш взгляд, такая трактовка земельных отношений в округе является проявлением желания ведомства их контролировать и отражением феодального восприятия Кабинетом своего положения как монополиста на земельное имущество, не желающего делиться доходами и стремящегося получать прибыль внеэкономического характера. Если ранее существовало только представление о том, что сельские общества и крестьяне не могут сдавать земли в аренду, то теперь оно начало приобретать характер закрепленной нормы, встраиваться в нормативно-юридическое пространство как работающая позиция, формируя уже явление социально- и культурно-юридического, нормативно-психологического порядка.

Мнение Кабинета, утвержденное министром императорского двора 28 января 1864 г., было направлено на Алтай и генерал-губернатору Западной Сибири, закрепив норму, по которой крестьяне не могли иметь никаких оброчных статей, так как таковых до указа от 8 марта 1861 г. в их пользовании не состояло, а количество крестьянских угодий и «образ пользования» ими должны были оставаться в прежнем виде. Это вызвало новый виток переписки и споров между различными ведомствами и учреждениями, где раздражителями выступили Томское губернское по крестьянским делам присутствие и мировой посредник Мамонтов по делу о пасеке Щетинина, высказавшийся против вмешательства Горного правления в права сельских обществ распоряжаться своим землепользованием. Несмотря на продолжавшиеся споры, норма о запрете сельским обществам учреждать в свою пользу оброчные статьи оказалась практически закрепленной в нормативно-юридическом пространстве земельного хозяйства округа [1. С. 22–24; 3. Л. 14–15; 4. С. 148; 7. Л. 27–28, 149–150, 153–153 об.].

Следующий шаг кабинетская администрация сделала с помощью выхваченного из контекста тезиса из решения Томского губернского по крестьянским делам присутствия, которое в целом было невыгодно Кабинету. Согласно ему мирские оброчные статьи в случае их создания относились к излишним для сельского общества землям и причислялись к свободным горнозаводским землям с целью отдачи их в аренду с выплатами в пользу Кабинета. Причем все решение Томского губернского по крестьянским делам присутствия кабинетские чиновники признали недействительным и приостановили его реализацию с помощью генерал-губернатора. Почему легитимным и востребованным оказался лишь один единственный тезис из него — неясно и удивительно [3. Л. 4; 7. Л. 27–28, 153–153 об.].

Отнесение мирских оброчных статей к «лишним» землям и причисление их к свободным территориям с

взиманием оброка было совершенно незаконным, не имело никакой опоры в законодательстве, противоречило закону от 8 марта 1861 г. и даже его трактовке кабинетскими чиновниками. При обосновании этого решения использовалась ссылка на ст. 109 Положения от 19 февраля 1861 г. для губерний Великороссии, Новороссии и Белоруссии, суть которой была в том, что крестьянин может отдать свой надел только члену общины, т.е. передача земельного участка постороннему лицу невозможна [8. С. 249]. Данная статья, в свою очередь ссылается на ст. 142 «Общего Положения о крестьянах» [9. С. 162], в которой уже указывается на необходимость приемного приговора для желающих поступить в общество и предварительного согласия помещика. На наш взгляд, неправомерно применять эти документы к Алтайскому горному округу, который имел свой закон от 8 марта 1861 г. «О даровании облегчений и преимуществ горнозаводским людям ведомства Кабинета Его Императорского Величества» и положение от 8 марта 1861 г. «О горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов» [6, 10]. Но даже если и применять эти законы, то неправомерно использовать саму норму ст. 109. Итак, имелся реальный правовой вакуум в этом вопросе, который Кабинет стремился заполнить своим содержанием. Несоответствие нормы о «лишних землях» реальной практике сельских обществ, для которых эти участки вовсе не были лишними, была установлена еще С.П. Швецовым [1. С. 16–17].

В период с 1866 по 1868 г. конфликт между кабинетскими и гражданскими властями в лице мирового посредника Мамонтова нарастал. Мамонтов как раз указывал на неправомерность запретительных действий Кабинета, которые противоречили законам от 8 марта 1861 г. и 17 декабря 1862 г., и перенял методику борьбы ведомственных чиновников, прибегая к использованию внутренних норм Кабинета, противоречивших проводимому политическому курсу [7. Л. 28 об., 148 об.–152 об.; 11. Л. 7]. Однако в это же время Кабинету удалось в новом соглашении с генерал-губернатором Западной Сибири вторично подтвердить, что земли, отданные во временное пользование отдельных селений, могут использоваться только для личных потребностей и не могут служить источником побочных доходов, извлекаемых путем сдачи земель в аренду посторонним лицам [2. Л. 8; 3. Л. 4]. Норма была зафиксирована, что позволило затем при обсуждении проблемы мирских оброчных статей опираться именно на нее, а не на то, что ей предшествовало, не ставя саму норму под сомнение. Иначе говоря, Кабинет смог создать определенную нормативно-юридическую опору и поступательно переводил внимание на новые позиции. В том числе и на этой основе Томское губернское по крестьянским делам присутствие 12 марта 1868 г. вынесло решение, по которому устройство мирских статей все-таки запрещалось, но изъятие их в пользу Кабинета признавалось невозможным. Окруж-

ная администрация в случае их обнаружения могла лишь связаться с мировыми посредниками для того, чтобы крестьяне ликвидировали аренду или отдали бы ее членам своей общины. Запрещалось также проводить сбор информации по таким статьям. Назначение аренды в пользу ведомства было признано неправомерным согласно законам от 8 марта 1861 г. и 17 декабря 1862 г. Совет Главного управления Западной Сибири подтвердил это решение своим постановлением от 12/13 сентября 1868 г. [7. Л. 155–155 об.].

Это решение привело к тому, что ведомство сделало серьезный зигзаг в своей политике. 11 октября 1869 г. последовало предписание Кабинета по делу Щетинина, которое стало на ближайшее время основным документом в отношении мирских оброчных статей, завершив первоначальный этап развития этой проблемы. «Заводское начальство, имея право воспрепятствовать крестьянам открывать оброчные статьи на своих землях посторонним лицам, не должно было ограничивать поземельное крестьянское пользование и требовать возврата тех участков, которые по актам до 1861 г. находились в распоряжении обществ. Приводя в известность оброчные статьи, принадлежащие заводам, оно должно было ограничиться только определением их на землях свободных, в законном пользовании крестьян не находившихся, чтобы не возбуждать недоразумений и ропота крестьян, впредь до общего душевого их распоряжения, а также определением тех участков, которые самовольно крестьянами захвачены вне пределов их законных пользований» [Там же. Л. 31]. Таким образом, Кабинет утвердил свое право учреждать оброчные статьи в округе, но отказался от изъятия мирских оброчных статей в свою пользу, а также от информационных изысканий по этому поводу.

Однако предписание от 11 октября 1869 г. породило «юридическую ловушку», в которую попали все участники этих отношений: крестьяне не имели права учреждать оброчные статьи, а Кабинет не мог собирать информацию и изымать подобные статьи в свою пользу, что привело к практически полному отсутствию механизмов контроля и наказания за нарушение запрета. Получалось, что в условиях 60–70-х гг. XIX в. открытие мирских оброчных статей находилось в зоне минимального риска, так как их могли не обнаружить достаточно долго, а в случае обнаружения изъятие было невозможно. Ликвидация таких статей могла растянуться на длительное время.

В результате для официального создания оброчных статей в наделных крестьянских землях был сформирован особый механизм: лица, которые желали устроить на крестьянских землях промышленные заведения или завести земельное хозяйство, обязаны были войти в соглашение с сельскими обществами и получить приговор от них об отказе в пользу Кабинета просимого в аренду участка, после чего Алтайское горное правление заключало с этими лицами договоры с выплатами в пользу Кабинета [2. Л. 8; 3. Л. 4]. Но, по всей видимо-

сти, лишь незначительная часть оброчных статей создавалась таким способом, так как сельские общества и крестьяне очень болезненно относились к изъятию своих земель. Фактически проблема мирских статей привела к тому, что ведомством был изобретен официальный механизм изъятия наделных земель. Наряду с ним существовал неофициальный механизм, подробно описанный С.П. Швецовым. Кратко его суть заключалась в сдаче в аренду мирских земель частным лицам и предпринимателям без официальных и формальных процедур [1. С. 19–21].

Понятно, что такое промежуточное состояние не являлось выходом из сложившейся ситуации, и по мере нарастания новых экономических явлений в округе и увеличения населения положение могло бы только усугубляться, а всем участникам этого конфликта пришлось бы вступать в новое противостояние. Причем в особенно невыгодном положении – «между молотом и наковальней» – оказывались именно арендаторы, ощутив на себе в дальнейшем последствия предпринятых промежуточных шагов по произвольному толкованию действовавших законодательных норм. Сама проблема представляла собой сгусток разнообразных административно-хозяйственных и нормативно-юридических вопросов, находившихся в предельно противоречивом взаимодействии. Основной причиной конфликтного противостояния стало противоречивое законодательство, которое, с одной стороны, давало возможность для различных пониманий проблемы, с другой – иногда совсем не затрагивало те или иные вопросы, решать которые приходилось непосредственным субъектам применения закона или другого нормативного документа. Сказывались и культурно-психологические аспекты деятельности кабинетской администрации на Алтае, вызванные длительной практикой управления горным округом и господствовавшими в бюрократической среде феодальными представлениями.

Ситуация, сложившаяся с мирскими оброчными статьями, показала, что реформа 1861 г. привела к невозможности найти выход из различных административно-хозяйственных затруднений с помощью имевшихся законов и нормативных документов, которые нередко противоречили друг другу. Поэтому особенностью деятельности кабинетской администрации во второй половине XIX в. стала поступательная выработка определенных норм, которые давали возможность ведомству реализовывать определенный политический курс и искать выход из критической ситуации, но часто в ущерб законности и юридической правомерности. Это явление мы предлагаем назвать «условной рабочей нормой».

Процесс ее создания происходил с помощью жонглирования разными законами, повышенного внимания к отдельным положениям из них и сокрытием других, вольной трактовкой юридических документов, а иногда и прямым отклонением от «буквы закона» и нарушением содержания уже прописанных норм. Следующим

шагом чиновничества становилось включение выработанной «условной нормы» в систему имеющихся законных правовых отношений. Обычно это удавалось и приводило к формированию новых «условных» норм. Так создавались целые системы «условных норм», включенных в единое нормативно-юридическое пространство, что и произошло в округе в земельных от-

ношениях пореформенного периода. До проведения землеустройства вопрос о мирских оброчных статьях так и не получил разрешения, втянув в обсуждение проблемы и принятия по ней промежуточных нормативных установок большое количество лиц и учреждений, что до крайности обострило отношения между участниками споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе / сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1896. Т. 1 : Частная обрабатывающая промышленность в Алтайском округе.
2. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3573.
3. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 167.
4. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.
5. Кухаренко А.Е. Возникновение земельно-арендной отрасли в Алтайском горном округе в 1855 г. (формально-юридический аспект) // Актуальные вопросы истории Сибири : восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2011. С. 52–54.
6. Именной, данный Министру Императорского двора, распубликованный 9 марта указ «О даровании облегчений и преимуществ горнозаводским людям ведомства Кабинета Его Императорского Величества» (8 марта 1861 г.) [№ 36717] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее – ПСЗРИ-2). СПб., 1863. Т. 36, отд. 1-е. С. 437–438.
7. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2144.
8. Высочайше утвержденное Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Восточных, Новороссийских и Белорусских (19 февраля 1861 г.) [№ 36662] // ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. 36, отд. 1-е. С. 231–273.
9. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (19 февраля 1861 г.) [№ 36657] // ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. 36, отд. 1-е. С. 141–169.
10. Высочайше утвержденное Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов (8 марта 1861 г.) [№ 36719] // ПСЗРИ-2. Т. 36. Отд. 1-е. СПб., 1863. С. 439–450.
11. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 168.

Kukharensko Alexey E. Internet agency «Kuko Company» (Barnaul, Russia). E-mail: lexx-1984@mail.ru; *Soboleva Tatyana N.* Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tansoboleva@mail.ru

THE PEASANT RENTAL AREA PROBLEM AND CREATION OF THE FIRST ELIMINATION MECHANISMS IN ALTAI MOUNTAIN DISTRICT IN 1861–1869.

Key words: Altai; peasant rental area; Cabinet; Department; land lease.

The article is devoted to the problem of peasant rental area in the Altai mountain district during the first years after the reform of 1861 in the context of the administrative and economic policy of the Cabinet of His Imperial Majesty (hereinafter – the Cabinet). The authors set a goal to reveal internal content and views evolution of Cabinet managers about the right of peasant societies to open leasing items, their reflection in the department normative space and agreement of adopted resolutions with current legislature. To reach a goal the authors involved departmental and legislative sources. The publication reveals the main cause of the problem with the peasant rental area. This was due to too long implementation period of the one item in the law of March 8, 1861, according to which the Altai lands were transferred to the population for temporary use until land settlement. Without waiting for the land reform peasant societies practiced the leasing some of their land to external persons mainly for commercial or industrial establishments. Uncertainty of the peasant land borderline and the absence of clear temporary rules for rural residents to exploit actually occupied lands very quickly made peasant rental area an object of acute and prolonged conflict between institutions defending the interests of peasants and the Cabinet. The Cabinet opposed the peasant societies' right to enter into lease relations with outsiders, regarding this as a law violation. The authors found that the legislation referred to by the Cabinet lacked clear legal mechanisms to solve the problem. So department management started the legislative language interpretation and began to create a number of rules that had a relative relationship with the law, but were suitable for regulating the situation in their own interests. As the authors established, most of these “conditional” norms, worked out from 1861 to 1869, were fixated in the department normative and legal space. Based on departmental materials, the authors came to the conclusion that the Cabinet policy towards peasant rental area in 1861–1869 was controversial. It is explained by the department desire to retain control over the peasants land in use, psychological attitudes from which the Cabinet bureaucracy did not escape after the bonded labor abolition and the general uncertainty of the situation when it was necessary to react spontaneously to the problem. As a result, in 1869, were established some rules to regulate the problem of the peasant rental area. However, they did not satisfy either side of the conflict, because the peasants were forbidden to organize the peasant rental area in their lands but the Cabinet could not collect information about them. The developed formal mechanism did not dislodge the informal methods of rural land leasing which were popular among the peasants and did not remove the acuteness of this problem, which increased its conflict potential in subsequent years. The revision of the created mechanism was inevitable.

REFERENCES

1. Shvetsov, S.P. (1896) *Materialy po issledovaniyu arendnogo khozyaystva v Altayskom okruge* [Materials on research of rent facilities in the Altai region]. Vol.1. Barnaul: [s.n.].
2. The State Archives of the Altai Territory (GAAC). Fund 4. List 1. File 3573.
3. The State Archives of the Altai Territory (GAAC). Fund 163. List 1. File 167.
4. Borodavkin, A.P. (1972) *Reforma 1861 g. na Altae* [Reform of 1861 in the Altai]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kukharensko, A.E. (2011) *Vozniknovenie zemel'no-arendnoy otrasli v Altayskom gornom okruge v 1855 g. (formal'no-yuridicheskiy aspekt)* [The emergence of the land-rent industry in the Altai mountainous district in 1855 (the legal aspect)]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical Questions of Siberian History]. Barnaul: Altai State University. pp. 52–54.

6. Russia. (1863) Imennoy, dannyy Ministru Imperatorskogo dvora, raspublikovanny 9 marta ukaz "O darovanii oblegcheniy i preimushchestv gornoza-vodskim lyudyam vedomstva Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva" (8 marta 1861 g.) [№ 36717] [The nominal order given to the Minister of the Imperial Court, the decree "On granting relief and benefits to the mining employees of the department of the Cabinet of His Imperial Majesty" (March 8, 1861) [No. 36717]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 36. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 437–438.
7. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 4. List 1. File 2144.
8. Russia. (1863) Vysochayshe utverzhdennoe Mestnoe Polozhenie o pozemel'nom ustroystve krest'yan. Vodvorennykh na pomeshchich'ikh zemlyakh v guberniyakh: Velikorossiyskikh, Novorossiyskikh i Belorusskikh (19 fevralya 1861 g.) [№ 36662] [Highest approved local regulations on the land tenure of peasants on the landed estates in the provinces: Great Russian, Novorossiysk and Byelorussian (February 19, 1861) [No. 36662]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 36. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 231–273.
9. Russia. (1863) Vysochayshe utverzhdennoe Obshchee Polozhenie o krest'yanakh. Vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti 19 fevralya 1861g.) [№ 36657] [Highest approved General Regulations on Peasants released from serfdom 19 February 1861) [№ 36657]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 36. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 141–169.
11. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 163. List 1. File 168.

УДК 94:394

DOI: 10.17223/19988613/48/16

Н.А. Томилов

ТОМСК В МОЕЙ СУДЬБЕ ИСТОРИКА

Статья содержит сведения о VII международном научном семинаре «Интеграция археологических и этнографических исследований», который омские научные учреждения проводили 9–10 июня 1999 г. в Москве в рамках III конгресса этнографов и антропологов России, о сделанном на семинаре докладе А.Н. Жеравиной о жизни и деятельности томского историка и археолога З.Я. Бояршиновой. Характеризуется роль томской исторической школы в формировании научных центров в области исторических знаний в других городах Сибири, в том числе в Омске, где сложились этнографическая, этноархеологическая, культурологическая и музееведческая научные школы.

Ключевые слова: история; этнография; ученый; научная школа; университет.

9–10 июня 1999 г. в Зеленом зале главного корпуса Российской академии наук проходила работа VII международного научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований». Этот семинар был включен в программу III конгресса этнографов и антропологов России, открытие которого состоялось в Москве в Большом концертном зале «Наука» Российской академии наук. Из семи докладов, заслушанных на пленарном заседании конгресса, один был представлен по тематике VII семинара – это мой доклад «Этноархеология и проблемы этнографо-археологических комплексов в отечественной науке».

Сам названный выше ежегодный международный научный семинар был посвящен двум памятным датам – 80-летию со дня рождения выдающегося московского историка и этнографа Ильи Самуиловича Гурвича и 90-летию со дня рождения выдающегося томского историка и археолога Зои Яковлевны Бояршиновой [1. С. 134–138; 2. С. 3–21]. И вот доклад о жизни и деятельности З.Я. Бояршиновой мы попросили сделать на семинаре Анису Нурлгаяновну Жеравину, которую мы в Томске все звали Анной Георгиевной. Уже тогда она была известным историком, имела степень доктора исторических наук и звание профессора, работала на историческом факультете Томского государственного университета (ТГУ), в научном плане имела достижения в исследовании истории кабинетского хозяйства Сибири и положения приписных крестьян в этом регионе, а также успехи в формировании группы ученых по изучению истории старообрядчества Сибири. Текст ее доклада был опубликован в сборнике материалов семинара [3. С. 20–22].

В тот период в Томске шла подготовка сборника научных трудов «Человек в истории», посвященного памяти профессора, доктора исторических наук З.Я. Бояршиновой. А.Н. Жеравина пригласила меня участвовать в этом сборнике, и между нами завязалась переписка. Конечно, мы были знакомы друг с другом и раньше, когда в начале 1960-х гг. я со своими сокурсниками учился на историко-филологическом факультете ТГУ, а Анна Георгиевна была аспиранткой на этом

же факультете, а после осваивала азы ассистентской работы. Но это, как говорится, было формальное знакомство, а вот с подготовкой сборника и проведением омиками в Москве Международного научного семинара, посвященного 90-летию З.Я. Бояршиновой, между нами установились дружеские отношения, которые продолжают и поныне.

Возвращаясь к работе VII международного семинара по этноархеологии, отмечу, что в нем приняли участие 75 ученых из 17 городов России, а также из Казахстана, Кыргызстана и Украины, а материалы в сборник семинара прислали также ученые из Венгрии, Испании и Китая. Кроме А.Н. Жеравиной с докладом в связи с юбилейной датой З.Я. Бояршиновой выступила и томская исследовательница Л.М. Плетнева. Ее доклад назывался «Метод комплексного изучения древней истории Западной Сибири в связи с исследованиями З.Я. Бояршиновой» [4. С. 6].

Четыре дня встреч во время работы Конгресса этнографов и антропологов России и нашего семинара способствовали более тесному общению ученых-историков, археологов, этнографов, культурологов и музееведов. В семинаре по этноархеологии участвовали тогда многие известные в стране и за рубежом ученые, и среди них А.А. Азизян и С.Е. Ажигали из Алма-Аты, М.Ф. Косарев, Г.Е. Марков и Ш.Ф. Мухамедьяров из Москвы, А.М. Решетов из Санкт-Петербурга, Ф.Т. Валева из Казани, А.В. Головнев из Екатеринбурга, В.И. Семенова из Тюмени, Л.М. Плетнева, М.П. Черная и Л.А. Чиндина из Томска, А.В. Харинский из Иркутска, О.В. Дьякова и В.А. Тураев из Владивостока и другие. Ну и, конечно же, большая группа омских ученых, и все мы тогда с большим уважением и теплотой общались с А.Н. Жеравиной и другими учеными из Томска.

Тогда в сборник «Человек в истории» я сдал небольшую статью под названием «В память о Зое Яковлевне Бояршиновой – крупном сибиреведе и гуманисте» [5. С. 37–38]. В этой работе была дана краткая оценка научного наследия и научно-организационного вклада З.Я. Бояршиновой в системы сибирского высшего образования и сибирской науки. Тем ученым, кто

ратует за комплексный подход к изучению проблем истории Сибири, особенно близок и дорог ее вклад в интеграцию археологии, этнографии и истории Сибири. Поэтому-то ученые России, объединяющиеся вокруг ежегодного научного семинара, организуемого омскими научными учреждениями совместно с ведущими научными центрами страны, и решили VII международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» посвятить 90-летию со дня рождения З.Я. Бояршиновой. Надо отметить, что второе юбилейное событие – 80-летие И.С. Гурвича – нашло отражение в докладах Е.П. Батыяновой и Т.В. Лукьянченко (Москва) «Илья Самуилович Гурвич (страницы творческой биографии)» и в моем совместном с В.С. Томиловой докладе о вкладе И.С. Гурвича в изучение этнической истории народов СССР. А.Н. Жеравина обратила тогда наше внимание на то, что З.Я. Бояршинова и И.С. Гурвич хорошо знали и ценили друг друга.

З.Я. Бояршинова сыграла в моей судьбе как историка значительную роль, хотя первым моим учителем в области этнографии была томская исследовательница Галина Ивановна Пелих, которая преподавала мне серьезную практику этнографических экспедиционных работ по сбору полевых материалов. Но и З.Я. Бояршинова проявляла ко мне внимание в студенческие годы. В 1963–1964 гг. мне повезло работать под руководством З.Я. Бояршиновой в качестве старшего лаборанта кафедры археологии, этнографии и истории Сибири ТГУ, которую она организовала и возглавила. Тогда мне пришлось находиться с ней в одном кабинете и присутствовать при многих ее разговорах с учеными из разных городов, многочасовых консультациях ею студентов и аспирантов. Да и сам я нередко и в тот период, и позже, вплоть до отъезда из Томска в Омск в 1974 г. на работу в Омский государственный универси-

тет, нередко обращался к З.Я. Бояршиновой с просьбами помочь в решении того или иного научного вопроса. И поэтому где-то, по большому счету, я тоже считаю себя ее учеником.

Томский государственный университет как крупный научный центр в области исторического знания играл и играет существенную роль в подготовке высококвалифицированных историков в Сибири. Сама юбиляр А.Н. Жеравина является ярким примером этого процесса. Помню, когда я переезжал на работу в Омск, мой друг, тогда заведующий Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ, Анатолий Тихонович Топчий пытался убедить ректора профессора Александра Петровича Бычкова задержать меня в Томске, то тот ответил ему, что Омск – это кузница кадров, и пусть Николай Аркадьевич едет на работу в новый университет. Кстати, А.П. Бычков в свое время существенно помог мне восстановиться после службы в армии на учебу в ТГУ и получить диплом историка. Он же в 1968 г. дал согласие на ходатайство первого заведующего вышеназванной научной лаборатории доцента, а позднее профессора, доктора исторических наук Александра Павловича Бородавкина на прием меня на работу в лабораторию младшим научным сотрудником.

В целом я благодарен всем замечательным преподавателям ТГУ, которые дали нам фундаментальные знания в области исторических наук. Но особенно я благодарен за существенную поддержку моего пути в науку и в жизнь З.Я. Бояршиновой, А.П. Бородавкину, профессору С.С. Григорцевичу, который в трудные для меня с женой Валентиной Сергеевной дни говорил ей: «Не переживайте, Ваш Николай Аркадьевич обязательно будет профессором», – доценту (в будущем профессору, доктору исторических наук) В.И. Матющенко, профессору, доктору исторических наук М.Е. Плотниковой.

На снимке омские и томские ученые – участники VII международного научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований»: (слева направо) А.И. Боброва, Л.А. Чиндина, С.Н. Корусенко, А.Н. Жеравина, Н.А. Томилов, М.П. Черная, Л.А. Плетнева, (крайняя справа) Г. Москва. 10 июня 1999 г.

В Томске сформировался круг моих друзей и соратников, из которых многие стали известными учеными, – это, прежде всего, В.А. Дремов, Н.П. Кириллов, В.М. Кулемзин, Э.Л. Львова, Н.В. Лукина, Л.М. Плетнева, Ю.С. Плотников, А.Т. Топчий, Л.А. Чиндина. Мои связи с Томском после переезда на работу в Омск никогда не прерывались. Я относительно регулярно принимал участие во всероссийских научных конференциях по археологии и этнографии Западной Сибири, которые проходят в ТГУ один раз в три года. Выступал с докладами и на других конференциях в Томске. Томские коллеги и друзья постоянно участвуют в наших омских конференциях. Несколько лет мне пришлось быть членом Научного совета по интеграции академической науки и вузовского образования, сформированного на базе ТГУ и возглавляемого его ректором профессором Г.В. Майером, а со стороны Сибирского отделения РАН – академиком В.И. Молодиным. Все это привело к тому, что меня, как и в свое время А.Н. Жеравину, наградили медалью «За заслуги перед Томским государственным университетом». И несмотря

на то, что в разные годы меня наградили орденом Дружбы, орденом Почета, присудили звание «Заслуженный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», приняли в действительные члены Академии гуманитарных наук (Россия), Российской академии естественных наук и Российской академии социальных наук, наградили медалью Л.Н. Гумилева Евразийского национального университета (г. Астана) и многими другими почетными званиями и наградами, все же эту медаль от ТГУ я ценю очень высоко.

Моя творческая деятельность и творческие дерзания многих моих друзей и коллег начинались и развивались в Томском государственном университете, который остается для меня колыбелью многих моих научных поисков, приведших к созданию уже в Омске научных школ в области этнографии, этноархеологии, культурологии и музееведения [6. С. 80–86; 7. С. 34–44; 8. С. 185–203; 9.; 10. С. 27–33; 11. С. 285–295]. И наша благодарность за это Томскому государственному университету и в первую очередь его замечательным ученым-историкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корусенко С.Н. Омский семинар в Москве // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 1999. Вып. 2. С. 134–138.
2. Томилов Н.А. Российский международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» (к 10-летию со дня основания) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 3–21.
3. Жеравина А.Н. Краткий очерк жизни и деятельности З.Я. Бояршиновой // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. М. ; Омск : Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1999. С. 20–22.
4. VII Международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященный 80-летию со дня рождения И.С. Гурвича и 90-летию со дня рождения З.Я. Бояршиновой. Москва, 8–11 июня 1999 г. / отв. ред. Н.А. Томилов. Москва ; Омск : Изд. Омск. гос. ун-та, 2000. 26 с.
5. Томилов Н.А. В память о Зое Яковлевне Бояршиновой – крупном сибиреведе и гуманисте // Человек в истории. Памяти профессора З.Я. Бояршиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 37–38.
6. Dudoignon S.A. Islam in Siberia: Historical and Anthropological Aspects // Asiatic Russia Partnerships and Communities in Eurasia. Kolkata, 2009. P. 80–86.
7. Жигунова М.А. Омская этнографическая научная школа // Культурологические исследования в Сибири. 2014. № 1. С. 34–44.
8. Жигунова М.А., Томилов Н.А. Научные и научно-педагогические школы // Университет в истории и история университета : к 40-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского : очерки. Омск : Изд. дом «Наука», 2014. С. 185–203.
9. Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / отв. ред. В.П. Корзун, В.И. Матюшенко. Омск : Изд. дом «Наука», 2007. 400 с.
10. Томилов Н.А. Омский музееведческий научный центр // Культурологические исследования в Сибири. 2014. № 1. С. 27–33.
11. Томилов Н., Жигунова М. Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // Антропология академической жизни: Междисциплинарные исследования. М., 2010. Т. II. С. 285–95.

Tomilov Nikolay A. Omsk branch of Institute of archeology and ethnography of the Siberian office of Russian Academy of Science, F.M. Dostoyevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

TOMSK IN MY FORTUNE OF HISTORIAN.

Key words: history; ethnography; scientist; school of sciences; university.

The article contains data on the VII international scientific seminar “Integration of archaeological and ethnographic research” which Omsk scientific institutions carried out on June 9–10, 1999 in Moscow as a part of the III congress of ethnographers and anthropologists of Russia, as well as on A.N. Zheravina’s report at that seminar about the life and activity of Tomsk historian and archeologist Z.Ya. Boyarshinova. The role of the Tomsk historical school in formation of scientific centers in the field of historical knowledge in other cities of Siberia is characterized, including Omsk where there are ethnographic, ethnoarchaeological, culturological and museological scientific schools. The author through a prism of personal experience analyzes value of Tomsk State University as center of formation of historical specialists, touches upon a subject of a role of teachers, colleagues in formation and development of the personality of the scientist. The author focuses attention on importance of the scientific communication giving powerful impulses to creative research, opening the new horizons of professional and personal growth. The thought of need of geography expansion of scientific contacts, exchange of the new ideas and scientific achievements is emphasized. Fruitful experience of realization scientific seminars, conferences, the congresses uniting scientists of different regions and the countries is given as a good example. The author shows dynamics of development of a scientific and educational complex of Siberia, relying on the experience as the member of Scientific Council on integration of the academic science and high school education which has been created on the basis of the Tomsk State University. The retrospective view of sources of the professional growth and development allows the author to write with all objectivity that the success-

ful solution of the tasks facing science and education nowadays is impossible without support on experience of the senior generations of university professors and all teachers which could carry their pupils with the self-sacrifice, profound knowledge and devotion to the profession. This communication of university generations allows keeping and increasing greatly values of profession which in that case becomes fortune.

REFERENCES

1. Korusenko, S.N. (1999) Omskiy seminar v Moskve [Omsk seminar in Moscow]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 2. pp. 134–138.
2. Tomilov, N.A. (2002) Rossiyskiy mezhdunarodnyy nauchnyy seminar "Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy" [Russian International Seminar "Integration of Archaeological and Ethnographic Studies"]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Omsk; Khanty-Mansiysk: Omsk State Pedagogical University. pp. 3–21.
3. Zheravina, A.N. (1999) Kratkiy ocherk zhizni i deyatelnosti Z.Ya. Boyarshinovoy [A short essay on the life and work of Z.Ya. Boyarshinova]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Omsk; Khanty-Mansiysk: Omsk State Pedagogical University. pp. 20–22.
4. Tomilov, N.A. (ed.) (1999) *VII Mezhdunarodnyy nauchnyy seminar "Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy", posvyashchenny 80-letiyu so dnya rozhdeniya I.S. Gurvicha i 90-letiyu so dnya rozhdeniya Z.Ya. Boyarshinovoy* [The Seventh International Seminar "Integration of Archaeological and Ethnographic Research" dedicated to the 80th anniversary of the birth of I.S. Gurvich and the 90th anniversary of Z.Ya. Boyarshinova]. Moscow; Omsk: Omsk State University.
5. Tomilov, N.A. (1999) V pamyat' o Zoe Yakovlevne Boyarshinovoy – krupnom sibilevede i gumaniste [In memory of Zoya Yakovlevna Boyarshinova – a major Siberian researcher and humanist]. In: Zheravina, A.N. (ed.) *Chelovek v istorii. Pamyati professora Z.Ya. Boyarshinovoy* [Person in History. In Memory of Professor Z.Ya. Boyarshinova]. TomskTomsk State University. pp. 37–38.
6. Dudoignon, S.A. (2009) Islam in Siberia: Historical and Anthropological Aspects. In: Chatterjee, S., Sengupta, A. & Bhattacharya, S. (eds) *Asiatic Russia Partnerships and Communities in Eurasia*. Kolkata: Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies. pp. 80–86.
7. Zhigunova, M.A. (2014) Omskaya etnograficheskaya nauchnaya shkola [Omsk Ethnographic School]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 1. pp. 34–44.
8. Zhigunova, M.A. & Tomilov, N.A. (2014) Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie shkoly [Scientific and pedagogical schools]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Universitet v istorii i istoriya universiteta: k 40-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F.M. Dostoevskogo: ocherki* [University in history and university history: To the 40th anniversary of the Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Essays]. Omsk: Nauka. pp. 185–203.
9. Zakharova, I.V. & Tomilov, N.A. (2007) *Etnograficheskie nauchnye tsentry Zapadnoy Sibiri serediny XIX – nachala XXI veka. Omskiy etnograficheskii tsentr* [Ethnographic centres of Western Siberia in the mid-19th – early 21st centuries. The Omsk Ethnographic Center]. Omsk: Nauka.
10. Tomilov, N.A. (2014) Omskiy muzevedcheskiy nauchnyy tsentr [The Omsk Museum Studies Center]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 1. pp. 27–33.
11. Tomilov, N. & Zhigunova, M. (2010) Omskiy nauchnyy etnograficheskii tsentr: shtrikhi k portretu [The Omsk Ethnographic Centre: Strokes to the portrait]. In: Komarova, G.A. (ed.) *Antropologiya akademicheskoy zhizni: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Anthropology of Academic Life: Interdisciplinary Research]. Vol. 2. Moscow: RAS. pp. 285–95.

УДК 94(571.17)"17"

DOI: 10.17223/19988613/48/17

И.Ю. Усков

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПРИТОМЬЯ В XVIII в.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 17-11-42005а(р)).

Изучение колониационного процесса восточной окраины России – Сибири – остается магистральным направлением отечественной историографии, при этом актуализируется внимание исследователей на его проявлениях в локальных конкретно-исторических условиях. В статье рассматривается социальное развитие земледельческого населения Среднего Притомья¹ в XVIII в., результатом которого стало формирование однородной группы крестьянского сословия. Обозначены факторы, способствовавшие эволюции социальных групп, прослежена динамика численности и определен фамильный состав земледельческого населения в районе.

Ключевые слова: государственные крестьяне; приписные крестьяне; сельские посадские люди; демография; Среднее Притомье.

Ко времени проведения провинциальной реформы в Сибири (1719–1724) в основном завершился процесс колонизации русским населением Кузнецкой котловины. По обоим берегам р. Томь и ее притокам протянулась сеть населенных пунктов, вошедших в состав Сосновского, Верхотомского дистриктов Томского уезда и Мунгатского, Кузнецкого дистриктов Кузнецкого уезда [1. С. 90–95; 2. С. 31–33]. Наименование «дистрикт» в Сибири закрепилось за особыми административно-территориальными образованиями, сопоставимыми по значению с уездами, в наименовании низшей административной единицы в середине столетия вновь вернулись к термину *слобода*.

В первой четверти XVIII в. основными категориями земледельческого населения изучаемого региона являлись: служилые люди (в том числе отставные и дети служилых людей, не повёрстанные в службу), различные группы крестьян (пашенные, оброчные, монастырские) и близкие к ним гулящие люди, а также та часть посадских людей, которые, будучи приписанными к посадке, проживали в основанных ими заимках.

Во время реформ Петра I произошли значительные изменения в социальном составе общества. Это было обусловлено как сословными, так и податными принципами проводимой внутренней политики. Введённая подушная подать, распространявшаяся на большую часть населения страны, предусматривала порядок жёсткого прикрепления плательщиков к тяглу, тем самым привязывая их к месту жительства, точнее – к месту записи в оклад подати в платёжной общине. Без реализации этого принципа, по справедливому замечанию исследователей, функционирование налоговой системы в условиях того времени было значительно затруднено [3. С. 185].

В ходе реформы (1724) подушной податью в размере 74 коп. в Кузнецком уезде облагались представители 26 групп населения (дворяне, дети боярские, их дети и свойственники, пешие казаки, пушкарки, воротники, толмачи, конные казаки, беломестные казаки, отставные казаки, казачьи дети, подьяческие дети, приказные

сторожа, отставные солдаты и драгуны, притч, новокрещёны, бобыли, вкладчики, трапезники, дворовые люди, императорские крестьяне, мастеровые не в посадке, гулящие люди, ссыльные и переведенцы, подворники, уездные жители), в Томском уезде – 27 групп (за исключением подворников и с включением солдатских детей и монастырских крестьян) [4. С. 32–37]. Большинство из этих групп вошло в сформированное сословие *государственных крестьян*, которые, помимо подушной подати, за пользование землёй («вместо помещичьего дохода») облагались ещё по 40 коп. с души [5].

Многообразие источников комплектования сословия государственных крестьян ещё долго отражалось в его составе. За земледельческим населением, не являвшимся прямым потомком пашенных и оброчных крестьян, закрепился термин «разночинцы». Соотношение крестьянского и разночинского населения по итогам I ревизии составляло в Томском уезде – 20 и 80%, в Кузнецком – 35,4 и 64,6% [4. С. 38]. Отличие состояло в том, что бывшие пашенные и хлебооброчные крестьяне за четырехгривенный оброк обрабатывали десятинную пашню или вносили в казну отсыпной хлеб (единицей обложения в таком случае оставался крестьянский двор), зачисленные же в государственные крестьяне из других групп населения платили деньги. После 1762 г. работа на десятинной пашне и натуральный оброк заменяются денежным obroком, и различия между этими группами крестьянства стираются. Официальное слияние этих групп оформляется во время IV ревизии [6. С. 184–207].

Посадские люди по указу 26 июня 1724 г. сохранили полностью, в отличие от других землевладельцев, свою самостоятельность с правом владения землями. Свои права они оформляли через воеводскую канцелярию путем крепостей или грамот, которые на основании давности владения позволяли передавать землю по наследству.

Следствием того, что посадские люди жили с крестьянами в одинаковых условиях, но в разной степени эксплуатировались государством, числились по город-

ской общине, особо несли повинности, было недовольство против них как самих крестьян, так и Сибирской губернской канцелярии. На протяжении целого столетия власти предпринимали меры по выселению мещан из деревень. Однако разрешить этот вопрос в XVIII столетии не удалось.

Монастырские крестьяне из всех групп сибирских крестьян находились в наибольшей степени феодальной зависимости: они испытывали поземельную, личную и судебную зависимость от монастырей, т.е. фактически являлись крепостными. Монастырская земля делилась на собственно монастырскую и землю, находившуюся в пользовании крестьянских хозяйств. Основной повинностью крестьян являлся натуральный оброк – пятина, пятая часть от урожая каждой зерновой культуры. Пятинный хлеб крестьяне сами молотили, отвозили на мельницу, а после помола – в монастырские житницы.

В Среднем Притомье находились вотчины Томского Алексеевского (административный центр в с. Пачинском) и Кузнецкого Христорождественского монастырей. Возникший в 1648 г. Кузнецкий Христорождественский монастырь длительное время не имел монастырской запашки. Лишь переписная книга 1719 г. отмечает семь дворов монастырских половников² и работников 34 душ мужского пола (д.м.п.) [7. Л. 52 об.–54]. К моменту секуляризации в 1764 г. монастырь имел всего одну деревню (с. Прокопьевское), в которой жили 211 крестьян. Незрелость монастырского землевладения в Кузнецком уезде объясняется тем, что владения монастыря непосредственно примыкали к территории, приписанной к Колывано-Воскресенским заводам. Все жалобы монастыря по поводу того, что на его землях селились государственные крестьяне, оставались безрезультатными. Кузнецкая воеводская канцелярия не помышляла вступать в распри с Кабинетом [6. С. 224].

После проведения в 1764 г. секуляризации церковных и монастырских владений оформилась группа *экономических крестьян*, являвшихся составной частью государственных крестьян.

По указу Елизаветы Петровны от 12 мая 1747 г. для пополнения дворцовой казны серебром Алтайские рудники и заводы были взяты у наследников А.Н. Демидова на государево имя, тем самым положив начало формированию Колывано-Воскресенского горного округа. К алтайским заводам были приписаны 46 664 д.м.п., в том числе из деревень Сосновского ведомства: Иковской – 5, Чемской – 11, Изылинской – 103, Боровой – 91, Кузменской – 73, слободы по р. Ине – 47, деревни по р. Колтыраку – 12, Титовой – 71 [8. Л. 741]. Из перечисленных населённых пунктов на территории современной Кемеровской области находилась деревня Титова.

По именному указу от 22 июля 1759 г. все крестьяне Томского и Кузнецкого уездов были приписаны к заводам [9]. Таким образом, в Среднем Притомье сформировалась категория *приписных крестьян*, самая многочисленная из земледельческого населения региона.

По резолюции Кабинета Е.И.В. в 1760 г. в Кузнецком и Томском уездах в приписных к заводам острогам были учреждены *судные конторы* во главе с управителями [10. С. 37–39] – более крупные органы управления, в ведение которых переходили территории, ранее подчиненные нескольким судебным измам. В Среднем Притомье были учреждены Сосновская судебная контора, объединившая населённые пункты Сосновского и Верхотомского острогов, и Кузнецкая судебная контора, в ведение которой отошли сёла и деревни Мунгатского острога и Кузнецкого подгородного дистрикта. Наряду с традиционными хозяйственными, административно-полицейскими и судебно-исполнительными функциями судебные конторы отвечали за выполнение крестьянами заводских повинностей. В 1762 г. судебные избы и конторы были заменены соответственно *земскими избами и конторами* с сохранением прежних аппарата и функций [11. С. 185].

В Среднем Притомье землепашцы добровольно селились и после включения района в ведомство заводов, сформировав тем самым здесь в период между III и V ревизиями небольшую группу *государственных крестьян*, не приписанных к заводам. Это приводило к тому, что крестьяне одной деревни были приписаны по ревизии к разным ведомствам.

В регионе отсутствовали *посельщики* – сосланные по сенатскому указу 13 декабря 1760 г. в Сибирь помещиками крестьяне. Ссылных поселяли на территории, не включённой в заводское ведомство [6. С. 123–124].

Динамика численности земледельческого населения Среднего Притомья представлена в табл. 1.

Приведённые в табл. 1 сведения отмечают резкий скачкообразный рост населения в регионе во второй четверти XVIII в. Это стало следствием отодвигания границ Кузнецкого уезда в район Верхнего Приобья. Колонизационный процесс смещается на юг, где существовало значительное количество свободных земель, а также благоприятные для земледелия и скотоводства природные условия.

Вольная колонизация продолжалась, несмотря на явную угрозу для селившихся заводских отработок. Способствовало освоению края и то, что заводские посёлки обеспечивали возможность сбыта хлебных излишков [21. С. 240]. В результате количество населённых пунктов на территории Сосновской земской конторы увеличилось лишь в 1,8 раза, а на территории Кузнецкой земской конторы – в 4,3 раза (см. табл. 2).

После некоторой стабилизации в середине столетия рост численности населения на территории, связанной с Колывано-Воскресенскими горными заводами, продолжался в 1760–1780-е гг., причём, как отмечают исследователи, его темп был одним из самых высоких в Западной Сибири [6. С. 128]. В целом показатель среднегодового темпа прироста населения в 1720–1795 гг. в Среднем Притомье составил 1,4%.

Таблица 1

Динамика численности земледельческого населения Среднего Притомья в XVIII в. (д.м.п.)

Год	Земская контора	Государственные крестьяне	Приписные крестьяне	Монастырские (экономические) крестьяне	Сельские посадские люди	Итого	Всего
1720	Сосновская	[705 дворов]	–	170	[99 дворов]	ок. 3600 ³	ок. 5 600
	Кузнецкая	1 959	–	34	–	1 993	
1747	Сосновская	4 170	413	439	629 ⁴	5 651	11 835
	Кузнецкая	6 108 ³	–	76	– (?)	6 184	
1763	Сосновская	–	4 914	607	508	6 029	11 417
	Кузнецкая	–	5 282	106	нет свед.	5 388	
1782	Сосновская	20	6 373 (4 401 ⁶)	637	320	7 350 (5 378)	14 682 (12 710)
	Кузнецкая	59	7 158	115	нет свед.	7 332	
1797	Сосновская	–	5 859	–	625	6 484	15 966
	Кузнецкая	–	9 071	–	411	9 482	

Источники подсчета: [4. С. 86; 6. С. 109; 7. Л. 52 об.–54, 70–162; 8. Л. 299–474 об., 741; 12. Л. 316–335; 13. Л. 185–186 об.; 14. Л. 39–40; 15. Л. 120 об., 131–134 об., 154–154 об., 164 об.–165, 275 об.–319 об.; 16; 17; 18. С. 302; 19; 20. С. 56].

Таблица 2

Динамика численности населенных пунктов Среднего Притомья в XVIII в.

Год	Кузнецкая земская контора		Сосновская земская контора		Итого
	Подгородные деревни	Мунгатский станец	Сосновский острог	Верхотомский острог	
1720	20	10	95	не менее 5	130
1734	46	13	92	35	185
1763	112		151		263
1782	130		181		311

Источники подсчета: [1. С. 90–95; 2. С. 31–33; 6. С. 127; 12. Л. 309–329; 19. С. 151–154].

В ходе реформы 1779–1782 гг. были разукрупнены низшие административные единицы. Из населённых пунктов Сосновской земской конторы были сформированы Верхотомская, Кайлинская, Сосновская (в 1792 г. присоединена к Тутальской [22]), Тарминская и Тутальская слободы; Кузнецкой земской конторы – Бачатская, Ильинская, Касминская, Кузнецкая и Мунгатская слободы. Тутальская и Кайлинская слободы вошли в состав Колыванского уезда, остальные – Кузнецкого уезда Колыванской губернии [15. Л. 123 об.–134 об.]. Таким образом, территория ведомства Верхотомского острога и части Сосновского острога (Тарминская слобода) из Томского уезда перешли в Кузнецкий уезд; Кайлинская слобода территориально находилась в Новосибирском Приобье, что отразилось на снижении численности крестьян ведомства Сосновской земской конторы (см. табл. 1). Деревни Алаева, Варюхина, Елизарова, Зудова, Забабурина (Кожевникова), Черная Малая Сосновского острога вошли в состав Варюхинской слободы [15. Л. 314 об.–315 об.]. На территории бывших монастырских владений была сформирована Пачинская слобода Томского уезда, включавшая поселения экономических крестьян.

В 1797 г. после очередной административной реформы была изменена территориальная граница Колывано-Воскресенского горного округа. Было решено освободить от приписки к заводам крестьян, проживавших особенно далеко – в Каинском, Красноярском (с Ачинским) уездах и северных волостях Томского уезда. Вместо освобождавшихся приписывались государственные крестьяне Колыванского, Бийского, Куз-

нецкого и экономические крестьяне Томского уездов. В результате 843 д.м.п. экономических и 142 д.м.п. государственных крестьян (самовольно осевших на подведомственной заводам территории) Среднего Притомья дополнили состав приписных.

Всего по ревизских сказкам в регионе выявлено проживание представителей 956 фамилий, 312 из которых встречаются в документах только первой половины XVIII в. Основная категория населения – приписные крестьяне – представлена 644 фамилиями, из которых 146 фиксируются с последней трети XVIII в. Обращение к изначальному сословному составу носителей 498 фамилий, сформировавшихся в середине XVIII в. основу данной категории крестьян, позволяет определить, что 284 (57%) из них являлись потомками служилых людей, 148 (29,7%) – пашенных крестьян и оборочных людей, 22 (4,4%) – посадских людей, 44 (8,9%) фамилии имеют вариативное происхождение. Разделы семей привели к появлению множества однофамильных поселений. Так, в первой трети XIX в. только потомки основателей проживали в деревнях Елгиной (1-й и 2-й), Лязгиной, Мальцевой, Балахниной, Тарабыкиной, Романовой, Коленовой, Коневой, Литосовой, Литвиновой, Медыниной. Все приписные крестьяне д. Селезнёвой носили фамилию Ермолаевых, д. Осиновой Гривы – Шумковых, д. Колычевой – Червевых, д. Юртошной – Сизёвых, д. Мозжухиной – Новиковых. Наиболее распространёнными фамилиями в Среднем Притомье являлись: Червевы, представители которой проживали в 23 населённых пунктах, Проку-

дины – в 19, Ащеуловы, Гуты, Коневы, Тихановы – в 18, Поповы и Сизёвы – в 17.

Таким образом, социальная структура земледельческого населения Среднего Притомя в XVIII в. зна-

чительно упрощается, будучи представленной к концу столетия категориями приписных крестьян (14 930 д.м.п., или 93,5%) и сельских посадских людей (1 036 д.м.п., или 6,5%).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под Средним Притомьем автор рассматривает территорию Кузнецкой котловины в границах современной Кемеровской области.

² Половники обрабатывали монастырскую пашню, получая семена от монастыря. Урожай делился пополам. Кроме того, половники обязывались: а) поставлять по сажени дров; б) по два дня косить сено; в) по два дня возить на монастырские земли наём [23. С. 31].

³ При расчётах нами было принято, что на один двор приходится в среднем 4,25 д.м.п., так как в 132 дворах пашенных крестьян проживали 1 128 д.об.п. (см.: [24. С. 10]).

⁴ Данные на 1742 г. по исповедным росписям Преображенской церкви Сосновского острога, Николаевской церкви с. Кулакова, Предтеченской церкви с. Пачинского, Вознесенской церкви Верхотомского острога и Николаевской церкви с. Усть-Сосновского [17].

⁵ Подсчитано нами. По ревизии учла в Кузнецком уезде 11 233 д.м.п. крестьян и разночинцев, при этом в Верхнем Приобье проживали 5 125 крестьян (см.: [6. С. 109; 25. С. 48]).

⁶ Количество ревизских душ в пределах современной Кемеровской области (в Тугальской, Тарсминской и Верхотомской слободах, с учетом численности населения в деревнях, переданных из состава последней в Мунгатскую слободу).

ЛИТЕРАТУРА

1. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 59–101.
2. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подгот. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. 312 с.
3. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. 296 с.
4. Емельянов Н.Ф. Состав русского населения Сибири по итогам подушной подати и первой ревизии // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 24–45.
5. Плакат «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых» [№ 44533] (26 июня 1724 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (ПСЗ РИ-И). СПб., 1830. Т. VII. С. 310–327.
6. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965. 267 с.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 1611.
8. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3579.
9. Именной, объявленный из Кабинета Ее Величества Сенату указ «О приписке к Колывано-Воскресенским заводам из Томского и Кузнецкого уездов и из других мест крестьян 12 925 душ» [№ 10976] (22 июля 1759 г.) // ПСЗРИ.-I. Т. XV. СПб., 1830. С. 363.
10. Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919 : сб. док. Барнаул, 2003. 694 с.
11. Борблик Е.М. К вопросу о земских избах как низшем звене системы местного управления Колывано-Воскресенского горного округа во второй половине XVIII века // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 184–197.
12. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1626.
13. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3580.
14. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 58.
15. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151.
16. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 155, 229, 698, 821.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 13.
18. Баккаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810. 361 с.
19. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. 181 с.
20. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984. 224 с.
21. История Сибири : в 5 т. Л., 1968. Т. 2. 538 с.
22. ГАТО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 12.
23. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М. ; Л., 1946. 228 с.
24. Бояршинова З.Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 3–19.
25. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. 144 с.

Uskov Igor Yu. Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russia). E-mail: Yskov74@gmail.com

THE AGRICULTURAL POPULATION OF THE MIDDLE PRITOMYE IN THE 18TH CENTURY.

Key words: state peasants; ascribed peasants; the rural townspeople; demography; Middle Pritomye.

The article is devoted to the problem of studying socio-demographic processes in narrow territorial regions (Middle Tom River Region within the borders of the modern Kemerovo region). The methodical solution of the problem was the definition of comparable boundaries of administrative-territorial division (county - zemsky office). This is the territory of agricultural regions formed in the XVII century.

ry: Sosnovsky and Verkhotomsky burgees of Tomsk district, Mungat burg and Kuznetsk suburb of Kuznetsk district. The empirical base of the research were the materials of historians and archival sources (Russian State Archive of Ancient Acts, State Archive of the Altai Territory, State Archive of the Tomsk Region). Factors have been identified that contributed to the evolution of social groups of the agricultural population in the region (tax reform and formation of the category of state peasants; Organization of the Kolyvan-Voskresensk mountainous district and the folding of the category of ascribed peasants). According to the primary and summary materials of the census registration, the dynamics of the number of each of the social groups of the agricultural population of the Middle Tom River Region was traced (state, monastic (economic), ascribed peasants, "raznochintsy", rural townspeople). The peculiarity of the process of population reproduction in the region was the dominance of natural growth over the mechanical (due to the displacement of the colonization flow to the south and the government's ban on settling in the territory of the mining district). The average annual rate of population growth was 1,4%. The family composition of the agricultural population of the Middle Tom River Region was determined (956 surnames, of which 644 belonged to representatives of the category of registered peasants), was tendency of folding single-family settlements in the region. The number of agricultural population according to the results of the 5th revision census (1795) was 15 966 men: ascribed peasants were 14930 men or 93,5%, rural townspeople – 1036 men or 6,5%.

REFERENCES

1. Elert, A.Kh. (1988) *Istoriko-geograficheskoe opisaniye Tomskogo uezda G.F. Millera (1734 g.)* [Historical and geographical description of Tomsk County by G.F. Miller (1734)]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Sources on the History of Siberia in the Pre-Soviet Period]. Novosibirsk: Nauka. pp. 59–101.
2. Elert, A.Kh. (ed.) (1996) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in the travel descriptions of G.F. Miller]. Novosibirsk: Nauka.
3. Anisimov, E.V. (1982) *Podatnaya reforma Petra I. Vvedeniye podushnoy podati v Rossii 1719–1728 gg.* [Peter I's Tax Reform. Introduction of the poll tax in Russia in 1719–1728]. Leningrad: Nauka.
4. Emelyanov, N.F. (1984) *Sostav russkogo naseleniya Sibiri po itogam podushnoy podati i pervoy revizii* [Composition of the Russian population in Siberia according to the results of the poll tax and the first audit]. In: *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy istorii Sibiri* [Economic and Social Problems in Siberian History]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24–45.
5. Russia. (1830) *Plakat "O sbore podushnykh deneg, o povinnostyakh zemskikh obyvateley v pol'zu kvartiruyushchikh voysk i o nablyudenii polkovym nachal'stvom blagochiniya i poryadka v seleniyakh, voyskami zanimayemykh"* [№ 44533] (26 iyunya 1724 g.) [Instruction "On the collection of poll-tax, on the duties of the landowners in favor of the lodging forces and on the observation by the regimental commanders of deanery and order in the villages occupied by troops" [No. 44533] (June 26, 1724)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 7. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 310–327.
6. Gromyko, M.M. (1965) *Zapadnaya Sibir' v XVIII veke* [Western Siberia in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
7. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. Book 1611.
8. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 350. List. 2. File 3579.
9. Imennoy, ob'yavlenyy iz Kabineta Ee Velichestva Senatu ukaz "O pripiske k Kolyvano-Voskresenskim zavodam iz Tomskogo i Kuznetskogo uezdov i iz drugih mest krest'yan 12 925 dush" [№ 10976] (22 iyulya 1759 g.) [The Decree announced from the Cabinet of Her Majesty to the Senate, "On the addition to the Kolyvan-Voskresensk factories from the Tomsk and Kuznetsk districts and from other places of 12,925 peasants" [No. 10976] (July 22, 1759)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 15. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 363.
10. Mikulich, M.A. (ed.) (2003) *Mestnoe samoupravleniye na Altaye. 1747–1919* [Local Self-government in Altai. 1747–1919]. Barnaul: [s.n.].
11. Borblik, E.M. (1980) *K voprosu o zemskikh izbakh kak nizshem zvene sistemy mestnogo upravleniya Kolyvano-Voskresenskogo gornogo okruga vo vtoroy polovine XVIII veka* [On county huts as the lowest link in the system of local government of the Kolyvan-Voskresensky mountainous district in the second half of the 18th century]. In: Borodavkin, A.P. (ed.) *Aktual'nye voprosy istorii Altaya* [Topical Issues of Altai History]. Barnaul: [s.n.]. pp. 184–197.
12. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. Book 1626.
13. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 350. List 2. File 3580.
14. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 1. List 2. File 58.
15. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 1. List 2. File 151.
16. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 169. List 1. Files 155, 229, 698, 821.
17. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 173. List 1. File 13.
18. Bakkarevich, M.N. (1810) *Statisticheskoe obozreniye Sibiri* [Statistical review of Siberia]. St. Petersburg: V tipografii Shnora.
19. Emelyanov, N.F. (1981) *Zaseleniye russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyuyu epokhu* [The Settlement of the Russians in the Middle Ob in the Feudal Era]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Emelyanov, N.F. (1984) *Gorod Tomsk v feodal'nyuyu epokhu* [Tomsk in the Feudal Era]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri: v 5 t.* [Siberian History. In 5 vols]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
22. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 137. List 1. File 12.
23. Shunkov, V.I. (1946) *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII – nachale XVIII vekov* [Essays on the History of the Colonisation of Siberia in the 17th – early 18th centuries]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. Boyarshinova, Z.Ya. (1967) *Krest'yanskaya sem'ya Zapadnoy Sibiri feodal'nogo perioda* [The peasant family in Western Siberia during the feudal period]. In: Razgon, I.M. & Bozhenko, L.I. (eds) *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of Siberian History]. Issue 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–19.
25. Buligin, Yu.S. (1974) *Pervyye krest'iane na Altaye* [First Peasants in Altai]. Barnaul: Altayskoe knizhnoye izdatel'stvo.

УДК 94.47

DOI: 10.17223/19988613/48/18

М.С. Черкасова

ОБЩИНА И ЦЕРКОВЬ НА СЕВЕРЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

Рассмотрены отношения между церковно-приходскими общинами и архиереями на севере России в 1682–1700 гг. Показано нарастание надзора и контроля архиерейской власти над финансово-хозяйственной деятельностью церковных старост. Проанализированы ревизии денежных, земельных, хлебных ресурсов приходских церквей Устюжской епархии. Опыт их был использован государственной властью в 1697 г. в условиях острых финансовых потребностей на начальном этапе петровских реформ.

Ключевые слова: Север России; государство; церковь; община; приходы; ревизия.

Органической частью петровских реформ стали преобразования в сфере церкви и церковно-государственных отношений. При ясности общего хода и направленности этого процесса (упразднение института патриаршества, осуществление частичной секуляризации церковно-монастырского землевладения, введение Св. Синода, выработка Духовного регламента) его хронология и некоторые региональные особенности остаются ещё недостаточно исследованными в научной литературе [1, 2].

Применительно к обширному региону Русского Севера (включавшему 35 уездов) началом церковных реформ можно считать учреждение в 1682 г. двух новых епархий – Холмогорской и Устюжской, что разукрупнило прежние, более древние и огромные по территориальному охвату, митрополии – Новгородскую и Ростовскую, приблизило структуры церковного управления к городским и сельским приходам, местным монастырям, белому и черному духовенству [3, 4]. Первые севернорусские архиереи (Афанасий Холмогорский, Геласий и Александр Устюжские) в своей политике вынуждены были считаться с особенностями исторически сложившегося здесь церковно-земского строя. Они заключались в весьма осязатом проявлении выборного начала (в лице церковных старост), отражавшего существенную роль общинных институтов и традиций в жизнедеятельности приходских сообществ. Жизнь земская (гражданская) и церковная здесь тесно переплетались.

Представлявшие интересы приходской общины в городе и деревне церковные старосты, земские сотские, десятские, целовальники выбирали или нанимали священников и других причетников, контролировали их в имущественно-налоговых вопросах, определяли денежное, хлебное и земельное содержание. Церковные старосты вели свои приходные и расходные книги, широко предоставляли денежные и хлебные ссуды нуждающимся крестьянам и посадским людям, сдавали в оброк церковные угодья, нанимали на работу в церковные деревни половников. Нередко они занимались также торгово-хозяйственной деятельностью, будучи крупными купцами (устюжане Вас. Грудцын и Гр. Мыльников, сольвычегодец Г.Д. Строганов, житель Лальска Я.П. Саватеев и др.).

С учётом сложных природных условий Севера, его огромных пространств, преобладания черносошного крестьянства перенос порядков земского самоуправления на церковную сферу вполне объясним [5]. Не считаться с издавна сложившимися устоями церковно-земского строя на Русском Севере епископальные власти не могли, но и не в их корпоративно-сословных интересах было умаление собственных прерогатив в этой области. В реализации последних с конца XVII в. нарастали, как отмечается в литературе [4. С. 24–27] бюрократические и регламентирующие черты. Это хорошо видно по формуляру выборных памятей в 1680–1690-е гг. (они же «излюбы», «поряды») на священников, в которых на первое место были выведены их обязанности «быть неотступно для *святительского* и церковного дела, радеть о нём по *архиерейскому* указу и мирскому выбору, на ослушников бить челом преосвященному *архиерею*». Выборные памяти доставлялись в архиерейский разряд и записывались в «столп». На основе «мирского заручного выбора» выносился архиерейский указ о назначении попа в данный приход, оформляемый обычно памятью казначая с печатью [6. Т. XII. Стб. 822–823, 828–830, 832, 1229–1331].

Одним из первых распоряжений назначенного на Устюг архиепископа Геласия в марте 1682 г. стал запрет в трапезах земских и мирских сходов внесения и распития там «праздничного молебного пива», чтобы в церквях не было «раздоров, мятежей, неподобные матерные брани и боя» [Там же. Стб. 567–568]. В этом, как считает С.В. Юшков, выразилась попытка первых севернорусских архиереев поставить церковно-приходскую жизнь под свой контроль, ограничить автономию приходов, но существенного практического значения этот указ не возымел [7. С. 33]. С.В. Юшков вообще считал Геласия не столь активным в деле реформирования приходов по сравнению с Афанасием Холмогорским, с присущей тому широтой деятельности, настойчивостью, просветительно-учительным масштабом [4. С. 131]. Нам это мнение представляется чрезмерно суровым: документальное наследие от времени пастырского служения Геласия, хоть и недолгого (1682–1684), показывает его многостороннюю деятельность по формированию и укреплению епархиальных институтов

управления, экономики, финансов, суда. Он определил направления церковной политики, по которым в дальнейшем пойдёт его преемник, архиеп. Александр (1685–1699), – это преобразование отношений с приходскими сообществами, земскими властями и с духовенством в целом. Что же касается Афанасия Холмогорского, то и он выступал против трапезных пиров и братчин, старался искоренять их из церковно-приходской жизни, равно как и совмещение функций церковных и земских дьячков в одном лице [3. С. 246].

При посещении в апреле 1683 г. Спасо-Преображенского погоста в селе Щекино под Устюгом Геласий в присутствии всех вынул деньги из казённой кружки (7 руб. 11 алт. 4 ден.) и передал их церковному старосте [8. № 285. Л. 5 об.–6]. Не заключалось ли в этом нечто символическое? В дальнейшей политике устюжских архиереев все явственнее станут контроль над церковными доходами и расходами, стремление усилить зависимость церковных старост от епископской власти и ослабить – от местной общины, сделать должность церковных старост выборной и ежегодно сменяемой с 1 сентября. Ревизия прихода-расходных книг при Геласии была проведена в Рождественской церкви в Подосиновской волости Устюжского уезда. Она коснулась финансовой документации церковных старост за 10 и более предшествовавших лет [6. Т. XII. Стб. 741]. Ещё большее распространение контролирующие функции архиерейской кафедры над храмами получают при архип. Александре, что приведёт к конфликтным ситуациям и с земским обществом, и с воеводской властью. В ноябре-декабре 1683 г. по указу Геласия перед его приказными старосты некоторых посадских церквей Устюга отчитывались о хозяйственной деятельности – имуществе, доходах и расходах, землевладении, торговых помещениях, промыслах, нанимаемых работниках-половниках [6. Т. XIV. Стб. 595–608; 7. № 291].

Масштабная деятельность архиерейской администрации развернулась в июле-августе 1686 г., когда в десятки приходов были посланы её должностные лица для ревизии денежной и хлебной казны церковных старост. Проверка проводилась за 1682–1686 гг., а к 1 сентября 1687 г. было приказано выбрать новых церковных старост («прожиточных и не упьянчивых, которым можно верить»), тем явиться в Устюг для архиерейского утверждения и предъявления всей документации – прихода-расходных книг, росписей, кабал, крепостей [6. Т. XIV. Стб. 730–813].

Архиерейские ревизоры действовали в соответствии с наказной памятью игумена духовных дел Макария, скрепленной печатью. Помимо денег, учитывались находящиеся в церковной казне драгоценные предметы – золотые и серебряные кресты, венцы, кольца, перстни, чарки, монеты (включая иностранные), а ещё книги, крепостная документация, облачения священнослужителей, колокола, запасы хлеба. Если к этому добавить фиксацию церковных деревень и пожен, других

угодий, то подобные перечни и росписи предстанут как описи, описные книги церковного имущества. Попутно старосты и попы предоставляли сведения о количестве венчанных в данном приходе браков, отсутствии у них раскольников (а если они объявятся, то готовности обязательно о том извещать архиепископу [6. Т. XII. Стб. 804, 806], исправном посещении богослужений в воскресные дни и исповеди прихожанами в Великий пост. По некоторым приходам сообщались списки церковных старост за прошлые годы [Там же. Стб. 804, 806].

В ряде церквей вообще никогда не велись прихода-расходные книги, что объяснялось бедностью и малочисленностью храма («приходу большому не от чего быть, приход небольшой, церковных деревень нет»; «...место наше самое скудное») либо несложностью расчётов: «денги держат впросте, за денги по кабалам крестьяне платят хлебом». Отсутствие прихода-расходных книг иногда объяснялось ещё и тем, что об этом «не было архиерейского указа и прежде его не бывало».

В наказной памяти архиеп. Александра избранному в Николо-Котласском приходе церковному старосте в августе 1686 г. говорилось об его первой обязанности: записывать «безо всякой утайки правду всякий церковный приход и расход в книги, которые даны из архиерейского розряду за приписью духовных дел игумена Макария» [Там же. Стб. 816–818]. Аналогичная наказная память была выдана избранному 1 сентября 1686 г. по мирскому приговору старосте церкви вмчц. Варвары в Устюге К.С. Малетинскому 29 ноября 1686 г. Центральное место в ней занимает подробная «должностная инструкция» о том, как следует записывать «по статьям» расход – на поддержание «строения» (иконы, ризы, книги), на предоставление денежной и хлебной помощи нуждающимся, а приход – за счёт вкладов-подаяний от доброжелателей храма. При этом церковные старосты должны были действовать совместно с попами, а те своими печатями скрепляли бы учётные книги.

Значит, первые устюжские архиереи Геласий и Александр настойчиво внедряли унифицированную форму прихода-расходной документации для храмов. Там же, где она уже была, в качестве недостатка указывалось на то, что в прошлые годы «нерадением церковных старост казна в кабалах истерялась», т.е. было предоставлено много денег в долг, которые затем невозможно стало вернуть. Теперь же церковные старосты, вступая в должность «по мирскому выбору и архиерейскому указу», должны были принимать казну у прежнего старосты по росписям и по противням, а список с них «за своими руками отправлять в архиерейский разряд». В этом же учреждении были обобщены результаты ревизии 1686 г. Они показали, что в двух третях Устюжского уезда – Двинской и Сухонской – наличной денежной казны в переписанных храмах имеется свыше 2 097 руб., а по кабалам роздано свыше 7 560 руб., хлеба – 1 121 четв. ржи, 646 четв. ячменя, 439 четв. овса, по 2 четв. пшеницы и гороха [Там же. Стб. 757].

Всеохватной ревизия церквей летом 1686 г. не стала, не выйдя за пределы Устюжского уезда, да и в нём не все храмы затронула, как и города Тотьму и Сольвычегодск с их уездами, однако ею было подготовлено по-настоящему валовое описание Устюжской епархии в августе-сентябре 1697 г. Попытка архиерейской власти вплотную приблизиться к церковной денежной и хлебной казне, досконально вникнуть во внутреннюю жизнь приходской общины вызвала бурное неприятие «всеуездных старост» на Устюге, которые имели существенное влияние на ход местной жизни.

В 1687–1688 гг. от них на царское имя поступили челобитные с жалобами на вмешательство архиеп. Александра и его приказных людей в «черные церковные деревни», их денежные и хлебные доходы и расходы, наемных работников-половников. Если в земской челобитной от 7 апреля 1688 г. утверждалось, что деньги и хлеб из казны церквей раздавались самым скудным крестьянам для выплаты государственных налогов, то архиерей на основе уже проверенных в его казённом приказе «заручных прихода-расходных книг» доказывал обратное: казну церквей раздавали самым лучшим и богатым прихожанам. Святитель предлагал ведать эту казну церковным старостам совместно со священниками, «считать (т.е. контролировать. – М.Ч.) старост в этой казне по вся годы», и пусть старосты и мирские будут во всем ему послушны [6. Т. XII. Стб. 966].

В ответ на эти челобитные из приказа Устюжской чети за приписью дьяка П. Возницына архиерейским слугам было запрещено чинить обиды церковным старостам и половникам, вступаться и въезжать в церковные деревни. В январе 1689 г. состоялся боярский приговор, предписавший земским активистам взять у домового казначея списки с прихода-расходных книг церквей и по ним взыскать на должниках долги, выбрать новых церковных старост, «всякой церкви иметь свою казну порознь», держать её на всякое церковное строение и делать это с ведома архиеп. Александра [6. Т. XII. Стб. 957, 964].

В последние годы пастырского служения архиеп. Александра (1696–1697) произошёл новый конфликт между ним и земцами. Обе спорящие стороны активно обращались со своими челобитными к царям Ивану и Петру Алексеевичам, а ещё к патриарху Адриану. Всеуездные старосты жаловались на высокие налоги и пошрины, установленные архиеп. Александром в сравнении с прежними Ростовскими митрополитами («извычаев у нас таких не бывало»). Земцы составили настоящую петицию, в которой по пунктам сформулировали причины своего недовольства политикой архиерея: 1) вступается в церковное казенное мирское строение; 2) над старостами попы ведают; 3) попов и иных церковников ставит; 4) от церкви к церкви переводит без мирских выборов; 5) старост почасту переменяет; 6) с книгами на Устюг в розряд высылает; 7) налоги и обиды чинит мирским людям; 8) требует с церковью хлеб и деньги.

Архиеп. Александр в ответных челобитных парировал все утверждения «непослушливых и непокорливых сынов своих», называя наиболее активных земцев «горланами, ябедниками, заединщиками, ссорниками, мятежниками с их неправдой и смутой» [6. Т. XII. Стб. 1238, 1257]. В понимании архиепископа позиция земских активистов (церковного старосты, крупного купца Григория Мыльниковца и земского третчика Степана Кузнецова) заключалась в том, чтобы «крестьянам иметь свою волю над попами». С.В. Юшков считал, что земские челобитные против архиеп. Александра не возымели никакого действия на правительство [7. С. 130–133]. Нам же представляется, что оно заняло компромиссную позицию. М. Горчаков опубликовал одну выписку Монастырского приказа 1703 г., в которой пересказывалась грамота архиеп. Александру, чтобы он «церковных древних обычаев не нарушивал» и в церковные деньги не вступался, не превращал их в доходы своего архиерейского дома [2. Прил. С. 12–13]. Вместе с тем уже 25 января 1697 г. в грамоте Петра I архиеп. Александру, оформленной в приказе Большого дворца, было указано произвести перепись всех приходских церквей в его епархии – городах Устюге, Сольвычегодске, Тотьме, Яренске с их уездами [6. Т. XII. Стб. 1337–1343]. Помимо данных о строительстве в монастырях и приходах (городских и сельских), церковным и светским властям требовались подробные сведения о составе их земельных угодий, количестве крестьянских, бобыльских и половничьих дворов, источниках получения и способах расходования денежных средств, кредитовании ими хлебом и деньгами нуждающихся горожан и сельчан, состоянии городской недвижимости церквей (дворы, лавки, амбары, подвалы и пр.). В грамоте приводились те же самые итоговые показатели в отношении денежной и хлебной казны, в том числе и находящейся в долгах, что были установлены архиерейской переписью в рамках Устюга и уезда 1686 г. Запрещалось расходовать денежные и хлебные запасы церквей до особо распоряжения царя, а подлинные переписные книги следовало прислать в приказ Большого дворца. И.А. Булыгин связывает этот запрет с более ранним петровским указом, направленным Афанасию Холмогорскому, – 6 декабря 1696 г. [1. С. 66–67]. Запрет каменного строительства и требование ежегодного учета хлебно-денежного прихода-расхода распространялись и на сибирские монастыри, согласно полученному митрополитом Тобольским Игнатием Римским-Корсаковым петровскому указу в 1694/95 г. [2. С. 117–118, 178]. Во второй половине 1690-х гг. уже разворачивался начальный этап Петровских реформ, особое финансовое напряжение вызывало строительство флота, и в этих условиях тяготение государства к хозяйственно-денежным ресурсам церкви было налицо.

Во исполнение указа Петра I от 25 января 1697 г. подьячий архиерейского разряда С. Красильников совместно с церковными и поповскими старостами произвел описание церквей в четырёх городах и уездах Устюжской

епархии. Так возникла объемная книга, имеющая скрепу архиерейского дьяка Данилы Игнатьева (1 162 л., формат в четвертку) [9. № 76]. Отдельные ее части составлялись в приходах и имеют между собой некоторые отличия. Книга эта впервые была кратко отмечена в монографии И. Покровского [10. С. 369], более конкретно она рассматривалась нами [11], а два её раздела – Сольвычегодский и Яренский – были опубликованы Н.П. Воскобойниковой [12–13]. Преамбулы уездных разделов книги содержат пересказ грамоты Петра I преосв. Александру от 25 января 1697 г. Устюжский раздел датирован 27 августа, Тотемский – 9 сентября, Сольвычегодский – сентябрем без указания числа, Яренский – 20 сентября. Таким образом, описание было проведено сравнительно быстро, с 27 августа до 20 сентября 1697 г. Спустя три года, в июне 1700 г., по петровскому указу бурмистрам северных городов (Устюга, Сольвычегодска, Тотмы, Яренска) было предписано собрать и доставить в приказ Большого дворца установленную переписью 1697 г. наличную казну в сумме свыше 21 943 руб. [8. № 370. Л. 35]. В июле 1700 г. бурмистры и церковные старосты должны были осуществить правёж денежной и хлебной казны по заёмным кабалам.

В описании Устюжской епархии в 1697 г. и последующих мероприятиях правительства в 1700 г. можно видеть несомненное проявление конфискационной церковной политики Петра I на начальном этапе его

преобразований. В соседней Важско-Холмогорской епархии несколько ранее (в 1692 г.) по распоряжению архиеп. Афанасия Холмогорского была произведена опись часовенных приходов [6. Т. XXV. Стб. 349–762]. В 1701–1705 гг. администрация Монастырского приказа осуществила описание не только огромного числа монастырей в России, но и множества соборных и приходских церквей в городах и уездах [1. С. 312–323]. В какой степени в отношении их был учтён опыт недавней ревизии Устюжской епархии, должны показать конкретно-исторические исследования. В любом случае масштаб прайтельственных мероприятий в отношении всех звеньев церкви в 1697–1705 гг. невозможно переоценить.

Таким образом, разветвлённая церковно-приходская сеть отдельно взятой епархии в четырех городах с их уездами предстаёт перед нами как объект сложного переплетения интересов: 1) традиционного севернорусского общества, отстаивающего своё самоуправление над храмами и их духовенством; 2) епископальных, церковно-сословных устремлений, направленных на усиление и упорядочение «вертикали» церковной власти и 3) стремительно возрастающих фискальных потребностей государства на фоне развернувшихся структурных преобразований начала Петровской эпохи. Стоит ли говорить о том, что последние в конечном итоге взяли верх над всеми остальными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII. М.: Наука, 1977. 327 с.
2. Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. 460 с.
3. Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908. 683 с.
4. Камкин А.В. Православная Церковь на севере России. Очерки истории до 1917 г. Вологда: Русь, 1992. 165 с.
5. Камкин А.В. Крестьянский мир на русском севере (Материалы по истории северорусских крестьянских сообществ XVIII в.). Вологда: Русь, 1995. 97 с.
6. Акты Холмогорской и Устюжской епархий // Русская историческая библиотека. СПб. 1890, Т. XII; 1894, Т. XIV; 1908. XXV.
7. Юшков С.В. Очерки истории приходской жизни на севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913. 134 с.
8. Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260. Оп. 3.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 236. Оп. 1.
10. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1. 534 с.
11. Черкасова М.С. Переписная книга Устюжской епархии 1696/97 г.: из истории практического архивоведения на Севере России в конце XVII в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 12 (74). С. 117–130.
12. Воскобойникова Н.П. Церковные приходы Сольвычегодского уезда по переписной книге городских и уездных церквей Устюжской епархии 1696/1697 годов // XVII век в истории и культуре Русского Севера: материалы XII Каргопольской науч. конф. Каргополь, 2012. С. 179–186.
13. Воскобойникова Н.П. Церковные приходы Яренского уезда по переписной книге городских и сельских церквей Устюжской епархии 1696/97 г. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2012. № 2 (18). С. 47–95.

Cherkasova Marina S. Vologda State University (Vologda, Russia). E-mail: mscherkasova@mail.ru

THE COMMUNITY AND THE CHURCH IN THE NORTH OF RUSSIA ON THE EVE OF THE PETER'S REFORMS.

Key words: The North of Russia; the State; the Church; the community; the parishes; the revision.

The aim of the presented article is broadening and deepening regional and chronological aspects of the initial phase of the church reform of Peter the Great, main lines of the North-Russian communities with episcopal power and church-state relations at the level of the Ustuzhskaya diocese. To achieve this aim, the task is to trace the restrictions in the foundations of the church and of the provincial government and self-government by the ecclesiastical authorities. Research methodology is based on the integration of objective and subjective factors of social evolution, the ratio of macro- and micro-history, institutional (State, Church, and Community in the town and village), and historical and anthropological approaches to the study of the past, showing mentality of the people of that era. Problem field of the study is accounting the analysis of the all spectrum of the Church-State and Church-Country relations in 1680–1690-ies – early 1700-ies. It required to articulate more clearly the person and basic directions of activity of the first Ustug's archbishops – Gelasija (1682) and Alexander (1684–1699), that for a long time remained in the shadow of majestic shapes of the most famous church hierarchy of the Russian North – Athanasios Kholmogory. The material basis of the research were both published and archives sources from the

regional and federal funds: the acts of the Church hierarchy, “chelobytni” of the urban and rural residents, income-expense book, elective and instruction “memories” (pamyti). The analysis of the extensive census books of the Ustjug’s diocese of the 1696/97, stored in the Russian State archive of ancient documents (RGADA) in Moscow is of great importance. In the course of the study, the author came to the conclusions that the Russian North has long been the practice of the control of the parish community (represented by the elected chiefs) over their temples: secular elections priests (‘popov’), giving out land and clergymen for their sector, identifying other sources of their material status, control over the trade and fishing, and credit activity of the parish clergy. This experience was used by the first Ustjug’s bishops, and soon by the State against itself. Conducted in 1697 a massive description of Ustuzhskaya diocese was based on experience of the similar revision (auditing) in 1686–1688. The article revealed not only the nature of the Church and Government confiscation of parish churches, but also compromise the State regulation of the church-country conflicts on Ustug in 1680–1690.

REFERENCES

1. Bulygin, I.A. (1977) *Monastyrskie krest'yane Rossii v pervoy chetverti XVIII* [Monastic peasants of Russia in the first quarter of the 18th century]. Moscow: Nauka.
2. Gorchakov, M. (1868) *Monastyrskiy prikaz (1649–1725). Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya* [Monastic order (1649–1725). Experience of historical and legal research]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Veryuzhskiy, V. (1908) *Afanasiy, arkhiepiskop Kholmogorskiy, ego zhizn' i trudy* [Athanasius, Archbishop of Kholmogory, his life and works]. St. Petersburg: I.V. Leontyev.
4. Kamkin, A.V. (1992) *Pravoslavnyaya Tserkov' na severe Rossii. Ocherki istorii do 1917 g.* [Orthodox Church in the North of Russia. Essays on History until 1917]. Vologda: Rus'.
5. Kamkin, A.V. (1995) *Krest'yanskiy mir na russkom severe (Materialy po istorii severorusskikh krest'yanskikh soobshchestv KhVIII v.)* [Peasant peace in the Russian north (Materials on the history of the North Russian peasant communities of the eighteenth century)]. Vologda: Rus'.
6. Barsukov, A.P. et al. (eds) (1890) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 12. St. Petersburg: F. Eleonskiy i Ko.
7. Yushkov, S.V. (1913) *Ocherki istorii prikhodskoy zhizni na severe Rossii v XV–XVII vv.* [Essays on the History of Parish Life in the North of Russia in the 15th–17th centuries]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.
8. The State Archives of Vologda Region. Fund 1260. List 3.
9. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 236. List 1.
10. Pokrovskiy, I.M. (1897) *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i predely* [Russian dioceses in the sixteenth and nineteenth centuries, their discovery, composition and limits]. Vol. 1. Kazan: Tipo-lit. Un-ta.
11. Cherkasova, M.S. (2011) Register book of Ustiug eparchy of 1696/97 year: From the history of archivalistics in the Russian North in the 17th century. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 12(74). pp. 117–130. (In Russian).
12. Voskoboynikova, N.P. (2012) [Church parishes of Solvychevodsky Uyezd on the census book of the city and uyezd churches of the Ustyug Diocese of 1696/1697]. *XVII vek v istorii i kul'ture Russkogo Severa* [The 17th Century in the History and Culture of the Russian North]. Proc. of the Conference. Kargopol. pp. 179–186. (In Russian).
13. Voskoboynikova, N.P. (2012) Church districts of the Yarensk uезд by the census books of the towns and uезд churches of the Ustyug eparchy (1696/97). *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy – Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*. 2(18). pp. 47–95. (In Russian).

УДК 070.481(571.1/.5)

DOI: 10.17223/19988613/48/19

В.В. Шевцов

**К.М. ГОЛОДНИКОВ – КРИТИК, АВТОР И РЕДАКТОР
«ТОБОЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»**

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Рассмотрены факты биографии секретаря тобольского губернского статистического комитета, краеведа и журналиста К.М. Голодникова, связанные с «Тобольскими губернскими ведомостями». Для многих общественных деятелей «второго плана», не вошедших, как К.М. Голодников, в «большую» историю Сибири, участие в губернских ведомостях, длительное время бывших единственной провинциальной газетой, стало частью жизненного сценария, возможностью личностной самореализации и причастности к «открытию» Сибири для местного и общероссийского читателя.

Ключевые слова: «Тобольские губернские ведомости»; губернское управление; общественная жизнь Сибири.

Капитон Михайлович Голодников (1824–1906) – фигура для «Тобольских губернских ведомостей» примечательная, образовавшая в периодизации истории газеты особый «голодниковский период» – 1880–1891 гг., не очень заметный в сравнении с периодом редакторства «Тобольскими губернскими ведомостями» в 1859–1870 гг. И.Н. Юшкова и Е.В. Кузнецова в 1891–1895 гг. Жизненный путь К.М. Голодникова достаточно хорошо изучен [1. С. 7–16]. Выпускник тобольской гимназии, начал свою биографию учителем русского языка в Ялуторовском уездном училище, а с 1846 г. вступил в чиновную службу [2. С. 103–104]. Первое мнение К.М. Голодникова о «Тобольских губернских ведомостях», которые он трижды будет возглавлять на протяжении их истории, носило критический характер – в 1861 г. «Московские ведомости» процитировали его письмо с нелестным мнением о всех первых годах выхода ведомостей: «...что сказать о содержании их – право, не знаем: худого говорить не хотелось бы, а хорошего сказать – нечего. Если губернские ведомости должны быть зеркалом, в котором отражались бы во всей полноте и истине положение края, его нужды, потребности и т.п., то надобно признаться, что в этом отношении наши ведомости не вполне соответствуют своему назначению. Начну с внешности. Экземпляры, получаемые в низших местах правительственных инстанций, до того грязны, что их нельзя читать без перчаток и очков. Нам случилось видеть такой экземпляр на иртышской линии у одного священника: это совершенные иероглифы на тряпицах; бумага оберточная, пропускная; между буквами и словами, расположенными на одной странице, боязливо проглядывают слова и буквы оборотной стороны листа. Тут сам Шампольон младший стал бы в тупик! А между тем изданию цена не малая: с пересылкою 4 р. 57 к. <...> Нельзя, конечно, сказать, чтобы в наших ведомостях не было ничего интересного и полезного; нет – статьи А.Ф. Денисова о солепромышленности и Н.А. Абрамова о Заилийском крае достаточно интересны; но, увы! Это оазисы среди бесплодных полей неофициальной части»

[3. 1861. № 77. С. 613]. В ответ на «корреспонденцию какого-то г. Голодникова, имя которого мы в первый раз имеем удовольствие встретить в печати», редактор «Тобольских губернских ведомостей» И.Н. Юшков возразил, что «ведомости наши по наружному своему виду почти не уступают в чистоте и, даже можно сказать, изящности любой столичной газете» [4. 1861. № 17. С. 138–139], а в ответ на упрек в пустоте их содержания предложил взяться за перо самому автору письма. Эта просьба была исполнена К.М. Голодниковым в конце 1863 г. в виде разговора автора с тенью «отца сибирской истории» Г.Ф. Миллера по поводу будущего Тобольска и его благоустройства [Там же. 1863. № 50. С. 440–443].

После увольнения в 1870 г. по собственному желанию И.Н. Юшкова на протяжении десяти лет газету возглавляли четыре редактора – помощник столоначальника Е.В. Кузнецов (1870–1873), переводчик с татарского языка А. Пальмов (1873–1877), канцелярский служитель, столоначальник губернского суда Н. Никулин (1877–1879), наконец, не имевший опыта чиновной работы Г. Ляпустин (1879–1880). В этот период содержание неофициальной части сводилось, главным образом, к отчетам, объявлениям, ведомостям и извлечениям из журналов. К.М. Голодников вносил оживление новогодними стихами, которые, правда, не отличались высоким литературным уровнем: «День желанный, день торжественный, // Полный тайных дум и грез, // Что ты волею божественной // Краю нашему принес? <...> Принеси нам мир со славою, // С плодородием полей; // Укрепи в нас с верой правую, // Торжество святых идей! // Дай судам на равноправные, // И в них веру освяти; // Краю нашему исправные // Дай железные пути...» [Там же. 1870. № 1. С. 1]. Приветствия на новый 1880 г. и, спустя четыре года, на 1884 г. просто дословно повторяли друг друга: «Привет тебе грядущий год, // Безмолвный вестник Провидения! // Какое миру твой приход // Принес с собою обновление? // Властитель гордый и плебей, // Бездарный труженик и гений // Судьбы таинственных велений // Тревожно ждут с чредой твоей...» [4. 1880. № 1. С. 4; 1883. № 53. С. 1].

В начале 1880 г. тобольский губернатор В.А. Лысогорский обратился к генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову с просьбой определить для неофициальной части губернских ведомостей особого редактора и расширить их программу, помещать в них «известия, сведения и материалы, относящиеся до местности своей губернии и различных сторон ее быта» [5. Л. 6], а перепечаткам отводить второстепенное место. Министр внутренних дел Л.С. Маков и министр финансов А.А. Абаза не нашли препятствий к удовлетворению этого ходатайства. 21 октября 1880 г. К.М. Голодников в чине надворного секретаря и в должности секретаря губернского статистического комитета был назначен на новую должность и с № 44 от 1 ноября 1880 г. приступил к своим обязанностям. В объявлении о подписке на следующий год редактор обещал читателю по доступной цене, как обычно, больше, чем мог выполнить: телеграммы, извлечения из русских и иностранных газет, статьи исторического и этнографического содержания, статистические сведения о ходе торговли и промышленности, сведения о строительстве путей сообщения, об урожае и открытии рек, о ходе учебного дела в губернии, о деятельности благотворительных учреждений, о концертах, спектаклях, юбилейных торжествах и других общественных делах, сведения о происшествиях и частные объявления. Гарантеей надежд было «просвещенное сочувствие к делу этому со стороны высшего начальства и уверенность в содействии трудам редакции лиц интеллигентных» [4. 1880. № 48. С. 4]. Неофициальная часть увеличилась до 6–8 страниц, что составляло половину номера. Редактор начал публикацию собственного сочинения – «От Тобольска до Обдорска летом и зимою», в котором путевые впечатления сочетались с историческими справками и этнографическими зарисовками [Там же. № 44, 45, 47, 48, 50–52; 1881, № 1, 3, 5, 7, 9–11]. Однако внезапно, сразу после наступления нового 1881 г., Голодников «по делам службы» 3 января выехал в Омск. Причины такой поспешной поездки не ясны – служебные неприятности или, наоборот, необходимость личного свидания с генерал-губернатором Н.Г. Казнаковым по поводу предстоящего юбилея. 1882 г. был годом празднования 300-летия присоединения Сибири к России, и к этой дате был опубликован труд К.М. Голодникова «Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины покорения Сибири русскими» стоимостью 1 руб. 50 коп. с пересылкой [Там же. 1882. № 34. С. 9]. Временно исполнять должность редактора стал чиновник особых поручений, коллежский секретарь Покровский [Там же. 1881. № 2. С. 1], а с 14 февраля 1881 г., после окончательного увольнения Голодникова, неофициальную часть возглавил, без прав государственной службы, М.С. Знаменский – титулярный советник в отставке [Там же. 1881. № 7. С. 3], поручивший газетой мене года (до 17 декабря 1881 г.) [Там же. 1881. № 52. С. 1–2]. После нескольких месяцев временных редакторов – уже известного Г. Ляпустина и

коллежского регистратора В. Лепорского – в прежних редакторских правах с мая 1882 г. вновь был восстановлен К.М. Голодников [Там же. 1882. № 19. С. 2].

Можно согласиться с тюменским исследователем Ю.Л. Мандрикой, что в этот период газета превратилась в авторскую. По своему содержанию она, скорее, напоминала губернские ведомости образца 1870-х гг., чем современную газету 1880-х (как, например, неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» 1882–1883 гг. периода редакторства Е.В. Корша). Развернутых статей и передовых практически не было, местная хроника описывала одно-два события, для развлечения публики перепечатывались всякого рода занимательные сведения. Несколько особняком по своему содержанию и последствиям стояло письмо в редакцию в октябре 1883 г. по поводу выборов в тобольскую городскую думу, прежний голова которой – купец Плотников – обвинялся в растрате всего городского капитала в 40 тыс. руб. «Желательно было бы видеть в новом городском голове и заступающем на его место лиц добросовестных, деятельных, знакомых хорошо с городским хозяйством и, самое главное, – не ищущих в почтенном звании своем никаких интересов, присущих их коммерческим операциям» [Там же. 1883. № 42. С. 4–5], – напуганный избирателей неизвестный автор, которым, как оказалось, был сам К.М. Голодников [5. Л. 12]. Статья появилась в газете, когда В.А. Лысогорский находился в отпуске, и одобрена председателем губернского правления А.И. Дмитриевым-Мамоновым [Там же. Л. 10–10 об.], видимо, солидарным с автором. Возмущенный Плотников, считая себя публично и печатно оскорбленным, потребовал от вернувшегося из отпуска Лысогорского напечатать опровержение, на что получил ответ, что в ведомостях не должны допускаться статьи с резкими заявлениями и полемической направленности. За разъяснениями в августе 1884 г. губернатор обратился в Главное управление по делам печати, которое отметило, что программа губернских ведомостей была нарушена уже в первом случае, и предписало напечатать опровержение, которое было бы «вполне согласно с действительностью и не заключало в себе укоризненных выражений» не лично от Плотникова, а от редакции [Там же. Л. 10–12, 22–23].

1 июля 1891 г. К.М. Голодников по собственному прошению был освобожден губернатором В.А. Тройницким от своей должности и прикомандирован в канцелярию губернского совета по крестьянским делам. Редактором неофициальной части вновь стал коллежский асессор Е.В. Кузнецов [Там же. Л. 24; 5. 1891. № 27. С. 5], которому было поручено описать визит наследника престола Николая Александровича, возвращавшегося из поездки на Восток через Сибирь [4. 1891. № 27. С. 9]. Ровно через два года, 1 июля 1893 г. К.М. Голодников возглавил общественно-политическую и литературную газету, выходившую в Омске – «Степной листок» (с ноября 1893 г. – «Степной край»).

Изменения произошли и с «Тобольскими губернскими ведомостями», неофициальная часть которых при губернаторе Н.М. Богдановиче, с 1893 г., стала выходить отдельно по расширенной программе [4. 1893. № 2. С. 1; № 43. С. 687; 5. Л. 25 об.].

В начале 1894 г. К.М. Голодников подал против некогда возглавляемой им газеты жалобу в Главное управление по делам печати [5. Л. 24–26] по поводу оскорбительного для него содержания фельетонов «Тобольских губернских ведомостей» «Сон Пудовны» [4. 1893. № 32. С. 500–503] и «Это не литература!» [Там же. 1893. № 49. С. 829–831]. Первый, автором которого был Е.В. Кузнецов, содержал довольно отвлеченный намек на личность и деятельность Голодникова. Во втором, написанном соредактором Е.В. Кузнецова, секретарем тобольского губернского попечительного комитета о тюрьмах Л.Е. Луговским (в авторстве он позже признался в открытом письме [Там же. 1894. № 13. С. 248–249]), прямым текстом и в насмешливых выражениях не только ставились под сомнение литературные способности секретаря тобольского губернского статистического комитета, но и говорилось о его небезупречном прошлом: «Много уже лет Кап. Мих. в литераторы метит, даже сам себя и “опытным”, и “маститым”, и другими хорошими эпитетами награждает, а все не “вытанцовывается” <...> Надо прямо по совести говорить: из всех произведений Кап. Мих. только про одно мы такое и слышали, которое к литературе прикосновение имеет, да и то не напечатанное, а только написанное, – никем не прошенное, услужливое “доношение” к высшему начальству о злокозненном поведении одного редактора, который дерзнул непочтительно (хотя и эзоповским языком, но все-таки <...> и даже тем паче) отозваться о непосредственном начальнике секретаря некоего комитета. Вот и все отношение Кап. Мих. к литературе» [Там же. 1893. № 49. С. 829]. Несмотря на то, что тобольский губернатор Н.М. Богданович получил замечание от цензурного ведомства – «чтобы в “Тобольских губернских ведомостях” не были помещаемы не только оскорбительные для кого-либо статьи, но и статьи полемического характера», прошение Голодникова о возбуждении уголовного дела против ведомостей было оставлено тобольским губернским прокурором без последствий [5. Л. 29–30].

В июне 1894 г. К.М. Голодников оставил редактирование «Степным краем» и возвратился в Тобольск [4. 1894. № 20. С. 385; № 24. С. 476], а в июне 1895 г. должности редактора «Тобольских губернских ведомостей» был лишен Е.В. Кузнецов (возможно, за публикацию большой продолжающейся статьи И.Я. Словова «Еврейский вопрос и евреи в Сибири» [Там же. 1895. № 5, 8, 10, 12, 14, 16; 2. С. 415]). С № 44 от 4 июня 1895 г. за редактора газету вновь подписывал никто иной, как возвратившийся из Омска К.М. Голодников, полтора года назад искавшей судебной управы на «Тобольские губернские ведомости». «Третье пришествие» Голодникова не изменило направления издания и состава авторов, даже обидчик Голод-

никова Л.Е. Луговской продолжал публиковаться в газете. Коллектив авторов пополнился А.К. Ордынским, украсившим газету замечательным по художественному исполнению фельетоном с продолжением «Остяцкие сказки, или Вечера над Обью» [Там же. 1895. № 20, 21, 23, 26, 28, 30, 32, 48, 50, 60, 61, 70, 73, 74, 80, 81, 85, 93, 95, 96], наполненным тонким юмором, иронией в адрес «толстовцев» и «нигилистов», симпатией к коренным жителям и местами даже переходящий в антирелигиозный и антиколониальный памфлет¹. Редакторство К.М. Голодникова было недолгим, с № 90 от 12 ноября 1895 г. его заменил В.Н. Лавров, а с 1896 г. – Л.Е. Луговской [Там же. 1896. № 12. С. 331]. 1 ноября 1897 г. редакция объявила о прекращении отдельного издания неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» по причине «существования в настоящее время в губернии двух частных периодических изданий, делающих излишними некупающиеся затраты на издание газеты по широкой программе» [Там же. 1897. № 44. С. 677].

Итак, Капитона Михайловича Голодникова никак нельзя отнести к выдающимся сибирским ученым, общественным деятелям и журналистам. О нем нет статьи в «Сибирской исторической энциклопедии» (1929–1932) или в «Исторической энциклопедии Сибири» (2009). Его биография и творческое наследие не блещут увлекательностью и оригинальностью, выполняя роль второстепенного фона для фигур первого плана, о которых как раз и пишут в энциклопедиях. С точки зрения современного историка, незаметный человек, незаметные темы, сомнение и уязвленное самолюбие – все это действительно так. Однако именно такие люди составляли и составляют кадры провинциальной «литературной промышленности» и потому заслуживают исследовательского внимания. В монографии М.П. Мохначевой, посвященной теоретическому осмыслению истории провинциальной печати, у истоков которой стояли губернские ведомости, делается вывод о том, что «ученые второго плана», в настоящее время известные только узкому исследовательскому кругу историки, журналисты, литераторы, публицисты, критики, были такими же полноправными участниками «наукотворчества» и формирования массового исторического сознания, как и те их коллеги, чьи имена образовали известный и авторитетный историографический ряд. Периодическая печать и входящие в ее структуру губернские ведомости представляют собой «полифункциональный историографический источник, фиксирующий наукотворческие процессы в наиболее подвижной публичной форме материализации авторского (коллективного) волеизъявления исторического сознания, моделирующего историю развития общества» [6. С. 9]. Неофициальные части губернских ведомостей, полный обзор которых, по замечанию М.П. Мохначевой, входит в «колоссальный объем работы» по выявлению науковедческого значения и культурологических масштабов журнальной историографии, уже при первом, самом общем «об-

следования» позволил выявить «десятки неизвестных совмещали свою творческую деятельность с исполнением имен подвижников науки истории», которые зачастую обязанностей учителя, священника или чиновника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Таковы, по моим наблюдениям, все эти старообрядцы! У них пост, умерщвление плоти, молитва, грех, покаяние, спасение души и т.п. только на языке. На деле же – эгоизм, своекорыстие и грубая животность» [4. 1895. № 26. С. 450]; «–А ты разве не знаешь, – прервал я Василия Петровича, – что ныне этот благоухающий цветок жизни [любовь], по мановению великого русского юродивца [Л.Н. Толстого], стараются превратить его неким духовным единением, а аскетическое, не свойственное человеческой природе воздержание, возвести в единственное средство искупления человечества» [Там же. 1895. № 26. С. 451–452]; «Господа философы, преследуя какую-то реальность за пределами опыта, уподобляются той собаке в басне, которая несла кусок мяса через ручей и, желая схватить еще отражение в воде, выпустила из зубов настоящее мясо» [Там же. 1895. № 28. С. 486]; «Возьми ты любого нашего православного простолюдина и попробуй получить от него правильное объяснение догматов христианства. Он тебе нагородит такую чепуху, что ты поневоле заткнешь уши» [Там же. 1895. № 30. С. 518–519]; «Замечательно, что все эти шаманы не злоупотребляют своим искусством для эксплуатации ближних, как это сделал бы наш православный человек, какой-либо знахарь или кудесник» [Там же. 1895. № 32. С. 561]; «...русские стараются вместо себя поставять своему Богу нас, инновцев, и, спасая наши души, надеются через это спасти свои, погрязшие в грехах и мерзостях. Но неужели их Бог поддается на такую уловку? О, русский человек – большой хитрец, большой мошенник. Только не знаю, удастся ли ему ошаманить своего Бога» [Там же. 1895. № 61. С. 1005]; «Он [политический ссыльный] не только в черта, но даже и в Бога не верит. Ишь, он утверждает, что ни света, ни тьмы, ни жару, ни холода нету, а все это обман наших чувствий <...> Он у меня еще и ад взбунтует. К тому же он, как ты говоришь, под большим секретом состоит, а жандаров [жандармов], чтобы за ним надзирать, у меня по штату не полагается» [Там же. 1895. № 93. С. 1444].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандрика Ю.Л. Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2004. Кн. 1.
2. Мандрика Ю.Л. Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2004.
3. Московские ведомости.
4. Тобольские губернские ведомости.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. 1880 г.
6. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука : в 2 кн. М., 1999. Кн. 2 : Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в.

Shevtsov Vyacheslav V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: totleben@yandex.ru

K.M. GOLODNIKOV – CRITIC, AUTHOR AND EDITOR OF «TOBOLSK PROVINCIAL SHEETS».

Key words: «Tobolsk provincial sheets»; provincial administration; social life in Siberia.

The aim of the article is to characterize the path of life and career of the typical employee of the provincial Siberian newspaper. Tasks of article include identification of all possible and not numerous facts of the bureaucratic service and literary biography of such personage, his relations with the Siberian authorities and colleagues on newspaper business. The author makes an attempt to give an answer to the question what is the need and possibility of application of a microhistorical method for reconstruction of life of such little-known and small person, in the context of the “macrohistory” facts. Newspaper publications, some new archival source, scientific studies on the history of the Siberian press became the main sources for the article. As a result of a research the author came to the following conclusions about the biography and creative activity of the secretary of the Tobolsk provincial statistical committee Kapiton M. Golodnikov in connection with “Tobolsk Provincial Newspaper” (“Tobol'skie gubernskie vedomosti”). K.M. Golodnikov finished Tobolsk grammar school and started working as a teacher of Russian language in Yalutorovsk school, and in 1846 became a bureaucrat. In 1861 he was published in “Moscow Newspaper” for the first time. It was a letter from Tobolsk with criticism of “Tobolsk Provincial Newspaper”. Since 1863 he began to be published in that newspaper. In 1880, 1882–1891 and 1895 he was the editor of informal part of “Tobolsk Provincial Newspaper”. In 1893–1894 he edited Omsk newspaper “Stepnoy Kray”. In 1894 there was a defamation claim between the new editor of “Tobolsk Provincial Gazette” E.V. Kuznetsov and K.M. Golodnikov. K.M. Golodnikov does not belong to outstanding Siberian scientists, public figures and journalists. His biography and a creative heritage are not fascinating or original. From the point of modern scientist's view, he was an imperceptible person who wrote about imperceptible subjects. However the staff of “literary industry” in the Russian province constituted of such people. For a long time provincial gazettes were the only newspaper in province. For K.M. Golodnikov participation in the newspaper became a part of his life scenario, a possibility of self-realization and of participation in “discovery” of Siberia for local and all-Russian readers. Such “second plan scientists” – provincial historians, journalists, writers, publicists and critics – are now known only to a narrow circle of researchers. They were full participants of public life and of mass historical consciousness formation though their names did not make it into encyclopedias. Provincial gazettes contain dozens of names of such authors who combined their work in the newspaper with execution of official duties of a teacher, a priest or a bureaucrat.

REFERENCES

1. Mandrika, Yu.L. (2004a) *Tobol'skie gubernskie vedomosti. Sotrudniki i avtory: antologiya tobol'skoy zhurnalistiki kontsa XIX – nachala XX v.* [Tobolsk Province Gazette. Employees and authors: Anthology of Tobolsk journalism of the late 19th – early 20th centuries]. Tyumen: Mandr i Ka.
2. Mandrika, Yu.L. (2004b) *Tobol'skie gubernskie vedomosti. Redaktorskiy korpus: antologiya tobol'skoy zhurnalistiki kontsa XIX – nachala XX v.* [Tobolsk Province Gazette. Editorial: Anthology of Tobolsk journalism of the late 19th – early 20th centuries]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. *Moskovskie vedomosti.*
4. *Tobol'skie gubernskie vedomosti.*
5. The Russian State Historical Archives. Fund 776. List. 4. File 351.
6. Mokhnacheva, M.P. (1999) *Zhurnalistika i istoricheskaya nauka: v 2 kn.* [Journalism and History: In 2 books]. Book 2. Moscow: RAS.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/48/20

А.Ю. Перетяtko

«МЫ НЕНАВИДИМ ВСЕЮ СИЛОЮ НАШЕГО СЕРДЦА РАБСКИЙ ПРОИЗВОЛ, КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ВО ВСЕХ ЧАСТЯХ ВАШЕГО УПРАВЛЕНИЯ»: О ПРИЧИНАХ НЕПОПУЛЯРНОСТИ АТАМАНА М.И. ЧЕРТКОВА НА ДОНУ

Статья посвящена М.И. Черткову, донскому атаману второй половины XIX в., крайне непопулярному среди казаков. Молодой генерал, сделавший впоследствии блестящую карьеру, на Дону стал мишенью для слухов и анонимных писем. Ни реформы, ни улучшение положения местной элиты не принесли ему популярности. Показано, что причины этого заключались в особенностях характера и личной жизни атамана. Специфическое происхождение и поведение жены М.И. Черткова сделали ее ненавистной для всего донского общества. На основании анализа архивных материалов и свидетельств современников автор показывает, что донские жители позиционировали П.Х. Граббе в качестве идеала и примера для других атаманов. Сделан вывод о том, что личные качества донских атаманов оказывали важнейшее влияние на отношение к ним местного общества, порой даже большее, чем проводимая ими политика.

Ключевые слова: М.И. Чертков; П.Х. Граббе; Область Войска Донского; донской атаман; общественное мнение.

Введение. Личности донских атаманов второй половины XIX в. до сих пор почти не привлекали внимания исследователей. Только один из них, Н.И. Святополк-Мирский, удостоился отдельной статьи в современной историографии [1]. Можно отметить также недавнюю попытку А.А. Волвенко последовательно рассмотреть деятельность донских атаманов этого периода как «главных проводников правительственной политики на Дону» [2. С. 111–120]. Данное определение представляется нам весьма показательным. И А.А. Волвенко, и Р.Г. Тикиджян рассматривали атаманов именно как исполнителей определенной функции, а не живых людей, чьи симпатии, антипатии, привычки и поступки в частной жизни могли иметь не меньшее значение для истории, чем официальные распоряжения.

Альтернативный подход был предложен санкт-петербургским историком Б.С. Корниенко в работе, посвященной донскому атаману начала XX в. Ф.Ф. Таубе. Современный ученый подверг анализу не только служебную деятельность атамана, но и его образ в глазах современников, выявив причины, сделавшие немца по происхождению, пробывшего на Дону менее двух лет, «иконкой для местных националистов» [3. С. 74]. До Б.С. Корниенко проблематика взаимодействия донских казаков и атаманов-«чужаков», назвавшихся на Дон после 1848 г. из генералов невоинского происхождения, не подвергалась специальному исследованию. Между тем, как мы покажем ниже, эффективность управления краем в значительной степени зависела от отношения как большинства населения, так и местной элиты к атаману, а это отношение, в свою очередь, могло основываться на личных качествах последнего.

Наша статья посвящена М.И. Черткову (1829–1905), возможно, самому ненавидимому донскому атаману второй половины XIX в. Все свое пребывание на Дону атаман был целью для ругательных писем, во многом и заставивших его принять решение об уходе с должности [4. С. 55]. Цитату из подобного письма мы вынесли в название статьи [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1 об.]. Но ведь именно при М.И. Черткове был проведен ряд важнейших реформ, в том числе и серьезно улучшивших положение местной элиты (например, срочные участки донских офицеров и чиновников были переданы в их полную собственность [6. С. 111]). Почему же именно этот атаман стал так нетерпим для казаков? Почему он снискал у них такую дурную славу? И каким, по мнению жителей Дона, должен был быть идеальный правитель края?

Материалы и методы. Деятельность М.И. Черткова на Дону нашла отражение в целом ряде мемуарных и полумемуарных работ современников. В первую очередь следует выделить книгу В.Д. Новицкого «Воспоминания жандарма», поскольку ее автор был чиновником для особых поручений при атамане и принадлежал к его ближайшему окружению [4]. Он посвятил целую главу личности своего покровителя, с одной стороны, попытавшись объяснить многие его неоднозначные поступки, а с другой – не впадая в идеализацию правителя края. Тот портрет атамана, который создал В.Д. Новицкий, подтверждается, а где-то и дополняется классической для донской историографии статьей А.А. Карасева «Донские атаманы за последние полвека» [6. С. 110–112]. Наконец, тема взаимоотношений М.И. Черткова и донских артиллеристов достаточно серьезно разрабатывалась Б.М. Калининым [7. С. 200–211].

О М.И. Черткове писали и люди, без преувеличения относящиеся к важнейшим фигурам российской истории. Несколько абзацев посвятил ему в своих воспоминаниях С.Ю. Витте [8. С. 113–114], упоминания о генерале встречаются на страницах дневника П.А. Валуева [9, 10]. С нашей точки зрения, особый интерес представляет та оценка, которую дают донскому атаману как администратору эти выдающиеся государственные деятели.

Однако воспоминания современников, как мы покажем ниже, не всегда были объективны к М.И. Черткову. Его реальную роль в подготовке тех или иных реформ можно точно установить только обратившись к фондам Государственного архива Ростовской области и Российского государственного военно-исторического архива. С другой стороны, в фонде донского краеведа Х.И. Попова сохранилось одно из анонимных писем, которыми казаки преследовали семью атамана [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321].

На основании этих источников, используя историко-биографический метод, мы попытаемся восстановить те особенности личной жизни и политической деятельности М.И. Черткова, которые сделали его столь непопулярным в глазах казаков. Одновременно, применяя историко-сравнительный метод, мы попробуем выявить черты, привлекавшие местное общество в других атаманах.

Обсуждение. Для генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, члена Государственного совета, кавалера российских и иностранных орденов Михаила Ивановича Черткова донской эпизод биографии так и остался чем-то малозначительным, не слишком сказавшимся на его дальнейшей блестящей карьере. Как сообщает краткий очерк в «Альманахе современных русских государственных деятелей» конца XIX в., М.И. Чертков уже в 31 год стал воронежским губернатором и в дальнейшем быстро продвигался по военно-чиновничьей лестнице: в 34 – волынский губернатор, в 37 – помощник виленского генерал-губернатора, в 38 – донской атаман, а в 47 – генерал-губернатор в Киеве [11. С. 70–71]. Известный донской краевед второй половины XIX в. А.А. Карасев особо подчеркивал молодость донского атамана на момент его вступления в должность [6. С. 110]. Обратившись к биографическим сведениям о других атаманах, сообщаемым А.А. Волвенко [2. С. 112–120], мы подсчитали, что возраст М.И. Черткова действительно резко отличал его от предшественников и преемников: Н.И. Святополк-Мирскому и А.Л. Потапову в момент вступления в должность было по 47 лет, К.К. Максимовичу – 49, Н.А. Краснокутскому – 55, а П.Х. Граббе – рекордные 73 года!

При этом стремительная карьера молодого генерала едва ли была его личной заслугой. Недоброжелатели прямо связывали его продвижение по службе с «гением родственных связей», при котором не важны «личные дарования» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 5 об.]. Дело было даже не в богатстве и аристократизме известного воронежского

рода Чертковых: родная сестра донского атамана, Елена Ивановна, была замужем за начальником третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, влиятельным и авторитетным П.А. Шуваловым. По свидетельству В.Д. Новицкого, именно эта связь, а также личная симпатия Александра II к молодому генералу позволяли ему уверенно держаться в атаманском кресле, несмотря на нелюбовь казаков [4. С. 55].

Обратим внимание на ряд любопытных эпизодов, отраженных в дневнике министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева. М.И. Чертков упоминается в нем несколько раз, причем в связи с его губернаторской деятельностью до назначения на Дон. В 1862 г. он характеризуется как «молодой и светский» губернатор», хороший, но неопытный и самодовольный [9. С. 143]. В 1864 г. П.А. Валуев выражается о нем более резко, обвиняя в желании за счет «крайнего направления» (судя по контексту, речь идет об использовании самых жестоких мер против поляков) сделать карьеру и стать киевским генерал-губернатором [Там же. С. 292]. Правда, в 1866 г. министр внутренних дел сам рекомендовал будущего донского атамана для замены генерала А.П. Хрущева в качестве начальника люблинского военного отдела, но это произошло при своеобразных обстоятельствах: по мнению министра, первоначально предложенный для замены князь П.Р. Багратион обладал талантами, ненужными на этой должности, и поэтому рациональнее было бы назначить на нее не имеющего их М.И. Черткова [10. С. 179].

Именно таким образом, благодаря несоответствию другой должности, а не каким-либо заслугам, М.И. Чертков и стал донским атаманом. В 1868 г. подал в отставку виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов, помощником которого он состоял. Судя по дневнику П.А. Валуева, Александр II рассматривал кандидатуру М.И. Черткова на освободившуюся должность, но даже П.А. Шувалов выступил категорически против этого. В итоге произошла рокировка: генерал-губернатором стал донской атаман А.Л. Потапов, а его старую должность, казавшуюся тогда более простой (бывший атаман отзывался о Новочеркасске как о «земном рае»), получил М.И. Чертков [Там же. С. 248].

Впрочем, было бы неверно на основании этих фактов считать нового атамана откровенно плохим или бездарным чиновником. Такой государственный деятель, как С.Ю. Витте, полагал, что в плане способностей М.И. Чертков не уступал «другим ординарным генерал-губернаторам» [8. С. 114]. А.А. Карасев отзывался о нем куда лучше, чем о его преемниках – «недоумевающим в деле экономического развития Донской области» Н.А. Краснокутском и «не признающем необходимости культурного развития Донского казачества» Н.И. Святополк-Мирском [6. С. 112–113]. Но личные таланты М.И. Черткова явно не соответствовали скорости его служебного роста, и к той ситуации, которая сложилась на Дону после его назначения, молодой генерал оказался не готов.

До М.И. Черткова в Донском войске было только три атамана не из казаков. Но М.Г. Хомутов и А.Л. Потапов перед получением атаманских регалий какое-то время были вторыми лицами в войске, первый в качестве начальника войскового штаба [Там же. С. 106–107], а второй вообще в должности наказного атамана при повышенном до войскового атамана П.Х. Граббе [2. С. 113]. М.Г. Хомутов пробыл на Дону 23 года и, по мнению А.А. Карасева, «еще до вступления в атаманскую должность изучил донской край во всех подробностях» [6. С. 106–107]. А.Л. Потапов до назначения на Дон уже был государственным деятелем всероссийского масштаба, хотя и не первого ряда: в 1861–1864 гг. он являлся начальником штаба корпуса жандармов и управляющим третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии [2. С. 115]. Таким образом, один из предшественников М.И. Черткова в плане знаний о донском крае не уступал казакам, а другой, безусловно, превосходил своими способностями «ординарных генерал-губернаторов».

Однако в тех анонимных ругательных письмах, которые ходили по Новочеркаску, в качестве недостижимого для М.И. Черткова образца предлагался третий из его предшественников, не являвшийся казаками, – П.Х. Граббе. В том письме, что хранится в фонде Х.И. Попова, А.Л. Потапов охарактеризован как «деспот», М.Г. Хомутов – как человек, при имени которого «наши уста исторгнут проклятие с призывом к позорному столбу», сам М.И. Чертков объявлен недостойным сравнения даже с этими двумя атаманами, а вот «перед светлою чистою личностью Граббе» авторы анонимки были готовы «стоять с непокрытою головою» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–5]. Интересно отметить, что и в памфлете А.И. Петровского «Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным», написанном в начале XX в., из неказачьих атаманов один П.Х. Граббе был удостоен безусловно положительной характеристики. В этом тексте бывший донской атаман позиционировался как личность «исключительного благородства и редкой доброты душевной», а мнение о нем как о слабом правителе объявлялось выдумкой консервативных историков [12. С. 17]. По свидетельству А.И. Петровского, добрая память о П.Х. Граббе жила в станицах еще в начале XX в. [Там же. С. 38]. Таким образом, для значительной части донского общества в качестве своеобразного образцового атамана неказачьего происхождения выступал генерал от кавалерии Павел Христофорович Граббе. Но почему?

Прежде всего, П.Х. Граббе был единственным донским атаманом второй половины XIX в., без преувеличения прославившим себя на военной стезе. Интересно, что такие разные авторы, как А.А. Волвенко, А.А. Карасев и А.И. Петровский использовали для его характеристики оборот «герой войны» [2. С. 112; 6.

С. 108; 12. С. 16]. А.Л. Потапов и М.И. Чертков были, по существу, чиновниками в военных мундирах, Н.А. Краснокутский и Н.И. Святополк-Мирский до назначения на Дон командовали дивизиями, не слишком выделяясь на этом поприще [1; 6. С. 112], в то время как П.Х. Граббе возглавлял все русские войска на Кавказской линии в разгар войны с Шамилем [13. С. 378]. На наш взгляд, он был единственным донским атаманом периода 1848–1917 гг., вписавшим свое имя в российскую военную историю. Хотя этот факт не представляется нам определяющим, он, безусловно, способствовал формированию особой ауры вокруг имени П.Х. Граббе.

Для создания этой ауры были важны и личные качества атамана. Его добродушие, судя по всему, хорошо запомнилось казакам. Нам представляются особенно показательными в этом отношении «Картины бывшего Тихого Дона» П.Н. Краснова, на страницах которых об атаманах XIX в. рассказывается крайне скупое, а главная роль в управлении Донским войском приписывается членам дома Романовых. А.Л. Потапов и М.И. Чертков упоминаются автором без какого-либо описания их деятельности [14. С. 447]. П.Х. Граббе также не удостоивается никакой характеристики как правитель края, зато целый абзац посвящен его любви к детям и вниманию к первой донской частной газете [Там же. С. 444–445]. Суровые к другим атаманам тексты А.А. Карасева и А.И. Петровского превращаются в настоящий панегирик, когда дело доходит до «исключительно благородной» и «чуждой всякой несправедливости» личности П.Х. Граббе [6. С. 108–109; 12. С. 16–17]. А.А. Волвенко делает акцент на других качествах старого генерала: важных для представительства «нарядной наружности» и «пышном красноречии» [2. С. 112]. Наконец, не только сам П.Х. Граббе сумел оставить о себе у казаков такую благодарную память, но и его семья запомнилась «искренней любезностью и простотой обращения» [6. С. 109].

Но, на наш взгляд, ни личные качества, ни боевые заслуги атамана не произвели бы на казаков такого впечатления, если бы не проводимая им политика. Согласно воспоминаниям Д.А. Милютина, П.Х. Граббе был назначен на Дон, чтобы сломить сопротивление так называемой «консервативной казачьей партии», или «казакоманов», выступавших за полное сохранение казачьих привилегий. Сам военный министр видел в старом генерале не только «сильную руку» (по его мнению, несмотря на возраст, П.Х. Граббе был «довольно бодр и телом и духом»), но и боевого товарища [13. С. 376–378]. Между тем, по свидетельству А.А. Карасева, вполне согласующемуся с наблюдениями других авторов, большая часть донской элиты и чуть ли не все рядовые казаки симпатизировали «казакоманским» идеям, идеям о нерушимости важнейших традиций Донского войска [15. С. 570–571]. И, к неудовольствию военного министра, П.Х. Граббе, едва приступив к выполнению своих обязанностей, попал под «очарование» «казакоманов» [13. С. 378–379].

Ситуация, существовавшая на Дону в период атаманства П.Х. Граббе, была уникальна для второй половины XIX в.: атаман не только не был простым исполнителем воли правительства, но и фактически противостоял ей, максимально поддерживая местную казачью оппозицию. Ему даже удалось добиться допуска в специальную комиссию, проектирующую новое положение о Донском войске, депутатов от каждой станицы [16. С. 16]. Как отмечает А.А. Волвенко, благодаря этим действиям разработанный при П.Х. Граббе проект положения отражал позицию консервативного большинства казаков, а не военного министерства, что и предопределило его отклонение центральным правительством [2. С. 113]. Несмотря на эту неудачу, та модель отношений военное министерство–атаман–донское казачество, которая сложилась при П.Х. Граббе, очевидно, в наибольшей степени соответствовала чаяниям местной элиты. Б.С. Корниенко предлагает рассматривать межгрупповое противостояние на Дону в начале XX в. в категориях «свой» (казак)–«чужой» (иногородний) [3. С. 32–33]. На наш взгляд, подобное противостояние было актуально для Дона уже к 1860-м гг. И парадоксальным образом, судя по анонимным письмам, направлявшимся М.И. Черткову, и свидетельствам А.И. Петровского, «своим» для казаков из донских атаманов эпохи Великих реформ удалось стать только неславянину по происхождению П.Х. Граббе, четко позиционировавшему себя в качестве защитника казачьих традиций перед центральной властью.

В этой связи любопытно обратиться к записным книжкам самого П.Х. Граббе. К сожалению, последние годы жизни генерала освещены в них крайне отрывочно. Об управлении Доном не написано ни слова, зато в черновике письма к И.С. и С.С. Аксаковым атаман описал устроенное ему в Новочеркасске в честь служебного юбилея торжество. П.Х. Граббе отмечал, что такие юбилеи часто бывают вежливой формальностью, и особенно подчеркивал теплое и семейное отношение к нему казаков. Частью этого отношения старый атаман считал и предложение «донского гражданства», которое обещал принять, «если будет дозволено» [17. С. 745]. Данный эпизод заслуживает особого внимания. Дело в том, что на момент назначения П.Х. Граббе на Дон традиции принимать атаманов в казаки не существовало. Единственный до него не казачий атаман, М.Г. Хомутов, подобного отличия не получил [6. С. 108]. Таким образом, восприятие казаками старого генерала как «своего» получило практическое воплощение в принятии его в донские казаки, случившемся неожиданно для правительства по инициативе снизу (как ясно из приведенной цитаты, сам оппозиционный атаман не был уверен, что такая самодеятельность будет одобрена). В дальнейшем принятие атамана в казаки стало традицией [Там же. С. 108], и его внутреннее содержание оказалось выхолощено, но в случае с П.Х. Граббе мы, как нам кажется, можем говорить именно о символическом акте.

Популярности П.Х. Граббе не препятствовала, а, возможно, даже способствовала его неспособность справиться с текущими проблемами по управлению краем. По свидетельству В.Д. Новицкого, расхищение войскового имущества при П.Х. Граббе достигло невиданных прежде масштабов. При этом кража войсковой собственности не воспринималась казаками как преступление: она считалась принадлежащей не государству, но «каждому казаку» [4. С. 54]. А.А. Карасев вообще считал, что старый атаман был неспособен к практическому управлению [6. С. 108], что, на наш взгляд, ярко проявилось при проведении крестьянской реформы на Дону [18. Р. 140–141]. Но при этом его личность была выше всяких подозрений: В.Д. Новицкий связывал неспособность остановить рост казнокрадства исключительно с добротой генерала [4. С. 54], а А.А. Карасев подчеркивал, что только П.Х. Граббе из неказачьих атаманов Дона был совершенно чужд использованию должности для достижения личных или семейных интересов [6. С. 108]. Складывалась парадоксальная ситуация: авторитет генерала был настолько высок, его личность настолько уважаема, а доброта настолько известна, что вину за неудачи в управлении краем современники не возлагали лично на П.Х. Граббе.

М.И. Чертков был первым атаманом, назначенным после отбытия П.Х. Граббе с Дона. Возможно, именно в связи с популярностью старого генерала тот был не сразу отправлен в отставку, но сначала переведен на специально созданную для него sineкуру «войскового атамана», пока фактическая власть постепенно сосредоточивалась в руках нового наказного атамана А.Л. Потапова [6. С. 109]. П.Х. Граббе, по крайней мере на бумаге, выражал «удовольствие» по поводу назначения в его распоряжение столь «опытного сотрудника» [17. С. 744]. Таким образом, А.Л. Потапов в свое первое время на Дону был хоть немного защищен от местного общества фигурой авторитетного в казачьей среде начальника. М.И. Чертков подобной защиты не имел. Кроме того, бывшего губернатора неизбежно должны были сравнивать с маститым предшественником, а более разных фигур среди донских атаманов второй половины XIX в. было трудно найти: глубокий старик, прославивший свое имя во множестве войн и походов, и неестественно молодой для своей должности человек, не слишком выделяющийся из других «ординарных» губернаторов; офицер, возведенный в графское достоинство за личные заслуги перед Российской империей, и потомок старинного рода, во многом обязанный своей карьерой родственным связям; наконец, самое имя П.Х. Граббе вызывало ассоциации с прославленными современниками, прежде всего с А.П. Ермоловым [17. С. 745], а М.И. Чертков ассоциировался в лучшем случае со своим родственником П.А. Шуваловым.

В этих условиях должность донского атамана была совсем не такой легкой, как представлялось А.Л. Потапову. По интереснейшему свидетельству В.Д. Новиц-

кого, неуспех М.И. Черткова на ней был связан не с ошибочной политикой или неудачными решениями. Именно личная непопулярность генерала достаточно быстро дошла до таких размеров, что его начинания не находили поддержки на местах, а он сам и его семья стали объектом настоящей травли со стороны казаков [4. С. 55]. На наш взгляд, существовало несколько факторов, бесповоротно сделавших М.И. Черткова не просто «чужим», но нетерпимым для местных жителей начальником, и они были связаны главным образом с его характером и личной жизнью.

Во многих текстах о М.И. Черткове, созданных его современниками и их ближайшими потомками, особое внимание уделяется жене донского атамана, Ольге Ивановне. Этот брак изначально был связан со скандалом: молодой генерал, только что назначенный воронежским губернатором, влюбился в жену местного полицмейстера и после ее развода с мужем женился на ней. По свидетельству С.Ю. Витте, даже при дворе такой брак был встречен с неодобрением [8. С. 113], а на Дону вообще ходили слухи, что атаман некогда купил свою жену у ее прошлого мужа за 200 000 руб. [12. С. 18–19]. Ситуацию усугубляло то, что О.И. Черткова по происхождению была еврейкой [8. С. 113; 12. С. 18–19]. Да и ее отношения с безусловно влюбленным в нее атаманом были далеки от традиционных представлений о нормальном браке. В частности, по сообщению А.И. Петровского, уже на Дону О.И. Черткова почти открыто сожительствовала с В.Д. Мартыновым, состоявшим при ее муже чиновником для особых поручений. Сам М.И. Чертков прекрасно об этом знал, но попытки повлиять на жену и заставить ее прекратить эту связь успехом не завершились [12. С. 18–19]. Эта история подтверждается и другими источниками, согласно которым даже скандал в собственном семействе донской атамана смог разрешить только с помощью своих влиятельных покровителей: лично П.А. Шувалов был вынужден просить Александра II перевести В.Д. Мартынова ко двору, в адъютанты цесаревича [19. С. 372–373].

Таким образом, уже само происхождение О.И. Чертковой, обстоятельства ее брака и взаимоотношения с мужем должны были вызывать серьезное неодобрение в достаточно консервативной казачьей среде. Но в анонимном письме, хранящемся в фонде Х.И. Попова, акцент делается на вмешательстве жены атамана в дела управления Донским краем, вмешательстве своеобразном, и общему процветанию не способствующем. По мнению авторов письма, «для того, чтобы получить служебное место, полк, батарею, надо было искать милого покровительства Ольги Ивановны; надо было танцевать, нравиться, интриговать, толковать дворцовые предания, гнутья, изгибаться... как это все развращено, и как это все было позорно!» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 3 об.]. Важно отметить, что П.Х. Граббе и А.Л. Потапов в целом были чужды системе фаворитизма [6. 108–110], и поэтому его пышный расцвет на Дону в эпоху М.И. Черткова давал много возможностей критикам атамана.

В конце концов О.И. Черткова стала, по выражению современника, «ненавистна всему Дону по непопулярному, по отзыву казачества, до крайности своему направлению и характеру и по вмешательству в служебные дела мужа» [4. С. 55]. Едва ли такое отношение было в полной мере ею заслужено. Во всяком случае, С.Ю. Витте, знавший ее в Киеве, напротив, оценивал столь раздражавшую казаков женщину как «очень порядочную» и «довольно образованную». Однако он также признавал, что О.И. Черткова была весьма неординарной дамой и своими «оригинальными выходками» многих выводила из себя [8. С. 113–114]. А.А. Карасев, признавая вредное влияние на М.И. Черткова его родственников, «счел излишним упоминать», как это влияние проявилось в деятельности атамана, причем эта деятельность в целом оценивалась донским краеведом достаточно высоко [6. С. 111]. На наш взгляд, демонизация О.И. Чертковой донскими казаками произошла во многом из-за ее абсолютной чуждости консервативному донскому обществу и его традициям, следствием чего стало крайнее преувеличение ее действительно имевших место отрицательных качеств.

Ситуацию могло бы исправить формирование в донской среде позитивного образа самого атамана, однако М.И. Чертков не умел, да, по-видимому, и не слишком пытался нравиться людям. С.Ю. Витте отмечал, что генерал всегда придерживался «некоторого высокомерного тона», не изменяя ему даже перед императором [8. С. 114]. В.Д. Новицкий, принадлежавший к личному окружению М.И. Черткова, признавал, что его покровитель был горд и недоступен, замкнут и неразговорчив [4. С. 55, 60]. Об этой стороне личности атамана лучше всего свидетельствует эпизод из его дальнейшей биографии, который мы позволим себе привести. Во время пребывания на посту киевского генерал-губернатора М.И. Чертков в очередной раз стал мишенью для критики за использование служебного положения в личных целях. Он купил себе имение под Киевом и всерьез занялся его обустройством. Вероятно, серьезных нарушений генерал-губернатор не допустил, однако сама покупка породила массу слухов и привела к назначению сенатской ревизии [Там же. С. 66–68]. Именно в связи с этой ревизией М.И. Чертков покинул пост киевского генерал-губернатора [8. С. 114]. Однако, по сообщению В.Д. Новицкого, ревизия не выявила никаких злоупотреблений. Зато М.И. Чертков счел сам факт ее назначения за личное оскорбление и немедленно поругался с руководившим ею сенатором А.А. Половцовым. Не стерпев подобной обиды, генерал немедленно попросил уволить себя с занимаемой должности [4. С. 68].

Как мы видим, на простую проверку своей деятельности на посту киевского генерал-губернатора М.И. Чертков отреагировал крайне остро и не только не попытался ответить на критику и сохранить высокую должность за счет придворных связей, но и добровольно покинул ее вследствие выдуманного им самим

«оскорбления», предварительно поссорившись с ревизором. Нам представляется, что на Дону атаман демонстрировал схожее поведение. Правда, «рассорился» он не с конкретным человеком, а со всем донским обществом: к середине 1870-х гг. отношение М.И. Черткова к казакам стало откровенно негативным. По мнению В.Д. Новицкого, виноваты в этом были сами местные жители, восстановившие своими письмами против себя все семейство Чертковых [4. С. 55]. Сами авторы анонимок, разумеется, возлагали вину на атамана, не скрывавшего, что он назначает на важные должности «кого угодно, только не из донских». Они считали, что М.И. Чертков подобной политикой оскорблял все донское казачество, причем неумышленно: атаман вовсе не считал, что на Дону нет достаточно компетентных чиновников, но действовал из обычной своей «тупой несообразительности» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 2 об.–3].

И действительно, кадровая политика М.И. Черткова была не столько казакофобской, сколько просто неудачной. Вот как характеризовал ее весьма благожелательный к атаману В.Д. Новицкий: «М.И. Чертков был почти помешан на представительстве – избрании на должности людей или богатых, или с титулованными фамилиями, что шло положительно в ущерб службы; дарованиями людей и познаниями он не дорожил; предпочитал бездарности, кои умели выставлять свою наружную представительность, с богатствами, денежными средствами, графскими или княжескими титулами» [4. С. 69]. На Дону быстро раскусили эту особенность атамана. Б.М. Калинин писал, что начальник донской артиллерии П.А. Башилов с 1870 г. начал уделять особое внимание своим лошадям, экипажу и домашней обстановке, чтобы нравиться начальнику [7. С. 200]. Однако подобные траты были по плечу далеко не всем, и даже небедные офицеры и чиновники с трудом поддерживали тот уровень роскоши, который был необходим для удовлетворения атамана [12. С. 19]. О степени этой роскоши можно судить уже по тому обстоятельству, что финансовое благосостояние самого М.И. Черткова, владевшего 26 000 десятин земли, оказалось серьезно подорвано за время его пребывания на Дону [4. С. 66].

Но в итоге казаки все равно проигрывали в отношении представительности лицам высшего света, и донской атаман, согласно оценке местной элиты, оказывался в основном окружен «кочующими генералами» и «выписанной дворцовой сволочью» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 2], то есть «чужаками». М.И. Черткова прямо обвиняли в покровительстве «родовым и сословным привилегиям», ради которых он создал в Новочеркаске целую систему фаворитизма, выписывая со всей империи бездарных, но удовлетворяющих его требованиям администраторов и игнорируя представителей казачества [Там же. Л. 2–3]. При этом пышность и богатство атаманского двора отнюдь не воспринимались местными жителями как нечто необходимое: как мы писали выше, к числу привлекательных качеств

П.Х. Граббе и членов его семьи казачьи авторы относили любезность и простоту. А вот М.И. Чертков за свою деятельность, связанную с представительностью, характеризовался ими как «барин» [6. С. 110; 12. С. 18], при том что в Донском войске традиции «барства», т.е. помещичьей жизни, не связанной с военной службой, отсутствовали.

Не казачье окружение атамана должно было вызывать особое возмущение в традиционно закрытом донском обществе. По свидетельству В.Д. Новицкого, «казаки-донцы неохотно принимали в свою среду лиц, по происхождению не из казаков, и относились к ним враждебно» [4. С. 52]. Но, как и в Киеве, М.И. Чертков не признавал своих ошибок, не пытался убедить критиков в своей правоте, он хотел просто уйти с опостылевшей ему должности. О его страстном желании покинуть Дон писали как В.Д. Новицкий [Там же. С. 55], так и авторы анонимок [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 5]. Как и в Киеве, слухи приписывали М.И. Черткову даже то, чего он не совершал: из-за замкнутости и непопулярности атаман считался автором чужих неудачных проектов и решений, а вот эффективные действия, предпринятые с его участием, ассоциировались у казаков с другими людьми.

Причины подобного искаженного восприятия легко проследить на примере событий в донской артиллерии. Именно при М.И. Черткове была создана школа артиллерийских урядников и серьезно повышено качество подготовки донских артиллерийских офицеров, но современники связывали организацию системы правильного образования артиллеристов с личностью начальника донской артиллерии П.А. Башилова [7. С. 200–201]. На самом деле, как мы показали в одной из прошлых своих работ, проект создания школы урядников был разработан еще предшественником П.А. Башилова, Г.П. Мамаевым, при активном участии М.И. Черткова. Правила подготовки донских артиллерийских офицеров в Санкт-Петербурге вообще были изменены по решению Главного Артиллерийского Управления, вопреки позиции донских властей. П.А. Башилов отвечал только за практическую реализацию этих решений, принятых без его участия [20. С. 109–116].

Зато артиллерийский генерал, очевидно, воспринимался казаками как «свой». Летописец донской артиллерии, дослужившийся в ней до генеральских чинов, свидетель событий 1860–1870 гг. Б.М. Калинин писал, что «имя генерала Петра Александровича Башилова заняло почетное (если не самое почетное) место среди командиров донской артиллерии» [7. С. 219]. Даже очевидные ошибки П.А. Башилова описывались современниками с четким разъяснением оправдывающей их логической мотивации (в рамках нашего исследования неважно, делился ли сам артиллерист причинами своих решений с подчиненными или они придумывали их постфактум, чтобы оправдать любимого начальника). Например, в 1875 г. П.А. Башилов провел массовую закупку слишком молодых и поэтому заведомо негод-

ных к службе лошадей, но Б.М. Калинин объяснял это решение невозможностью приобрести других и надеждой на то, что в ближайший год правительство не будет требовать батарей с Дона, и за это время кони подрастут [7. С. 218–219]. А вот неудачные действия М.И. Черткова не получали в работах Б.М. Калинина никаких объяснений и позиционировались как важнейшее препятствие на пути развития донской артиллерии [Там же. С. 200–211]. Важно отметить, что этому способствовала не только непопулярность атамана, но и его закрытость. Например, как показывают архивные документы, откровенно неудачная идея создания артиллерийских классов при Новочеркасском юнкерском училище была предложена Главным Артиллерийским Управлением [5. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 85–89, 96–107]. Однако Б.М. Калинин даже не догадывался об этом и приписывал проект артиллерийских классов ненавистному атаману [7. С. 208]. Ничего удивительного, что в условиях, когда конкретные авторы проектов и решений не были точно известны, общественное мнение приписывало непопулярному М.И. Черткову только те из них, которые не пользовались поддержкой у казаков. Позиция самого генерала, не выпячивавшего свои заслуги, не акцентировавшего внимание на реальном авторстве спорных решений и не опровергавшего возникающие в результате слухи, только способствовала демонизации его образа.

Таким образом, крайнюю непопулярность М.И. Черткова на посту донского атамана следует связывать в первую очередь с личностными факторами: назначением на Дон вскоре после ухода авторитетного П.Х. Граббе, которому молодой генерал представлял полную противоположность; фигурой жены, О.И. Чертковой, активно вмешивавшейся в дела по управлению краем; желанием окружить себя «представительными» людьми, как правило, не казачьего происхождения, а также с замкнутостью, гордостью и бескомпромиссностью, проявлявшимися, в числе прочего, и в нежелании оправдываться за принятые решения. Проводимая им политика к этой непопулярности имела только косвенное отношение, и даже авторы анонимного письма против молодого генерала смогли привести только два конкретных обвинения, якобы указывавших на его некомпетентность: сложившуюся в Новочеркасске «систему фаворитизма» и продажу в частные руки войсковой железной дороги [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–5]. Однако к «непотизму», по свидетельству А.А. Карасева, были склонны вообще все донские атаманы этого периода, кроме П.Х. Граббе и, в меньшей степени, А.Л. Потапова [6. С. 108–110], а продажа железной дороги, наряду с другими предпринятыми новым атаманом мерами, позволила к концу его правления восстановить финансовое благополучие войска, сильно подорванное его предшественниками [21. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 18]. На наш взгляд, в отрыве от личных качеств генерала ни одно из этих обвинений не создало бы ему такой плохой репутации в донском обществе.

Поэтому мы не будем подробно останавливаться на деятельности М.И. Черткова на посту донского атамана. Отметим лишь, что генерала, с некоторыми оговорками, можно было рассматривать как «главного проводника правительственной политики на Дону», т.е. в системе взаимоотношений военное министерство–атаман–донское казачество он занял традиционную, в отличие от П.Х. Граббе, позицию. Однако по сравнению со своими более популярными преемниками М.И. Чертков позволял себе определенные вольности [2. С. 117], эпизодически поддерживая представителей казачества в борьбе против важных правительственных решений. Например, атаман был противником так называемой конскрипционной системы службы, в соответствии с которой каждое казацкое войско должно было выставять фиксированное количество строевых и льготных частей, а оставшиеся за штатом казаки полностью освобождались от призыва в обмен на уплату фиксированного налога. В конце 1860-х гг. военное министерство пыталось распространить эту систему на все казацкие войска, вопреки желанию донского казачества [22. С. 68–71]. Но когда М.И. Черткову было предложено составить отзыв о возможности введения конскрипционной системы на Дону [21. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 67], генерал просто проигнорировал распоряжение из Санкт-Петербурга, не дав на него ни положительного, ни отрицательного ответа. Данная тактика оказалась вполне успешной: в военном министерстве то ли забыли о poslanном на Дон документе, то ли были уверены, что по нему ведется долгосрочная работа. Кстати, атаман часто применял подобные «неортодоксальные» методы аппаратной борьбы: например, после того как имперские власти внесли не устраивающие его изменения в проект военного управления Донским войском, он затребовал уже готовый к обсуждению в Военном Совете документ в Новочеркасск для «доработки», которая так и не была завершена [23. Р. 744–752].

Разумеется, борьба вокруг введения конскрипционной системы на Дону не ограничивалась одним этим эпизодом. Бурные дискуссии вокруг нее шли с начала 1860-х гг., причем большинство донских казаков отстаивали принцип поголовного несения воинской повинности, а представители военного министерства выступали против него [16. С. 12–20; 22. С. 68–71]. Но именно при М.И. Черткове при активном участии атамана позиция донского казачества победила. О роли генерала в подготовке военной реформы на Дону в 1870-е гг. мы подробно писали в своей монографии [24. С. 120–132]. С тех пор А.А. Волвенко опубликовал отрывки из любопытной переписки М.И. Черткова с начальством, посвященной подготовке этой реформы. Еще в 1871 г. начальник Главного управления иррегулярных войск А.П. Богуславский убеждал донского атамана не забывать о возможных выгодах от распространения на Дон конскрипционной системы службы [2. С. 90]. Однако генерал продолжал стоять на прежних позициях, подчеркивая, что «коренной принцип общеобязательной для казаков службы, теперь тем бо-

лее, когда это начало предполагается установить для всей империи, должен быть удержан в своей силе» [2. С. 91].

Борьба М.И. Черткова против введения конскрипционной системы службы на Дону была тем более важна, что к началу 1870-х гг. эта система была реализована в Оренбургском, Кубанском, Терском, Сибирском, Астраханском и Забайкальском войсках. Нам представляется, что другой атаман мог бы обеспечить себе популярность в войске только за счет этой борьбы. Однако для этого следовало позиционировать себя в качестве защитника казачьих традиций и самого казачества, а также установить прямой контакт с представителями местной элиты. Именно так вели себя пользовавшиеся поддержкой среди казаков А.М. Дондуков-Корсаков [25. Р. 19–37] и Ф.Ф. Таубе [3. С. 73–109]. М.И. Чертков, напротив, противопоставлял себя казакам, разрабатывавшим проект реформы, акцентируя внимание на тех пунктах, в которых он был с ними не согласен [21. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 12–19]. Остается констатировать, что, хотя донской атаман не был таким «оппозиционером», как П.Х. Граббе, элементы самостоятельности в проводимой им политике в иных условиях могли принести ему популярность в местном обществе. Однако в глазах казаков личные качества М.И. Черткова, делавшие его «чужим» и нетерпимым, имели большее значение, чем борьба с крайне непопулярной на Дону конскрипционной системой.

Заключение. Правительство высоко оценивало результаты пребывания М.И. Черткова на его посту. В связи с уходом атамана с должности Александр II послал ему высочайший рескрипт, в котором характеризовал его деятельность как «выдающуюся» [6. С. 111]. По оценке современного ученого, «за 6 лет атаманства М.И. Черткова войско Донское торжественно отпраздновало свое официальное 300-летие (1870), срочные участки земли наконец получили своих собственников (1870), были проведены судебные преобразования (1870–1873), закончена подготовка проекта по введению земского самоуправления на Дону и, главное, проведена военная реформа, утвердившая принцип всеобщности казачьей службы» [2. С. 117–118].

Но за этой картиной внешне удачного правления скрывался острейший конфликт атамана и донского общества. Он почти не нашел отражения в отечественной историографии потому, что его причины заключались не в политических и экономических проблемах, в наибольшей степени привлекавших историков казаче-

ства второй половины XIX в. Сама личность М.И. Черткова была нетерпима для донских казаков. Брак с разведенной еврейкой, влияние, оказываемое женой на решения атамана, замкнутость, гордость, высокомерие, желание окружить себя не казаками по происхождению сделали М.И. Черткова не только абсолютно «чужим», но и нетерпимым для донского общества человеком, приказы которого на местах часто не исполнялись, а семья подвергалась травле десятками анонимных писем. Он не мог рассчитывать даже на справедливость: как мы показали реальные успехи, достигнутые с участием атамана, приписывались его подчиненным, а самому М.И. Черткову оставалась незавидная участь быть в глазах местной элиты автором чужих неудачных идей и проектов. Неразговорчивый и недоступный, генерал не пытался оправдаться, вместо этого открыто стремясь уйти с постылой ему должности.

Конфликт донского общества и М.И. Черткова позволяет понять некоторые особенности донской истории XIX в. Прежде всего, они касаются взаимоотношений военного министерства, донского атамана и казачества. Очевидно, с точки зрения казаков атаман должен был быть, подобно П.Х. Граббе, защитником донских традиций, не боящимся проводить абсолютно самостоятельную политику. Но подобная трактовка категорически не устраивала военное министерство, видящее в атамане скорее «главного проводника правительственной политики на Дону», чужого для казаков (чему должна была способствовать практика назначения атаманов невойскового сословия). К таким правителям края казачество было в целом равнодушно, и его активного возмущения не вызвала политика ни «деспота» А.Л. Потапова, ни «проклятого» М.Г. Хомутова. Тем не менее даже к такому атаману местное общество выдвигало некоторый минимум требований, при несоответствии которым из категории просто «чужих» он переходил в категорию «нетерпимых». Именно это и произошло с М.И. Чертковым по указанным выше причинам: личность атамана оказалась важнее его политики, и казаки не оценили ни проведенных им реформ, ни той поддержки, которую генерал оказал идее поголовного несения воинской повинности. И человек, которого один из крупнейших донских краеведов считал имевшим «все вероятия быть выдающимся руководителем в управлении Донским краем» [6. С. 110–111] быстро ушел с должности атамана по собственному желанию, очевидно, не реализовав на ней всего своего административного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тикиджьян Р.Г. Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898) // Донской временник. 1998. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=97 (дата обращения: 27.02.2017).
2. Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов н/Д, 2017. 226 с.
3. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
4. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО).

6. Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
7. Калинин Б.М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907. 274 с.
8. Витте С.Ю. Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. 416 с.
9. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. I : 1861–1864 гг. 425 с.
10. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. II : 1865–1876 гг. 592 с.
11. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. 1250 с.
12. Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск, 1916. 40 с.
13. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. 559 с.
14. Краснов П.Н. Картины бывшего Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
15. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569–591.
16. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 12–20.
17. Граббе П.Х. Записная книжка графа П. Х. Граббе. М., 1888. 750 с.
18. Peretyatko A.Y. The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // Bylye Gody. 2016. Vol. 39, is. 1. P. 137–145.
19. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. II : 1887–1892. 639 с.
20. Перетятко А.Ю. Военное обучение донских казаков перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.: создание школы урядников-артиллеристов и преобразование класса донских урядников // Юг России и сопредельные страны в войнах и военных конфликтах. Ростов н/Д, 2016. С. 109–116.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
22. Волвенко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-е гг.) // Primo Aspectu. 2016. № 4 (28). С. 68–71.
23. Peretyatko A.Y. The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved // Bylye Gody. 2016. Vol. 41, is. 3. P. 744–752.
24. Перетятко А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов н/Д, 2014. 236 с.
25. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol. 13, is. 1. P. 19–37.

Peretyatko Artyom Y. International Network Center for Fundamental and Applied Research, (Sochi, Russia). E-mail: ArtPeretatto@yandex.ru

«WE HATE WITH THE ALL FORCE OF OUR HEARTS SLAVE TYRANNY, WHICH REIGNED IN EVERY PART OF YOUR GOVERNANCE»: ABOUT THE REASONS FOR THE UNPOPULARITY OF THE ATAMAN M.I. CHERTKOV ON THE DON.

Keywords: M.I. Chertkov; P.H. Grabbe; Don Cossacks; the ataman of the Don Cossacks; public opinion.

The figures of the Don atamans, who ruled the Don Host Oblast in the second half of the XIX century, until now attracted little attention of researchers. All of them were not Cossack origin, but the question about their relationship with the Don society remains unexplored. Meanwhile, these relationships were quite important for the history of the Don. For example, General M.I. Chertkov, the Don Ataman in 1868–1874, left the post at his own volition, because he and his family were the targets for a hail of anonymous letters from Don Cossacks. V.D. Novitsky, who was the confidant of ataman, wrote that the policy of M.I. Chertkov was ineffective, because general was very unpopular among the Cossacks. We have tried to specify what qualities of M. I. Chertkov made him so unpopular and why this experienced administrator could not realize his potential on the Don. Our research is based on archival materials of the State archive of the Rostov region (GARO) and Russian state military and historical archive (RGVIA), memoirs of the ataman's contemporaries (P.A. Valuyev, D. A. Milyutin, S. Yu. Witte, D. V. Novitsky, B. M. Kalinin, etc.) and the works of modern historians. According to the evaluation of the majority of contemporaries, M.I. Chertkov was an extraordinary person. Many memoirists emphasized the general's wife, a divorced Jewish woman, who had a great influence on her husband. This marriage was unacceptable for the conservative and xenophobic Don society, and the wife of M.I. Chertkov, O.I. Chertkova, aroused hatred among the Don Cossacks. Cossacks were negative to the rest of the ataman's entourage: M.I. Chertkov preferred the rich and titled officials, regardless of their working talents. Don officers could not stand competition with representatives of the Russian aristocracy, and, contrary to the traditions of the Don, non-Cossack officials increasingly surrounded the ataman. Finally, M.I. Chertkov was closed, arrogant and touchy. Therefore, he remained unpopular, despite some successful reforms. However, the Don society attributed these reforms to the popular companions of the ataman: for example, the reforms of the Don artillery in the early 1870 for memoirists associated with its chief P.A. Bashilov, but that does not correspond to archival documents. The authors of the anonymous letters believed that the ideal ataman was P.H. Grabbe, who failed to make significant reforms, but had outstanding personal qualities (the Cossacks remembered his kindness half a century later) and defended the traditions of the Don. We came to the conclusion that the Don Cossacks divided the non-Cossack atamans into "their", "outsider" and "intolerable". The basis for this division was not only the policy, but also the character of the atamans, and even their family life. P.H. Grabbe could become "their" for the Cossacks, and therefore the Don authors described him benevolently, despite the unsuccessful administrative activity. Other examples of "their" can be A.M. Dondukov-Korsakov and F.F. Taube. A lot of the atamans were "outsider", and the Cossacks carried out their orders without sympathy. But M.I. Chertkov became "intolerable" for the Don society, and was forced to leave the post of ataman despite the successful implementation of crucial reforms.

REFERENCES

1. Tikidzhyan, R.G. (1998) Voyskovoy nakaznoy ataman, knyaz' N.I. Svyatopolk-Mirskiy (1881–1898) [The military commander ataman, Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky (1881–1898)]. *Donskoy vremennik*. [Online] Available from: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=97. (Accessed: 27th February 2017).
2. Volvenko, A.A. (2017) *Ocherki po istorii donsogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.)* [Essays on the history of the Don Cossacks in the late imperial period (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-on-Don: Rostov State Economical University.
3. Kornienko, B.S. (2013) *Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)* [The Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
4. Novitskiy, V.D. (1991) *Iz vospominaniy zhandarma* [From the memoirs of the gendarme]. Moscow: Moscow State University.
5. The State Archives of Rostov Region (GARO).
6. Karasev, A.A. (1899) Donskie atamany za poslednie polveka [The Don atamans over the past fifty years]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 106–116.
7. Kalinin, B.M. (1907) *Material dlya istorii Donskoy artillerii* [Material for the history of the Don artillery]. Novocheerkassk: [s.n.].
8. Witte, S.Yu. (1924) *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 3. Leningrad: Gos. izdatel'stvo.
9. Valuev, P.A. (1961a) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
10. Valuev, P.A. (1961b) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
11. Goldberg, G.A. (1897) *Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyateley* [Almanac of Modern Russian Statesmen]. St. Petersburg: I. Goldberg.
12. Petrovskiy, A.I. (1916) *Opis' voyskovym, nakaznym i voyskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem Novocheerkassk dlya upravleniya Oblast'yu voyska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738–1916 gg.)* [The list of military, appointed and military-appointed atamans at various times, in the cities of Cherkassk, and then Novocheerkassk for the control of the area of the Don army (1738–1916)]. Novocheerkassk: Tipografiya Oblasti Voyska Donskogo.
13. Milyutin, D.A. (1999) *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860–1862* [Memories of General-Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862]. Moscow: Rossiyskiy Arkhiv.
14. Krasnov, P.N. (1909) *Kartiny bylogo Tikhogo Dona* [Pictures of the former Quiet Don]. St. Petersburg: Granitsa.
15. Karasev, A.A. (1896) *Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voyska Donskogo* [Note by Prince A.M. Dondukov-Korsakov about the Land of the Don Army]. *Russkiy arkhiv*. 12. pp. 569–591.
16. Volvenko, A.A. (2014) Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoy politike epokhi “Velikikh reform” (1860–1870 gg.) [The Don Cossacks in the government policy during the “Great Reforms” (1860–1870)]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 16(3). pp. 12–20.
17. Grabbe, P.Kh. (1888) *Zapishnaya knizhka grafa P. Kh. Grabbe* [Notebook of Count P.Kh. Grabbe]. Moscow: M. G. Volchaninov.
18. Peretyatko, A.Y. (2016) The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: The history of the resettlement of one of the peasant community according the material of Ataman Secretariat. *Bylye Gody*. 39(1). pp. 137–145. (In Russian).
19. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya* [Diary of the Secretary of State]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.
20. Peretyatko, A.Yu. (2016) Voennoe obuchenie donskikh kazakov pered russko-turetskoy voynoy 1877–1878 gg.: sozdanie shkoly uryadnikov-artilleristov i preobrazovanie klassa donskikh uryadnikov [Military training of the Don Cossacks before the Russian-Turkish war of 1877–1878: Creation of a school of artillery sergeants and the transformation of the class of Don contractors]. In: Matishov, G.G. (ed.) *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynakh i voennykh konfliktakh* [South of Russia and neighboring countries in wars and military conflicts]. Rostov-on-Don: RAS. pp. 109–116.
21. The Russian State Military Historical Archives (RGVIA).
22. Volvenko, A.A. (2016) Kontseptsiya voyskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-e gg.) [The concept of an army (non-serviceman) citizen: Ideas and practice (the 1860–1870s)]. *Primo Aspectu*. 4(28). pp. 68–71.
23. Peretyatko, A.Y. (2016) The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved. *Bylye Gody*. 41(3). pp. 744–752.
24. Peretyatko, A.Yu. (2014) *Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti voyska Donskogo vo vtoroy polovine XIX veka* [Military organization and military administration of the Don region in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
25. Volvenko, A.A. (2015) Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. 13(1). pp. 19–37.

УДК 94(470)"16/18":342.518
DOI: 10.17223/19988613/48/21

В.Д. Дугаров, Н.Г. Казанцева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ МЕСТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Представлен анализ особенностей таможенной политики на территории восточной окраины Российской империи с точки зрения реализации основных ее направлений в приграничном регионе. Как известно, на этой территории на протяжении довольно продолжительного времени существовала система беспошлинной торговли. Однако к началу XX в. данная система в полной мере исчерпала себя и возникла необходимость включения региона в единое таможенное пространство Российского государства.

Ключевые слова: государственная таможенная политика; Китай; приграничные регионы; таможня; товары; Забайкалье.

Сфера таможенного дела претерпевает в последние десятилетия кардинальные изменения, обусловленные качественно новым уровнем внешнеэкономических связей, формированием региональных таможенных союзов, укреплением роли и влияния международных организаций, активно воздействующих на внешнеторговую и таможенную политику каждого государства. Все это способствует тому, что таможенная служба должна рассматриваться не только как составная часть инфраструктуры государства, но и как глобальный элемент международной координации и межрегионального регулирования внешнеэкономической деятельности в системе государственных и международных экономических институтов. При этом таможенная политика должна приобрести особые черты, соответствующие новым реалиям. Общеизвестно, таможенная политика – это важная составляющая политики любого государства как на внутренней, так и на мировой арене, более того, это стратегическая линия государства в части формирования его экономических отношений. Качественная реализация таможенной политики предполагает наличие правил и процедур, организационных структур и иных необходимых ресурсов (инфраструктура). Реализация таможенной политики осуществляется на макроуровне (в масштабах целого государства) и микроуровне (на уровне отдельных регионов), причем реализация таможенной политики на микроуровне является важнейшим звеном в оценке всего макроуровня. Именно поэтому современное проектирование таможенной политики должно осуществляться на основе исторически сложившегося состояния путем создания объяснительной модели истории как системы доказательств, дедуцирующих некое положение, а также формирования модели исторического движения, выражающую исторические потребности общества как на макроуровне, так и на микроуровне. В этой связи обобщение исторического опыта и оценка практики деятельности органов власти в историческом контексте могут применяться для разрешения некоторых проблем современности и, возможно, предотвращения повторения ошибок прошлого.

Явление «таможенная политика», или «государственная таможенная политика», стало предметом не-

однократного обсуждения учеными различных областей знаний (история, политология, экономика, право). Можно отметить, что особый вклад в изучение внесли дореволюционные авторы, такие как К.Н. Лодыженский [1], И.М. Кулишер [2–4], П.Б. Струве [5], М.Н. Соболев [6, 7], В. Витчевский [8], Д.И. Менделеев [9] и др.

В трудах авторов дореволюционной России проблематика таможенной (или торгово-таможенной) политики рассматривалась в динамике, от начальных этапов существования до периода пика своего развития. Важно подчеркнуть, что таможенная политика рассматривалась в неразрывной связи с политикой торговли, и оценка отдельных механизмов таможенного регулирования негласно проводилась с опорой на систему норм, регулирующих торговые отношения. В них присутствовал важнейший положительный момент – попытка обобщения различных сведений относительно проявления тенденций протекционизма и фритредерства в России, причем с применением сравнительного анализа аналогичных процессов в зарубежных странах. Работа К.Н. Лодыженского [1] «История русского таможенного тарифа» раскрывает особенности таможенно-тарифной политики российского государства. Имевший значительный практический опыт работы в системе таможенных органов, автор смог детализировать систему таможенно-тарифных отношений с установлением системообразующих факторов тарифной стратегии государства.

В советский период обсуждение вопросов таможенной политики началось с первой половины 20-х гг. XX в. Прежде всего нужно назвать Н.Н. Шапошников, который в своих работах «Таможенная политика России до и после революции» [10] и «Протекционизм и свобода торговли» [11] дает оценку таможенной политике. Значительным достижением является то, что Н.Н. Шапошников рассматривал направления таможенной политики в связке с отдельными видами товара и производства, что до него исследователями не осуществлялось. При этом Н.Н. Шапошников пытался провести некий сравнительный анализ таможенной политики дореволюционного и советского периода.

Еще один исследователь, А.И. Потяев, рассматривал таможенно-тарифную политику как составную часть монополии внешней торговли и отводил ей только вспомогательную функцию [12]. Подобная позиция вполне отражает общее отношение советской власти к таможенному делу в целом и таможенной политике в частности. При этом, опираясь на огромную историко-ведческую базу, А.И. Потяев сделал попытку теоретического осмысления развития таможенного дела, определив пути формирования таможенной политики российского государства.

Из трудов современных авторов важнейшее значение имеет обобщающая работа Ю.Г. Кисловского [13]. Это, пожалуй, единственное исследование, где предпринята попытка обобщения таможенного развития российского государства за период 907–1995 гг. Но по большей части автор озвучивает лишь наиболее яркие события в истории таможенного дела в России и СССР, не акцентируя внимание на детальном анализе.

Не менее интересно исследование М.Н. Блинова «Таможенная политика России X–XX вв.» [14], где представлена общая оценка таможенного дела от начала его становления в России и показаны изменения направлений таможенной политики в историческом процессе.

Как можно заметить, в большинстве ранее опубликованных работ, отличающихся друг от друга по различным критериям (задачи, тематика, характер привлекаемых источников), затрагиваются лишь отдельные аспекты государственной таможенной политики России IX–XVII вв. в рамках ограниченных исторических периодов. Таким образом, на сегодняшний момент пришло время, когда количественное и качественное накопление новых знаний позволяет ввести в научный оборот многочисленные данные, отражающие региональную специфику, и по-новому систематизировать и интерпретировать накопленный материал.

Как было сказано ранее, государственная таможенная политика должна оцениваться исходя из особенностей ее существования на макро- и микроуровне. При этом, как нам видится, неэффективность государственной таможенной политики на местах нередко приводила к формированию общей негативной тенденции в оценке политики в целом. Именно это приводило к нестабильности государственной линии и отсутствию концепции, или доктрины, таможенной политики.

Исторически выбор правительственного курса в отношении таможенной политики определялся то в сторону протекционизма, то в сторону фритредерства. Противоборство представителей фритредерства и протекционизма очень ярко проявлялось на протяжении нескольких столетий. Дискуссии возникали в среде как государственных деятелей, так и рядового купечества и промышленников. К примеру, П.Б. Струве высказал следующее суждение в отношении выбора того или иного направления таможенной политики «...постановка вопроса <...> об успешности того или

иного вида государственного вмешательства зависит от других, более коренных моментов экономического развития; такими моментами являются: степень населенности, степень развития ее производительных сил и производственных отношений, наконец – и это нужно иметь в виду – естественные и географические условия...» [5. С. 25].

Настоящее утверждение можно признать вполне справедливым. Исходя из суждений П.Б. Струве назовем совокупность критериев, или факторов, определяющих сущность и содержание государственной таможенной политики в регионах, к ним относятся: экономическая система (производственная структура, занятость); социальная система (демография, социальная структура); законодательная основа политики; политическая система; система международных отношений.

В структуре региональной таможенной политики необходимо различать правовую, экономическую, социальную, организационную и политическую составляющие. Именно они оказывают влияние на определение основных направлений региональной политики. Кроме того, региональная таможенная политика значительно подвержена воздействию таких обстоятельств, как геополитическое положение региона, в том числе отдаленность от центра, физические факторы размещения (наличие транспортных систем и т.п.) и даже климатические условия.

Особый интерес в этой связи представляют те регионы, где проявление названных обстоятельств было особенно ярко. Общая оценка развития таможенного дела и таможенной политики на рубеже XIX–XX вв. позволяет выделить Забайкалье как совершенно уникальную территорию с точки зрения реализации там таможенной политики.

Значительной частью восточносибирского региона является Забайкалье, при этом политика центральных властей по отношению к нему была крайне непостоянной. Длительное время эта территория рассматривалась как часть Восточной Сибири. Образованная в 1851 г. Забайкальская область вошла в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, но в 1884 г. ее отнесли к Приамурскому генерал-губернаторству. Однако 17 марта 1906 г. Забайкальская область была исключена из Приамурского и включена в состав Иркутского генерал-губернаторства. Совершенно очевидно, что подобные действия могут расцениваться как непоследовательные и непродуманные, что, безусловно, сказалось на развитии таможенного дела и реализации таможенной политики в регионе.

Как известно, в отношении окраинных (восточных) территорий государственная таможенная политика руководствовалась задачами, отличными от тех, которыми определялось ее отношение к европейским. Развитие торговли с Азией было важным в политическом отношении как одна из мер к сближению с азиатскими государствами. Меркантильные интересы России на восточных территориях были непосредственно связаны

с планами в части усиления политического влияния. Кроме того, таможенная политика России, проводимая в отношении восточносибирского региона страны, была подчинена интересам общероссийской политики по вовлечению «окраинных территорий» в общероссийскую экономику, распространению российской внешней торговли на новые рынки. П.Б. Струве писал: «От этого момента совершенно сознательно эта цель – развитие экспорта наших фабрикатов в Азию – бесповоротно становится одной из задач нашей торговой политики...» [5. С. 175].

Чтобы сразу не уstrasить таможенными санкциями китайских торговцев, российское государство, по сути, декретировало свободную экономическую зону, которая простиралась от оз. Байкал до Тихого океана, что особенно ярко проявилось на территории Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Между тем беспощинный ввоз иностранных товаров в регион не мог не вызвать недовольства в определенных слоях общества, так как расценивался как мера, нарушающая интересы национальной торговли. Русское общество для содействия торговли и промышленности выразило свое мнение, которое заключалось в том, чтобы восточные регионы империи были полностью подчинены действию общего таможенного тарифа.

На названные обстоятельства накладывается столь же непоследовательная практика отнесения региона к таможенным округам. Таможенные учреждения Забайкалья находились, как правило, вне округов, хотя нужно отметить периоды времени, когда привязка к округам все же присутствовала. Создание в 1909 г. Приамурского таможенного округа окончательно включало Забайкалье в общероссийскую систему управления таможенным делом. Созданию округа предшествовала другая реформа. В целях централизации и унификации управления таможенным делом в Приамурском генерал-губернаторстве в 1902 г. было введено деление на районы: Забайкальский, Амурский, Заамурский. Инспектору Заамурского района была подчинена Маньчжурская таможня, а также Хилкотойская, Абагатурская, Борзянская (Борзинская), Акшинская таможенные заставы. Кяхтинская и Сретенская таможни, а также таможенные заставы в Акше и с. Покровка вошли в состав Забайкальского района. В 1912 г. окружная система с делением на районы была ликвидирована. Система управления стала более упорядоченной, были созданы инспекторства, и вся территория Забайкальской области попала в подчинение читинского таможенного инспектора.

Из других особенностей, оказавших влияние на характер таможенной конструкции региона, можно назвать следующие. Забайкалье – особый и специфичный регион. Малонаселенность территории Забайкалья и отсутствие зачатков обрабатывающей промышленности делали совершенно бессцельной как в фискальном, так и в экономическом отношении таможенную охрану границы огромной протяженности. Сами же трудно-

проходимые пространства Забайкалья служили преградой от проникновения с востока в Сибирь и далее в Европейскую Россию заграничных товаров. Рассеянное внутри края малочисленное население ни в каких товарах иностранного привоза не нуждалось, а по сухопутной границе с Китаем предметом ввоза были исключительно китайские товары, главным образом шелк и чай. Протяженность неохраваемой границы Забайкалья составляла около 280 верст, такие расстояния даже в малой степени не покрываются возможным доходом от деятельности таможен края. Оставив мысль о полной охране границы и удовлетворившись надзором за наиболее важными путями и наиболее населенными пунктами, надо предвидеть, что в обход этих путей и пунктов широкой волной двинется контрабанда, и для недопущения ее в пределы Сибири требуется усиление таможенного надзора на оз. Байкал с таможней в Иркутске. Но сохранение подобной «второй линии» таможенной границы поставит в тяжелое положение Забайкалье и затруднит отношения с Западной Сибирью, так как местные товары, прибывающие из-за оз. Байкал, будут досматриваться Иркутской таможней, которая для беспощинного пропуска будет требовать доказательства их русского происхождения. Данные обстоятельства и проецировали таможенную политику в этом регионе.

В своих рассуждениях об организации на восточных территориях таможенной политики по итогам поездки на Дальний Восток С.Ю. Витте писал следующее: «...вопросы о постановке таможенной части на Дальнем Востоке и о дальнейшем направлении нашей торговой и таможенной политики представляются ныне настолько сложными и запутанными, затрагивают и договорные отношения с Китаем, и столь существенные интересы нашей внутренней торговли и промышленности...» [15. Л. 10–11].

До середины XIX в. ввоз товаров из Китая в Россию осуществлялся с уплатой пошлины на основе положений тарифов 1761, а затем 1800 г., что говорило о применении на территории Забайкалья установленной государством системы таможенно-тарифного регулирования. Однако тариф 1800 г. не имел стабильного характера и подвергался постоянным изменениям, что, безусловно, отражалось на таможенной политике в регионе. Нормы тарифа то приобретали более протекционистский характер, то становились более либеральными.

В 1862 г. были изданы особые правила, кардинально изменившие ранее действовавшую конструкцию таможенной политики на территории Забайкалья и, по существу, ставшие определяющими на полстолетия.

Правила сухопутной торговли с Китаем 1862 г. были подтверждены правилами 1869 г. и Петербургским договором 1881 г. («Правила сухопутной торговли»). Статья 1 «Правил для сухопутной торговли», утвержденных Санкт-Петербургским договором 1881 г., устанавливала: «По границе обоих государств, на расстоянии пятидесяти верст (сто китайских ли) в ту и

другую сторону, допускается свободная и беспошлинная торговля между русскими и китайскими подданными. В надзоре за этой торговлей каждое правительство будет следовать своим пограничным постановлениям» [16. С. 304–311]. Введение этой нормы было обусловлено исключительно интересами присоединенного к империи края и его развития с точки зрения внешней торговли. Однако установленные договорами в удовлетворение интересов политических элит правила далеко не всегда хороши, так как при наличии 50-верстной полосы беспошлинной торговли существование таможен можно было считать излишним.

В тот период таможенной границей, по существу, являлся Байкал, а Иркутская и Кяхтинская таможни служили воротами, через которые проходили товары из Китая в Россию.

Крайне негативное влияние существование полосы беспошлинной торговли оказало на уровень экономической безопасности, так как создавало исключительные условия для развития контрабанды.

Однако для решения социально-экономических задач региона такие правила были весьма удачны. Существование 50-верстной полосы беспошлинной торговли позволяло свободно обеспечивать приграничное население товарами первой необходимости и, более того, способствовало развитию приграничной торговли. Для Забайкалья, где значительная часть населения проживала в пределах 50-верстной полосы, это было весьма актуально.

С режимом беспошлинной торговли, введенной в отношении торговли с Китаем, некоторые авторы связывают порто-франко (итал. *porto franco* – свободная гавань), по существу не разграничивая эти понятия [17. С. 111]. Считаем, что при наличии схожих черт эти понятия различны.

Порто-франко на территории России впервые был введен в Одессе, в 1826 г. под действие порто-франко попала Камчатка [18]. 1 ноября 1856 г. и 4 ноября 1857 г. была разрешена беспошлинная иностранная торговля в портах Приамурского края, на устьях Амура и вверх по реке [19. С. 29]. 22 декабря 1860 г. режим свободной торговли иностранными товарами был распространен и на все порты Приморской области Восточной Сибири.

Режим порто-франко неоднозначно трактуется исследователями. В нем просматриваются как положительные, так и отрицательные стороны, влияющие на развитие государства в целом и территорий в частности. Сторонники режима утверждали: «Край еще не окреп. Между тем вскоре ему придется выдержать конкуренцию с густонаселенной Маньчжурией, открытой для иностранных товаров и со свободными условиями для развития промышленности. Пустынная, малокультурная и почти отрезанная от магистрали русская окраина не может быть удержана одной военной силой. Для сохранения и развития края необходима усиленная колонизация его здоровым, энергичным, трудовым русским населением; нужно свободное от всякого протек-

ционизма развитие местной промышленности и торговли. Таможенное обложение вызовет повышение потребительных цен, удорожит жизнь в крае, а это явится обстоятельством, препятствующим приливу переселенцев. В то же время это вызовет вздорожание рабочих рук, что отразится неблагоприятно на развитии в крае промышленности. Развитию последней будет мешать также и конкуренция русской промышленности. Введение таможни даст ничтожный доход казне, так как ввоз иностранных пошлинных товаров должен сократиться. Вместе с тем при громадной протяженности границ потребуются значительный расход на охрану их. Но никакая охрана не в состоянии будет предупредить контрабанды. А это поставит в невозможные условия лиц, торгующих товарами, оплаченными пошлинами. Бывший опыт убедил, что на удаленной окраине таможенные обрядности и волокита, с которыми сопряжено взимание пошлин, вызывает массу излишних расходов и громадные стеснения для легальной торговли...» [20. С. 123].

Однако нельзя сказать, что порто-франко было в целом негативной тенденцией, по существу, данный режим оказал влияние на другие значимые в таможенном отношении события: речь идет об учреждении таможенного надзора на постоянной основе.

Отмена порто-франко произошла в 1900 г., но в условиях Русско-японской войны система была восстановлена. Окончательная отмена была произведена только в 1909 г. В «Собрании узаконений и распоряжений Правительства» от 23 января 1909 г. за № 11, ст. 50, был опубликован одобренный Государственным советом и Государственной думой «Закон о закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства», также была отменена ст. 939 Таможенного Устава [21] и изменены в тарифные ставки, установленные законом 10 июня 1900 г. [22. Л. 4–5]. Новый закон был более полным и развернутым по сравнению с законом от 10 июня 1900 г. Таможенные пошлины в регионе теперь взимались в размере, установленном Общим таможенным тарифом по Европейской торговле. Закон также отменял ст. 937, 940 и примечание к ст. 942 Таможенного Устава [21].

С момента введения в действие этого закона на территории Забайкальской области должны были применяться общероссийские критерии таможенной политики. Безусловно, принятие этого документа внесло серьезные коррективы в деятельность таможенных учреждений Забайкалья. Он гласил: «Обложить таможенными пошлинами привозимые в Приамурское генерал-губернаторство, как через порты, лежащие в устье Амура и к югу от него, так и по сухопутной границе, а равно в Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, иностранные товары, поименованные в следующих статьях действующего Общего Таможенного тарифа по европейской торговле: 3, 4, 7, 9, 10, 11

(кроме китайских земляных орехов, пропускаемых беспошлинно), 12, 13, п. 2 ст. 14, 15 (кроме указанных в п. 3 пряностей, пропускаемых беспошлинно), 16–19, 21–23, 24 (кроме молока сгущенного, пропускаемого беспошлинно), 25–29, 31, 32, 35, 37, 38, 42, 43, 45–50, 51, 52 (кроме парафина, пропускаемого беспошлинно), 53–56, 57 (кроме приводных ремней, сшитых и несшитых, пропускаемых беспошлинно), 58, 59, 60, 63, 64, 67–69, п. 6 и 7 ст. 71, 75 и 76, п. 1–5, 7 ст. 77, 78, 80, 81 (кроме карболовой кислоты пропускаемой беспошлинно), 84–88, п. 2 ст. 103, 106, п. 3–8 ст. 108, 110, 113, 115, 116, пунктах 1–3 ст. 117 (кроме бобового и кунжутного масел, пропускаемых беспошлинно), 118–123, 126–130, 133–138, 145, 148, 149, п. 2 ст. 155, п. 2 ст. 156 (кроме металлических сит из медной проволоки, пропускаемых беспошлинно), 158 (кроме ножниц для стрижки овец), 159, п. 1, 2 ст. 162, 163–166, 169–174 (кроме вагонеток всех типов для узкоколейных ж/д), 177, 179–194 (кроме пеньковых рукавов для пожарных труб и бумажных и пеньковых приводных ремней), 195–209, примечаниях общих к ст. 183–209, 210–216» [23. Л. 2–3].

Привозимые в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область чаи (кроме кирпичных, пропускаемых беспошлинно) также облагались таможенными пошлинами. Такие товары, как шкуры невыделанные, некрашеные беличьи и сурковые или табарганьи и др., допускались к беспошлинному ввозу по сухопутной границе с Китаем.

Однако с введением в действие единых норм Общего таможенного тарифа возник вопрос о применении правил договора с Китаем 1862 г. в части беспошлинного торгового в границе 50 верст. В условиях доминирующей сухопутной торговли определяющим условием для Забайкалья был введенный в 1862 г. беспошлинный режим торговли, а порто-франко выступал лишь в качестве второстепенного критерия.

Однако окончательно отменив режим порто-франко, российские власти были не в состоянии обеспечить эффективную систему таможенного регулирования и контроля по причине значительной площади Приамурского края и Забайкальской области, удаленности от центра, малонаселенности и т.д.

Возможно, по этим причинам региональная таможенная политика отличалась своей непоследовательностью и сочетанием протекционистских тенденций с фритредерскими. Подтверждением этому является то, что после принятия закона об отмене порто-франко министр финансов утверждает свод льготных постановлений для таможенных учреждений Приамурского края и Забайкальской области. Уступки коснулись порядка осуществления таможенных обрядностей, что например, упрощало порядок таможенных действий по таможенному оформлению грузов.

Специфика работы таможенных служащих в регионе состояла и в том, что Правилами таможенного тарифа 1901 г. предписывалось для Приамурского края

товары «китайского происхождения», кроме чая, серебра и запрещенных к ввозу товаров, пропускать по внешней границе, «не подвергаясь никаким таможенным формальностям», если нет подозрений [23. Л. 10–11].

Особенностью таможенной политики также можно назвать отмену обязательного для других регионов России таможенного клеймения товаров. В отношении клеймения был принят акт, который, по существу, закреплял правила, в соответствии с которыми на иностранные товары, подлежащие клеймению, но таковых не имеющие, могли выдаваться особые свидетельства о легальном их происхождении.

Приведенные примеры – яркие свидетельства того, что Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальская область, будучи официально включенными в общероссийскую систему таможенных органов, оставались территориями с особым статусом, где продолжали действовать, как и прежде, многочисленные временные циркуляры, правила, распоряжения.

Таким образом, стоит отметить, что и после отмены порто-франко таможенное регулирование и таможенная политика имели свои региональные особенности. Здесь можно согласиться с утверждением С.Ю. Витте, который в своих рассуждениях об организации на восточных территориях таможенной политики писал: «...вопросы о постановке таможенной части на Дальнем Востоке и о дальнейшем направлении нашей торговой и таможенной политики представляются ныне настолько сложными и запутанными, затрагивают и договорные отношения с Китаем, и столь существенные интересы нашей внутренней торговли и промышленности...» [15. Л. 10–11].

Распространение на территорию Забайкалья общих принципов государственной таможенной политики должно было иметь непременно условием устранение всех столетиями применяемых особенностей в региональной таможенной практике. Прежде всего, необходимо было принять решение об отмене беспошлинного ввоза китайских товаров, однако сделано это было (причем в одностороннем порядке) только 24 августа 1912 г., когда Россия объявила, что Санкт-Петербургский договор остается в действии еще на десятилетний срок, при этом льготная 50-верстная полоса на русской стороне сухопутной границы Российской империи с Китаем с 1 января 1913 г. будет упразднена. С введением этой меры все китайские товары при ввозе через сухопутную государственную границу в Иркутскую губернию, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области должны были облагаться пошлинами на общих основаниях и подлежали обязательному клеймению. Однако сломать ставший традиционным уклад в регионе было крайне сложно, именно это обстоятельство сделало борьбу с контрабандой одним из основных направлений деятельности таможенных органов.

Назовем еще одно обстоятельство, оказавшее влияние на развитие таможенного дела рассматриваемого региона и реализацию на его территории таможенной

политики. Это открытие Сибирского железнодорожного пути, а по существу – формирование транспортной системы. В 1896 г. был оформлен контракт о строительстве Китайско-Восточной железной дороги. Каждый метр железнодорожного пути сближал Дальний Восток с Сибирью и Европейской Россией, открывая путь иностранным товарам через восточную границу на внутренний российский рынок. Когда железнодорожная линия дошла до Иркутска, перешла за оз. Байкал и дошла до г. Сретенска, установившийся по ней и р. Амур сплошной паровой путь до побережья Тихого океана совершенно открыл российскую восточную границу для всех иностранных товаров и грозил подорвать всю российскую охранительную таможенную систему. То есть в регионе возникла необходимость решения вопроса об усилении штатов таможенной части.

Бесспорно, строительство железнодорожного пути оказало влияние и на развитие таможенного дела Забайкалья и реализацию таможенной политики. От государства требовались новые нормативные рычаги таможенного регулирования. В отчете о путешествии на Дальний Восток С.Ю. Витте писал: «Кроме своего мирового значения сибирская железная дорога как местный путь принесет многообразные выгоды России: для русской промышленности создается новый обширный внутренний рынок; избытки населения Европейской России найдут себе выход на новые обширные пространства Сибири, удобные для колонизации; разработка естественных богатств Сибири, возрастание ее населения и развитие промышленности увеличат производительные силы нашей Родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни. Но постройка железной дороги не выполняет еще той обширной задачи. Железная дорога является только частью этого дела и одним из средств к его достижению. Потребуется еще много трудов и усилий, придется преодолеть немало всякого рода препятствий, сменится не одно поколение, прежде чем дело во всей его сово-

купности будет доведено до конца и принесет те обильные плоды, которые от него можно ждать. Предстоящие задачи настолько сложны и многочисленны, что в настоящее время очертить и наметить их было бы затруднительно и едва ли даже возможно. Но и теперь уже наиболее близкие и насущные из них выясняются с достаточной определенностью...» [15. Л. 10–11].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. продолжалась эволюция в формировании и развитии таможенных институтов на территории восточных регионов России. Решению этой задачи придавалось огромное значение органами государственной власти Российской Империи. Свидетельством этому стало появление многочисленных законодательных и ведомственных актов, имеющих конкретную цель – улучшить таможенную систему региона. Однако стремление российского правительства сделать из таможенной политики региона действенное при всех обстоятельствах средство для развития национального производства должно было потерпеть фиаско после тех огромных жертв, которые были принесены в интересах расширения русского влияния на востоке России. Последнее было обусловлено тем обстоятельством, что целостность развития и реализации таможенной политики обеспечивается урегулированностью ее внутренних компонентов, кроме того, взаимодействием и сбалансированностью ее отношений с внешней средой, чего центральная власть обеспечить не смогла. В итоге таможенная политика в отношении Забайкальской области (и отчасти Приамурского края) представляла собой совершенно уникальное сочетание протекционистских и фритредерских направлений. В целом таможенная политика рассматриваемого региона прошла сложный процесс трансформации от совершенно непоследовательной, выстроенной на исключительных привилегиях и обусловленной внешнеполитическими и экономическими интересами правящих властей до вполне полноценной, учитывавшей интересы государства в целом. Но произошло это лишь во втором десятилетии XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
2. Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. СПб. : Атеней, 1924.
3. Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. СПб. : Атеней, 1924.
4. Кулишер И.М. Очерки по истории таможенной политики. СПб. : Типография В.Ф. Киршбаума, 1903.
5. Струве П.Б. Торговая политика России. Челябинск : Социум, 2007.
6. Соболев М.Н. Перестройка принципов торговой политики России в связи с вопросом о протекционизме. Харьков : Типография М.Х. Сергеева, 1915.
7. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск : Печатное дело, 1911.
8. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России от Петра Великого до наших дней. СПб. : Изд. Д.А. Казицына и Ю.Д. Филиппова, 1909.
9. Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892.
10. Шапошников Н.Н. Таможенная политика России до и после революции. М. ; Пг. : Тип им. Володарского, 1924.
11. Шапошников Н.Н. Протекционизм и свобода торговли. Пг. : Тип. Министерства финансов, 1915.
12. Потяев А.И. Теория таможенного дела. М., 1927.
13. Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского 907–1995. М., 1995.
14. Блинов Н.Н. Таможенная политика России X–XX вв. : краткий научно-популярный очерк. М., 1997.

15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711.
16. Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири. М. : Рос. ун-в. изд-во, 2002.
17. Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм. Торговые связи Дальнего Востока России и северо-восточного Китая (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 110–122.
18. О разрешении в Камчатке заграничной торговли [№ 2253] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 3. С. 795–796.
19. Тихоокеанская Россия: опыт прошлого – взгляд в будущее // Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию порто-франко на Дальнем Востоке. Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2009.
20. Порто-франко на Дальнем Востоке : док. и матер. Владивосток : РИО Владивосток. фил. ПТА, 1998.
21. Таможенный Устав 1904 г. Собр. узак., 1907.
22. Государственный Архив Забайкальского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 52.
23. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 945.

Dugarov Vladimir D. Zabajkalskij State University (Chita, Russia). E-mail: ngsav@mail.ru ; *Kazantzeva Natal'ya G.* Zabajkalskij State University (Chita, Russia). E-mail: ngsav@mail.ru

THE STATE CUSTOMS POLICY AND ITS LOCAL IMPLEMENTATION IN BORDER REGIONS AT THE END OF XIX-THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES.

Key words: state customs policy; China; border regions; customs; goods; Transbaikalian Region.

The article gives the analysis of the state customs policy on the eastern outskirts with regard to its main directions implementation in the border region. The authors note that the qualitative customs policy implementation at the national level is possible when taking into account different region conditions and development. According to the authors, the historical experience generalization and the authority activity assessment in the historical context can be applied to confront the challenges of our times and may help to avoid the pitfalls of the past. The article focuses attention on the Transbaikalian region analysis. It is noted that Transbaikalian region can be considered as the unique territory in terms of the customs policy implementation. The latter was mainly due to the all-Russian policy interests to involve “the peripheral territories” into the all-Russian economy and to develop new markets for the Russian foreign trade. On the territory, taken as an example by the authors, there had been a system of duty-free trade for quite a long period of time, however, as the authors argue, by the beginning of the XX century this system had run its course and there was a need to admit the region into the single customs space of the Russian state. The “Porto-Franco” regime, having been introduced on the territory of the Transbaikalian region, also had the impact on the regional image of customs policy. The authors consider that the body of the rules introduced on the region territory had led to the “free trade zone” formation that had a certain public resonance. Having taken different examples, the authors prove the region customs policy existence with protectionist and free trade tendencies. The latter ones had been manifested in carrying out customs formalities, duty payment specifics, and the general system of legal regulation for region customs activities. Certain conclusions are drawn on the basis of the materials introduced into the scientific circulation for the first time. The article gives the assessment of main and minor circumstances which had an impact both on the general situation of customs service in the researched region, and the regional customs policy implementation. It also considers the impact of Chinese-Eastern Railway construction. It is noted that the eastern border opening for foreign goods had raised concerns over strengthening human resources within the customs. In addition, the authors pay attention to the impact of inconsistent customs policy on the customs body administration system in the region. In conclusion the authors state that the considered region customs policy had undergone the transformation process from absolutely inconsistent, built on exclusive privileges and determined by the foreign policy and economic interests of the ruling authorities and had been adopted into unified all-Russian system only in the second decade of the XX century.

REFERENCES

1. Lodyzhenskiy, K.N. (1886) *Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa* [History of the Russian Customs Tariff]. St. Petersburg: Sotsium.
2. Kulisher, I.M. (1924a) *Osnovnye voprosy mezhdunarodnoy torgovoy politiki* [The main issues of international trade policy]. St. Petersburg: Atenev.
3. Kulisher, I.M. (1924b) *Ocherk istorii russkoy torgovli* [Essay on the history of Russian trade]. St. Petersburg: Atenev.
4. Kulisher, I.M. (1903) *Ocherki po istorii tamozhennoy politiki* [Essays on the history of customs policy]. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum.
5. Struve, P.B. (2007) *Torgovaya politika Rossii* [Trade Policy of Russia]. Chelyabinsk: Sotsium.
6. Sobolev, M.N. (1915) *Perestroyka printsiptov torgovoy politiki Rossii v svyazi s voprosom o protektsionizme* [Restructuring of the principles of Russian trade policy in connection with the issue of protectionism]. Kharkov: M.Kh. Sergeev.
7. Sobolev, M.N. (1911) *Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Russian customs policy in the second half of the 19th century]. Tomsk: Pechatnoe delo.
8. Vitchevskiy, V. (1909) *Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii ot Petra Velikogo do nashikh dney* [Trade, customs and industrial policy of Russia from Peter the Great to the present day]. St. Petersburg: D.A. Kazitsyn i Yu.D. Filippov.
9. Mendeleev, D.I. (1892) *Tolkovyiy tarif ili issledovanie o razvitiy promyshlennosti Rossii v svyazi s ee obshchim tamozhennym tarifom 1891 goda* [Explanatory tariff or research on the development of industry in Russia in connection with its general customs tariff in 1891]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Shaposhnikov, N.N. (1924) *Tamozhennaya politika Rossii do i posle revolyutsii* [Russian customs policy before and after the revolution]. Moscow; Petrograd: Tip im. Volodarskogo.
11. Shaposhnikov, N.N. (1915) *Protektsionizm i svoboda torgovli* [Protectionism and freedom of trade]. Petrograd: Tip. Ministerstva finansov.
12. Potyayev, A.I. (1927) *Teoriya tamozhennogo dela* [Theory of Customs]. Moscow: Narkomtorg SSSR.
13. Kislovskiy, Yu.G. (1995) *Istoriya tamozhni gosudarstva Rossiyskogo 907–1995* [History of customs of the Russian state 907–1995]. Moscow: Avtor.
14. Blinov, H.H. (1997) *Tamozhennaya politika Rossii X–XX vv.: Kratkiy nauchno-populyarnyy ocherk* [Customs policy of Russia in the 10th – 20th centuries: A popular essay]. Moscow.
15. The Russian State Historical Archives (РГИА). Fund 1622. List 1. File 711.
16. Russia. (2002) *Sbornik zakonov i rasporyazheniy po tamozhennoy chasti v Priamurskom krae i Vostochnoy Sibiri* [Collection of Legalizations and Orders for the Customs in Amur Region and Eastern Siberia]. Moscow: Ros. univ. izd-vo.

17. Romanova, G.N. (2006) Porto-franko i protektsionizm. Torgovye svyazi Dal'nego Vostoka Rossii i severo-vostochnogo Kitaya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Porto-Franco and protectionism. Trade relations of the Far East of Russia and north-eastern China (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Rossiya i ATR – Russia and The Pacific*. 3. pp. 110–122.
18. Russia. (n.d.) O razreshenii v Kamchatke zagranichnoy trgovli [№ 2253] [On the approval of foreign trade in Kamchatka [No. 2253]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of The Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 3. pp.795-796.
19. Belyaev, N.A. & Litoshenko, D.A. (eds) (2009) *Tikhookeanskaya Rossiya: opyt proshlogo – vzglyad v budushchee* [Pacific Russia: The experience of the past – a glimpse into the future]. Vladivostok: Maritime State University.
20. Timopheev, P. (ed.) (1998) *Porto-franko na Dal'nem Vostoke* [Porto-Franco in the Far East]. Vladivostok: Vladivostok. fil. RTA.
21. Russia. (1907) *Tamozhennyi Ustav 1904 g.* [The Customs Charter of 1904]. [s.l., s.n.]
22. *The State Archives of Transbaikalian Territory*. Fund 42. List 1. File 52.
23. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. Fund 1278. List 2. File 945.

УДК 94(47)+94(510):76

DOI: 10.17223/19988613/48/22

Е.А. Федосов

«ВПЕРЕД К ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ!»: ОБРАЗ СССР И КИТАЯ В АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ 1940–1960-х гг.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

В XX в. отношения нашей страны с Китаем претерпели несколько фаз трансформации, в результате чего формировался определенный образ обоих народов. В статье этот процесс рассматривается с точки зрения взаимного восприятия СССР и КНР в 1940–1960-е гг., которое нашло яркое отражение как в официальных пропагандистских материалах той эпохи, так и в неформальных оценках современников. Основные его особенности выявляются путем анализа советских и китайских агитационных плакатов, а также источников личного происхождения.

Ключевые слова: СССР; КНР; международные отношения; пропаганда; агитационный плакат; образ другого.

За прошедшее столетие Китай стал играть важную роль в российской внешней, а в последнее время и внутренней политике. В целом отношения нашей страны с восточным соседом претерпели несколько фаз трансформации, и в настоящий момент идея дружбы и сотрудничества вновь сопутствует политической риторике. Такая обстановка благоприятствует усилению интереса к Поднебесной, в том числе в историческом разрезе. Можно всецело согласиться с мнением современного китайского писателя, лауреата Нобелевской премии Мо Яня, высказанным на съезде Институтов Конфуция: «При изучении любых китайских проблем, неважно, касаются ли они насущной жизни или идеологии и культуры, необходимо проводить как вертикальное, так и горизонтальное сравнение. Исторический и реалистический взгляды, вертикальное и горизонтальное сравнения формируют тот фокус, только благодаря которому мы и можем получить беспристрастную, объективную оценку» [1. С. 35]. Подобный подход вполне применим и к российской истории, накопившей определенный опыт формирования образа Китая.

Цель данной статьи – раскрытие особенностей взаимного восприятия СССР и КНР в 1940–1960-е гг. Этот период примечателен по нескольким причинам. Во-первых, хронологически он совпадает со временем становления современного китайского государства, КНР, в котором немалую роль сыграло советское участие. Во-вторых, развитие отношений в эти годы отличалось высоким динамизмом, включая как очевидный моральный подъем, так и весьма драматичный спад и кризис, что позволяет считать события тех лет неким историческим уроком. Анализировать образы СССР и Китая целесообразно в нескольких измерениях. С одной стороны, в рамках официальной точки зрения, которая ниже будет рассмотрена на основе советской и китайской визуальной пропаганды и отчасти прессы. Для обоих народов ее влияние было частью общего процесса формирования так называемой «геополитической идентичности» [2. С. 5], когда определяются роль своей нации в мире, круг ее союзников и соперников. А с другой – через

мнения современников, нашедшие отражение в источниках личного происхождения: письмах и воспоминаниях.

Восприятию взаимоотношений СССР и КНР середины XX в. предшествовали определенные политические и идеологические предпосылки. Первые контакты между советским правительством и левыми силами Китая начались практически сразу после победы социалистической революции в России. «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат поработанные народы Востока...» [3. С. 6], – гласило обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР 25 июля 1919 г. Базируясь на лозунгах борьбы с силами мирового империализма, образ сражающегося Китая стал весьма заметной частью визуальной пропаганды на внешнеполитические темы в 1930-е гг. Один из наиболее ранних плакатов был нацелен на пробуждение интернационалистических чувств у молодежи: «Реют на Востоке знамена классовых боев. В XVI МЮД¹ комсомольский привет революционной молодежи Китая и Индии, борющейся с собственной буржуазией и империализмом» (1930). Не осталось без внимания художников-пропагандистов и возникновение на юге Китая в 1931 г. Китайской Советской Республики, вооруженным силам которой посвящалась работа И. Эберилия «Да здравствует Красная Армия советского Китая» (1931). В агитках подобной тематики применялось дублирование лозунгов иероглифами. Такая практика, не имевшая большого практического смысла, может, однако, рассматриваться, как значимый символический жест признания китайского языка языком международного коммунистического движения². При этом активная политическая и военная деятельность китайских коммунистов сопровождалась вполне привычной для населения нашей страны революционной риторикой.

К концу 1930-х гг. во многом в связи с событиями в Испании и Китае антифашистская пропаганда получает мощный импульс [4. С. 126]. С одной стороны, это приводит к созданию более обобщенных сюжетов, в

которых, тем не менее, образу китайца отводится одна из центральных ролей. Ярким примером здесь может служить плакат Г. Рычкова и Н. Клементьева «Да здравствует молодёжная солидарность трудящихся в борьбе против фашизма!» (1938). С другой – продолжается создание наглядной агитации, посвященной и непосредственно Китаю. Так, в 1939 г. появилась работа В. Иванова «Из уст в уста передается лозунг национальной войны: “Падет в бою отец, сын встанет на его место, брат сменит погибшего брата, жена сменит убитого мужа”». Эти слова о борьбе китайского народа были высказаны Д. Мануильским на XVIII Съезде ВКП(б). Но плакат Иванова интересен и некоторыми другими деталями. Драматичная сцена, в которой молодой китаец подхватывает винтовку из рук раненого отца, во-первых, дополнялась призывом из четырех каллиграфических иероглифов «一致抗日» («Вместе воевать с агрессором!»), а во-вторых, на дальнем плане видна атака солдат под флагом Китайской Республики, ранее считавшейся недружественной.

Таким был образ китайца в советской визуальной пропаганде накануне Второй Мировой войны. В течение 1930-х гг. акценты, на которых он базировался, несколько сместились от внутренней классовой борьбы к более универсальной идее отпора внешней интервенции. Вернее сказать, классовый конфликт в конкретный исторический момент совпал с сопротивлением японским империалистам.

Пропаганда СССР времен Великой Отечественной войны была направлена на патриотический подъем советских людей против западного агрессора и его сателлитов, и объективно азиатская тема несколько лет отсутствовала в наглядной агитации. Вернулась она в 1945 г. в свете победоносного завершения освободительной Маньчжурской операции, чему был посвящен плакат Л. Голованова «Слава Красной Армии – освободительнице» (1945), изобразивший китайского мальчика на руках у советского солдата (рис. 1). Лозунг здесь вновь был продублирован иероглифами. Флаг Китая виден и среди знамен союзников в работе В. Иванова «Мы победили!» (1945). В том же году вышел и первый из известных автору китайский плакат на советскую тему: «Слава маршалу Сталину, освободившему нас от рабства японских милитаристов!» (на кит. яз., 1945). Образ нашей страны создается здесь за счет нескольких взаимосвязанных сюжетных элементов: рукопожатие красноармейца и китайца, символика обеих стран и крупное портретное изображение И.В. Сталина, венчающее всю композицию.

Пропаганда единства революционных идеалов и сопротивления внешним агрессиям, символизм боевого братства и харизматического лидерства вождей, присутствие государственных флагов и перевод лозунгов – все рассмотренные выше контексты и приемы наложили определенный отпечаток на формирование послевоенных образов СССР и Китая, получив с 1949 г. широкое развитие уже в формате содружества с КНР.

Прежде чем непосредственно переходить к рассмотрению принципов визуализации темы советско-китайской дружбы, целесообразно обозначить масштабность ее распространения. Так, если обратиться к подборке советских плакатов за поздний сталинский и хрущевский периоды, то азиатское «присутствие» обнаруживается примерно в 38% агиток, формировавших положительный образ иностранца. Учитывая разветвленность интересов СССР во внешнем мире в те годы, данный показатель можно считать весьма значительным. Отчасти на него повлияло то, что в разное время внимание к Азии обуславливалось событиями в Корее, Индии или Вьетнаме. Можно также возразить, что существенная доля образов по существу носила обобщенный характер, без указания на какой-либо конкретный народ. Однако близость стиля изображений с тем, который присущ плакатам, посвященным непосредственно Китаю, служит косвенным доказательством, что азиатские мотивы вдохновлялись именно восприятием китайских друзей. Примечательно, что на рубеже 1950–1960-х гг. одним из главных методов символической передачи идеи общемировой солидарности стал образ единства представителей Европы, Африки и Азии, в которых также легко угадываются черты китайских граждан эпохи Мао Цзэдуна.

Взгляды на внешний мир в наглядной агитации КНР развивались в несколько иной логике. В 1950-е гг. противостояние с США за освобождение Кореи и Тайваня сделало американскую верхушку, как это было и в СССР, главным антагонистом пропаганды. Сам же Советский Союз и связанные с ним европейские страны народной демократии, по сути, оставались единственным постоянным контекстом для формирования положительного образа зарубежья. И только к началу 1960-х гг., когда компартия Китая постепенно начала претендовать на глобальное идеологическое влияние, в китайских плакатах расширяется система внешнеполитических образов.

Рис. 1. Худ. Л. Голованов (1945)

Рис. 2. Худ. В. Иванов (1949)

Рис. 3. Худ. В. Иванов (1951)

Отклик на образование 1 октября 1949 г. КНР последовал в советской наглядной агитации практически сразу. «Большую идею равенства и содружества великих народов» [4. С. 191] визуализировал обращавшийся к китайской теме еще в 1930-е гг. художник В. Иванов в своем новом плакате «Да здравствует дружба народов СССР и Китая!» (1949) (рис. 2). В этой работе впервые после войны в рамках сугубо гражданского сюжета союз олицетворяли отображенные почти портретно представители двух стран, несущие каждый свой флаг. Следует отметить, что на тот момент социалистический лагерь только завершал свое формирование, и в советских агитационных материалах практически отсутствовал опыт создания образа конкретных государств, входящих в него. В этом смысле Поднебесная оказалась первой. В духе времени было использование образа И.В. Сталина в трактовке идеи дружбы с Китаем. Он мог быть запечатлен в момент рукопожатия с

Мао Цзэдуном (рис. 3) или присутствовать незримо в достаточно специфичных формах. Так, упоминая «Песню о Сталине», лозунг одной из агиток 1952 г. отмечал «...Поет эту песню китайский солдат!», который и был изображен на плакате (рис. 4). После смерти вождя художники-пропагандисты вносят символический подтекст исключительно в сцены жизни простых людей. Классическими становятся сюжеты, в центре которых два мужских или женских образа представителей обеих стран, временами помещенных в производственную среду, что подчеркивало практические плоды сотрудничества (рис. 5)³. В плакате «Всегда вместе!» (1958) помимо взрослых присутствуют еще и дети, выражая надежду на дружбу, которая останется в поколениях. В целом словосочетание «дружба навеки» обретает в плакатах подобной тематики характер устойчивой идеологемы, а иногда, в знак большого уважения к союзнику, переводится и на его родной язык («永恒友谊»).

Рис. 4. Худ. П. Голубь (1952)

Рис. 5. Худ. М. Соловьев (1958)

Наиболее поздние советские плакаты на тему дружбы с Китаем вышли в 1959 г. Уже состоялся XX съезд КПСС, радикально противопоставив официальные трактовки сталинского периода в СССР и КНР. Уже прошли достаточно напряженные переговоры Хрущева и Мао, обозначившие серьезные разногласия по поводу судьбы ядерного потенциала Поднебесной [5]. Но все

это пока не касалось и не должно было касаться восприятия советских граждан. Напротив, «казалось, дружба, освященная единством идеологического выбора, нерушима... Помощь Китаю была каким-то всеобщим порывом в нашей стране. Выражением искреннего доверия к другому народу, когда, казалось, делается большое, благородное дело» [5. С. 108]. Лозунги агиток гласили «Вперед к великой цели!» (1959) и «Наша цель – коммунизм!» (на рус. и кит. яз., 1959) (рис. 6). А ведь именно вокруг понимания путей прихода к коммунизму вскоре разразится идеологический раскол. Надо сказать, что в советской прессе привычная дружественная риторика держалась несколько дольше, чем на плакатах. Так, например, в номере «Правды» от 2 октября 1962 г. был напечатан материал «Советско-китайской дружбе жить в веках» [6. 2 окт.]. Однако новых визуальных образов в этот период уже не наблюдается, а с 1963 г. и публикации центральной советской печати по мере углубления идеологического раскола постепенно обретают сначала полемический, а затем и откровенно критический тон по отношению к Китаю. Но даже этот неблагоприятный фон не помешал отметить очередную годовщину образования КНР заголовком: «За братскую дружбу и всесторонне сотрудничество советского и китайского народов» [7. 1 окт.]. Впрочем, этот пример стал одним из последних.

Хронологические и сюжетные рамки советской темы в китайских плакатах имели свою специфику. Здесь первыми выразителями идеи дружбы были образы вождей, Сталина и Мао, представшие в работе художника Ли Бинхуна «Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи»⁴ способствует поддержанию мира во всем мире» (на кит. яз., 1950). Они изображены на фоне флагов своих стран в виде живых, но в чем-то уже монументальных героев, стоявших будто над панорамой Красной площади и площади Тяньаньмэнь. Совместное изображение вождей встречается до 1953 г. еще в двух агитках. В отличие от сугубо гражданских сюжетов, создававшихся в СССР, в Китае визуальный образ простого советского человека получил развитие в 1951 г. именно в военном контексте. Так, под очевидным влиянием событий Корейской войны вышел плакат «Американские агрессоры обязательно будут разбиты» (на кит. яз., 1951) (рис. 7), главными героями которого стали советский и китайский солдаты. В нем также говорилось, что советские люди и китайцы выдержали испытание войной и победили. Они готовы противостоять врагам, которые были карикатурно нарисованы ниже. Образы военнослужащих обеих армий, продолжая часто использоваться до 1955 г., легли в основу глобальных идей общего вклада в мировую безопасность и боевого содружества⁵. То есть риторика военного альянса, который так никогда и не был оформлен на деле, активно распространялась китайской пропагандой.

Между тем примерно с 1953 г., почти параллельно с аналогичной советской тенденцией, плакатисты КНР

много обращаются к теме производственного сотрудничества, выражая один из главных китайских лозунгов тех лет – «Учиться у Советского Союза» («学习苏联»).

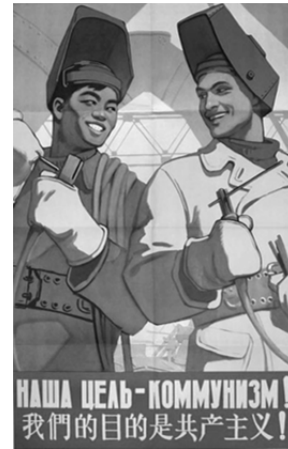

Рис. 6. Худ. В. Каленский, И. Каленская (1959)

Рис. 7. Худ. Гу Юань (1951)

Рис. 8. Худ. Ван Найчжуан (1957)

Нашла свое отражение и практика двуязычного написания лозунгов, как это было, например, в работе художника Ван Найчжуана «Великая дружба, братская забота!» (на кит. и рус. яз., 1957) (рис. 8). Успехи СССР наделялись в плакатах глобальным, даже цивилизацион-

ным смыслом. Так, сцена полета советских спутников, противопоставленная маленькой фигурке Эйзенхауэра, пускающего мыльные пузыри, иллюстрировала по-китайски поэтическое высказывание Мао Цзэдуна: «Восточный ветер превосходит западный» («东风压倒西风») (1958).

Призывы к изучению опыта нашей страны с заметным постоянством продолжают в наглядной агитации до 1959 г. Интересную сцену можно наблюдать в плакате «Советский Союз – великий знаменосец строительства коммунизма и яркий пример для нас» (на кит. яз., 1959) (рис. 9). Следует колонна разнообразных в социальном и этническом отношении советских граждан; идущие впереди держат транспарант, на котором иероглифами написано «семилетний план 1959–1965» («七年计划 1959–1965»). Судя по настрою этой агитки, с точки зрения воздействия на общественное мнение, ничто не предвещало коренного пересмотра взаимоотношений двух стран, начавшегося именно в период этой семилетки. Использование позитивного визуального образа СССР продолжается в КНР до 1962 г., когда вышел, видимо, последний, по-своему символический плакат «Дружба китайского и советского народов будет жить вечно» (на кит. яз.) (рис. 10).

Рис. 9. Худ. Шэнь Шаолунь (1959)

Рис. 10. Худ. Гэ Вэй (1962)

Подводя предварительную черту под анализом наглядной агитации обеих стран, посвященной совет-

ско-китайскому содружеству, необходимо попытаться понять: добивались ли предложенные официальными властями образы и идеологемы задуманного эффекта? Находили ли они соответствующий отклик у общества и казались ли ему нужными и уместными вообще? Современники тех событий, представители сибирской научной интеллигенции, с которыми автор данной статьи непосредственно обсуждал эту тему в рамках личных бесед, в целом сходятся во мнении, что Китай в то время воспринимался как действительно дружественная страна. Так, историк профессор Ю.В. Куперт отмечал: «До ссоры с Хрущевым была абсолютная внутренняя поддержка Китая и совершенно искренняя, не говоря уже о том, что некоторым они нас просто “подкупали”... у китайцев была очень красивая вещь (музыкальное произведение. – Е.Ф.) “Алеет Восток”»⁶. Вспоминая истоки советско-китайского раскола, профессор М.С. Кузнецов характеризовал его именно как конфликт руководств, а не народов: «Китай благодарен был всегда нам... Но оскорбительно вел себя Хрущев по отношению к руководству Китая, а китайцы Мао Цзэдуна считали марксистом-ленинцем и его теорию марксистско-ленинской, но с китайской спецификой. И нельзя сказать, что они не правы»⁷. Такой акцент на личностную составляющую разногласий соответствует и оценке советского государственного деятеля Д.Т. Шепилова: «Хрущев же всегда оставался человеком импульсивным и необузданным. Он расточал свои щедроты, объятия, дары, делая все, что, по его мнению, было полезно для укрепления китайско-советских отношений. Но как только Мао Цзэдун поставил вопросы <...> которые а priori показались Хрущеву сомнительными – он моментально перешел на менторский тон, начал горячиться, поучать китайцев и прописывать им рецепты» [8. С. 383]. Вместе с тем Шепилов резюмирует: «Конечно, было бы неправильно сводить только к этому разрыв с Китаем. Здесь были и более глубокие объективные причины. Но исходным фактором субъективного порядка, который положил начало конфликта и отравил всю атмосферу китайско-советских отношений, была, несомненно, хрущевская разнузданность» [Там же. С. 386]. В качестве одной из «более глубоких объективных» причин можно назвать и последовательное нежелание советской стороны признавать в Китае Мао Цзэдуна самостоятельным, в чем-то альтернативный, коммунистический проект. Об этом много говорил и историк, специалист в области международных отношений С.В. Вольфсон, который, осознавая всю пагубность подобной линии, в 1966 г., будучи еще молодым ученым, даже написал об этом письмо в ЦК КПСС, но так и не решился отправить⁸.

Впрочем, на любые воспоминания неизбежно влияет возможность видеть и анализировать полную (в том числе первоначально скрытую от масс) перспективу рассматриваемых процессов и оценивать их более взвешенно, в то время как первичное восприятие событий формируется непосредственно на фоне их разви-

тия. Когда в дни Карибского кризиса советские граждане пристально следили за судьбой мира, а некоторые даже делились своими взглядами с верховной властью, посылая письма на имя Хрущева, их представление о китайцах было неоднозначно. Так, с точки зрения рабочих волгоградского завода «Баррикады» нужно дистанцироваться от китайских «наследников Сталина», так как они непременно развяжут ядерную войну [9. Л. 89 об.]. Напротив, 30-летний работник шахты, коммунист из Львовской области А.А. Шилов считал, что следует «усиленно укреплять связь со странами народной демократии и особенно (подчеркнуто автором письма. – Е.Ф.) с Китайской Народной Республикой, несмотря на небольшие идеологические расхождения, помочь ей даже оружием» [Там же. Л. 110 об.].

Советско-китайская тема возникла и в откликах граждан на решение Пленума об отставке Хрущева осенью 1964 г. При этом внешнеполитическая линия бывшего генсека критиковалась порой с прямо противоположных позиций. Сторонники скорейшего восстановления дружественных отношений между СССР и КНР приводили и моральные, и геополитические аргументы. В неподписанном письме из Москвы говорилось: «Ухудшение отношений с Китаем самая страшная ошибка. В мире, наверное, нет ни одного народа, который бы так искренне любил и относился к нашей стране, советским людям. Столько воды налили на ветхую мельницу империализма» [10. Л. 79 об.]. О прямой заинтересованности внешних врагов в обострении конфликта писал 45-летний житель Самарканда М.П. Тепляков: «...политику Хрущева все Гарсты и Джонсоны приветствуют, а еще лучше они приветствуют наши разногласия с нашими братьями по борьбе. Разве они, т.е. Джонсоны, не радуются, что от нас откололись социалистические государства: Китай, Корея, Вьетнам и Албания, – конечно, рукоплещут, хвалят Хрущева и смотрят, как быстро развалится социалистический лагерь, а потом в одиночку раздавят нас» [11. Л. 104]. Довольно просто, но с чисто идеологической точки зрения рассуждали донецкие шахтеры: «...как мы, так и КНР стремятся построить коммунизм... и они строят свое положение по руководству Ленина, и поэтому – это наши друзья, и они нас любят, и мы их также уважаем» [10. Л. 121]. Это суждение хорошо согласуется с лозунгами упоминавшихся выше советских плакатов конца 1950-х гг., в которых единство конечной политической цели – построение коммунизма – рассматривалось как главная идея дружбы с Китаем. Существовала и убежденность в том, что преодолению разногласий двух стран послужат как сама по себе отставка лишнего «дипломатического такта» Хрущева [11. Л. 39], так и восстановление авторитета Сталина в нашей стране [10. Л. 79 об.; 11. Л. 27 об.].

На другом фланге критики хрущевской внешней политики неизвестные авторы из Одессы, называвшие себя «друзьями народа» и не стеснявшиеся в выражениях, указали новому руководству на то, что главной

ошибкой было «превращение страны в дойную корову для всех, кому не лень. Перечислить всех этих “братьев”-иждивенцев нет возможности. Некоторые из этих братьев за страдания нашего народа уже достаточно подло отплатили (Албания, Китай, Корея, Вьетнам, Румыния и др.)» [11. Л. 56]. Справедливости ради стоит заметить, что такая точка зрения касалась не столько восприятия Китая, сколько общей линии СССР в выстраивании отношений с союзниками, и была достаточно распространена в то время. В условиях разразившегося в 1963–1964 гг. продовольственного кризиса и связанных с этим чувствительных социальных сдвигов советские люди ставили под большое сомнение целесообразность траты огромных ресурсов на иностранные государства: «Зачем нам эти все друзья, мы сами справимся. Если некоторым нужна помощь, так помогите в технике, пускай воюют, – а то так получается: технику дай и продовольствие дай, а из-за них свой народ голодает, страдает. Не зря китайское правительство Хрущева критиковало» [10. Л. 108–108 об.]. Любопытно, что для автора этого письма, некоего И.П. Потанина из Горьковской области, настроенного критически по отношению к союзникам, руководство КНР выступает в роли некой референтной группы. В целом можно убедиться, что для разделявших подобные мнения граждан прежние широко тиражируемые лозунги «братства» и «дружбы» несли негативный смысл.

К сожалению, в нашем распоряжении нет аналогичных китайских источников, которые хоть как-нибудь реконструировали бы восприятие СССР населением КНР накануне раскола. Можно лишь отметить определенные метаморфозы официальной риторики, наблюдавшиеся в 1964 г. В июне точка зрения КПК, опубликованная в газете «Женьминь Жибао» и журнале «Хунци», стала достоянием широкой общественности, причем в достаточно резкой и обличительной форме: «На XXII съезде КПСС хрущевская ревизионистская клика не только возвела в систему свою антиреволюционную теорию так называемого мирного сосуществования. <...> Хрущев агитирует за буржуазную идеологию, рекламирует буржуазную свободу, равенство, братство и человечность, обрабатывает советский народ в духе реакционной идеологии буржуазного идеализма и метафизики, а также буржуазного индивидуализма и национализма, подрывает социалистическую мораль» (цит. по: [12]). Но уже в ноябре в той же «Женьминь Жибао» в преддверии 47-й годовщины Октября выходит статья «Сплотиться под знаменами великой Октябрьской революции», развивающая совсем другие идеи-лозунги: братская боевая дружба народов Китая и Советского Союза является вечной, при любых обстоятельствах китайцы будут плечом к плечу с советским народом, да здравствует нерушимая дружба народов Китая и Советского Союза. При этом Хрущев критикуется за оппортунизм и «отход от интересов советского народа», а также одобряется его снятие со

всех постов [13. Л. 278–287]. Тем не менее риторика советско-китайской дружбы так больше никогда и не пошла в массовое тиражирование средствами наглядной агитации обеих стран.

Правомерно задаться вопросом, открыл ли резкий спад в отношениях двух народов перспективы для формирования образа врага? В советской наглядной агитации положительный контекст для азиатской темы в 1960-е гг. сохранялся на фоне поддержки Вьетнама против агрессии США. Что касается возможностей распространения антикитайских или, вернее сказать, антимаоистских мотивов, то они хотя и появлялись, но относительно редко и исключительно в пространстве сатирической карикатуры, оставаясь совершенно не свойственными плакату. Вообще следует отметить, что в брежневскую эпоху среди прочих средств пропаганды плакаты все менее отличаются разнообразием и новаторством сюжетов и образов. Китай же упоминается в единственной известной автору агитке того периода, возникшей в связи с началом китайско-вьетнамской войны: «Пекинскому агрессору – отпор!» (1979).

Несколько иная пропагандистская линия выстраивалась в КНР. Здесь в 1967 г. в наглядной агитации появляются первые лозунги борьбы с «советским ревизионизмом» («苏修»), персонализированным карикатурами на высших руководителей СССР – Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина. Порой они вместе с американскими империалистами составляли один ряд внешних врагов и наделялись жесткими, но по-китайски иносказательными характеристиками – «собачьи головы» («狗头») или «бумажные тигры» («纸老虎»)⁹. Несмотря на остроту подобных выпадов, образ нашей страны присутствовал в китайских агитках рубежа 1960–1970-х гг. словно в нескольких измерениях. Связано это с тем, что личность Мао Цзэдуна тиражировалась в качестве не только наиболее передового марксиста, но и продолжателя дела Ленина и Сталина. Например, в плакате «Учение Мао Цзэдуна – вершина современного марксизма-ленинизма» (на кит. яз., 1968) он изображен буквально в одном ряду с Марксом, Энгельсом и советскими вождями. Убежденность как в исключительной правоте маоизма, так и в его преемственности с ленинскими теориями привела к созданию весьма любопытного сюжета под названием «Поживем – увидим! Красное знамя учения Мао Цзэдуна будет развеваться над родиной Ленина!» (на кит. яз., 1967). Его главными действующими лицами были советские рабочие, а сам лозунг будто исходил из их уст, выражая солидарность с китайской точкой зрения на марксизм. Квинтэссенцией таких идеологических воззрений можно считать и плакат «Объединяйтесь во имя будущего, коммунизм обязательно будет претворен в жизнь» (на кит. яз., 1972), собравший воедино образы и героев Октябрьской революции в России, и китайских революционеров прошлого, и современных борцов за коммунистические идеалы. Впрочем, такой интернационализм, относя-

щийся к исторической перспективе, совершенно не мешал выпуску в 1969–1971 гг. множества мобилизационных агиток, изображавших солдат НОАК и их гражданских помощников готовящимися к отражению внешнего нападения. И хотя прямо об этом практически нигде не упоминается, суровый таежный пейзаж этих плакатов говорит о напряженности на границах именно с нашей страной.

Вместе с тем ярко выраженного и постоянно тиражируемого образа врага в лице СССР в китайских плакатных материалах так и не сформировалось. Если даже в них и появлялись карикатурные изображения советских руководителей, то они кажутся весьма редкими на фоне многочисленных обличительных кампаний, порожденных внутрипартийной борьбой и «культурной революцией» в Китае. Это было противоречивое время, когда не столько картина внешнего мира, сколько китайское самосознание подвергалось пересмотру, дошедшему до такой радикальной степени, что даже один из символов нации – Конфуций – смог стать карикатурой¹⁰. В целом 1970–1980-е гг. не привнесли ничего нового в прохладные отношения двух стран. Исчезновение в 1990-е гг. прежней идеологической повестки едва ли их существенно улучшало, так как бесконтрольное наступление рынка в нашей стране в ряде случаев придавало китайскому участию в этом процессе негативный социально-экономический стереотип [14. С. 100–102]. И только с началом XXI в. трансформация международного положения дает новый исторический шанс для поступательного развития сотрудничества.

Завершая анализ опыта взаимного восприятия СССР и КНР и глядя на будущее двусторонних отношений, важно отметить следующее. В 1950-е гг. советской пропаганде действительно удалось убедить население в том, что Китай является дружественной или как минимум союзной страной. Другое дело, что могла различаться оценка самого факта этого союзничества. Судя по письмам во власть, одни советские граждане искренне считали его бесспорным свидетельством морального превосходства коммунистической идеологии в мире и большим преимуществом в глобальном соперничестве с империализмом, а другие рассматривали союзников как нежелательное бремя на фоне нерешенных внутренних проблем.

Из-за отсутствия соответствующих источников личного происхождения труднее реконструировать представления китайского народа о нашей стране. Исследователи, изучающие историю международных отношений, обработав партийные архивы и материалы переговоров, вероятно, подтвердят, что китайцы в целом были благодарны СССР, но постепенно уже с 1950-х гг. руководство Поднебесной начало в чем-то тяготиться ролью ученика и младшего брата. Однако этот процесс разворачивался преимущественно в политических кулуарах, в то время как массовое восприятие дольше и несколько иначе формировалось пропаган-

дой. И обратившись к ней посредством плакатов, можно обнаружить, что в самом конце 1950-х гг. в китайских лозунгах в категории «братство с СССР» все еще использовались иероглифы «兄弟», которые среди прочих вариантов перевода имеют значение «старший и младший брат». Этот отдельно взятый пример, может быть, и не имеет большого концептуального значения. Но он наглядно демонстрирует, как пропагандистские материалы отображают настроение эпохи и как по ним можно уловить момент, когда властям использовать прежние идеологемы и образы было уже нецелесообразно, – точку невозврата в советско-китайских отношениях. Анализ плакатов показал, что такое положение сложилось где-то с 1963–1964 гг., хотя и не без определенных оговорок в связи с реакцией китайской прессы на отставку Хрущева.

Как представляется, парадокс данной пропагандистской кампании был в том, что главный спланировавший

СССР и КНР идейный аргумент – коммунизм как единая конечная цель – не предполагал единства средств ее достижения. А настойчивое желание властей обеих стран глобализировать свое собственное видение коммунистической доктрины в итоге привело к негативным результатам, несмотря на усилия по формированию положительного образа в массах. Что касается нынешней ситуации, то после нескольких десятилетий охлаждения этот образ создается, по сути, заново, в том числе благодаря налаживанию культурных связей. А внимание к сильной национальной культуре – это главный противовес современной глобализации, принуждающей к единству мнений вопреки воле и ухудшающей подлинно дружественные отношения. Ведь именно на почве борьбы за право на собственную точку зрения против стандартов, навязываемых извне, происходит сейчас политическое сближение России и Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Международный юношеский день.

² См., напр.: Г. Клуцис «Да здравствует мировой Октябрь!» (1933).

³ См., напр.: Н. Терещенко «Наш опыт – помощь друзьям» (1953); Е. Соловьев «Нашу дружбу крепим не словами, а делами!» (1956); М. Соловьев «Наша дружба крепка как сталь!» (1958).

⁴ Подписан в Москве 14 февраля 1950 г.

⁵ См., напр.: Лян Юйлун «Мы вместе противостоям агрессии, защищаем Дальний Восток и весь мир!» (на кит. яз., 1951); неизвестный автор «Да здравствует дружба между народами и армиями Китая и Советского Союза» (1955).

⁶ Интервью с Юрием Васильевичем Купертом. Томск. Февраль 2014 г. // Личный архив автора. Юрий Васильевич Куперт (род. 1931) – историк, профессор Томского государственного университета. В начале 1960-х гг. – аспирант и старший преподаватель историко-филологического факультета ТГУ.

⁷ Интервью с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым. Томск. Сентябрь 2013 г. // Личный архив автора. Михаил Сергеевич Кузнецов (1922–2015) – историк, профессор Томского государственного университета. В начале 1960-х гг. – доцент, преподаватель историко-филологического факультета ТГУ.

⁸ Интервью с Савелием Вольфовичем Вольфсоном. Томск. Ноябрь 2015 г. // Личный архив автора. Савелий Вольфович Вольфсон (род. 1931) – историк, доцент Томского государственного университета. В 1966 г. – ассистент кафедры историко-филологического факультета ТГУ.

⁹ См., напр.: «Долой советский ревизионизм! Разобьем собачью голову Брежнева! Разобьем собачью голову Косыгина!» (на кит. яз., 1967); «Все реакционеры – бумажные тигры! Истребим всех завоевателей!» (на кит. яз., 1969).

¹⁰ Ся Чжигао «Критикуй Линь Бяо и Конфуция, посвяти себя сельскому хозяйству во имя революции» (на кит. яз., 1974).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мо Янь. Конфуций каким я его представляю // Институт Конфуция: (русско-китайское издание). 2014. № 1. С. 34–38.
2. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
3. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. М.: Мысль, 1972. 476 с.
4. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М.: Искусство, 1962. 444 с.
5. Переговоры Н.С.Хрущёва с Мао Цзэдуном 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 100–128.
6. Правда. 1962.
7. Правда. 1963.
8. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М.: Варгиус, 2001. 400 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1354.
10. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1631.
11. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1614.
12. Пыжиков А.В. Хрущевская «Оттепель» 1953–1964 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 509 с.
13. ГАРФ. Ф. Р 4459. Оп. 43. Д. 3616.
14. Ларин В.Л. Посланцы поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 76–112.

Fedosov Egor A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: karamba243@yandex.ru

«FORWARD TO THE GREAT AIM!»: THE IMAGE OF THE USSR AND CHINA IN PROPAGANDA POSTERS OF 1940–1960S.

Key words: USSR; PRC; international relations; propaganda; posters; image of the Other.

In the last century China began to play an important role in the Russian foreign policy and recently in domestic as well. This situation provides the favor for increasing of the interest in the Celestial, including the historical background. The aim of the article is to discover the specifics of the mutual perception of the USSR and PRC in 1940-1960s. The period is notable because of some reasons. Firstly, chronically it coincided in time of the formation of the present Chinese state, in which considerable role was played by the Soviet participation. Secondly, the development of the relations excelled by intensive dynamism, including obvious moral rise, highly dramatic fall and crisis as well, so all the events during that era should be considered as a historical lesson. It is reasonable to analyze the images of the USSR and China in several dimensions. On the one hand, in the framework of the official point of view, considered on the basis of Russian and Chinese visual propaganda and, partly, press. On the other hand, by the opinions of contemporaries, reflecting in the personal sources: letters and memoirs. The analysis of the propaganda posters has shown, since 1950s the mutual perception of the USSR and China was formed against the background of calls to go to the victory of Communism together, constructing military or labor cooperation. In the both countries subjects became classical, in which the central role was played by a two male or female images, personalizing the unity of the nations, state symbolic and slogans, written in Russian and in Chinese at the same time. Similar materials were actual approximately until 1962 and were stopped publishing by the influence of the ideological split. According to the personal sources at the turn of 1950-1960s Soviet people indeed perceived China as a friendly or an allied country. Nevertheless the account of the alliance differed: some of the citizens believed it as the undisputable evidence of moral superiority of the Communist ideology and the great advantage in the global rivalry against imperialism, but others considered allies as an undesirable burden against the background of the unsolved internal problems. In general the paradox of the actual propagandistic campaign was: the main rallying the USSR and PRC committed argument – Communism, as a single final aim, did not imply the solidarity of the means of achievement. But the both countries' persistent desire to globalize their own view of the Communist doctrine in total led to the negative results, despite the efforts to form the positive image among the masses.

REFERENCES

1. Mo Yan. (2014) Konfutsiy kakim ya ego predstavlyayu [Confucius as I imagine him]. *Institut Konfutsiya (russko-kitayskoe izdanie)*. 1. pp. 34–38.
2. Gadzhiev, K.S. (2011) Natsional'naya identichnost': kontseptual'nyy aspekt [National identity: a conceptual aspect]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 3–16.
3. Borisov, O.B. & Koloskov, B.T. (1972) *Sovetsko-kitayskie otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. Moscow: Mysl'.
4. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [Soviet Political Poster]. Moscow: Iskusstvo.
5. Anon. (2001) Peregovory N.S.Khrushcheva s Mao Tszedunom 31 iyulya – 3 avgusta 1958 g. i 2 oktyabrya 1959 g. [N.S. Khrushchev's negotiations with Mao Zedong, July 31 – August 3, 1958 and October 2, 1959]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 1. pp. 100–128.
6. *Pravda*. (1962)
7. *Pravda*. (1963)
8. Shepilov, D.T. (2001) *Neprimknuvshiy* [Unidentified]. Moscow: Vargius.
9. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1354.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1631.
11. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1614.
12. Pyzhikov, A.V. (2002) *Khrushchevskaya "Ottepel'" 1953–1964 gg.* [Khrushchev's Thaw of 1953–1964]. Moscow: OLMA-PRESS.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R 4459. List 43. File 3616.
14. Larin, V.L. (2001) Poslantsy podnebesnoy na Dal'nem Vostoke: otvet alarmistam [Envoys of the Heavenly Empire in the Far East: a response to alarmists]. *Diaspory*. 2–3. pp. 76–112.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/48/23

В.П. Бойко

РЕЦЕНЗИЯ: Румянцев П.П. Служебный персонал золотопромышленных предприятий Сибири в XIX – начале XX в. / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. 308 с.

Одним из главных обстоятельств успеха в тех или делах является не только правильный стратегический замысел, но и дисциплина, выучка и организованность простых исполнителей. Подтверждение этого тезиса можно найти в армии: талант и даже гений военачальников, храбрость и стойкость солдат должны быть подкреплены профессионализмом унтер-офицеров (сержантов) и младших офицеров, которые из разных по возрасту, образованию, социальному статусу призывников готовят солдатскую массу, способную или не способную выполнять замыслы командования. Одной из главных причин поражения Временного правительства в 1917 г. стал знаменитый Приказ № 1 по российской армии, который отменил воинские звания и военную субординацию, превративший части и подразделения в собрания граждан, одетых в солдатскую и офицерскую форму без погон, номинально управляемые солдатскими комитетами, что привело затем к военным и политическим поражениям, всеобщему хаосу и национальной трагедии.

Вопросу об управленческом аппарате одной из важных отраслей российской экономики в XIX – начале XX в. и посвящена данная рецензия. Теме сибирской золотопромышленности посвящены десятки, если не сотни работ, и подавляющее большинство из них П.П. Румянцев детально изучил. Мало того, он выделил в истории отрасли малоизученную тему о роли управленческого персонала в эффективной работе золотопромышленных предприятий и успешно с ней справился. Во введении автор рецензируемой монографии детально характеризует дореволюционную, советскую и современную литературу по избранной теме и приходит к выводу, что в историографии проблемы наблюдается эволюция от «исключительно отрицательной оценки служебному персоналу золотопромышленных предприятий» (С. 23) к более взвешенной и объективной оценке этой социальной группы, которая требует дальнейшего уточнения. В качестве основного инструмента дальнейшего расширения знаний по этой теме предлагается использовать комплекс источников, как уже известных исследователям, так и малоизвестных или неизвестных, введенных в научный оборот автором монографии из периодической печати, источников личного происхождения и архивов.

В первом разделе монографии рассматривается краткая история сибирской золотопромышленности в динамике ее развития сначала в области законодательства, а затем и в сфере реального производства. Одним из стимулов роста объемов добычи золота в Сибири было внедрение новых форм организации производства и новой техники, сначала завозимой из Австралии и Новой Зеландии, а затем производимой на Урале и на Путиловском заводе в Петербурге. Эту задачу выполняли, как правило, грамотные управляющие крупных фирм и привлекаемые ими талантливые инженеры. Стоило это, конечно, дорого, но кто не жалел средств, как, например, известный в стране золотопромышленник В.И. Базилевский, тот получал иногда фантастические результаты – 12 золотников золота (ок. 50 г) на 100 пуд. (1 640 кг) промытого золотоносного песка (С. 36). Отказ от модернизации производства зачастую приводил не только к уменьшению добычи золота, но и к социальным взрывам. Ленский расстрел протестующих рабочих в 1912 г. произошел как раз из-за смены управляющего крупнейшего предприятия отрасли «Лензолото», введившего эффективные методы добычи, на другого директора, который был приверженцем старой потогонной системы, ужесточения полицейского режима на предприятии и притеснения рабочих. События 1912 г., приведшие к массовому расстрелу рабочих, заставили правление компании пересмотреть стратегию развития и отказаться от устаревших и ненадежных методов добычи золота (С. 44–45).

Благодаря внедрению новой сложной техники постепенно изменялся и состав управленцев золотопромышленных компаний, так как вместо прежней, исключительно надзорной, функции необходимо было выполнять и определенную роль во внедрении и освоении научно-технических достижений (паровые двигатели, механическое бурение и гидромониторы, электричество и пневматика, драги и дробилки и др.), которые были необходимы для успешного производства. Другое дело, что консервативный путь добычи драгметаллов был популярен среди золотопромышленников, которые нередко совмещали фабрики по добыче золота (драги) с примитивным «золотничным» промыслом. Тем не менее путь от «винных» приказчиков, первых управленцев на золотых приисках, принадлежавших

винным откупщикам, до технически грамотных и профессионально подготовленных служащих, вышедших преимущественно из приисковых рабочих, был пройден. Приятным сюрпризом для рецензента стал раздел о социально-психологическом облике служебного персонала на сибирских золотых приисках и яркая характеристика его с помощью, прежде всего, источников личного происхождения (С. 88–122).

Во второй главе монографии рассматривается социально-правовое положение служащих на золотых промыслах Сибири, функции служебного персонала на приисках и при транспортировке золота в золотосплавочные конторы и вознаграждение (зарплата), которое они получали за свой труд. Привлеченный автором материал позволил объективно и всесторонне осветить поставленные в книге проблемы и наметить перспективы их дальнейшего изучения. Весьма ценными являются выводы, сделанные на основе анализа ситуации в отрасли. Отмечается не только количественный рост служащих на золотых приисках Сибири, но и качественные их изменения: появление технически образованных кадров служащих, специалистов новых направлений, например механиков и техников, а также ответственности в этой привилегированной, по сравнению с рабочими, социальной группы. Остается подсчитать долю таких служащих среди всего персонала и, может быть, проследить их судьбу в советское время. Драгметаллы нужны были всегда, особенно в период индустриализации и Великой Отечественной войны, поэтому опыт квалифицированных специалистов в этой области был, скорее всего, востребован. Так ли это было на самом деле, предстоит выяснить П.П. Румянцеву в своих будущих исследованиях.

Рецензируемая монография снабжена списком использованной литературы, который включает в себя редкие издания, указывающие на кропотливую работу автора в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга, так как именно в Российской национальной библиотеке можно найти такие редкие издания, как, например, книга Н.К. Баженова, изданная в Казани в 1846 г., статьи П.Д. Баллада, И.Х. Ангермана, Е. Боллена и многих других авторов. В фондах этой библиотеки автор рецензии провел немало времени и сделал там много микрооткрытий не только по своей теме исследования.

Книга П.П. Румянцева снабжена кратким, но емким по содержанию приложением, содержащим образцы контрактов со служащими золотых промыслов Западной Сибири с середины XIX до начала XX в., где определялись обязанности сторон, размеры жалованья, ответственность за нарушение договора и т.д. При цитировании сохранились стиль и орфография документов, что повышает их ценность и передает колорит эпохи. Статистическая информация о служебном персонале и его экономическом положении сведены в 20 оригинальных таблиц и дают дополнительные сведения о положении служащих, их численности, составе, обязанностях и облике. Думается, что книга П.П. Румянцева является первой, но далеко не последней в его творчестве, так как он показал задатки серьезного и увлеченного своей темой исследователя, обладающего обширной информационной базой по истории Сибири и даром легкого и литературного изложения сложного и противоречивого материала. Отметим и высокое качество издания этой книги, хотя, судя по всему, без участия спонсоров тут не обошлось, и об этом следовало бы упомянуть.

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru

REVIEW: RUMYANCEV P.P. THE STAFF OF THE GOLD-MINING ENTERPRISES OF SIBERIA IN THE XIX – EARLY XX CENTURY. TOMSK : TSU PUBLISHING HOUSE, 2016. 308 p.

УДК 94(410) «1945-1964»

DOI: 10.17223/19988613/48/24

С.В. Фоменко

РЕЦЕНЗИЯ: Е.В. Хахалкина. Между Европой и империей: политика Великобритании в отношении европейской интеграции и деколонизации. 1945–1964 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 334 с.

При обилии работ на самых разных языках мира о внешней политике Великобритании первых послевоенных десятилетий, казалось бы, нет ни малейшего шанса сказать о ней что-либо новое. Но Е.В. Хахалкина смогла найти собственный, неординарный подход к анализу достаточно известного исторического материала, рассмотрев его в плоскости реализации государственных интересов державы, только что вышедшей из Второй мировой войны. Хотя автор и не оперирует широко термином «интерес», ее исследование свидетельствует: несмотря на то, что национальный интерес невозможно определить с исчерпывающей точностью, осмысление политической практики современного государства без использования данного понятия просто невозможно.

По-прежнему воспринимая «роль своей страны как глобальной державы» (С. 63), пишет Е.В. Хахалкина, члены британских правительств старались решать главную проблему послевоенного времени – «сокращение расходов и обязательств – таким образом, чтобы “международная уверенность” в “политическом будущем” Великобритании “как державы с мировым влиянием и интересами” не была поколеблена» (С. 255, 119). Тон во многом задавал лидер консерваторов У. Черчилль, игравший в период своего премьерства в 1940–1945, а затем в 1951–1955 гг. видную роль в определении внешней политики страны. Знаменитая черчиллевская речь «Трагедия Европы» сентября 1946 г. в Цюрихском университете демонстрировала наряду с прочим «стремление британской дипломатии, как и прежде, действовать ... в интересах сохранения глобальной роли Британии» (С. 25).

В монографии подчёркивается: именно в силу этой естественной и отнюдь не амбициозной для Англии цели внешняя политика её правительств после 1945 г., возможно, в большей степени, нежели когда-либо, носила двухпартийный характер. Из-за экономических трудностей страны, вынесшей тяжесть шестилетней войны, и благодаря усилиям тори-реформаторов пришедшие к власти лейбористы во многом следовали внешнеполитическому курсу, намеченному в конце войны Черчиллем, а консерваторы после 1951 г., в свою очередь, чаще всего продолжали политику лейбористов (С. 67). Сказанное относится и к двум важнейшим направлениям британской внешней политики – имперско-колониальному и европейскому, которые, показывает Е.В. Хахалкина, в рассматриваемый период оказались необычайно тесно взаимосвязаны и взаимно обусловлены.

Европейцы давно уже вынашивали идею создания Соединённых Штатов Европы. После 1945 г. тесная региональная интеграция в самых разных областях стала для многих европейских стран чуть ли не единственным средством преодоления экономической разрухи и сохранения хоть какого-нибудь влияния в мире. Автор монографии не может согласиться с встречающейся точкой зрения, согласно которой Британия слабо интересовалась интеграционными процессами в Европе «и не спешила принимать в них участие» (С. 63). Проведённый с опорой на огромное количество фактов анализ подводит к однозначному выводу: англичане внесли огромный вклад в *военно-политическое* сплочение Западной Европы по своему и североамериканскому проекту. Не желая, например, «жертвовать суверенитетом в военной сфере» (С. 43), они помогли похоронить идею Европейской армии, побуждая европейцев сконцентрироваться на «сплочённости через НАТО или возрождённый ЗЕС (Западноевропейский союз)» (С. 193). Но что касается вклада Британии в процесс европейской *экономической* интеграции, её целей и достижений в этой сфере, то их оценить, по-видимому, не так-то просто.

Ясно лишь одно: с самого начала англичане противопоставили преобладающей на континенте «федералистской философии» интеграции идею объединения «по типу конфедерации, наподобие ОЕЭС (Организации европейского экономического сотрудничества) и Совета Европы» (С. 211). Сформулированное таким образом положение автора, возможно, не очень удачно. Более точно широко используемое в работе противопоставление межправительственной (британской) и наднациональной моделей интеграции, выражавшееся в экономической области в том, что континентальные страны стремились к образованию таможенного союза и общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а Великобритания мечтала ограничиться лишь созданием зоны свободной торговли (С. 222). Она не желала жертвовать национальным суверенитетом и боялась «ущемления (своих) торговых и политических связей» с империей и Содружеством (С. 224).

В монографии немало фактов о том, какое значение (в качестве сфер приложения капитала, рынков сбыта, источников сырья, средств контроля над стратегически важными зонами мира) имели для Великобритании её имперские владения, существовавшее в 1931–1947 гг. Британское содружество (объединение метрополии и

бывших доминионов), а затем созданное на его основе «новое» Содружество независимых государств, возникших на территории бывшей империи. Но, вероятно, стоило чётче проговорить, что, помимо всего прочего, Британское содружество являлось финансово-экономической группировкой, чью систему предпочтительных таможенных тарифов и стерлинговое обращение первоначально унаследовало и «новое» Содружество. В 1960 г. треть британского импорта и 40% экспорта всё ещё приходились на Содружество, а это в 3 раза превышало британский экспорт в страны Европейского экономического сообщества – ЕЭС (С. 262–263).

Как следствие, через всю свою работу проводит мысль Е.В. Хахалкина, по крайней мере, до конца 1950-х гг., несмотря на географическую близость континентальной Европы, приоритетной для британских правительств оставалась политика в отношении Содружества и колоний, а не «участие страны в европейской интеграции» (С. 79): «Колониальная империя и Содружество представлялись оплотом британских позиций в мире, а европейские дела вызывали интерес главным образом с точки зрения вопросов безопасности» (С. 68), решаемых «с учётом не столько возможности германской, сколько советской угрозы» (С. 36).

В 1952 г. английское правительство отвергло идею «установления тесного экономического союза Западной Европы и стерлинговой зоны Содружества», опасаясь, «что предлагаемый союз может “разрушить единство”, а излишнее давление на страны организации вызовет обратный <...> эффект и приведёт их в “объятия Соединённых Штатов”» (С. 72). В 1954 г. британский кабинет отклонил предложение соглашения с Европейской организацией угля и стали (ЕОУС), посчитав, что результатом его «станет потеря странами Содружества своих преференций на экспорт стали в Британию и рынки империи» (С. 86, 90). Шедшие в 1957–1958 гг. по инициативе Совета ОЕЭС переговоры о создании в Европе зоны свободной торговли также свидетельствовали о стремлении Британии «скорее избежать ослабления отношений со странами Содружества, чем развивать связи с Европой» (С. 178) и т.д. Как следствие, в государствах Содружества оказалась проживающей 1/4 населения Земли – столько же, сколько и в империи в период её расцвета.

В монографии тщательно воссоздан механизм удержания бывших колоний в орбите британского влияния и их «улавливания» Содружеством с помощью разных средств (С. 272–274), включая иммиграционную политику, обоснованно рассматриваемую в качестве неотъемлемой части имперско-колониального курса.

Проводимая после окончания войны политика «открытых дверей» в отношении выходцев из империи и Содружества, обнаружила Е.В. Хахалкина, объяснялась отнюдь не возникшей нехваткой в Британии рабочих рук (С. 55, 169) или стремлением увеличить «демографическую мощь» страны. В Лондоне надеялись, что эта политика станет «средством укрепления отношений с

Содружеством и остававшимися в составе империи колониями» (С. 52). Взятый фактически уже в 1949 г., а окончательно в 1954 г. курс на ограничение «цветной» иммиграции проводился так, чтобы избежать обвинений в «предательстве идеала свободного передвижения в мультикультурном Содружестве» и не нанести ущерба «воспитанию» будущих элит самостоятельных государств (С. 59, 62, 154).

Но главным «политическим оружием» «привязки» бывших колоний к Британии (С. 280) стала «политика развития», примером которой может считаться уникальный «арахисовый проект» 1949 г., нацеленный и на ликвидацию дефицита жиров в самой Великобритании, и на подъём сельского хозяйства в подопечной ООН Танганьике.

Суэцкий кризис 1956 г., свидетельствовавший, по выражению Е.В. Хахалкиной, о конце биполярного мира и «обоснованности претензий стран Третьего мира на осуществление самостоятельной политики на международной арене» (С. 152), явился важнейшей вехой в истории неокOLONIALИЗМА. Так, хотя британские правящие круги, по-видимому, уже к 1945 г. примирились с мыслью о неизбежности «отпуска» на свободу *основных* колоний, до конца 1950-х гг. они «предпочитали говорить о готовности отдельных стран к самоуправлению, но не к независимости» (С. 253). Теперь же термин «колония» практически вышел из употребления и, чтобы ослабить критику в свой адрес, в том числе и в ООН, метрополия стала оглашать сроки предоставления независимости зависимым от неё территориям (С. 291).

Складывается, однако, впечатление, что Суэцкий кризис 1956 г., именуемый в монографии традиционно «переломным» и «рубежным» моментом британской внешней политики (С. 117, 153), считается таковым прежде всего потому, что он побудил Британию к определённой переориентации на Европу. (Речь идёт именно об определённой переориентации. Автор понимает, что Великобритания по-прежнему стояла, по выражению У. Черчилля, на пересечении трёх кругов: Содружества, Европы и Америки. Сравнительная важность этих кругов могла меняться, но все три сохраняли для страны огромное значение.)

Начавшаяся вскоре работа по созданию Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и деятельность по «растворению» ЕЭС «в более широком объединении, построенном на межправительственной основе» (С. 174), казалось бы, подтверждают этот вывод. Но тезис, согласно которому после 1956 г. Британия постаралась «найти себя в роли ведущей *региональной* державы» (С. 154), очень спорен. (Не следует забывать, что ставший в 1957 г. премьером Г. Макмиллан как-то открыто назвал вступление в Европейские сообщества событием для Британии всего лишь «регионального масштаба».)

По поводу того, что уже в 1961 г. английское правительство подало просьбу о приёме в ЕЭС, в литературе можно прочесть: «Британское руководство спе-

шило успеть заскочить в уходящий поезд», движимое боязнью превращения страны «в маленький остров на периферии Европы». Автор монографии не разделяет этого мнения, игнорирующего тот факт, что сама Европа является фактически лишь одним из полуостровов Евразии. Не солидаризируется Е.В. Хахалкина и с теми, кто считает, что, не разглядев в своё время перспектив ЕОУС, Великобритания «потеряла шанс на лидерство в Европе» (С. 40). Тем не менее она полагает, что «на том этапе европейской интеграции Соединённое Королевство упустило свой шанс повлиять на конструкцию складывающейся “единой Европы”» (С. 100).

На мой взгляд, оставшись за пределами Европейских сообществ, Британия – конечно, не одна, а вместе с США – оказала всё же немалое воздействие на характер евроинтеграции не только в военно-политической, но и в экономической сфере. Чтобы осознать это, стоит внимательнее присмотреться к причинам того, почему всего через полтора года после образования в противовес Общему рынку ЕАСТ английская элита заговорила о необходимости вступления в ЕЭС.

В монографии внимание сосредоточено на политических причинах решения 1961 г.: потерпели крах надежды, что ЕЭС постигнет та же участь, что и Европейское оборонительное сообщество (С. 215); сказалась боязнь ослабления «западной системы безопасности» (С. 182); считалось, что переориентация Британии на участие в европейской интеграции укрепит «особые» англо-американские отношения и одновременно предотвратит превращение «взаимозависимости» с США в зависимость от них (С. 192). Из причин вступления Великобритании в ЕЭС отмечены также возрастание в британском импорте объёма «сельскохозяйственной продукции и сырья из стран Западной Европы», надежды англичан на то, что членство в ЕЭС увеличит их способность «обеспечивать капитал для развития Содружества» (С. 225), «ослабление системы преференций из-за стремления наиболее развитых государств-членов Содружества развивать свою собственную промышленность и торговые отношения с другими странами» (С. 177) и т.д. Но ряд причин экономического порядка, подталкивавших Британию к ЕЭС, оказались либо проигнорированы, либо упомянуты «мимоходом».

В 1947 г., например, 10 членов Содружества вместе с 13 развитыми государствами мира подписали Генеральное соглашение о тарифах и торговле, намечавшее снижение таможенных тарифов более чем на 60 тыс. товаров. Как следствие, в британском импорте и экспорте в страны Содружества доля преференциальных товаров стала неизбежно сокращаться, а средний уровень преференциальных скидок – уменьшаться. Но в

монографии не встретить данных об этом факте, повышавшем заинтересованность Британии в ЕЭС. Хотелось бы также услышать, в какой степени решение Британии начать переговоры о её вступлении в ЕЭС было связано с обязательством стран-участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) снижать барьеры на пути движения капиталов и торговли товарами, а также услугами. Автор ограничился лишь упоминанием факта подписания в декабре 1960 г. 18 странами Европы, США и Канадой соглашения о создании на базе европейской ОЕЭС всемирной ОЭСР (С. 221).

Отталкиваясь от материалов рецензируемой монографии, можно предположить: глубже других европейских стран вовлечённая в мирохозяйственные связи, с экономической мощью, покоящейся уже не на торговле или промышленности, а в основном на финансах, Великобритания (вместе, конечно, с США) всё сильнее втягивала и страны ЕЭС, и страны Содружества в единое «глобализующееся» экономическое пространство. В этих условиях членство в ЕЭС, лишённом жёсткого протекционизма и двигавшемся в направлении свободной торговли, уже перестало противоречить её *государственным интересам*.

Начав переговоры с ЕЭС, английская правящая элита не сомневалась в приёме в него своей страны. И когда Британия в 1973 г. наконец-то вступила в «единую Европу», это произошло во многом на ее собственных условиях, возможность которых создала «глобальная роль» страны в мире, сохранившаяся как благодаря «особым отношениям» с США, так и благодаря не утраченным связям с Содружеством.

Возможно, в будущем Е.В.Хахалкина обратится к анализу именно этого аспекта взаимоотношений Британии с континентальной Европой, что в условиях недавнего Брекзита не может не быть актуальным. Главное же, хочется надеяться, что она ещё не раз порадует нас своими работами, базирующимися во многом на использовании разнообразного рода разработок чиновников британских внешнеполитических ведомств и правительственных экспертов. Известно: в Британии конкретный правительственный курс определяют во многом не политики, не меняющиеся через год-другой (в силу традиционной практики ротации) министры, а именно несменяемые чиновники, в числе которых в рассматриваемое в монографии время оказался даже Исайя Берлин. Широкое привлечение в качестве источников не только привычных официальных документов и мемуаров, но и разного рода документов, рождённых в недрах британской Государственной службы, придаёт данной монографии особую убедительность и ценность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОЙКО Владимир Петрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vpbojko@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Артем Викторович, кандидат исторических наук, заведующий отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: art@lib.tsu.ru

ВОРОШИЛОВА Анна Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: Annet1010552@mail.ru

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Марина Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: m.voskresenskaya@spbu.ru; marina3010@ngs.ru

ДАНИЛЕВСКИЙ Игорь Николаевич, доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: viddanin@mail.ru

ДУГАРОВ Владимир Доржиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: ngsav@mail.ru

ДУТЧАК Елена Ерофеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dee010@mail.ru

ЖЕРАВИНА Ольга Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: ozheravina@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КАЗАНЦЕВА Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: ngsav@mail.ru

КЕРОВ Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: vkеров@gmail.com

КИТАНИНА Тансия Михайловна, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный работник высшей школы, академик Петровской академии наук и искусств. E-mail: lar1211@mail.ru

КОЗЛОВА Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до начала XIX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: kozlova.n.v.i@gmail.com

КОЛОСОВА Галина Иосифовна, главный библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: ork_2003@mail.ru

КОМИССАРЕНКО Аркадий Иванович, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Москва). E-mail: arkadiy109@rambler.ru

КОСЫХ Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: history@tsuab.ru

КУХАРЕНКО Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, директор интернет-агентства «Куко Компани» (г. Барнаул). E-mail: lexx-1984@mail.ru

МАУЛЬ Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (филиал в г. Нижневартовске). E-mail: VYMaul@mail.ru

ПЕРЕТЯТКО Артем Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории военных исследований АНО «Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований» (г. Сочи). E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

СЕРБИНА Галина Николаевна, заведующая отделом обслуживания Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: serbina@lib.tsu.ru

СКУБНЕВСКИЙ Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: koi@hist.asu.ru

СОБОЛЕВА Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: tansoboleva@mail.ru

ТОМИЛОВ Николай Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

УСКОВ Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения РАН (г. Кемерово). E-mail: Yskov74@gmail.com

ФЕДОСОВ Егор Андреевич, аспирант кафедры современной отечественной истории исторического факультета, младший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yandex.ru

ФОМЕНКО Светлана Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: fomenk@gmail.com

ЧЕРКАСОВА Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета. E-mail: mscherkasova@mail.ru

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: totleben@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2017 № 48

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Подписано к печати 15.08.2017 г. Формат 60х84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 17,6. Тираж 68 экз. Заказ № 2711. Цена свободная.

Дата выхода в свет 07.09.2017 г.

Редактор – Е.Г. Шумская

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь – П.П. Румянцев
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru